ЛАЧИН

РАФ, И ОСОБЕННО УЛЬРИКА МАЙНХОФ

Ульрика Майнхоф на плакате

памяти Ингрид Шуберт

вторая редакция

Оглавление

Предисловие ко второму варианту 3
Предисловие 6
Главные действующие лица 8
Прелюдия к хронике (1948-1969) 34
Хроника (1970-1998) 120
Постлюдия к хронике. Репрессированные антифашисты на фоне здравствующих фашистов (1987-2018) 443
Резюме 511
О профессионализме РАФ 513
Об отсутствии пацифистов 520
Характер клеветы на РАФ 525
Юмористическая главка с грустной начинкой 544
Причины особой ненависти к РАФ 548
Уроки и достижения РАФ 564
Эпилог 588
Постскриптум 592

Кто не берётся за оружие – тот умирает. Кто не умирает – того погребают заживо: в тюрьмах, бездушных каменных стенах новых домов, детских садах и переполненных школах, в новеньких, с иголочки, прекрасно обставленных кухнях, бесчисленных спальнях дворцов…

Ульрика Майнхоф

Фашистов убивать хорошо, морально, полезно.

Александр Тарасов

Когда я думаю обо всех этих событиях, всё это кажется мне специально придуманной легендой, поэмой, литература переплетается с жизнью, смерть – с типографскими гранками, настоящее – с прошлым и будущим, причём будущее – это мы, сегодняшние…

2013 г.

http://colonelcassad.livejournal.com/1248300.html

Предисловие ко второму варианту

О РАФ, и особенно Ульрике Майнхоф, я собирался написать статью примерно в 7 000 слов. Не вышло – велика тема, а вышло ок. 48 000 слов, опубликованных в электронном журнале «Новая литература». Заодно в ходе работы выяснилось, что тема не просто велика, а грандиозна, это не роман, а эпос. В художественной литературе объятие темы потребует не «Братьев Карамазовых», а «Ругон-Маккаров» или даже «Человеческой комедии». Словами Варлама Шаламова о сталинских лагерях, для полного разбора темы

понадобятся «два Достоевских или три Льва Толстых». Потому работа продолжилась, поначалу непроизвольно, как сбор новой информации. Словами из романа Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит», настольной книги одного из командиров РАФ Гудрун Энслин, «Есть такие предметы, разобраться в которых можно, лишь принявшись за дело с методической беспорядочностью» (глава LXXXII, «Честь и слава китобоя»).

Второй вариант больше первого в 2,2 раза. Устранены многие десятки неточностей. Аналитическая часть сильно переработана. Количество иллюстраций почти удвоено – их было 105-110, стало почти 200. Большинства из них в Рунете раньше не было.

Процитированные источники обнародованы в русском и немецком Интернете. Простейший способ их найти на немецком: в конце статей немецкой википедии на тему РАФ даны ссылки – на интервью, статьи, монографии, отчёты медкомиссий, судебные протоколы, полицейские рапорты. Желающим уличить во лжи: «я готов пятьдесят раз подряд метать с вами копья и берусь каждым копьём выбивать вас из седла, проломив ваш боевой шлем» («Моби Дик», XXIV, «В защиту»).

О затраченном времени, при всей преданности художественной литературе, жалеть не приходится. Ибо, заменив «китобойный промысел» на «левая герилья» (герилья – партизанская война, исп.), скажу словами из «Моби Дика»: «Чем глубже погружаюсь я в изучение китобойного промысла, проникая в своих исследованиях к самым его истокам, тем сильнее поражают меня его слава и древность. Когда же я обнаруживаю, что столь многое количество полубогов, героев и всевозможных пророков так или иначе содействовали его возвеличению, меня пронизывает гордое сознание того, что и сам я, хоть и на весьма незначительных ролях, всё же принадлежу к этому славному братству» (LXXXII, «Честь и слава китобоя»).

«Что же до меня самого, то, если во мне ещё есть что-то, доселе скрытое, но важное и хорошее; если я когда-либо ещё заслужу истинное признание в этом тесном, но довольно загадочном мире, которым, быть может, не так уж напрасно горжусь; если в будущем я ещё совершу что-нибудь, что, в общем-то, скорее следует сделать, чем оставить несделанным; если после моей смерти душеприказчики или, что правдоподобнее, кредиторы обнаружат в моём столе ценные рукописи, – всю честь и славу я здесь заранее припишу китобойному промыслу, ибо китобойное судно было моими Йельским колледжем и Гарвардским университетом» («Моби Дик», XXIV, «В защиту»).

Что до меня: если во мне есть нечто скрытое, но важное и хорошее; если я заслужу признание в этом тесном, но загадочном мире; если совершу нечто, что скорее следует сделать, нежели забросить; если после моей смерти кредиторы обнаружат в моём столе ценные рукописи, – всю честь и славу надлежит приписать левой герилье, ибо её история стала моим университетом.

В работе над книгой помогли (в алфавитном порядке) Згонников Пётр Тимофеевич, Синичкин Евгений Эдуардович (авторы «Новой литературы») и Тарасов Александр Николаевич. Згонников сделал десятки замечаний, часть коих учтена, и, как психиатр по образованию, выправил ошибку, когда я позорным образом перепутал двух немецких психиатров. Синичкин сделал ок. 300 пространных замечаний (многие учтены). Тарасов, нашедший многие десятки ошибок ещё в 1 редакции книги и указавший на массу источников информации (1 редакция фактически написана под его руководством), взял на себя труд трижды прочесть 2 редакцию, в результате чего нашёл ок. 40 неточностей. (Ряд сведений приведён из статей Тарасова в форме почти дословных цитат, незакавыченных – с его согласия.)

Надобно, однако, признаться:

«...всякое дело рук человеческих, объявленное законченным, тем самым уже является делом гиблым.

Ибо мелкие сооружения доводит до конца начавший архитектор, истинно же великие постройки всегда оставляют ключевой камень потомству! Вся эта книга – не более как проект, вернее, даже набросок проекта» («Моби Дик», XXXII, «Цетология»).

Предисловие

История РАФ (Rote Armee Fraction, Роте Армее Фракцион, Фракции Красной армии), действовавшей в 1971-1998 гг., признана Западом самой мрачной и запутанной страницей истории послевоенной Европы. Мрачной – можно оспорить, или добавить «героической», «романтической», «легендарной», но что запутанной – бесспорно.

О РАФ повествуют тысячи статей, монографий и художественных произведений суммарным тиражом в миллионы экземпляров, ок. 40 художественных и документальных фильмов, о каждом её руководителе – ряд книг. 95% этого написано и снято жульём и невеждами. Александр Тарасов писал как-то о самой, на его взгляд, грубой ошибке пишущих о РАФ по-русски – один из них перепутал пол детей Майнхоф, приняв дочерей за сыновей. Назову ещё ошибку такого рода – в одной из статей Фредерик Краббе, брат Ханны-Элизы, превратился в её сестру, Фредерик*у* (так среди рафовцев появился свой поручик Киже – Фредерика Краббе). Но встретил я и худшее – один из авторов принял двух видных рафовцев, Баадера и Энслин, за одного человека, смешав воедино их биографии, и это при том, что они разного пола (только вот не помню, в образе мужчины он их «слил воедино», или женщины).

Не лучше обстоит дело и с фотографиями. Под видом портрета какого-либо рафовца выставляются фотографии актёров, сыгравших их в кино, без

пояснений (особенно с этим не повезло Энслин). Одна из фотографий Астрид Проль часто выдаётся за портрет Майнхоф. Снова вспоминаются Ханна-Элиза и Фредерик – одна из фотографий Ханны-Элизы подписана «Фредерик*а* Краббе».

В Германии РАФ знают несравненно лучше, но именно в ФРГ – и США с Израилем – о них опаснее всего писать правду, и именно в них рафовцы оклеветаны более всего (в этих государствах РАФ продолжает считаться преступной организацией). Причины этого и приёмы очернителей будут разобраны ниже.

Попытаемся выяснить:

1. Откуда на Западе 1970-1990-х взялись красноармейцы?
2. За что их «сажали», сводили с ума и убивали на Западе, а советские СМИ называли «провокаторами» и «агентами ЦРУ»?
3. Чем немецкие красноармейцы особо неприятны многим людям?
4. Почему российские СМИ их особенно ненавидят и замалчивают? Русская литература о них беднее не только немецкой, но и английской, французской, итальянской и испанской (то же касаемо переводов).
5. Какие подтасовки и клевета идут в дело в разговоре о них?
6. Чего они хотели и чего добились?
7. Какие уроки можно извлечь из их деятельности?
8. Какое отношение имеет РАФ к сегодняшней постсоветии? В частности, к России?

Насколько удадутся ответы, судить не автору. Но «...вы либо сделаете для себя необходимые выводы, либо всегда будете испытывать недоверие к одной из самых жутких, но от этого ничуть не менее правдоподобных историй, какие только остались в памяти человечества» («Моби Дик», LXXVI, Стенобитная машина»).

Историческая справка

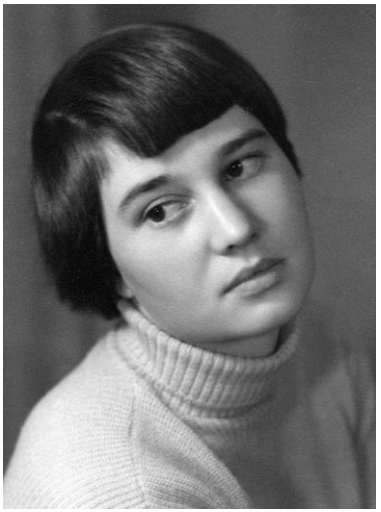
Германия 1949-1990 гг. состояла из западной Федеративной Республики Германии (ФРГ), члена НАТО, и восточной Германской Демократической Республики (ГДР) советского образца.

Столицей ФРГ был Бонн.

Западный Берлин имел статус самоуправляемого образования под руководством «Межсоюзнической комендатуры» – оккупационных властей США, Великобритании и Франции (каждая оккупационная сторона имела своего коменданта). Войск и дипломатических отношений не имел. Его граждане имели отдельные паспорта. Валютой была марка ФРГ.

Главные действующие лица

Ульрика Мария Майнхоф



Родилась 7 октября 1934 г. в Ольденбурге. Потомок классика немецкой литературы Фридриха Гёльдерлина. Праправнучка поэта и профессора филологии Карла Гис Брехта. Правнучка известного теолога профессора Юлиуса Кёстлина (1826-1902). Внучатая племянница основоположника немецкой африканистики, знаменитого лингвиста и миссионера Карла Майнхофа (1857-1944). Отец, Вернер Майнхоф, доктор искусствоведения, директор музея; мать, Ингеборга Майнхоф, философ и доктор искусствоведения (большая редкость для тогдашних женщин).

Двоюродный дед, классик африканистики, возможно, был съеден каннибалами во время очередного путешествия по Африке. Вероятно также, что двоюродный дед Ленина, известный ихтиолог Веретенников, съеден бенгальским тигром во время научной командировки в Индию. Совпадение редчайшее – двоюродные деды, известные учёные, съедены, в научной командировке, в обоих случаях это недоказуемо, хотя весьма вероятно, оба поклонники сказок (Карл Майнхоф собирал африканские, Веретенников написал статью о пушкинской «Сказке о золотом петушке») – и для довершения сего невероятия остаётся, чтобы Майнхоф тоже стала классиком леворадикального движения.

В 1940-м Ульрика остаётся без отца. Ингеборга Майнхоф сближается с 20-летней студенткой Ренатой Катариной Римек. В 1943-м Римек переселяется к ней.

По окончанию Великой Отечественной земля Вюртенберг оказывается в советской зоне; в городе Йене, где пребывает Ингеборга Майнхоф, размещён советский военный гарнизон. Ингеборга, как дипломированный нацистский философ и искусствовед, регулярно проходила идеологические переаттестации, в подтверждение, что её тексты соответствуют требованиям нацистского

государства. В советской оккупационной зоне с такой биографией нельзя было получить работу по специальности. Ингеборга с двумя дочерьми и Римек перебираются в американскую оккупационную зону, в Бад-Бернек, где преподают в начальной школе, а летом 1946-го – в Ольденбург, где многие знали покойного Вернера Майнхофа. Женщины устраиваются лекторами на курсах повышения квалификации школьных учителей.

В 1949-м Ингеборга умирает от рака трахеи. Опекуншей сестёр Винке (1931-2017) и Ульрикой становится Рената Римек. Помогает сёстрам и дед со стороны матери, ежемесячно переводя им небольшие суммы денег.

Ульрика Майнхоф в 1951-1952 гг., в 17 лет

В 1946-1952 гг. Ульрика учится в ольденбургской католической школе Либфрауэншуле, некоторое время в школе Рудольфа Штайнера в Вуппертале. Мечтает стать монахиней или сестрой милосердия, спасающей раненых на фронте. Школьницей сбегает с уроков, относя продукты беженцам из бараков на окраинах. «Ты закончишь жизнь или в канаве, или в монастыре», сказала ей как-то монахиня из школы. (Настоящие христиане, из коих была маленькая Ульрика, этим и кончают. Но: «Живи Иисус сегодня, он был бы партизаном» (священник Камило Торрес Рестрепо, основатель Теологии освобождения). Этого монахиня не учла, впрочем, сказано это будет годами позже.)

Учителя отмечают также большие литературные способности Майнхоф.

Под влиянием Римек она вступает в организацию «Братство святого Михаила», готовясь стать монахиней, подвизающейся в зонах военных конфликтов. На неё сильно влияют труды Бертрана Рассела.

В 1952-м Ульрика с матерью переезжают в Вейльбург, в земле Гессен, где Римек становится профессором педагогического института и преподавателем на курсах повышения квалификации учителей, а Ульрика – местной знаменитостью среди сверстников, основателем школьной газеты «Спектрум».

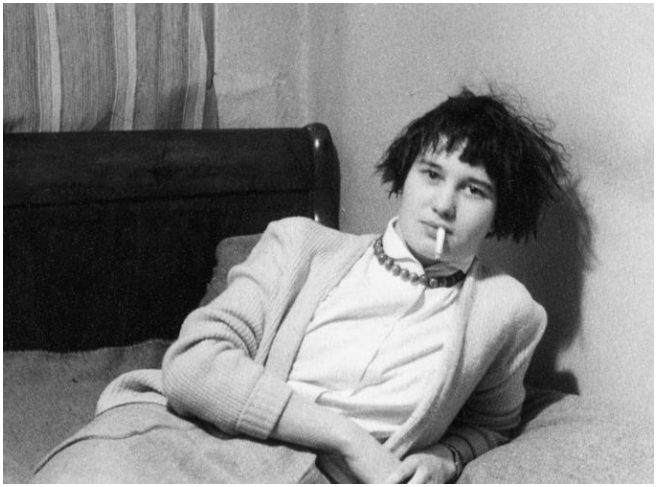
Ульрика Майнхоф

С апреля 1955-го учится в Марбургском университете (философия, педагогика, психология и немецкая литература). В конце 1955-го переходит к изучению истории искусств и историографии. Живёт замкнуто, в небольшой меблированной комнате. Регулярно посещает университетскую церковь, чей пастор Карл Бернхард Риттер (1890-1968) и основал вышеупомянутое «Братство святого Михаила». В университете встречает школьного товарища Вернера Линка и по его совету начинает посещать лекции профессора марксиста Вольфганга Абендрота, видного деятеля социал-демократической партии. Последний учит, что даже наилучшее капиталистическое общество всегда будет хуже самого плохого социалистического. Абендрот сильно воздействует на Майнхоф.

С лета 1956-го читает публикации противников ядерной войны (Роберта Юнгка (1913-1994; не путать с Юнгом), Карла Бехерта (1901-1981), христианских пацифистов (особенно Фридриха Фёрстера) и антифашистских теологов Карла Барта (1886-1968) и Дитриха Бонхёффера (1906-1945).

В конце октября, после встречи с западногерманскими коммунистами в Восточном Берлине, вступает в Коммунистическую партию Германии, когда уже начались судебные процессы против её членов (с августа КПГ запрещена). Майнхоф преступила закон. В результате с ней разрывает жених, Лотар Вайлик. Но это мелочи жизни. «И посмотрим, заставите ли вы меня свернуть. Меня заставить свернуть? Это вам не под силу, скорее вы сами свихнётесь; вот оно, превосходство человека», «И нет ни преград, ни поворотов на моём железном пути!» («Моби Дик», XXXVII, «Закат»). Железный путь начался, в 21 год, в середине жизни. Остановок не будет.

(Впрочем, партия её тоже не удержит. Не удержит и христианство. Остановок не будет вообще.)



Ульрика Майнхоф

Вследствие «затхлой мещанской атмосферы» (Майнхоф) университета переводится в зимний семестр 1957-го в университет Мюнстера, католического центра земли Вестфалия. Тут её жизнеописатели иногда вспоминают, что Мюнстер когда-то был очагом леворадикального движения Германии – в 1534-1535 гг. он принадлежал мельхиоритам, основателям Мюнстерской коммуны. Добавим, что родилась Майнхоф на 400-летие восстания. Есть ещё две связующие черты, о них будет сказано позже.

В Мюнстере на Майнхоф сильно влияет испанский философ-марксист Мануэль Сакристан Лусон, позже переводивший на испанский сочинения Майнхоф. Майнхоф регулярно пишет статьи для двух студенческих христианских журналов, выступая противником ядерного оружия с позиций Нового завета. Получает Национальную стипендию для одарённых студентов. В том же 1957-м поступает в докторантуру.

В характеристике, данной учителями, отмечается: «Исключительные способности к филологии». Но, как и Ницше, в научном мире Майнхоф не приживётся, даже филологическом, где они перспективнее всех, более того – оба особо запрезирают именно своих латентных сослуживцев. Возможно, в том вина не самой филологии, а её представителей.

В апреле 1958-го основывает «Студенческую рабочую группу за Германию, свободную от ядерного оружия». В листовке призывает к сопротивлению ядерному вооружению, сравниваемому с нацизмом: «Мы не хотим снова признавать себя виновными перед богом и человеком за преступления против человечества».

На базе университета по инициативе профессоров, учёных, деятелей искусства, студенческих объединений и профсоюзов создан антивоенный, антиядерный комитет. В него вошли видные политики (например, будущие бургомистры Западного Берлина Генрих Альбертц и Вилли Брандт (будущий канцлер)). В конце мая 1958 г. в 10 университетах страны проходят массовые антиядерные демонстрации и митинги протеста против милитаризации ФРГ. 20 мая на митинге 23-летняя Майнхоф впервые выступает с речью. В дальнейшем выступает часто и с неизменным успехом, обнаружив большой ораторский дар. Многие признаются, что после неё им неловко выходить на трибуну. В июне подготавливает антиядерный конгресс в Западном Берлине. Основывает студенческий журнал «Аргумент». В июле вступает в Социалистический союз немецких студентов (ССНС), молодёжную организацию Социал-демократической партии Германии (СДПГ). С ноября по декабрь член студенческого совета университета, но исключена после публикации её статьи о студентах-неофашистах. Выступает в «Аргументе» за безъядерную Центральную Европу, критикует политику правительства Конрада Адэнауэра как «возрождение воинствующей немецкой мании величия и духа мести».

«Не дай политике проглотить себя», предостерегает подопечную Римек. Но: «И посмотрим, заставите ли вы меня свернуть. Меня заставить свернуть? Это вам не под силу, скорее вы сами свихнётесь; вот оно, превосходство человека». (Энслин, поклонница «Моби Дика», неслучайно станет соратницей Майнхоф.) Римек не понимает, что герилья уже начата, пока ещё неосознанно и без оружия.

(Сама Римек в конце 1950-х становится активисткой пацифистского движения, в 1960-м – сооснователньницей «Немецкого союза мира».)

В 1959-м Майнхоф избирается председателем студенческого союза университета и председателем янтиядерного комитета журналистов. Член «Комитета против ядерной смерти» – руководства университетского «Движения против атомной опасности». Публикует статьи в студенческих изданиях, участвует в радиопередачах, митингах и конференциях. 3-4 января в Западном Берлине, на Студенческом конгрессе против ядерного оружия, благодаря Майнхоф в итоговую резолюцию включены требование переговоров с ГДР и осуждение антикоммунизма режима Аденауэра. В ответ СДПГ исключает из ССНС сотрудников журнала «Конкрет», представлявшего ССНС на конгрессе.

В июне Майнхоф организовывает «Конгресс за демократию – против реваншизма и милитаризма». Подготовленная ею резолюция призывает к отмене военной службы, исключению из бундесвера бывших офицеров вермахта, переговорам с ГДР о постепенном воссоединении в нейтральное безъядерное государство.

25 марта решено разместить в стране ядерное оружие США и Великобритании – ФРГ лишается безъядерного статуса, в дальнейшем может стать ядерной державой. Противники ядерного оружия, во многом благодаря исключительной активности Майнхоф, добиваются проведения всенародного референдума по этому вопросу, пройдя все инстанции, но накануне голосования

власти запрещают референдум – без объяснения. (Объяснение простое – согласно опросам, 80 % населения против ядерного оружия, страна охвачена антиядерными демонстрациями.) Участников антиядерного движения клеймят «подкупленными Советами» и официально ставят на учёт как «подрывных элементов».

С апреля 1959-го Майнхоф – автор журнала «Конкрет» (название журнала из «бунтарских» соображений писалось со строчной буквы). С владельцем «Конкрета», Клаусом Райнером Рёлем, её познакомил друг из ССНС Рейнхард Опиц, в Гамбурге, ещё в сентябре 1956-го.

Ульрика Майнхоф

Руководство СДПГ считает Майнхоф одной из 13 «ключевых фигур», ответственных за сильное полевение студентов.

26 июля – 4 августа присутствует на VII Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Вене. Заинтересована Ницше, Бернини и архитектурой Ренессанса. Планирует защитить докторскую диссертацию в Гамбурге. С конца августа месяц пребывает в Йене (ГДР), занятая диссертацией об Эрхарде Вайгеле (1625-1699, математик, физик, астроном и философ, учитель Лейбница). В письме

сестре высоко оценивает уровень образования граждан ГДР, но критикует догматизм правящей Социалистической единой партии Германии.

С октября, с 25 лет – единственная женщина из 7 человек редакционного отдела «Конкрета». Критикует применение пыток властями Франции в алжирской войне, поддерживает Кубинскую революцию. Начинает читать Мао Цзэдуна. Первая ведущая статья Майнхоф, «Мир делает историю», приветствует встречу Хрущёва и Эйзенхауэра в надежде на конец холодной войны.

Ульрика Майнхоф

С декабря 1960-го прерывает работу над диссертацией, полностью отдавшись общественной деятельности. Все шестидесятые годы – ведущий автор «Конкрета», колумнист (каждый номер открывается её колонкой), в 1962-1964-м – главредактор. Владелец «Конкрета» Клаус Рёль считает её «мощной интеллектуальной машиной», способной вытянуть журнал. Расчёт Рёля блестяще оправдывается – «Конкрет» становится знаменитым, самым популярным журналом среди студенчества, выходя 200-тысячным тиражом.

Заодно под воздействием Майнхоф «Конкрет» настолько левеет, что уже 20 июня 1960-го СДПГ прерывает с ним отношения.

Ульрика Майнхоф 1960-е гг.

Много позже Рёль напишет о Майнхоф в автобиографической книге: «С первого взгляда у меня возникла острая антипатия к ней. У меня сложилось чувство, что она испытывала то же по отношению ко мне. Она произвела на меня впечатление неинтересного человека, во всяком случае, не моего типа и не моего вкуса: слишком прямолинейная, без каких-либо минимальных норм приличия». А по позднейшим отзывам Майнхоф, при знакомстве Рёль

показался ей скользким и ненадёжным циником. Майнхоф тут заслуживает больше доверия: Рёль дал характеристику тогда, когда хвалить её стало опасно.

Впрочем, пока, с 1959-го, Майнхоф живёт с Рёлем, в декабре 1961-го они вступают в брак. Будучи беременна на большом сроке, Майнхоф страдает от невыносимых головных болей, нарушений зрения и косоглазия. Учитывая, что её родители довольно рано умерли от рака (отец в 38 лет, мать в 40), медики советуют ей написать завещание. Дабы не навредить наркозом будущим близнецам, Майнхоф отлагает операцию, несмотря на дикие боли. Она также отказывается делать аборт. «У неё была железная воля» (Ян-Карл Распе, из речи на суде). (Буржуазные авторы пишут, что Майнхоф была плохой матерью, умалчивая, что минимум 90 % матерей на её месте легли бы на операцию сразу, не вынеся мучений.)

Беременность прерывают с помощью кесарева сечения, в сентябре 1962-го. Теперь, когда жизнь детей – Регины и Беттины – в безопасности, Майнхоф ложится на операцию. Операция на открытом мозге – по подозрению в опухоли – длится почти 5 часов. Гамбургский нейрохирург Рудольф Каутцкий обнаруживает за правым глазом Майнхоф доброкачественную опухоль, и зажимает её металлической скобкой. Майнхоф проводит в больнице 3 месяца. Мигрень и проблемы со зрением постепенно проходят.

Ульрика Майнхоф с Клаусом Рёлем и дочерьми

Из всей этой истории Майнхоф выносит отвращение к наркотикам, с тех пор рвёт связи с любым употребителем даже лёгких наркотических средств.

Параллельно с этим в статье «Человеческое достоинство» Майнхоф расценивает планируемое правительством чрезвычайное законодательство как госпереворот, ибо оно противоречит конституции.

В первой половине шестидесятых известность Майнхоф стремительно растёт. Её начинают приглашать на TV. В 1960-м участвует в спонсируемом ГДР «Немецком союзе мира», для создания единой нейтральной Германии, в связи с чем знакомится с восточногерманским политиком Альбертом Норденом.

Ульрика Майнхоф

Министр обороны Франц-Йозеф Штраус, лидер Христианско-социального союза, подаёт на «Конкрет» и лично Майнхоф в суд, за фразу «Как мы спрашиваем своих родителей о Гитлере, так однажды наши дети спросят нас о Штраусе» (Майнхоф, «Гитлер в вас», май 1961-го). Адвокатом Майнхоф выступает Густав Хайнеман, бывший министр внутренних дел, ушедший в отставку как противник милитаризации ФРГ. Единственное, чего добивается на суде Штраус, – дополнительной рекламы для Майнхоф, ставшей известной всей стране. (В октябре 1964-го она вновь проедется по Штраусу как по «самому печально известному немецкому политику».)

В ноябре 1963-го после покушения на Кеннеди публично рекомендует федеральному правительству освободиться от «старшего брата» США и проводить независимую внешнюю политику.

Во второй половине шестидесятых – из самых известных западногерманских журналистов. Именуема «самым блестящим пером ФРГ», «первым пером Германии», «самым острым политическим пером». Главное дело: борьба с готовящимся чрезвычайным законодательством (реставрацией десятков гитлеровских законов). Другие темы: права мигрантов, женщин. (К

современному воинственному феминизму это не имело отношения, речь шла о равноправии полов. 17 августа 1946-го Советская военная администрация в Германии издала приказ о равной оплате труда мужчин, женщин и молодёжи за одинаковую работу (впервые в немецкой истории), подтверждённый законом ГДР от 27 сентября 1950-го о правах женщин, охране матери. Но в ФРГ 1960-х подобного прогресса ещё не наблюдалось.)

В июне 1964-го представитель компартии ФРГ Йозеф Ангенфорт, настороженный радикализмом Майнхоф, требует изменить название «Конкрета» и пересмотреть его содержание, иначе компартия разорвёт с ним. Юпп Ангенфорт (все называют его по молодёжной кличке) сам вроде бы не робкого десятка, и неоднократно бывал под арестом, но Майнхоф – для него уже слишком. В ответ Майнхоф и Рёль выходят из партии. «Меня заставить свернуть? Это вам не под силу, скорее вы сами свихнётесь; вот оно, превосходство человека». Далее Майнхоф действует как независимый журналист, в «Конкрете» позволяет себе критиковать редакцию. Её статьи выходят с фотографией паспорта и подписью автора.

Ульрика Майнхоф, 14 октября 1964 г. Это фото почти всегда приводится в зеркальном отображении. Здесь можно видеть истинное фото (слева), помятое, из чего можно выяснить правильный ракурс.

Часто появляется в политических телепередачах. Известно: если участвует Майнхоф, смотрит вся молодёжь. Телерадиокомпания HR ценит её доклады как «тщательно подготовленные» и «концептуально продуманные», в частности, о холокосте и Варшавском гетто. Известный немецкий литкритик и публицист Марсель Райх-Раницкий (1920-2013, самый авторитетный литкритик ФРГ 1988-

2001 гг.) позднее вспомнит, что, рассказывая ей о преступлениях нацистов в радиопередаче о Варшавском гетто, заметил слёзы на её глазах.

Ульрика Майнхоф

В 1965-м Майнхоф даёт интервью в связи со студенческими волнениями в Свободном Университете Западного Берлина (на одном из университетских мероприятий студенты оттолкнули ректора от микрофона и перехватили контроль над собранием, раздавали листовки, где преподаватели объявлялись «профессиональными импотентами»). «Нам стало известно, что некоторые студенты Свободного университета планируют раздачу листовок против профессора Зильбаха. – Можно ли назвать это угрозой или террором? – Нет. Очевидно, речь идёт о намерении некоторых студентов выразить своё мнение несколько эстравагантным способом, пользуясь своим правом на оппозиционное мнение. Это чрезвычайно напугало профессора Зильбаха...».

В июле 1966-го HR не принимает критику чрезвычайного законодательства со стороны своего же сотрудника, историка и знатока нацизма Иоахима Феста (1926-2006). Майнхоф организовывает акцию протеста. Дело

доходит до полиции, и тут выясняется, что телефонные разговоры Майнхоф прослушивались. Она уходит из HR.

Обсуждает с журналистом Петером Кулмасом книгу об эмансипации и браке.

Гудрун Энслин

Родилась 15 августа 1940 г. в городке Бартоломе на юге Германии. Праправнучка Гегеля (сокурсника и друга молодости предка Майнхоф Гёльдерлина (и Шеллинга)) с отцовской стороны. Четвёртая из 7 детей

евангелического пастора, видного теолога и художника Гельмута Ойгена Энслина и его супруги Ильзы.

Детство провела в Туттлингене (в той же земле, Баден-Вюртемберг). Росла в религиозной атмосфере. Гельмут Энслин – теолог политически левой ориентации. Гудрун с детства слышит разговоры на 2 темы – Библия и социальная несправедливость во всём мире. В школе она отличница. Подростком участвует в евангелистских организациях, организовывает приходскую работу для изучения Библии.

В 1958-м как лучший ученик религиозной гимназии королевы Екатерины в Штутгарте послана на год на учёбу в США, в среднюю школу в Уоррене (штат Пенсильвания). В 1959-м сдала экзамены на отлично, вернулась в ФРГ.

По воспоминаниям знавших Энслин, её главные черты – жажда мученического подвига, смерти за идею, крайний максимализм, ненависть к компромиссам. В 18-20 лет она отбрасывает пуританство в поведении, даже становится нудисткой, религиозные догмы спадают шелухой, но культ пострадавших за правду, мучеников, и идея справедливости – лучшее из Библии – остаются в сохранности. (Библейскими образами пропитан и излюбленный ею роман Мелвилла.) Нобелевский лауреат 1999 г. писатель Гюнтер Грасс, знавший Энслин начала шестидесятых, описывал её как человека с «врождённой ненавистью к компромиссам, верящего в Абсолют, совершенное решение».

«Ты начинаешь различать проблески смертоносной, непереносимой истины, той истины, что всякая глубокая, серьёзная мысль есть всего лишь бесстрашная попытка нашей души держаться открытого моря независимости, в то время как все свирепые ветры земли и неба стремятся выбросить её на предательский, рабский берег.

Но лишь в бескрайнем водном просторе пребывает высочайшая истина, безбрежная, нескончаемая, как бог, и потому лучше погибнуть в ревущей бесконечности, чем быть с позором выброшенным на берег, пусть даже он сулит спасение. Ибо жалок, как червь, тот, кто выползает обратно на сушу. О грозные ужасы! Возможно ли, чтобы тщетны оказались все муки?» («Моби Дик», XXIII, «С рождеством Христовым!»).

(Это не совсем по-христиански – и любопытно, что именно эта глава носит самое «христианское» название в романе. Между тем, приводя цитату, я не думал об этом, просто так вышло. Символично, учитывая, что разговор идёт об Энслин.)

С 1960-го, как и вышеупомянутые классики, учится в Тюбингенском университете (официально Университет Эберхарда и Карла) – педагогика, германистика, славистика, социология. Как и Майнхоф, стипендиат Национальной стипендии для одарённых студентов.

В феврале 1962-го сближается с однокурсником Бернвардом Веспером, также стипендиатом Национальной стипендии для одарённых студентов, сыном известного поэта 1910-1930-х Вилли Веспера. С 1963-го замужем за ним. В том же году они основывают издательство «Новая литература» в Тюбингене. Издают антологию «Против смерти. Голоса немецких писателей против атомной бомбы» (германоязычных авторов из не одной только Германии), сборник стихов испанского поэта Херардо Диего. Из-за материальных затруднений не всё запланированное удаётся издать. Об этих трудностях и важности подобных планов для немецкой культуры Энслин пишет в сентябре 1963-го в статье, вышедшей в газете «Немецкое слово».

В 1964-м, сдав госэкзамен на учителя начальной школы, переводится в западноберлинский Свободный Университет для изучения немецкой филологии. Как отличница получает стипендию Немецкого национального

академического фонда. Пишет диссертацию о писателе, литкритике и музыковеде Хансе Хенни *Я*нсе (1894-1959). Доктор наук Эрнст Хейнц скажет свидетелем на её судебном процессе: «За 52 года работы со студентами я не встречал столь необыкновенного студента. Она была талантлива, открыта и добра».

В 1964-1965-м вместе с Веспером активно действует в СДПГ, из которой вышла Майнхоф в 1964-м (борьба с готовящимся чрезвычайным законодательством, против союза с США во Вьетнамской войне, за право демонстраций). Впрочем, как и Майнхоф, Энслин считает партию недостаточно левой – и в 1966-м выходит из СДПГ. На каникулах бесплатно работает в детских приютах.

Андреас Бернд Баадер

Родился 6 мая 1943 г. в Мюнхене. Потомок известного немецкого философа и теолога Франца Ксавера фон Баадера, автора термина «пролетариат». Сын историка, доктора наук и директора мюнхенского архива Берндта Баадера. Племянник известного в то время актёра и танцора Михаэля Крочера, с коим долгое время постоянно общался. Воспитывался бабушкой, затем матерью.

В июне 1962-го участник т. н. «швабингских беспорядков» в Мюнхене. 21 июня в богемном районе Швабинг группа юных уличных музыкантов продолжает играть после 10:30 вечера, и городской советник вызывает полицию. Офицер полиции Антон Хейгл арестовывает 5 музыкантов. В результате ночью и последующие 4 дня идут уличные бои, с участием 40 000 человек с обеих сторон, в том числе конной полиции. Прибывает молодёжь из других городов – старшеклассники, студенты и молодые рабочие. Арестовано ок. 400 человек, многие приговорены к тюремному заключению и штрафам. Большинство жалоб на полицейских безрезультатны. При этом бунтовщики не выдвигали политических требований, заявляя лишь о культурном самоопределении. Много позже историк Штефан Хемлер назовёт случившееся предвестием 1968 г.

Это событие даёт толчок политическому развитию 19-летнего юноши. «Знаешь, это ненормальная ситуация, если полиция борется резиновыми дубинками против поющей молодёжи», говорит Баадер матери.

В 1963-м переезжает в Западный Берлин, дабы избежать воинской службы в империалистическом государстве. Некоторое время работает на стройке. Живёт с художницей Элинор Мишель (1939-2007), в 1965-м у них рождается дочь. (Воспитал последнюю муж Мишель, художник Манфред Хенкель (1936-1988).)

Пытается организовать приют для беспризорников, но местные власти заявляют, что детдом будет «портить внешний вид района» (бездомные дети, надо полагать, вид района не портили).

В 1966-м на экраны выходит фильм итальянского режиссёра Джилло Понтекорво «Битва за Алжир», о борьбе алжирских городских партизан против французских колонизаторов в 1954-1962 гг. Во Франции фильм запрещён до конца десятилетия. Героика городской герильи оказывает большое впечатление на Баадера (фильм становится любимым для многих леворадикалов мира).

Ян-Карл Распе

Raspe, Jan-Carl, **24. 7. 44 Seefeld**
Haftbefehl

Родился 24 июля 1944 г. в Зеефельде (Австрия). Потомок знаменитого писателя Рудольфа Эриха Распе, автора «Барона Мюнхгаузена». Сын крупного фабриканта, умершего в 1944-м. Детство провёл в Восточном Берлине. Переехал в Западный Берлин к дяде и тёте в 1961-м.

Вначале учился в Свободном университете на химика, перевёлся на факультет социологии.

Хольгер Майнс

Родился 26 октября 1941 г. в Гамбурге-Эймсбюттеле. Сын представителя торговой буржуазии Вильгельма Юлиуса Майнса (1907-1986). В детстве – член международной Христианской ассоциации скаутов, в 1957-м участник встречи («съезда») участников ассоциации в Саттон-Колфилд (Великобритания).

С 1962-го студент Университета изобразительных искусств Гамбурга. В 1964-м участник оформления ряда спектаклей одного из гамбургских театров. Осенью того же года становится помощником оператора и оператором в телекомпании RIVA в Унтерфёринге.

17 сентября 1966-го открывается Немецкая академия кино и телевидения в Западном Берлине. Майнс в числе 35 студентов, отобранных из 825 абитуриентов. Снимает документальные короткометражки, в частности, о больных туберкулёзом. В том же году участвует в демонстрации Социалистического союза немецких студентов против войны во Вьетнаме.

Хорст Малер

Родился 23 января 1936 г. в Хайнау. Сын дантиста. Правнук брата великого композитора Густава Малера. Как и Майнхоф, Энслин и Веспер, студентом был стипендиатом Национальной стипендии для одарённых студентов.

В 1962-м пишет статью, где призывает ФРГ выйти из НАТО, но опубликовать её не удаётся. С 1964-го – западноберлинский юрист. С того же года поддерживает контакты с представителями СССР и ГДР.

30-летним становится первым немецким адвокатом, выигравшим дело в Европейской комиссии по правам человека (подав жалобу на длительное предварительное заключение финансового брокера Карла-Хайнца Вемхоффа). Самый известный в стране адвокат левых взглядов.

Прелюдия к хронике (1948-1969)

…народ (ФРГ – Л.) полуинформаторов и полуинформируемых, из которых первые говорят только половину того, что знают, а вторые получают только половину того, что должны знать. Народ, отягощённый предрассудками, окружённый разными табу, затянутый в корсет иллюзий так, что уже не способен ни верно оценивать свои выгоды и преимущества, ни трезво осознавать свои интересы.

Ульрика Майнхоф, «Захолустье – и мелкотравчатое к тому же»

1955-1966

Ревизионизм СССР – обуржуазивание, тяга к мирному сосуществованию с капитализмом, отказ от мировой революции – влияет на коммунистические партии Запада, отказавшиеся от вооружённой борьбы. И западные революционеры уже не доверяют «парламентским коммунистам» пятидесятых годов, «игрокам в оппозицию», «шлюхам Системы» (Майнхоф, «Социал-демократия и ГКП», 1968 г.).

Западногерманская официозная «левая» СДПГ (вроде КПРФ) в 1966-м становится союзником полуфашистов, «христианских демократов», войдя в правительство Кизингера, гитлеровца с 1933 г., сотрудника Геббельса. «Мирные коммунисты» (образца Зюганова и С. Кара-Мурзы) окончательно опозорились в глазах леворадикалов.

Как мы видели, Майнхоф ушла от промосковских псевдолевых примерно тогда же, в 1964-м. В 1966-м из СДПГ выходит 26-летняя Энслин. Марксиста

Абендрота, учителя Майнхоф в Марбурге, СДПГ сама исключает из своих рядов. Итальянского издателя Джанджакомо Фельтринелли (1926-1972) в 1958-м исключают из итальянской компартии за публикацию «Доктора Живаго» Пастернака – а чуть позже он погибает в вооружённой борьбе с капитализмом, оказавшись более радикальным левым, чем ИКП.

В 1971-м, уже подпольщиком, Майнхоф скажет о «мирных левых» с той убийственной иронией, что отличает её сочинения: «…их практика главным образом представляет собой только конкурентную борьбу интеллектуалов, соревнующихся друг с другом в лучшем понимании Маркса перед мнимой судейской коллегией (явно не рабочим классом, поскольку сам их язык уже исключает участие рабочего класса в обсуждении). Для них неприятнее, если их уличат в неверном цитировании Маркса, чем во лжи относительно их собственной практики. Страницы в своих примечаниях они указывают почти всегда верно, количество членов, которое они приписывают своим организациям, почти никогда не соответствует истине. Они боятся упрека в революционном нетерпении больше, чем продажности своих буржуазных профессий; для них важно получать бесчисленные учёные степени за исследование трудов Лукача; для них подозрительно, когда агитируют, используя учение Бланки» («Концепция городской герильи», глава 3).

Движение «молодых левых» Франции, Германии, Италии, США и Японии, порвав с официозными псевдолевыми, порождает студенческие бунты 1967-1972 гг.

На молодых левых влияют идеи латиноамериканской герильи (партизанской войны). Из герильи пятидесятых наиболее известна кубинская, победившая, но герилья охватила весь континент: Никарагуа, Парагвай, Венесуэлу. В шестидесятых – новый всплеск герильи, ставшей городской. Сочинения её теоретиков – аргентинца Эрнесто (Че) Гевары, бразильца Карлуса

Маригеллы (1911-1969), перуанца Луиса де ла Пуэнте (1926-1965), колумбийца Фабио Васкеса (1940-2019) (тексты бразильца Карлуса Ламарки (1937-1971), возможно, тогда ещё не «дошли» до Европы), а также Мао Цзэдуна, Герберта Маркузе, Сартра и Реж*и*са Дебр*е* (1940 г. р.) – становятся подспорьем для европейских леворадикалов.

Второй источник новой леворадикальной идеологии – антифашизм. «Новые левые» (особенно немецкие и итальянские) опасались возрождения фашизма. «Не фашизм, а основа для его преодоления будет вновь вытравлена из новейшей немецкой истории» (Майнхоф, «Человеческое достоинство», 1962 г.). «Двусмысленная позиция политической, экономической, юридической и военной элит относительно фашистского прошлого и их явная поддержка геноцида во Вьетнаме оставляли без ответа вопрос, сможет ли возродиться фашизм в Германии» (Лутц Тауфер, интервью с заключенными рафовцами в 1992 г., «Они хотят нас сломить»). Выход фашистской диктатуры ожидался не из радикальных неонацистских групп, а из недр капитализма, как результат переворота, совершённого в интересах финансовой олигархии реакционной частью госаппарата. Это случилось в Греции 1967 г., где воцарились «чёрные полковники» генерала Патакаса, коим США выделили 7,5 млрд долларов (об этом статья Майнхоф «Путч – как учебное пособие»). США опробовали этот вариант в Сальвадоре в 1961-м, в Бразилии, установив фашистский режим 1964-1985 гг., в Гватемале в 1970-м, в Чили в 1973-м, приведя к власти Пиночета, копировавшего нацистов вплоть до покроя одежды, в Уругвае того же года, в Аргентине в 1976-м, то же случилось в Боливии 1980-1981-го при Луисе Гарсиа Месе. В 1976-м фашистский переворот лишь случайно не удался в Португалии. Власти Италии шестидесятых стояли на пороге этого варианта, напуганные популярностью компартии. Вышеупомянутый Джанджакомо Фельтринелли стал левым партизаном, именно опасаясь фашизации Италии.

Итак, две опоры леворадикалов – антифашизм и национально-освободительные движения. Они – бойцы Сопротивления Второй мировой, борющиеся с послевоенным фашизмом, и партизаны «третьего мира» на Западе. Американские «Уэзермены» называли себя пятой колонной Фронта национального освобождения Южного Вьетнама в США. Через несколько лет Хорст Малер заявит на суде: члены РАФ чувствуют себя не столько немцами, сколько пятой колонной третьего мира.

Образец поведения – латиноамериканские герильерос, объект солидарности – вьетнамцы.

1948-1966

Соединив истории концы,
Узнают молодые журналисты,
Что их демократичные отцы
В недавнем прошлом убеждённые фашисты.
Дмитрий Косяков, «Поэтический номер» (о РАФ)

Группа западногерманской левой интеллигенции постепенно убеждается, что ФРГ правят гитлеровцы. «Слишком много старых нацистов сидит в армии, полиции, судах, министерствах – словом, в руководящих государственных структурах» (Майнхоф, «Захолустье – и мелкотравчатое к тому же», 1964 г.). Правительство ведёт себя так, «Будто нацизм был лишь мелкой досадной оплошностью» (там же). «…штаб чиновников принял – nolens volens – Федеративную республику от фашистов, он подчинил бундесвер офицерам, которые – по возрасту и здоровью – наверняка маршировали перед Гитлером; сохранил учителей, начинавших уроки нацистским приветствием» (Майнхоф, «Против кого? (Ещё раз о германском Законе о чрезвычайном положении)».)

Карл Рудольф Вернер Бест известен военной Европе как «палач Дании», лично виновен в уничтожении минимум 8 000 человек. Руководил также созданием концлагерей в земле Гессен, карательных отрядов (айнзатцгрупп СД) в Польше. Гитлер называл его «нацистом с крепким кулаком». В 1948-м приговорён датским судом к смертной казни, но приговор заменён на 12 лет тюрьмы, притом освободился он через 3 года «по состоянию здоровья». (С этим самым состоянием здоровья он проживёт ещё 38 лет.) С 1953-го – высокооплачиваемый юрист в концерне Сименса. В 1969-м вновь арестован по обвинению в убийстве 8 723 человек в Польше, но быстро отпущен.

Карл Оберг, группенфюрер СС, организатор массовых убийств во Франции, приговорённый французским судом к смерти, вытребован властями ФРГ и тут же амнистирован. Получает почётную генеральскую пенсию.

Та же история с ближайшим помощником Оберга, Гельмутом Кнохеном.

Теодор Оберлендер, глава эсэсовского батальона «Нахтигаль», истреблявшего мирное население Украины, – министр обороны в ФРГ. Заочно осуждённый в ГДР как военный преступник, вышел в отставку, но не осуждён.

Иоганн Кремер, врач-палач Освенцима, приговорённый к смерти в Польше, благоденствует в Западной Германии.

Ганс-Мартин Шлейер – бывший член гитлеровской партии, строил заводы при помощи рабского труда военнопленных, руководил утилизацией обращённых в рабство славян (восточных, западных и южных), осуществлял геноцид восточноевропейских евреев. Ныне Шлейер председатель Федерального союза немецких работодателей и Федерального объединения германских промышленников, член правления «Дрезден-банка». Мультимиллионер.

Густав Адольф Шеель – наставник Шлейера в годы его молодости, нацист с 1929-го, Имперский руководитель студентов, с 1944-го генерал полиции и

Имперский руководитель преподавателей вузов. По политическому завещанию Гитлера назначен Имперским министром культуры. В 1940-м организовал депортацию евреев Карлсруэ в концлагерь Гурс. В 1948-м приговорён к 5 годам трудовых лагерей, но в том же году помилован.

Виалон, госсекретарь федерального министерства развития, при Гитлере заведовал конфискацией и реализацией еврейского имущества, будучи главой финансового управления Рейхкомиссариата Остланд в Риге.

Ойген Герстенмайер, военный преступник и друг Отто Скорцени (ближайшего помощника Гитлера) – председатель бундестага (парламента).

Вольфганг Френкель при Гитлере был судьёй Имперского суда в Берлине, известным жестокостью отношения к антифашистам. Минимум в 17 случаях ужесточил приговоры чрезвычайных трибуналов, заменив тюремное заключение смертной казнью. В 1962-м стал федеральным прокурором ФРГ. После того как ГДР опубликовала обличающие его документы, ушёл в отставку, но к суду не привлечён.

Герман Хёхерль при Гитлере репрессировал антифашистов как прокурор, но не менее успешно, чем судья Френкель. В 1961-1965 гг. – министр внутренних дел ФРГ.

Хайнц Райнефарт, генерал эсэсовец, руководил «Боевой группой Райнефарта», занятой массовым уничтожением населения Варшавы. В 1961-м судебный процесс над ним прекращён по «недостаточности улик». До 1969-го – бургомистр города Вестерланда.

Ганс Шпейдель, гитлеровский генерал, начальник оккупационных войск во Франции, до 1955-го представлял ФРГ в НАТО, с того же года начальник управления вооружённых сил Министерства обороны. Требовал вооружить ФРГ не только тактическим ядерным оружием, но и стратегическим.

Ганс Глобке – основной автор антисемитских Нюрнбергских законов о гражданстве и расе. После войны – статс-секретарь, глава Федеральной канцелярии канцлера и его ближайший юридический советник с 1953-го. В 1963-м заочно приговорён Верховным судом ГДР к пожизненному заключению как один из главных преследователей евреев при Гитлере. После этого ушёл в отставку, но перед судом не предстал.

Генрих Штиге – соучастник бессудного убийства Карла Либнехта в 1919-м. Судим за это, но оправдан. На четверть еврей, по нацистским Нюрнбергским законам не имеет права служить в армии, но, как убийца знаменитого революционера, в 1939-м принят на службу в военно-морской флот, в 1944-м получил звание корветтенкапитана. После войны вновь судим, но вновь оправдан. Менеджер фирмы Degussa. В 1963-м вышел на пенсию.

Герман Вильгельм Сушон – соучастник бессудного убийства Розы Люксембург в 1919-м, лично застрелил её. Служил в авиации третьего рейха, стал полковником. Нынче – из руководителей протестантской организации в Штутгарте. Живёт на широкую ногу – арендует замок в Крайльсхайме.

Эрнст Юлиус Вальдемар Пабст – уже не соучастник, а руководитель бессудного убийства Либнехта и Люксембург. В 1920-х активист австрофашистского движения. Принимал в Австрии Геринга, с коим подружился. Встречался с Муссолини. В 1931-1933-м руководил «Обществом по изучению фашизма», пропагандировал опыт Муссолини. При Гитлере стал крупным торговцем оружием, главой военного завода Waffenfabrik Solothurn; закупал оружие для вермахта из нейтральных стран. В 1955-м вернулся из Австрии в ФРГ. Продолжает заниматься оружейным бизнесом. Сотрудничает с Ахимом Остером, сотрудником военной контрразведки ФРГ. Состоит в ультраправой организации «Немецкое сообщество». Постоянно публично

заявляет об оправданности своих действий в прошлом. (В 1970-м он скончается в без малого 90 лет.)

Фридрих Фёрч – гитлеровский подполковник, в Великой Отечественной выполнял спецзадания по уничтожению населённых пунктов, в случае падения Ленинграда должен был возглавить операцию по уничтожению города. В ФРГ стал генерал-лейтенантом и генеральным инспектором бундесвера (вооружённых сил).

Алиса Орловски благодаря своей жестокости – из самых известных надзирательниц концлагерей (Равенсбрюка, Майданека, Плашова). Заполняла грузовики женщинами для отправки в газовые камеры. Могла бросить ребёнка в грузовик, как багаж. В Плашове так отличилась жестокостью (в частности, битьём узниц хлыстом по лицу), что комендант лагеря Амон Гёт доверил ей на хранение документы о расстрелах (тот самый Гёт, что показан в фильме «Список Шиндлера», расстреливающий узниц с балкона). В 1947-м приговорена к пожизненному заключению, но через 10 лет освобождена. (В 1975-м её наконец вновь начнут судить, и в 1976-м она умрёт в 73 года, не дожив до вынесения приговора.)

Людвиг Эрхард, творец «немецкого экономического чуда», ранее устраивал «экономическое чудо» для Гитлера, доведя до смерти сотни тысяч узников концлагерей.

Карл Фридрих Отто Вольф – начальник личного штаба Гиммлера, из авторов идеологии и символики СС, личный представитель Гиммлера в ставке Гитлера. По его приказам уничтожено ок. 300 000 мирных жителей. В 1946-м приговорён к 4 годам тюрьмы, отсидел 3 года. В 1950-х вернулся к тому же уровню личного благосостояния, что при Гитлере. В 1964-м его вновь осудят, приговорив к 15 годам тюрьмы, но через 7 лет выпустят по состоянию здоровья, после чего он проживёт ещё 13 лет.

Военным преступником является и министр внутренних дел Баварии Альфред Зайдль.

Фридрих Флик – финансист эсэсовцев, одним из первых начал финансировать Гитлера, друг Гиммлера. В 1947-м осуждён на 7 лет. Досрочно освобождён, ныне – вновь глава огромной промышленной империи.

Президент ФРГ Генрих Любке проектировал бараки концлагерей.

Сам федеральный канцлер, Георг Кизингер – член партии Гитлера с 1933 г., сотрудник министерства пропаганды Геббельса, разработчик антисемитской пропаганды, призывавшей к геноциду евреев.

Три первых послевоенных начальника полиции Кёльна – гестаповцы и руководители карательных отрядов (эйнзацгрупп и зондеркоманд), осуществлявших геноцид славян.

Из 1 200 палачей Бабьего Яра, чья вина документально установлена, осужден 1 % (12 преступников), из коих только один повешен в 1945-м, остальные получили несколько лет тюрьмы в 1967-м.

Сотрудничавшие с Гитлером концерн Флика, фирма Дёгусса (переплавлявшая в слитки золотые коронки убитых в концлагере Треблинка) – процветают по-прежнему; «рурские господа» (концерн Круппа, «ИГ Фарбениндустри»), финансировавшие приход фюрера к власти, – тоже, вдобавок вычёркивая из бюджета статьи о пособиях для нуждающихся рабочих.

2 июля 1965 г. выходит книга главы комиссии ГДР по расследованию нацистских преступлений Альберта Нордена (с коим, как уже говорилось, познакомилась Майнхоф в 1960-м) «Коричневая книга: война и нацистские преступники в Федеративной Республике», с данными о 1 800 активистах нацистской партии, ныне крупных бизнесменах, политиках и ведущих должностных лицах ФРГ. Книга отвергнута правительством ФРГ как «коммунистическая пропагандистская работа», хотя оглашённые в ней данные

не опровергнуты. Второе издание книги со скандалом конфисковано на Франкфуртской книжной ярмарке 1967-го. Третье издание, в коем перечислено уже более 2 300 преступников, относится к лету 1968-го. (Позднейшие независимые исследования покажут, что информация была точной, за исключением считанных недоразумений. Книга переиздана в 2002-м и полностью опубликована в Интернете.)

Обвинительные приговоры фашистам единичны, и они смехотворные. Например, комендант концлагеря Дахау Михаэль Липперт и генерал эсэсовец Зип Дитрих получили по 1,5 года тюрьмы. Всё равно как получить 15 суток за убийство одного человека.

Известный публицист Фриц Тойфель вспоминал, какое неизгладимое впечатление в 1963-м на него, тогдашнего абитуриента, произвели судебные процессы над гитлеровцами во Франкфурте-на-Майне и Штутгарте. Тойфелю бросилось в глаза сходство между судьями и подсудимыми – это были единомышленники.

До 1953 г. осуждены только 730 нацистов, из коих лишь 6 получили пожизненный срок, а 609 отделались штрафами или пробыли в тюрьме символическое время. Остаётся добавить, что 90 % процессов против нацистов проведено именно до 1953-го.

Дитрих Киттнер, известный публицист, бард, актёр и режиссёр театра в ФРГ 1970-х:

«Казалось бы, государственные учреждения Федеративной Республики Германии должны по всей строгости закона преследовать малейшие проявления неофашистской деятельности: ведь неслыханные преступления гитлеровского фашизма ещё так свежи в памяти. Тем более что такая деятельность запрещена конституцией и законодательством страны. Но сколько препятствий приходится преодолевать государству, да еще капиталистическому (правда,

провозглашающему себя демократическим и правовым), чтобы проводить в жизнь положения своего основного закона, может порой подумать какой-нибудь наивный человек.

В действительности всё иначе. В духе нерушимых традиций образца 1933 года нацистские сборища в ФРГ проходят под охраной полиции. Пожертвования организациям – хранителям нацистских традиций относятся к “общественно полезным” и не облагаются налогом. Коричневые партии получают прямые субсидии из Бонна, то есть из средств налогоплательщиков. И не реже, чем раз в квартал газеты сообщают, как в очередной раз тому или иному нацистскому преступнику вынесен оправдательный приговор.

[…] …судьи Гамбурга отказались преследовать одного эсэсовского главаря, по собственному признанию собственноручно топившего еврейских детей. По мнению судей, его действия нельзя рассматривать как убийство, дескать, отсутствовали характерные признаки такового. Во-первых, о коварстве не было и речи, так как матерям, у которых он отнимал детей, было совершенно ясно, что он их тут же убьёт. О жестокости, якобы, тоже не может быть речи, так как он “только” топил свои жертвы. Беспримерный цинизм!

Юристы Гамбурга упустили из виду ещё один признак, по которому действия обвиняемого можно квалифицировать как убийство: “произвольное присвоение себе права распоряжаться человеческой жизнью”, “низменные побудительные мотивы”, а если конкретнее: “расовая ненависть”. Азы правоведения, известные любому студенту юридического факультета, очевидно, не пришли в голову высококвалифицированным судьям Гамбурга. К таким приговорам у нас уже привыкли, и никакого общественного резонанса гамбургский процесс не вызвал.

Столь вопиющие факты, свидетельствующие о терпимости, да какой там терпимости – поддержке коричневой нечисти официальными лицами, нельзя

объяснить только атмосферой круговой поруки, именуемой старыми нацистами чувством “товарищества”. Федеративная Республика охотно предоставляет высшие государственные посты лицам, в свое время бывшим никак не наивными юнцами, а активно проводившим в жизнь гитлеровскую преступную политику. Причём порой более рьяно, чем требовала сама нацистская партия» («Когда-то был человеком…».)

«Нацистские профессора, врачи, юристы занимали посты вплоть до администрации федерального канцлера (вкупе с самим канцлером – Л.). После войны лишь одного судью нацистских трибуналов предали суду – и того оправдали. (В 1945-м нацистские трибуналы повесили за «паникёрство» тысячи немцев – Л.) Когда я учился в университете, у меня был профессор права, которого мы все очень любили и лишь потом узнали, что он из теоретиков “фюрерского государства”, разрабатывавший юридическое обоснование тому, что Германию должен возглавлять фюрер. Или директор нашей городской больницы – с его дочерью я был очень дружен, а через несколько лет узнал, что он соучастник массовых убийств в Польше» (Ганс-Кристиан Штройбель, вице-председатель парламентской фракции «зелёных» 2000-х, бывший адвокат Андреаса Баадера).

Многие нацистские судьи не только не осуждены (не осудили вообще никого), но и остались судьями. Как подытожил драматург Рольф Хоххут, из них не пострадал «ни один-единственный».

(В Австрии происходило то же, японских фашистов судили ещё реже, а правительство Испании даже в 1980-х фашисты (франкисты) заполняли не меньше, чем нацисты в ФРГ 1960-1970-х.)

Постепенно реставрируется гитлеровский режим. В 1948-м спецслужбы ФРГ вместе с Великобританией и Италией подключаются к секретной операции ЦРУ против СССР под названием CARTEL, призвав к выполнению операции

лиц, сотрудничавших с третьим рейхом, основным союзником избрав пронацистскую ОУН (б) с её первым руководителем Миколой Лебедем. 4 января 1951-го Верховный комиссар США в Западной Германии Макклой подписывает первый указ о помиловании нацистских преступников, осуждённых на 12 нюрнбергских процессах. В том же году канцлер Конрад Адэнауэр заявляет: «Пора положить конец вынюхиванию нацистов». (В 1936-м Аденауэр получил щедрую государственную пенсию, на которую выстроил дом, позже вступил в нацистскую благотворительную организацию, в 1940-м затребовал себе французских военнопленных для строительства дома, получая от государства деньги на их содержание; после войны тщательно избегал людей, хоть как-то связанных с сопротивлением Гитлеру.) В том же 1951-м союзники разрешают ФРГ образовать Министерство иностранных дел, и 66 % его сотрудников набираются из бывших членов нацистской партии. В том же году создаются политические суды против коммунистов. Адвокаты ограничены в правах: не получают всех материалов дела, не могут их копировать etc. В феврале 1951-го вокрешена организация «Стальной шлем», с 1933-го входившая в СА, в октябре – «Киффхойзербунд», для пропагандирования военных традиций Германии. В мае 1951-го более чем 150 000 нацистам возвращаются имущественные права, связанные с бывшей государственной службой (например, пенсии). Более того, работодатели по закону обязаны выделять 20 % средств на приём на работу именно этих людей. В 1955-м реабилитированы все гитлеровские чиновники и военные. Они подлежат восстановлению на прежних должностях; если это невозможно, им выплачиваются пенсии. 19 сентября 1959-го упразднены «дисквалификации», выдававшиеся выдавались в процессе денацификации против бывших служащих третьего рейха. В 1961-м реабилитированы эсэсовцы, включая офицеров, хотя СС признано на Нюрнбергском процессе преступной организацией. Запрещаются

антифашистские организации – «Объединение лиц, преследовавшихся при нацистском режиме», «Национальный фронт демократической Германии», «Демократический женский союз», «Союз свободной немецкой молодёжи», «Комитет борцов за мир», «Культурбунд», «Союз друзей Советского Союза», «Общество по изучению культуры Советского Союза». Суды преследуют всех членов этих организаций, даже и не ведущих общественной деятельности. Депутатская неприкосновенность не срабатывает – например, член запрещённого 26 апреля 1951 г. «Союза свободной немецкой молодёжи» депутат Юпп Ангенфорт лишён иммунитета и приговорён к 5 годам каторжных работ, вдобавок во время ареста избита его жена. В том же году в нарушение конституции созданы политические суды, разбирающие дела о «коммунистической пропаганде», с резким ограничением прав подсудимых. В ней подозреваются, в частности, побывавшие в ГДР. (Когда ещё летом 1950-го на общегерманскую встречу молодёжи в Восточный Берлин приехали 10 000 западногерманских юношей и девушек, на обратном пути их задержала полиция ФРГ, и они жили в палатках почти 2 дня, пока их всех не зарегистрировали; в дальнейшем многие из них остались без работы.) Вслед за Коммунистической партией Германии запрещаются её «дочерние» организации, плюс организации, которых власти также посчитали дочерними.

В 1953-м Закон о собраниях ограничивает право на собрания и манифестации. В 1956-м запрещено ввозить в ФРГ марксистскую литературу и запрещена Коммунистическая партия Германии (в 1968-м возникло её миниатюрное кастрированное подобие, Германская коммунистическая партия, чья программа лишена слов «революция» и «диктатура пролетариата»). ФРГ становится первым государством послевоенной Европы, где антикоммунизм облечён в юридические формы правительственной политики. В 1957-м четвёртый Закон об изменении уголовного права вводит уголовную

ответственность за устные и письменные выступления против ремилитаризации ФРГ. В 1960-м дополнение к Закону о воинской повинности даёт правительству право проводить в мирное время всеобщую мобилизацию – без одобрения парламентом. В 1961-м Закон о цензуре почтовых отправлений легализует перлюстрацию (вскрытие писем). Восстанавливаются нацистские законы об измене, посягательстве на безопасность страны, «О защите государства и партии от предательских посягательств». В 1964-м бундестагом принят закон о регулировании права на создание общественных союзов. Изменения, внесённые этим законом в Уголовный кодекс, обеспечивают уголовное преследование как членов запрещённых организаций, так и поддерживающих их лиц.

Параллельно власти постоянно отказывают в требованиях запрета фашистских организаций (ведь они за капитализм, как и правительство). Например, очень уютно живётся ХИАГ, «организации взаимопомощи бывших членов СС» – среди её членов есть депутаты бундестага, она выпускает газету «Фрайвиллиге».

«Денацификация» официально закончена 1 января 1964 г., но она и раньше проводилась в мизерном масштабе.

Федеральная служба по охране конституции напичкана нацистами – по иронии судьбы, именно в её задачи входит борьба с неонацизмом. В частности, один из её создателей, глава отдела по сбору информации – бывший офицер гестапо (где также заведовал сбором информации) Эрих Венгер. Он же подавлял партизанское движение во Франции.

Федеральная разведывательная служба (БНД): буквально реликт нацистского периода – состоит только из гитлеровцев. Создал её, под началом администрации США, один из высших чинов СС, генерал абвера Райнхард Гелен. (Неудивительно, что БНД 3 года держало под сукном информацию о местонахождении одного из главных организаторов холокоста Адольфа

Эйхмана, пока последнего не разыскали самостоятельно израильские спецслужбы.)

В результате всего этого гитлеровцы составили 85 % чиновников ФРГ.

Сплошь из военных преступников состоит и высшее офицерство.

Более того – на антифашистской пропаганде тоже часто наживаются нацисты, в том числе эсэсовцы. Например, труды Ханны Арендт (1906-1975), известнейшей антифашистки, немецко-американского философа еврейского происхождения, живущей в США, выходят в ФРГ в либеральном издательстве «Пипер Верлаг». Глава издательства Ганс Рёсснер в восторге от её произведений. В частности, издаёт её труд о «легендарном» нацистском палаче Адольфе Эйхмане. Встречается с ней, постоянно переписывается. Письма старомодно церемонные: «Высокоуважаемая милостивая фрау! То, что Вы пишете о гуманизме и истине, принадлежит к озарениям, о которых следует долго говорить...». По свидетельству вдовы Рёсснера, портрет Арендт стоял на его письменном столе до его смерти в 1999-м. Арендт, надо думать, была в восторге от столь услужливого издателя и почтительного корреспондента, не подозревая (да так и не узнала), что Рёсснер коллега того самого палача Эйхмана – он тоже эсэсовец, автор докторской диссертации «Объевреивание немецкой духовной жизни», бывший глава подразделения науки и искусства в Главном управлении имперской безопасности третьего рейха. (Эту историю выяснил немецкий историк Михаэль Вилдт, изложив её в книге «Поколение обязательных».)

Даже Красный крест ФРГ, уж на что, казалось бы, безобидная организация, спонсирует нацистских преступников и предупреждает их в случае опасности, если их разыскивают правоохранительные органы других стран (именно других, ибо местные органы сами из нацистов и состоят).

(Есть сильный роман Фредерика Форсайта «Досье ОДЕССА», с массой документальных сведений на эту тему (Форсайт знаменит дотошностью при сборе материала). Думаю, это лучший его роман, хотя «День Шакала» известнее.)

Преступления гитлеровцев тотально замалчиваются. Большинство молодёжи не знает о существовании евреев, считая их мифическим библейским народом. О замалчивании геноцида советских народов говорить излишне. Учебники истории не говорят о фашизме. Беата Кларсфельд, немецкая журналистка, получившая известность борьбой за разоблачение нацистов, узнала о холокосте только в 1960-м, в 21 год, в Париже. (Многие западные немцы, приезжая в Россию девяностых, смотрели фильм о войне «Семнадцать мгновений весны» разинув рты, как откровение.)

Есть интересная фотография от 3 мая 1945 г. – немка, проходя с сыновьями мимо тел 57 погибших красноармейцев, закрывает глаза одному из детей. Это вроде бы правильно, но после войны фотография приобрела зловещий смысл – точно так же немцы военного времени стараются скрыть от нового поколения, что они натворили, «пройти мимо» в миллион раз большего количества трупов, чем на этом фото.

«Фашизм, его преступления и война (мой отец тоже был солдатом вермахта) были запретными темами, и это давило на всех, создавая глухую атмосферу зажатости и молчания. Я уже тогда смутно догадывалась, что в основе всего этого лежит чудовищная вина, о которой никто не говорит вслух», «Мы, дети, слышали и о лагере, и о газовых камерах, и о печах, где сжигали трупы. Но нам никто ничего не говорил, мы знали это только из случайно подслушанных разговоров взрослых. Если взрослые замечали наше присутствие, разговоры, всегда ведшиеся полушёпотом, тут же прекращались. Мы не знали точно, что происходило раньше, мы только пытались составить себе представление об этом по обрывкам фраз: “все же знали, что стало с этими людьми в автобусах», или «все же чувствовали этот запах”» (из речи на суде члена РАФ Биргит Хогефельд в 1995-м. Все цитаты из Хогефельд оттуда же.) В

деревне, где жила Хогефельд, располагался концлагерь; в близлежащем городке Хадамер проводилась «эвтаназия» – уничтожение неизлечимо больных.

Большинство людей старше 40 лет и не скрывают, что остались гитлеровцами. «Соседи могли подойти к тебе и сказать в лицо: “При Гитлере тебя отправили бы в газовую камеру”», вспоминала сестра Гудрун Энслин, Христиана.

«Выбраться из царившей в обществе атмосферы затхлости и тесноты было некуда. Реакция окружающих даже на самые слабые попытки что-то изменить своими силами ясно показала, что позиция властей и большей части общества не оставляет места иному образу жизни, иным идеям. Мы отчётливо почувствовали это противостояние, когда ещё пятнадцати-шестнадцатилетними школьниками участвовали в демонстрациях (неважно, за школьное самоуправление или против Вьетнамской войны). В лучшем случае прохожие кричали нам: “Если вам здесь не нравится – убирайтесь в зону!” (В ГДР. ФРГ вообще не признавала её до 1975-го. А по Конституции ФРГ весь Берлин (не только Западный) был отдельной федеральной землёй, но никто кроме ФРГ этого не признавал. – Л.). Но нередко мы слышали и другое: “Таких, как вы, при Гитлере мигом отправили бы в печь!” И это были вовсе не отдельные голоса: вокруг таких людей всегда собиралось множество сторонников, и реплики противоположного свойства были исключением» (Биргит Хогефельд). «В шестьдесят восьмом мы поднялись на борьбу за справедливый и гуманный мир, а наши родители почти сплошь были нацистскими преступниками или их пособниками, и огромное большинство взрослого населения этой страны в то время было так или иначе связано со своей историей и всю жизнь пыталось свалить с себя ответственность за неё. Сама мысль, что эти люди могут стать нашими союзниками, показалась бы нам тогда абсурдной: в этом отношении исходные условия были иными, чем у левых в других странах» (там же).

Людей, публично называющих гитлеровский период лучшим в истории Германии, в социологических опросах 1954-го 42 % населения. Большинство остальных восхваляют фюрера более осторожно, в узком кругу.

Можно вспомнить оценку советского писателя-диссидента Фридриха Горенштейна, жившего в ФРГ в 1980-2002 гг. и собиравшего материалы о нацизме: «Спорить можно только об одном – 98 или 99 % немцев поддерживало Гитлера». Заодно вспоминается интересная фотография 1936 г.: среди толпы людей, отдающих нацистское приветствие (гражданских лиц, не военных), стоит только один не сделавший этого, со сложенными на груди руками. Через несколько десятилетий ситуация не изменилась.

Карл Ясперс (из крупнейших экзистенциалистов) подсчитывает количество немцев, не причастных к нацизму, и не может насчитать более полумиллиона – это примерно 1,5 % совершеннолетних (Ясперс, «Куда движется ФРГ? Факты. Опасности. Шансы»). А безусловных противников нацизма ему удаётся насчитать лишь 0,015 % населения – 1 человек из 6 700. Неудивительно, что Томас Манн настаивал на коллективной ответственности немцев за нацизм, не пожелав вернуться в послевоенную Германию.

Будущие красноармейцы делают вывод – произошла не официально заявленная денацификация, а «ренацификация». Царит «институциональный фашизм». К началу семидесятых они составляют досье на 364 000 безнаказанных гитлеровцев, зачастую крупных чиновников и персональных пенсионеров. (Военных преступников гораздо больше – в одних только СС и СА, признанных Нюрнбергским трибуналом преступными, состояло 4,5 млн человек.) Они ещё верят, что правительство не знает этого и примет меры.

(К 1980 г. перед судом предстало 4,2 % преступников, осуждены 1,7 %, почти все – на символические сроки. Серьёзно наказанных – менее 0,5 %.)

Антифашистской молодёжи ещё «не стало ясно, что ни ’’свобода, равенство, братство”, ни права человека, ни Устав ООН не составляют содержания этой демократии; что здесь ценится то, что всегда считалось признаком колониальной и империалистической эксплуатации Латинской Америки, Африки и Азии: дисциплина, подчинение и жестокость для угнетённых, для тех, кто встаёт по ту сторону, протестует, сопротивляется, ведёт антиимпериалистическую борьбу» (Майнхоф, «Концепция городской герильи», глава 3).

Реакция наступает по всем направлениям. «О захолустности свидетельствует и дисциплинарное взыскание в адрес депутата бундестага за то,

что в его журнале публикуется статья, где автор сомневается в существовании геенны огненной. О захолустности говорит и запрет светского правительства критиковать папу римского», «Как же обычному потребителю газетной и телепродукции составить объективное представление о развитии мировой истории в атмосфере такого убогого провинциализма, среди этой затхлости, заплесневелости и вони?» (Майнхоф, «Захолустье – и мелкотравчатое к тому же»). Обсуждать нельзя не только вопрос о существовании «геенны огненной». В 1962-м разоблачавший коррупцию министра обороны журнал Der Spiegel взят штурмом силовиками, и его издатель Рудольф Аугштайн провёл 3 месяца в тюрьме по обвинению в государственной измене.

Ульрика Майнхоф

Вокруг вычисляющих военных преступников сплачиваются сотни студентов, главным образом из левых групп «Красных ячеек».

Круг чтения будущих красноармейцев – первоочерёдно Маркс, Маркузе, Ясперс, Фромм, Сартр, Вильгельм Райх, Энценсбергер, Че Гевара, Мао, а также Ленин, Троцкий, Хоркхаймер, Адорно, Режи Дебре, Руди Дучке, Майнхоф, латиноамериканские теоретики герильи.

«Разрыв с нацизмом не может быть низведён до уровня детской игры в песочнице. Это касается и молодёжи, и старшего поколения», «Тот, кто бичует “старых наци”, должен сделать и следующий шаг: должен подвергнуть критике и все устаревшие политические концепции» (Майнхоф, «Гитлер в вас»).

Отсюда лозунг студентов 1967-1969 гг.: «Капитализм ведёт к фашизму – долой капитализм!»

Левая молодёжь чувствует вину за своих родителей, почти поголовно поддерживавших Гитлера. Отец Майнхоф был членом нацистской партии, двоюродный дед, что знаменитый лингвист, – тоже, ещё с 1933-го; свёкор Энслин, Вилли Веспер – крупнейшим нацистским поэтом (вступил в гитлеровскую партию в 1931-м, оставался убеждённым нацистом до самой смерти в 1962-м); отец Малера – также фанатичным нацистом, так переживавшим поражение вермахта, что застрелился в 1949-м, а дядя, Рейнхольд Никсдорф – крупным руководителем в СА. Мать Майнхоф убежала из советской оккупационной зоны не только чтобы найти работу по специальности – при проверке могли всплыть её доносы на коллег и соседей, участие в антисемитских компаниях etc. (Около 95 % гуманитариев, получивших докторские дипломы при нацистах, бежали из советской зоны в западные именно по этой причине.) Когда чуть позже леворадикала Фрица Тойфеля спросят на суде: «Кем был ваш отец?», он ответит: «Фашистом, разумеется. Ведь он из вашего поколения».

«Это был *конфликт поколений*» (Александр Тарасов, «Вьетнам близко, или Партизанская война на берегах Рейна»).

Борьба с преступным прошлым и борьба за лучшее будущее слились воедино.

1967

Начало года, ФРГ. Ульрика Майнхоф знакомится с лидером левого студенчества Руди Дучке. Они сдружатся очень быстро.

Апрель – май, Западный Берлин. «Коммуна 1» – община студентов Свободного Университета, организованная Дитером Кунцельманом и Фрицем Тойфелем, 1943 г. р. (приятелем Андреаса Баадера), студентом факультета публицистики, известным деятелем контркультурной сцены, автором и постановщиком авангардных политических хэппенингов (среди моложёжи Тойфель особо знаменит тем, что отбил любовницу у рок-звезды Мика Джаггера). Располагается в мансарде уехавшего в США писателя Уве Йонсона, арендующего её у Гюнтера Грасса. (Позже выяснится: мансарда прослушивалась американцами, считавшими супругу Йонсона чехословацким шпионом.)

«Коммунары» уважают Маркса, Ленина, Че Гевару, Мао и Хо Ши Мина. Практикуют юмористические акции: бросание в консульство США творога, воздушных шаров, заполненных краской и заварным кремом, шествия нагишом с венками на головах.

С ними дружен Андреас Баадер. На фотографиях, датированных августом, он танцует с Доротеей Риддер, там же и 27-летний «коммунар» Райнер Лангханс.

5 апреля, Западный Берлин. Во время визита вице-президента США Хьюберта Хэмфри Губерта 11 «коммунаров» забрасывают его пакетиками с пудингом в знак протеста против войны во Вьетнаме. Студенты арестованы и избиты полицией, обвинены в попытке бросить в вице-президента бомбу, якобы полученную в китайском посольстве в ГДР. (Между тем спецслужбы располагают агентом, внедрённым в Коммуну, и знают об отсутствии у «коммунаров» оружия.) В СМИ передана информация о предотвращении теракта – покушения на жизнь политика с использованием взрывчатых веществ.

Правоконсервативная газета «Бильд» требует от правительства «разобраться наконец с этими бомбистами».

«Бомба» оказывается пудингом, мукой, йогуртом и парой дымовых шашек. Задержанные освобождены, но судебные разбирательства по «пудинговому делу» протянутся ещё 10 лет.

«Студенты один раз получили по башке — когда вышли на демонстрацию против США, считавшихся тогда оплотом демократии. Вот тогда-то все и поняли: этот оплот демократии врежет тебе по черепу и погубит другие народы!» (член «Движения 2 июня» и РАФ Ральф Райндерс, из соавторской книги с Рональдом Фричем «Движение 2 июня», 1995 г.. (рус. перевод – 2019 г., изд. «Самоопределение»). Ниже все цитаты из Райндерса и Фрича оттуда же).

Напуганный Грасс выгоняет студентов из своего помещения. «Коммунары» переселяются на заброшенную фабрику.

Майнхоф теряет уважение к Грассу. Позже, в «Концепции городской герильи», она назовёт его «мудилой».

В ФРГ ходит анекдот: Хэмфри хотели закидать напалмовыми бомбами, за то что США сбрасывают на вьетнамских детей пудинг.

«Пудинговому покушению» (Майнхоф) посвящена статья Майнхоф «Напалм и пудинг».

«Ну разумеется, преступление – не сбрасывать напалмовые бомбы на женщин, детей и стариков, а протестовать против этого. Преступно не уничтожение посевов – что обрекает миллионы на голодную смерть – а протест против этого. Не разрушение электростанций, лепрозориев, школ и плотин – а протест против этого. Не террор и пытки, применяемые “частями специального назначения” в Южном Вьетнаме – а протест против этого. Недемократичны не подавление свободного волеизъявления в Южном Вьетнаме, запрет газет, преследования буддистов – а протест против этого в “свободной” стране.

Считается “дурным тоном” бросаться в политиков пудингом и творогом, а вовсе не принимать с официальным визитом политиков, по чьей вине стирают с лица земли целые деревни и бомбят города. Считается “дурным тоном” устраивать на вокзалах и уличных перекрёстках дискуссии об угнетении вьетнамского народа, а вовсе не колонизировать целый народ под предлогом “борьбы с коммунизмом”».

«Своими демонстрациями против войны во Вьетнаме студентам удалось слегка прощупать демократию ФРГ. Демократия оказалась гнилой. Это открытие является безусловной заслугой студентов. Что мы и доводим до сведения общественности».

Майнхоф занята темой Вьетнамской войны с марта 1966-го, когда она критиковала в «Конкрете» замалчивание западногерманскими СМИ Пасхального марша против войны.

Ульрика Майнхоф

12 мая, ФРГ. «Коммуна 1» исключена из Социалистического союза немецких студентов.

13 мая, Западный Берлин. У Гудрун Энслин и Бернварда Веспера рождается сын Феликс, чьим крёстным отцом становится Руди Дучке.

24 мая, Западный Берлин. Через 2 дня после пожара Брюссельского универмага члены Коммуны распространяют в университете листовку. Они шутят: поджог универмагов – хороший способ приблизить революцию. Ряд «коммунаров» и студентов (среди них Фриц Тойфель и Райнер Лангханс) арестованы и обвинены в подстрекательстве к поджогам.

Конец мая, Западный Берлин. ФРГ готовится к официальному визиту шаха Ирана Мохаммеда Рез*а* Пехлев*и*, с посещением Западного Берлина. Тысячи студентов протестуют против визита шаха, прозванного ими «императором пытки», применяющего средневековые истязания (поджаривание на медленном огне на решётке, сажание на электроплиту, сдирание кожи заживо, медленное скармливание крысам etc).

28 мая, Западный Берлин. Ульрика Майнхоф публикует «Открытое письмо Фар*а*х Диб*а*» (шахине), высмеивающее ложное благополучие иранского общества и приводящее примеры жестокостей шахской охранки САВАК. Статья Майнхоф перепечатывается и распространяется в университетах. Издательство «Шпрингер» требует запретить его.

Майнхоф осведомлена о происходящем в Иране во многом благодаря знакомству – личному тоже – с активистом Конфедерации иранских студентов, иранским писателем, литературоведом и переводчиком на немецкий Бахм*а*ном Нирум*а*ндом (1936 г. р.), эмигрировавшем в ФРГ в 1965-м, спасаясь от казни в Иране как сторонник Маркса и Ленина. Тут он и познакомился с Майнхоф. (Впрочем, ещё в 1960-м Нируманд защитился в Тюбингенском университете с диссертацией о влиянии европейской драматургии на современную иранскую литературу.) В 1967-м в ФРГ вышла его книга «Иран: модель развивающейся

страны или диктатура свободного мира?», сильно повлиявшая на левые и либеральные круги Запада.

(В 1969-м, под давлением шахского режима, ФРГ решит выслать Нируманда, несмотря на разрушение семьи (Нируманд был женат на западной немке, они имели дочь Мири*а*м), однако в последний момент Сенат Западного Берлина разрешит ему пребывать на своей территории.)

Ночь на 31 мая, Западный Берлин. Социалистический союз немецких студентов и Конфедерация иранских студентов расклеивают плакаты о розыске опасного преступника – шаха Мохаммеда, с подписью «убийство». На стенах коммун, кампусов и книжных лавок – портреты шаха, распространяемые венским «Международным фондом свободы», под объявлением «Разыскивается преступник». «Коммуна 1» готовит маски монаршей четы для демонстрации.

Весна, ФРГ. Майнхоф просит у Национального совета ГДР 1 000 строительных шлемов для защиты демонстрантов в Западном Берлине. Запрос проверен, но не выполнен.

1 июня, Западный Берлин. Полиция и муниципалитет спешно срывают плакаты. Стены города сплошь в белых пятнах. Приведены в боевую готовность более 5 000 сотрудников полиции и национальной жандармерии. Иранские оппозиционеры в ФРГ арестованы – без правового основания. Власти Баварии высылают из Мюнхена 107 иранских студентов.

Вечером у военного представительства Чехословакии проходит демонстрация протеста сотен берлинцев против визита шаха.

2 июня, Западный Берлин. Утром начальник полиции Эрих Дуэнзинг по местному телевидению призывает доносить на зачинщиков беспорядков.

Распоряжением бургомистра Генриха Альбертца полиция получает свободу действий для подавления антишахских выступлений.

Гудрун Энслин оставляет 2-недельного сына Бернварду Весперу и отправляется на митинг протеста. Туда же отправляется Хольгер Майнс.

«Ежедневно мы видели по телевизору войну во Вьетнаме – сожжённых детей, уничтоженные напалмом деревни. Мы протестовали против войны, против того, что Германия союзник США. Ведь кто ещё был в НАТО? Диктаторская, колониальная Португалия (Португалия имела колонии в Африке – Л.), диктаторская Испания (Испанией правил союзник Гитлера Франко – Л.). В Греции к власти пришла военная хунта. В Италии рассматривалась идея военной диктатуры, если позиции коммунистов усилятся. Общественный конфликт достиг такого накала, что никто не хотел слушать другую сторону. Если вначале мы выходили на демонстрации с лозунгами “Ни марки на войну во Вьетнаме”, то вскоре пришли к лозунгу “Даёшь победу в мировой гражданской войне”» (интервью 2000-х гг. члена РАФ Клауса Юншке).

Вечером 3 000 манифестантов, главным образом студенты, выстраиваются напротив полицейских кордонов поперёк улицы от Дома Немецкой Оперы, куда едет шах. Повторяется дневная сцена, посещение шахом городской ратуши, когда студенты выкрикивали имя арестованного шахом экс-премьер-министра Мохаммеда Моссад*ы*ка и скандировали «Шах-шах-шарлатан!». «Шарлатан! Убийца!», выкрикивают студенты перед оперой, «Джонсон – убийца!», «Шах – Гитлер – Ки!». (При президенте Джонсоне США начали ковровые бомбардировки Вьетнама. Нгуен Као Ки – проамериканский ультраправый премьер-министр Южного Вьетнама.) В Мохаммеда бросают надувные шары с алой краской, яйца, пакеты с пудинговым порошком и творогом, но они, как и у ратуши, не долетают до шаха. Монаршая чета проходит в Оперу.

Небольшая, но агрессивная группа иранцев шумно выражает преданность шаху (она сформирована шахскими спецслужбами и перевозится ими из города в город). Она отгоняет демонстрантов от здания Оперы палками почти с

человеческий рост. В результате студенты рады прибытию конной полиции. Они не догадываются, кому на помощь прибыла эта конница.

Пока восточный деспот и по совместительству буржуй ФРГ (купивший 25 % акций концерна Круппа) слушает «Волшебную флейту» Моцарта в компании бургомистра – лютеранского пастора – Альбертца и начальника полиции Эриха Дюнзинга, полицейские решают продемонстрировать «”сильную власть’’ толщиной с дубинку» (Майнхоф, «Третий проект»), опробовав «тактику ливерной колбасы» – новый способ разгона демонстрантов, изобретённый Дюнзингом. Сам он так разъясняет эту тактику: толпа между тротуарами и зданиями подобна колбасе в оболочке, нужно зажать демонстрантов в кулак как ливерную колбасу и давить их до тех пор, пока колбаса не лопнет.

Полицейские, обеспечив беспрепятственный отход иранским студентам, клином врезаются в середину «колбасы», манифестанты разбегаются в стороны, где их опять же ждут полицейские. Людей избивают резиновыми дубинками, забрасывают дымовыми шашками. Женщин бьют наравне с мужчинами. Девушку, прятавшуюся за строительными заграждениями, бьют 3 полицейских, ногами и дубинками. Стихийно возникающие очаги сопротивления подавляются водомётами. Многие демонстранты садятся на мостовую, демонстрируя неагрессивность, но их бьют наравне с прочими. Тогда избиваемые ложатся, сбиваясь в плотные кучки, но это тоже не помогает. «Зачем вы нас бьёте?! Ради средневекового деспота?», «Зачем вы защищаете шаха? Если бы вы знали, что происходит в Иране, вы были бы на нашей стороне», кричат полиции студенты. Они не знают, что шах стал крупным западногерманским капиталистом. Они ещё не понимают, что полиция сама из маленьких шахов и состоит. Впрочем, последнее уже становится очевидным. «Гестапо! Гестапо!», кричат люди. Полицию это не смущает, поскольку наследницей гестапо она и является. (Днями позже даже политически правое

телевидение признает: «некоторые разъярённые полицейские применяли силу сверх всякой меры».)

Фото Михаэля Ройца с демонстрации 2 июня 1967 г. в Западном Берлине. Полицейский прячет лицо, учитывая им содеянное.

«Раньше демонстрантов игнорировали – теперь перестали игнорировать: стали бить» (Александр Тарасов, «Капитализм ведёт к фашизму – долой капитализм!»).

Ближе к концу моцартовского шедевра Дюнзинг покидает оперу, дабы лично возглавить вторую часть избиения. К 8 ч. вечера начинается фаза полицейской операции под кодовым названием «охота на лис». Выходы на параллельные улицы блокируются. Полицейские, как в форме, так и в гражданской одежде, хватают и избивают кажущихся студенческими активистами. Подозрительными признаками являются длинные волосы, борода, бакенбарды, красный цвет в одежде, рубашки навыпуск. Журналисты

консервативных изданий фотографируют окровавленных демонстрантов, чтобы на следующий день опубликовать эти снимки под названием «Новые жертвы левых террористов».

Фриц Тойфель, сооснователь «Коммуны 1», швыряет в полицию камень. Он арестован.

Возглавляющий одну из «команд охотников» сержант Карл-Хайнц Куррас приставляет пистолет к голове схваченного демонстранта, пытавшегося убежать. Стреляет в затылок. 26-летний студент-теолог Бенно *О*незорг, пацифист и доброволец евангелистской общины Ганновера, что впервые на митинге, скончался в карете скорой помощи. Дома его ждала беременная жена.

Полицейские орут на девушку, склонившуюся над застреленным (тогда ещё живым): «Что?! Вы хотите помочь ему?!». Имя девушки мне выяснить не удалось, но её показания озвучены, в частности в документальном фильме «Молодёжь Германии». «В этот момент я увидела человека в красной рубашке, позже оказавшегося Бенно Онезоргом. Внезапно один человек в униформе вытянул руку в его сторону, и тот медленно повалился на землю. В этот момент двое полицейских, стоявших у машины, тоже выстрелили в него, а затем набросились. Потом они вроде остановились, успокоились... а затем продолжили избивать. Он лежал на спине совсем неподвижно. Я подбежала, склонилась над ним, обернулась и увидела, что полицейские снова собираются его избивать. Я попросила: “Пожалуйста, не бейте”. Они вызвали “неотложку”. Я стояла на улице и наблюдала, как его увозят. В этот момент включили водомёт, и я медленно пробралась сквозь толпу демонстрантов, потому-что на всех пытавшихся бежать направляли водомёт. Я... медленно пошла к станции “Зоопарк”... в совершенно опустошённом состоянии. Я никак не могла поверить, что столько жестокости, столько силы было направлено против молодых людей, слабых людей, против... беззащитных женщин».

Онезорга погубили красная рубашка навыпуск и сандалии на босу ногу – людей подобного вида стражи порядка считали смутьянами. (Появись на демонстрации библейский Христос, каким его изображают живописцы, ему пришлось бы не слаще – длинные волосы и борода вызывали не меньшее раздражение.)

Эта смерть всё поменяла. Растущее левое движение обрело мученика. Многие демонстранты позже вспоминали: их потрясло именно то, что погибший был даже не вполне левым, он только был пацифистом и против пыток, как христианин, и его убили.

Теперь демонстранты не желают расходиться. Многие из них идут к офису Социалистического союза немецких студентов.

«Беззаконие, от которого пострадал кто-нибудь один, помножается на число негодующих против этого беззакония, и закваска начинает бродить» (Бальзак, «Сельский врач»).

«Фасад рухнул» (Майнхоф, «Все говорят о погоде», 1969 г.).

Ночь со 2 на 3 июня, Западный Берлин. Стихийный митинг памяти Онезорга на Курфюрстендамм. Среди собравшихся – Энслин, отрекающаяся от пацифизма, кричащая: «Это фашистское государство, желающее убить нас всех. Мы должны сопротивляться. Насилие – единственный способ ответить на насилие. Это поколение Освенцима, договориться с ним невозможно».

Слова Энслин становятся знаменитыми, мгновенно разнесясь среди десятков тысяч людей. С тех пор они цитировались и цитируются тысячи раз. Словосочетание «поколение Освенцима» становится устойчивым в левой литературе. Да и не только левой, оно входит в речь. Ровно через треть века Гюнтер Грасс использует его, не ссылаясь на Энслин, характеризуя своё поколение.

В ту ночь Энслин, возможно, как оратор сравнялась с Майнхоф.

3 июня, Западный Берлин. Свободный Университет временно закрыт. По чрезвычайному закону, оглашённому по радио, запрещены любые сборы, демонстрации, вывешивание плакатов и транспарантов.

Бургомистр Альбертц выступает с заявлением, что «…терпению города настал конец. Демонстранты не только оскорбили государственного гостя, но и убили одного и ранили десятки человек». Т. е. следует тактике журналистов, публикующих фотографии раненых демонстрантов как «новых жертв левого терроризма».

Ок. 600 студентов с чёрными флагами и чёрными траурными повязками на головах пробиваются к площади возле городской ратуши. Полиция оцепляет демонстрантов и оттесняет на соседние улицы, где одних арестовывают, других разгоняют.

Студент-искусствовед Петер Хоман придумывает изобретательную шутку в обход запрета на демонстрации. 8 человек наряжены в белые рубашки с буквой спереди и буквой сзади. Если они повернутся передом, получается A-L-B-E-R-T-Z-!, имя бургомистра, если задом (кроме первого с шестым): A-B-T-R-E-T-E-N, «уходи в отставку». Восклицательный знак – на майке Энслин.

Акция Петера Хомана 3 июня 1967 г. Крайняя справа – Гудрун Энслин

4 июня, Западный Берлин. Фотографии этой акции появляются во всех западногерманских газетах. Несмотря на изобретательность Хомана, все восьмеро арестованы.

Студенческий комитет Свободного Университета создаёт «самостоятельную следственную комиссию по расследованию инцидента, приведшего к гибели демонстранта, а также противоправных действий полиции 2 июня 1967 года». Возглавляет комиссию Хорст Малер.

Начало июня, Западный Берлин. Десятки студенческих активистов собирают показания, опрашивая прохожих и жителей близлежащих от места побоища домов. Посещают судебные заседания, протоколируя реакцию

представителей юстиции и специальной парламентской комиссии. Собрано более 600 фотографий, 650 письменных показаний, километры кино- и аудиоплёнки. Изучены уставы и служебные инструкции правоохранительных органов.

Опять приходится вспомнить слова Майнхоф: им ещё «не стало ясно, что ни “свобода, равенство, братство”, ни права человека, ни Устав ООН не составляют содержания этой демократии…». Что полиция состоит из маленьких шахов, молодёжь поняла, но ей ещё трудно поверить, что в правительстве тоже сидят шахи.

9 июня, Западный Берлин, Ганновер. Похороны Бенно Онезорга. Траурный кортеж из 200 с лишним машин сопровождает гроб в Ганновер. На похоронах более 10 000 человек, большей частью студентов.

Июнь, ФРГ. Демонстрации протеста, с участием более 100 000 студентов, прокатываются по Бонну, Западному Берлину, Франкфурту-на-Майне, Мюнхену, Хайдельбергу, Марбургу, Майнцу и Тюбингену. В первые же дни выступлений в штаб-квартиру студентов поступает более 500 писем поддержки. Идут траурные митинги в университетах, кампусах, коммунах, отелях и церквах.

На одном из митингов лидер студенческого комитета Кристофер Эмман заявляет: «Как поход Гитлера в Испанию стал испытанием его военной машины, так визит шаха послужил органам исполнительной власти удобным случаем для испытания спецмероприятий в условиях чрезвычайного положения…». Хорст Малер: «Не стоит говорить об эскалации студенческих протестных форм. Стоит допустить возможность того, что эта эскалация исходит со стороны властей. Я хочу сказать, что события 2 июня в Берлине отчётливо об этом свидетельствуют. Я считаю – я хочу высказаться здесь, что полиция Западного Берлина допустила в этом деле большую стратегическую

ошибку. Полиция не осознала, что вокруг этого события соберётся вся пресса, все репортёры. В их распоряжении достаточно материалов, чтобы точно, по минутам воссоздать произошедшее, со всей возможной педантичностью».

«Убийство Бенно и реакция властей на него уничтожили наши последние иллюзии об этой системе», скажет позже активист левого движения Вилли Веспер. «Фактически политизация началась не раньше, чем выстрел в Бенно Онезорга 2 июня 1967 года. У нас было ощущение, что расстреляли всех нас», напишет в 1995-м Ральф Райндерс, тогда ещё 19-летний участник демонстраций против Вьетнамской войны. Гюнтер Грасс пишет о «первом политическом убийстве» в ФРГ.

Конец июля, Западный Берлин. Андреас Баадер сближается с представителями студенческого движения и внепарламентской оппозиции. Встречает Гудрун Энслин на сборе студенческих активистов. «Они влюбляются друг в друга немедленно», пишут обычно об их встрече. Возможно.

7 августа, Западный Берлин. Баадер и Энслин проводят символическую атаку дымовыми шашками Гедехтнискирхе – мемориальной церкви кайзера Вильгельма. Всё обошлось без последствий.

13 августа, ФРГ. Принят закон «Об ограничении тайны переписки, почтовой, телеграфной и телефонной связи». Власти продолжают шагать назад к Гитлеру.

Лето, Западный Берлин. Полиция выставляет смерть Онезорга случайной, но противоречит себе: то объявляется, что оружие выстрелило случайно, то говорится, что пуля срикошетировала от земли, то говорят, что убийство заказано властями ГДР для провоцирования беспорядков. Убийца Куррас действительно был агентом Штази, Министерства госбезопасности ГДР (с 1955-го, сам предложил платные услуги информатора), это выяснится в мае 2009-го. Но после этого убийства Штази в одностороннем порядке обрывает

контакты с ним, а в ФРГ Куррас сделал впоследствии неплохую карьеру – в 1971-м назначен главным инспектором полиции, проработал до отставки в 1987-м, в 60 лет.

Эмоциональная Гудрун Энслин особенно потрясена гибелью Онезорга. «Мы пытались ей объяснить, что политические события требуют анализа, – рассказывал один из товарищей Энслин, – но она вновь и вновь твердила: “Сопротивляться насилию можно только борьбой”, а по её щекам текли слёзы». Как уже отмечалось, «железный путь» (Мелвилл) Майнхоф начался в 21 год, в середине жизни. У Энслин – в лермонтовском возрасте, в середине совершеннолетней жизни.

Гудрун Энслин, 1968 г.

Лето-осень, Западный Берлин. Возбуждены уголовные дела против 92 полицейских и чиновников. В сентябре ряд крупных чиновников, вкупе с бургомистром, выходит в отставку. Но никто не осуждён. 21 ноября Куррас, убивший Онезорга, оправдан судом. Даже в предварительном заключении он не провёл ни дня.

Правая пресса предлагает использовать против студентов спецотряды дзюдоистов.

Главный редактор «Шпигеля» Рудольф Аугштайн заявляет: «Помидоры не должны попадать шаху в голову. А против тех, кто его забрасывает помидорами, надо применять водомёты. И против женщин тоже. И на этом окончим разговор о само собой разумеющихся вещах».

Выходит статья Ульрики Майнхоф «Водомёты. И против женщин тоже». В ней приведено множество любопытнейших цитат (одна из них, как видим, составила название статьи). Из «Бильда»: «Кто покушается на мораль и благопристойность, должен быть готов к тому, что приличные люди призовут его к порядку». Из «Вельт ам зонтаг»: «Они размахивают красными знамёнами и протестуют против всего, что дорого Западу. Они орут во всю глотку против Америки, против Южного Вьетнама (проамериканского – Л.), против Израиля, против шаха, против германского федерального президента – и молчат о нарушении прав человека на Востоке (в СССР – Л.)». Из «Пассауер нойен прессе»: «Политические полуслепцы, однако, молчат о нарушениях прав человека на Востоке…» Из «Бильд цайтунг»: «Кто провоцирует террор, должен заранее смириться с жестокостью».

Двусмысленность слов последней цитаты никто не осознаёт, ни автор, ни левая молодёжь, против которой эта фраза направлена. Мы к ней вернёмся, но сперва опишем события последующих 30 лет.

Наблюдения самой Майнхоф иного характера.

«Шум вокруг студенческого движения и внепарламентской оппозиции, шум провинциальный и федеральный, шум и внутриевропейский, и международный, начался по большому счёту только 2 июня 1967 года – с убийства в Берлине Бенно Онезорга. С тех пор мировая пресса обращает внимание на действия студентов и внепарламентской оппозиции, с тех пор действия рождают аршинные заголовки в газетах и скандалы в семьях».

«Раньше играли в публичную вражду, чтобы вскоре вновь миловаться друг с другом. Теперь – нет. В результате уже не удаётся закамуфлировать всё неприглядное и замолчать всё постыдное. Больше не удаётся устранить тошноту принятыми пилюлями, не удаётся победить депрессию чашечкой кофе, голодные боли – чаем с мятой, пошлую трезвость – шнапсом». Здесь 4 каламбура: говоря о «тошноте», Майнхоф обыгрывает название романа Сартра, разумея экзистенциальное неприятие буржуазного мира; «депрессия» – как психологический и психиатрический, так и экономический термин; голодные боли в желудке мучают как язвенников, так и голодающих; «пошлая трезвость» по-немецки означает ещё и «мещанскую осмотрительность».

«Художественный образ собаки со вспоротым животом, которая, однако, не воет от боли, поскольку у неё перерезаны голосовые связки, более не соответствует образу ФРГ. Сейчас собака, пусть негромко, но завыла».

«Обнажить общественные противоречия всегда стремятся те, кто от этих противоречий страдает. А скрыть их стремятся те, кто на них наживается – и прекрасно себя при этом чувствует».

«…есть связь между классовым правосудием в ФРГ и империалистическими войнами в странах “третьего мира”, между отказом от демократизации системы высшего образования у нас и отказом от демократии в странах “третьего мира”».

«И всё же, как ни смешно, устроенный СМИ бойкот того, что хотят донести до общества студенты, разрушили как раз те, кто пишет статьи, обличающие студентов».

Из других текстов Майнхоф: ««Когда к нам прибыл персидский шах, мы мало знали про Иран, но ещё меньше мы знали о собственной стране», «Когда студенты вышли на улицы, чтобы рассказать правду о Персии, то наружу вышла и правда о стране, в которой мы живём. Оказалось, что нельзя получить должность шефа полиции, не симпатизируя при этом идеям полицейского государства».

В «Конкрете» Майнхоф требует экспроприации издательства «Шпрингер» как ответственного за убийство Оннезорга.

Ульрика Майнхоф

Сентябрь, ФРГ. Майнхоф присутствует на собрании, где лидеры левого студенчества Руди Дучке (руководитель ССНС) и Ханс-Юрген Краль говорят о необходимости «городской герильи» в поддержку сил сопротивления в странах третьего мира.

Октябрь, ФРГ. В результате морально-политических разногласий Майнхоф уходит от Рёля и подаёт прошение о разводе – Рёль, как «легальный левый», вполне обжился в буржуазном мире. Чтобы оставить у себя дочерей, поначалу живёт в Гамбурге.

На заседании ССНС Майнхоф говорит о необходимости большей связи между студенческими и рабочими протестами.

Декабрь, Западный Берлин. Проходит 4 конкурс экспериментального кино. Студенты Национальной академии кино и телевидения протестуют против фильма «Сад белого хмеля» Вольфганга Рамзготта. Проходят демонстрации против фильма, демонстранты главным образом студенты-кинематографисты. «Вы занимаетесь кино, а не политикой!», кричит студентам представитель дирекции одного из кинотеатров. «Но это кино про политику!», доносится из зала. Студенты разбрасывают листовки против империализма и «киноимпериализма США», и за окончание Вьетнамской войны. Из речи одной из студенток: «Мы, снимающие фильмы, давно хотим задокументировать войну берлинских студентов. И мы хотим не только документировать, но и действовать и агитировать. [Аплодисменты.] Мы не делаем не больше, чем правдивая, объективная служба новостей. Внутренние процессы нашего движения понятны только участвующим в них. Это участие изменило нас. Это участие окажет влияние на наши специфические условия работы. Если мы участвуе в акциях не напрямую, а через камеру, мы тоже агитируем, только в другом, техническом измерении».

2 половина 1967, Западный Берлин. Энслин заметно воздействует на политические взгляды Баадера, смещая их с анархистских позиций в сторону марксистских (кстати, она ведь и старше его на 3 года).

1967, ФРГ. Принят восьмой закон об изменении уголовного права – «изменой родине» считаются «любые действия, представляющие угрозу для

ФРГ». Этим вводится судебный произвол: например, сочтёт судья забастовку «угрозой для ФРГ», и забастовщики станут «изменниками родины». (Кстати, Фриц Тойфель, арестованный за камень, кинутый им в полицию на антишахской демонстрации, обвинён ни много ни мало как в «посягательстве на национальную безопасность».)

Майнхоф читает Маркузе, Франца Фан*о*на (1925-1961) и других известных авторов из «новых левых».

Ян-Карл Распе вступает в Социалистический союз немецких студентов.

Гудрун Энслин снимается в главной женской роли в экспериментальном 12-минутном фильме «По подписке» режиссёра Али Лимонади. В главной мужской роли – Ленхард Бруннер. Поскольку Энслин снялась в ряде сцен обнажённой (без эротики, в виде фотомодели), фильм становится скандальным, вызвав много шуму в СМИ. Есть и скрытая причина недовольства правых – в фильме критикуется злоупотребление СМИ властями. В дальнейшем в антирафовской пропаганде фильм будут называть порнографическим (это повторяется до сих пор), хотя его даже эротическим не назовёшь.

Кадры из фильма «По подписке» Али Лимонади, с Гудрун Энслин

В это же время Энслин с Баадером знакомятся с Майнхоф и Малером.

Знай правительства ФРГ, США и Израиля, что их ожидает в ближайшие 30 лет, они бы дорого дали, чтобы эти четверо не встретились.

1968

Январь, Западный Берлин. Прекращено уголовное преследование всех полицейских и чиновников, устроивших побоище 2 июня 1967 г.

Подруга Яна-Карла Распе, 29-летняя Марианна Херцог, совместно с Хельке Зандерс (в будущем известной режиссёршей) организовывает первую сессию Берлинского совета действий по освобождению женщин.

1 февраля, Западный Берлин. Хорст Малер организовывает в Техническом университете протестное мероприятие левого студенчества «Весенний трибунал». Хольгер Майнс анонимно представляет 3-минутный документальный фильм «Как мне сделать “коктейль Молотова”?». Подробно показан процесс сборки огневой бутылки, сцепление множества рук символизирует массовость революционного движения. Фильм становится известным в левых кругах, его будут смотреть в «Коммуне 1» и многих ВУЗах.

Начало февраля, Западный Берлин. Майнхоф выступает в телепередаче.

– Политическая активность – это целостное явление. Поэтому шпрингеровская пресса так охотно пишет о ней, а провинциальной прессе так нравится политически активная молодёжь. Неудивительно, как они едины в своём вопросе: что же из этого выйдет? Зачем? Ну что ж, это вопрос, ответ на который мы сами долго искали. Мы выступаем за рациональность в вопросе человечности. И поэтому мы не выступаем против войны вообще, как, кажется, высказался герр Хаузен. Мы выступаем в поддержку пытающихся освободиться от ужаса и насилия. И им не остаётся никакого другого способа, кроме войны. Значит, мы поддерживаем их войну.

– Фрау Майнхоф, мой вопрос касается только что услышанного. Я не знаю, могли ли вы уже осознанно воспринимать времена Третьего рейха, тоталитарный режим в Германии. Полагаю, что нет. Я мог, и понимаю разницу, и ценю её. Мой вопрос... Фрау Майнхоф, вы верите, что демократическое

противостояние должно происходить преимущественно или исключительно на улице?

Ульрика Майнхоф в момент, когда слышит слова: «*Я не знаю, могли ли вы уже осознанно воспринимать времена Третьего рейха, тоталитарный режим в Германии.»*

– Я ни в коем случае не считаю улицу особо подходящим способом выражать своё мнение. Но если кому-то ничего другого не остаётся, он не сидит в телевизоре и не говорит раз или два в неделю или по часу-двум то, что он хочет сказать, если у него нет миллионных тиражей шпрингеровских газет и журналов, если он хочет спорить и натыкается на запреты собраний, а когда хочет протестовать – на запреты демонстраций, то речь уже идёт об улице. Мы знаем, что предстоящий конгресс по Вьетнаму, на следующей неделе, должен

считаться с этими запретами. Поэтому я уверена, что это в духе демократии: когда есть люди, несмотря на все запреты использующие единственное доступное им пространство – улицу. И делающие это публично.

17-18 февраля, Западный Берлин. Международный Вьетнамский конгресс в Техническом университете, организованный Социалистическим союзом немецких студентов и рядом западноевропейских левых молодёжных организаций. Участники – 5 000 человек и 44 делегации из 14 стран. Главная роль принадлежит Руди Дучке и Карлу Дитриху Вольфу, лидерам левого студенчества. Тема – сопротивление США во Вьетнаме и западному империализму в целом. Майнхоф убеждает писателя и художника Петера Вайса (1916-1982) не отменять свою речь. Участвует и в 12-тысячной демонстрации против войны во Вьетнаме, которой завершается конгресс.

21 февраля, Западный Берлин. Этот день получил название «Один день вернувшегося нацизма». Издательский концерн «Шпрингер», принадлежащий оголтелому антикоммунисту лорду Акселю Цезарю Шпрингеру (и весь февраль нагнетавший погромные настроения), Сенат Западного Берлина и Организация немецких профсоюзов организовывают толпу молодчиков, зверски избивающую на улицах профессоров, студентов, журналистов и заодно всех длинноволосых.

(Тираж 18 газет «Шпрингера» (можно и без кавычек), выпускаемых в 5 городах – 2 млрд экземпляров в год – в будние дни составляет ок. 40 % общего тиража газет ФРГ, 70 % западноберлинской прессы, в выходные дни достигает 90 % по всей стране.)

После антивоенной демонстрации 18 февраля бургомистр Клаус Шутц призывал «посмотреть этим субъектам в лицо». Вот и посмотрели. (Позже Гельмут Коль скажет: «Они демонстрируют (ходят на демонстрации – Л.), мы правим».)

(В эти же месяцы будущий президент США, губернатор Калифорнии Рональд Рейган кричит в адрес молодёжи: «Ну что ж! Если им нужна кровавая баня, они получат кровавую баню!».)

Всё больше сбывается предсказанное 28-летней Майнхоф в 1962-м: «Из всех свобод останется только одна: свобода поддерживать правительство. А если и выступать против него – то уж точно не в форме массовых акций, не в форме жестокого противостояния, без всяких забастовок и демонстраций. Она, эта свобода, будет отменена раньше, чем сможет проявиться» («Человеческое достоинство»).

Февраль, Франкфурт-на-Майне. Андреас Баадер и Гудрун Энслин переезжают из Западного Берлина во Франкфурт-на-Майне. Энслин звонит мужу и сообщает, что окончательно ушла к Баадеру.

Во Франкфурте очень сильны левые настроения среди студенчества. Баадер и Энслин тут же вливаются в это движение. Энслин окончательно забрасывает диссертацию.

22 марта, Западный Берлин. Фриц Тойфель и Райнер Ланганс признаны невиновными в подстрекательстве к поджогам универмагов весной 1967-го и освобождены после 10-месячного предварительного заключения. Их адвокат Хорст Малер доказывает, опираясь на экспертов литературоведов, что листовки подсудимых – художественная литература, сатира, но не призыв к действию.

2-3 апреля, Франкфурт-на-Майне. Андреас Баадер и Гудрун Энслин решаются на акцию протеста против Вьетнамской войны – ФРГ участвует в ней на стороне США в обход конституции.

2 апреля Баадер и Энслин весь день осматривают универмаги. Оставляют самодельные зажигательные устройства с предохранителями в универмагах «Шнайдер» и «Кауфхоф». Их друзья, леворадикалы 26-летний Хуберт Зёнляйн (актёр экспериментального театра) и 27-летний Торвальд Проль (студент-

искусствовед) закладывают взрывчатку в складе «Кауфхофа». Во избежание жертв взрывы запланированы на ночь. В полночь устройства взрываются. Нанесённый ущерб – 673 204 марки (по нынешним ценам ок. 720 000 евро).

Это событие считается первой партизанской акцией будущей РАФ.

В момент первого взрыва Энслин звонит в Немецкое агентство печати из телефона-автомата и кричит: «Это политический акт мести!» В этом вся Энслин, её порывистый характер.

4 апреля, Франкфурт-на-Майне. Баадер, Энслин, Зёнляйн и Проль арестованы. Они решили переночевать у местной активистки Социалистического союза немецких студентов. Её парень, вроде тоже активист ССНС, оказался доносчиком. (Кстати, в этот же день убивают Мартина Лютера Кинга.)

11 апреля, Западный Берлин. 23-летний неонацист, маляр Джозеф Бахман подстерегает Руди Дучке. Трижды стреляет, попав Дучке в плечо и дважды в голову. 28-летний Дучке стал инвалидом (умер от последствий ранений в 1979-м). Бахман, скрывшись, принимает снотворного, пытаясь покончить с собой. Самоубийство также не удается. При задержании он заявляет полиции, что хотел убить Дучке, ибо тот коммунист.

Позже, приговорённый к 7 годам заключения, Бахман покончил с собой в тюрьме. Дучке писал ему в тюрьму письма, пытаясь приобщить к социализму.

(С Дучке расправились, как с Лениным – не сумев сразу убить, частично «вывели из строя» огнестрельным ранением в голову и ускорили их смерть.)

Врачи заявляют, что шансы Дучке выжить – 50 на 50. Студенческие активисты организовывают в Республиканском клубе пресс-конференцию. Через час 2 000 студентов отправляются в Технический Университет.

Студенты винят в покушении издательский концерн «Шпрингер», травивший главу ССНС, призывавший «остановить» Дучке, «усмирить»

«бунтарских вождей», называя Дучке человеком «страшнее Маркса и растленнее Фрейда», «помесью мавра Маркса и казака Троцкого». (Бахман, стрелявший в Дучке, был запойным читателем газет Шпрингера, при задержании в его кармане нашли газету Шпрингера со статьёй «Останови Дучке сейчас, иначе будет гражданская война!».) «Настоящие убийцы – Аксель Шпрингер и “Великая коалиция”», заявляет студенческий активист Берндт Рабель. Уже 5 000 студентов сходятся к 20-этажному штабу концерна напротив Берлинской стены (Шпрингер выстроил концерн именно здесь, дабы демонстрировать восточным немцам превосходство капитализма). Среди студентов Ульрика Майнхоф и сотрудник «Конкрета» студент Штефан Ауст, будущий исследователь РАФ.

Пока демонстранты идут к издательству, власти успевают обнести его рядами колючей проволоки и разместить у главного входа полицию с водомётами.

Студенты бьют стёкла издательства, блокируют подъезды машинами, препятствуя развозке газет грузовиками. 5 грузовиков сожжены «коктейлями Молотова», ещё 10 опрокинуты. Студентам удаётся направить против полиции один из её водомётов. «Убийца Шпрингер! Убийца Шпрингер!», кричат студенты.

Позже адвокаты Шпрингера оценят нанесённый ему ущерб в 500 996 марок 71 пфеннинг.

Майнхоф паркуется в конце баррикады. Всё же её арестовывают. Это её первое прямое действие против буржуазного государства.

Агент Федерального ведомства по охране конституции, провокатор Петер Якоб Урбан раздаёт демонстрантам бутылки с зажигательной смесью и предлагает Фрицу Тойфелю поджечь здание Оперы.

(Майнхоф избежит осуждения, убедив суд, что дело в халатности сотрудников стоянки, она просто не нашла места для парковки, а на демонстрацию попала из профессионального интереса журналиста. Штефан Ауст подтвердит её слова.)

Ульрика Майнхоф на демонстрации

13 апреля, Западный Берлин. Арестовано ок. 200 демонстрантов, среди них Фриц Тойфель.

1968 (до середины апреля), Гамбург. В телепередаче «Обесцененный авторитет» политически правый ведущий, объясняя присутствие Майнхоф, говорит о её мастерстве как полемиста, в частности признаёт: «Её авторитет основан на её аргументах». Майнхоф невольно улыбается.

Ульрика Майнхоф в момент, когда слышит вышеприведённый комплимент

Далее говорит Майнхоф: «Мы потеряли связь с родителями из-за их отношений с государством, когда они посвятили себя идеалам нацизма. И мы перестали доверять католической церкви, когда она заключила союз с нацизмом. Нужно пойти дальше, хотя сегодня эта тема редко поднимается, и сказать, что предприниматели утратили наше доверие из-за своей авторитарности, из-за властного отношения к работникам. Из-за того, во что они превратили промышленность. Парадокс в том, что все традиционные институты власти утратили доверие к себе. Но общество продолжает настаивать

на их непререкаемом авторитете. Если мы хотим перевоспитать народ – как бы резко и самонадеянно это не звучало – мы должны уяснить незаменимость демократических основ общества для создания новых авторитетов. Или же совсем искоренить старые авторитеты, особенно услужливость и раболепие перед вышестоящими по чину. Подчинение, в казённом смысле этого слова. Этого можно добиться лишь путём качественных изменений общественного строя».

Участники передачи вступают в краткую перепалку: «Я согласен с фрау Майнхоф...», «Я нет...». Майнхоф продолжает: «Я хочу привести пример. Однажды федеральный суд по трудовым спорам вынес решение об увольнении. Рабочий не выполнял работу, потому-что не соблюдались инструкции по безопасности. Кроме того, он подал в суд на работодателя, ибо тот не следил за выполнением инструкций. Из-за этого предприниматель уволил рабочего, рабочий подал жалобу, и суд по трудовым спорам постановил: предприниматель имеет право уволить рабочего, ибо после обращения в суд стороны не могут продолжать сотрудничать. Вот в чём проблема: не работодатель, нарушивший инструкции и попавший под суд, должен уйти, а рабочий, проявивший гражданское мужество».

Ульрика Майнхоф в той же телепередаче

Вторая половина апреля, ФРГ. Массовые студенческие беспорядки в Западном Берлине, Гамбурге, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Ганновере, Штутгарте и других городах после сообщения о покушении на Дучке. «…доходило до уличных битв, каких Западная Германия не знала со времён Веймарской республики…» (журнал «Шпигель»).

«Пули, ударившие в Руди Дучке, покончили с нашими мечтами о мире и ненасилии» (Майнхоф).

После развода Майнхоф переезжает с детьми из Гамбурга в Западный Берлин, покончив, по её словам, «с самообманом социал-революционерки за письменным столом шикарного дома в престижнейшем районе Гамбурга».

Майнхоф получает алименты и сохраняет за собой право вести политическую рубрику в «Конкрете», а Рёль – навещать дочерей в любое время.

1 мая, Западный Берлин. Помимо мероприятий, организованных Союзом немецких профсоюзов, левое студенчество организует свою демонстрацию.

11 мая, Бонн. 70-тысячная демонстрация в знак протеста против готовящихся законов о чрезвычайном положении.

Май, Западный Берлин. Продолжаются митинги и демонстрации против готовящегося чрезвычайного законодательства.

Выходит статья Майнхоф «От протеста к сопротивлению», цитаты из которой вошли в историю.

«Ответное насилие должно превратиться в насилие, *соразмерное* полицейскому насилию, в насилие, в котором продуманный расчёт заменит бессильную ярость, такое насилие, которое на использование полиции в качестве вооружённой, *военной* силы тоже ответит вооружёнными, *военными* средствами». Майнхоф одобряет физическое противостояние власти, желающей «навязать нам судьбу бессильных, лишённых самостоятельности масс, навязать роль никому не страшной оппозиции, навязать нам игры в песочнице как нашу судьбу. А если дело примет серьёзный оборот – чрезвычайное положение».

«Протест – это когда я заявляю: то-то и то-то меня не устраивает. Сопротивление – это когда я делаю так, чтобы то, что меня не устраивает, прекратило существование. Протест – это когда я заявляю: всё, я в этом больше не участвую. Сопротивление – это когда я делаю так, чтобы и все остальные тоже в этом не участвовали».

Ближе к концу статьи звучит фраза: «Шутки закончились». Значения этих двух слов власти ещё не осознают.

Ульрика Майнхоф

30 мая, ФРГ. Бундестаг принимает чрезвычайное законодательство, восстанавливающее десятки положений гитлеровского законодательства. В ответ вспыхивают стихийные забастовки в Кёльне, Мюнхене, Нюрнберге, Бохуме, Манхейме, Дуйсбурге и др. городах.

Середина июля, Мюнхен. Фриц Тойфель, глава западноберлинской «Коммуны 1», переезжает в Мюнхен к своей подруге, будущему красноармейцу Ирмгард Мёллер.

Август, Рим. Майнхоф посещает Руди Дучке.

Лето, ФРГ. Клаус Рёль неожиданно вновь предлагает Майнхоф пост главредактора. Майнхоф не отказывается, но первоочерёдно озабочена сохранением независимости.

Ульрика Майнхоф

Сентябрь, Франкфурт-на-Майне. На 23 конференции Социалистического союза немецких студентов «Берлинский совет по освобождению женщин» берёт интервью. Хельке Зандерс упрекает ССНС в отсутствии равноправия полов в их организации. Следующий докладчик, Ганс-Юрген Краль, отрицает это. Одна из женщин выкрикивает, что он контрреволюционер, и бросает в него помидор.

Этот инцидент становится толчком для разрастания женского движения. По всей ФРГ создаются женсоветы.

14-31 октября, Франкфурт-на-Майне. Судебный процесс по делу Андреаса Баадера, Гудрун Энслин, Хуберта Зёнляйна и Торвальда Проля, обвиняемых в поджогах универмагов. На суде они ведут себя вызывающе, закуривают, передают друг другу сигару. Когда судья вызывает Баадера, вместо него начинает отвечать то ли Зёнляйн, то ли Проль. Судьи не сразу замечают подмену, что изрядно веселит судимых.

Среди адвокатов – Хорст Малер.

Проль, Зёнляйн, Баадер, Энслин

Энслин отвечает на вопрос: «Как вы пришли к этому? Как молодая женщина научилась пользоваться взрывателем?» – «Очень просто. [...] Для этого не нужно разбираться в том, что происходит во Вьетнаме. То, с чем я

никогда не смирюсь, это направление, в котором так уверенно движется позднекапиталистическое общество. Оно ведёт прямиком к фашизму. Это можно увидеть невооружённым глазом. Взять хотя бы то, что творится в Америке. И я не понимаю, зачем продолжать делать то, что делалось на протяжении сотен лет и оказалось ошибкой, как-будто нельзя по другому. И поэтому я заявляю, что я никогда не смирюсь с тем, что никто ничего не делает. Я буду бороться, и я считаю, что мы правы».

Гудрун Энслин вводят в зал суда

Баадер заявляет: «Мы зажгли факел в честь Вьетнама, в знак протеста против равнодушного согласия общества потребления с массовыми убийствами мирного населения этой страны». Энслин: «Мы поняли, что без реальных действий слова бесполезны. И решили к этим действиям приступить». Баадер и

Энслин подтверждают, что «…не имели никакого намерения подвергнуть опасности человеческую жизнь…» (действительно, никто не пострадал).

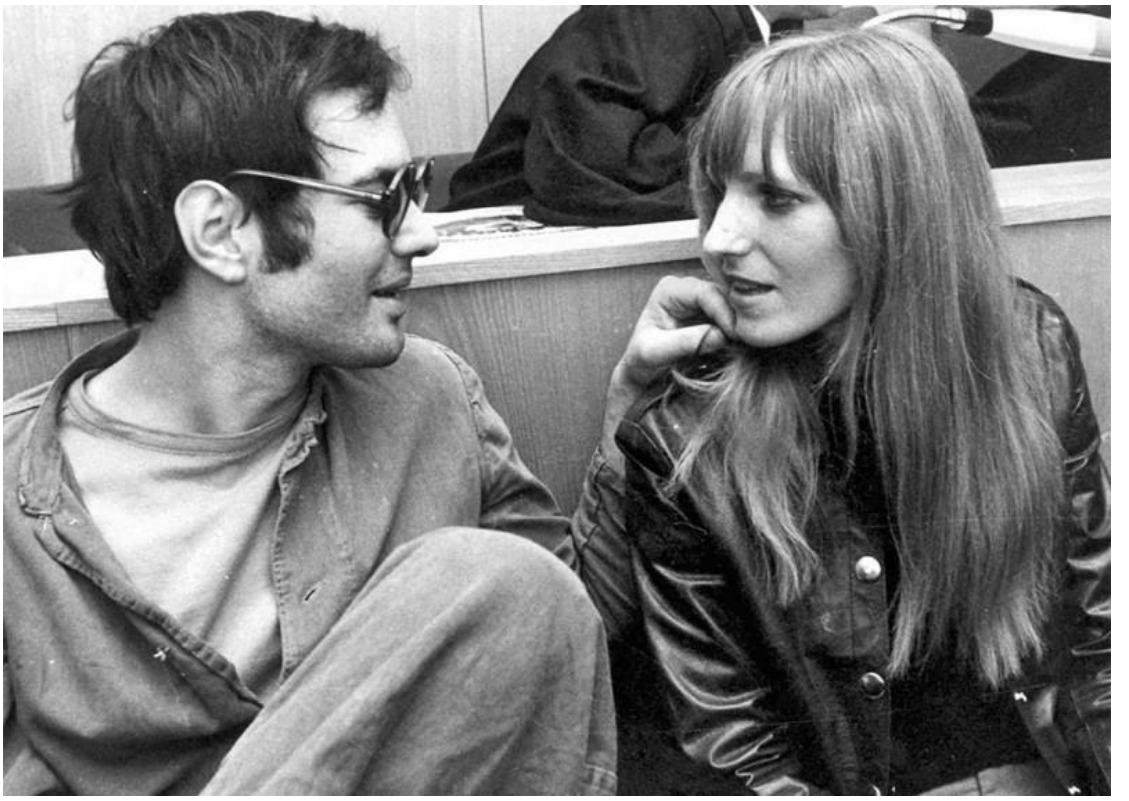
Андреаса Баадера вводят в зал суда

Один из адвокатов: «Если их отправят в тюрьму, значит, тюрьма – единственное место для приличных людей». Бернвард Веспер, бывший муж Энслин, выступает свидетелем: «Если такой человек, как Гудрун, в которой нет ничего плохого, мог совершить столь антисистемный акт, значит, плоха ваша система». Доктор наук Эрнст Хейнц признаёт Энслин лучшим студентом за 52 года его преподавательской деятельности.

«Гори, супермаркет, гори», поют студенты на митинге поддержки подсудимых за стенами судебного здания.

29 октября первый окружной прокурор Вальтер Грибель требует для подсудимых 6 лет заключения, утверждая, что в результате пожара мог сгореть весь Франкфурт-на-Майне.

Энслин отказывается от последнего слова, заявляя: «Нет. Я не хочу дать вам возможность создать впечатление, что вы меня слушаете». Блестяще сказано – формулировка отточенная. К ней надо будет вернуться.



Андреас Баадер и Гудрун Энслин на франкфуртском процессе

Судья Герхард Зобе приговаривает обвиняемых к 3 годам тюрьмы. Он отказывается признать случившееся политическим актом, хотя признаёт «политическую мотивацию» подсудимых. Это вызывает неприятие осуждённых, счёвших приговор государственным произволом. Особенно возмущена Энслин.

Перед тюрьмой Энслин видит – в последний раз – своего почти годовалого сына Феликса.

Осуждённые становятся известны на всю страну, их фотографии перепечатывают все газеты.

«…у поджога универмага есть положительный результат. Этот результат – в нарушении законов, стоящих на защите преступников» (Майнхоф, «Поджог универмага»).

«Общественные потребности людей, остающихся в богатых капиталистических странах неудовлетворёнными, поджог универмага не обеспечит и даже не поможет людям осознать эти потребности.

Таким образом, действия, рассматриваемые сейчас судом Франкфурта, нельзя признать примером для подражания» (там же).

Фриц Тойфель заявляет на студенческой пресс-конференции: «Лучше поджечь супермаркет, чем управлять супермаркетом!»

«Фриц Тойфель иной раз чертовски хорошо формулирует» (Майнхоф, там же).

Первая половина ноября, Западный Берлин. 4 ноября проходит демонстрация протеста против концерна «Шпрингер» в связи с покушением на Руди Дучке. В ней участвует Хорст Малер. 5 ноября он обвиняется в том, что возглавлял демонстрацию. Генеральная государственная адвокатская контора вносит предложение запретить ему занятия профессиональной деятельностью. Предложение отклонено западноберлинским земельным судом. Ок. 1 000 демонстрантов – студентов и молодых рабочих – собираются за зданием суда. «Больше 300 арестов. Что поразительно: каждый третий – студент» (газета «Бильд»). Впервые демонстранты выступают против полиции в организованном порядке. С тех пор полиция взамен старых киверов оснащается новыми шлемами.

27 ноября, Западный Берлин. Утром протестующие студенты левых взглядов Немецкой академии кино и телевидения занимают аудитории и отказываются выйти, требуя приостановить учебный процесс на 3 дня, для разрешения проблем касаемо левой и правой пропаганды в кино. Директриса отказывается это сделать. Здание академии оцеплено вызванной полицией. При попытке передать заявление в деканат задержаны 18 студентов. Все они незамедлительно уволены без права восстановления. Среди них Хольгер Майнс,

а также ставшие в дальнейшем известными кинематографистами Гюнтер Питер Страшек, Харун Фарико и Хартмут Битомски. (Комично, что Битомски в 2006-2009 гг. будет директором этой самой Академии.)

Майнсу вдобавок грозит уголовное преследование из-за фильма «Как мне сделать “коктейль Молотова”?». Вместе со Страшеком он отправится в Мюнхен, в новооткрытый Колледж телевидения и кино, но ни один преподаватель Колледжа не согласится объявить его фильм чисто художественным произведением, не призывающим к насилию.

Осень, Западный Берлин. Майнхоф добивается выхода из интерната воспитанницы – точнее, учитывая режим интерната, заключённой – 17-летней Ирэн Гёргенс, беря её на поруки. Гёргенс – внебрачная дочь солдата США и немки, будущая партизанка РАФ.

Ирэн Гёргенс

1968, ФРГ. Журналистка Беата Кларсфельд пытается обратить внимание общественности на нацистское прошлое канцлера Курта Кизингера. На собрании бундестага в Бонне она выкрикивает: «Нацист, подай в отставку!». Её выводят сотрудники службы безопасности. В ноябре в Западном Берлине она выходит на подиум на собрании партии Христианско-демократического союза и с выкриком «Нацист, нацист!» даёт Кизингеру пощёчину. Последний молча покидает собрание. Кларсфельд приговорят к году лишения свободы. Хорст Малер, её адвокат, добьётся смягчения приговора до 4 месяцев условного лишения свободы.

Молодой режиссёр Клаус Лемке дебютирует короткометражным фильмом «Поджигатели», о Баадере, Энслин, Проле и Зёнляйне. Из монолога героини фильма, чей прототип Энслин: «Я не хотела больше терпеть, что это общество остаётся невосприимчивым к любому виду мирного протеста. Например, демонстрациям или определённым фильмам. И люди, считающие себя революционерами, используют бомбы только как декорации к фильмам, им и в голову не придёт бросать их в самом деле. Против общества, в котором применение насилия стало совсем привычным, нужно действовать только насилием. Другими словами, против напалмовых бомб не помогут фильмы о сгоревших детях. Мы слишком долго заигрывали с мыслью о революции. Я думаю, сейчас пришло время её устроить».

Гудрун Энслин с адвокатом Отто Шили

Сам Лемке даёт интервью: «Я снял свою первую короткометражку о Хуберте Зёнляйне и начал общаться с другими людьми, знавшими Проля, Зёнляйна и Энслин. Речь, конечно, не о том, что можно закладывать бомбы и бросать камни. Есть определённый момент – и об этом моменте идёт речь – когда нужно отбросить толерантность, когда нужно бросить камень. И я не думаю, что для всех это одинаково работает. Нельзя сказать: а вот сейчас ты должен бросить камень. Ни от кого нельзя требовать взорвать универмаг. Но есть люди, которые уже не могут не бросать камни. И они вовлекаются. И они вовлекают в эту ситуацию других. И они имеют на это право».

Клаус Рёль ради повышения тиража «Конкрета» размещает на обложках журнала фотографии обнажённых женщин. Майнхоф видит в этом сползание к

порнографии и порицает стремление к популярности любой ценой. «’’Конкрет’’ – пишет она, – сейчас настолько же левый, как и любая оппортунистическая газета». Стремится к усилению влияния внепарламентской оппозиции в «Конкрете».

1950-1968, ФРГ. Против левых и просто сторонников ремилитаризации, противников вступления ФРГ в НАТО, заведено ок. 100 000 уголовных дел и вынесено ок. 10 000 обвинительных приговоров. Желание ремилитаризации прямо объявлено преступлением: при запрете КПГ упомянуто, что коммунисты «одобрили лозунг активного сопротивления ремилитаризации». (Ещё 11 мая 1952-го полиция открыла огонь – без предупреждения – по 30-тысячной демонстрации противников милитаризации в Эссене, член КПГ демонстрант Ф. Мюллер погиб, десятки получили ранения, сотни были арестованы.)

1969

Январь, Западный Берлин. Ульрика Майнхоф жёстко критикует политику редакции «Конкрета» в статье «Columnismus» – вопреки своей леворадикальной репутации журнал подчиняется законам рынка, его авторы подвергаются давлению; внепарламентская оппозиция нуждается в самостоятельном издании с демократической редакцией. Рёль возражает, что «Конкрет» не идентичен журналу «Курс» (главному органу внепарламентской оппозиции и студенческого движения).

Ульрика Майнхоф

Февраль, ФРГ. Леворадикал Михаэль Бомми Бауман сближается с провокатором спецслужб Петером Урбаном, считая его единомышленником. Урбан даёт Бауману бомбы для взрывов во время ожидаемого визита в Западный Берлин президента США Ричарда Никсона. Взрывы должны быть символическими, вдали от маршрута Никсона, как знак неприятия его визита.

27 февраля, Западный Берлин. Визит Ричарда Никсона. Дитер Кунельман и Райнер Лангханс, члены «Тупамарос Западного Берлина», пытаются взорвать колонну президента, но бомба обнаружена. Они арестованы.

«Тупамарос Западного Берлина»: партизанская группа образца «Тупамарос» – левых партизан, Уругвая 1960-1970-х. (Была и группа партизан «Тупамарос, Мюнхен», также конца шестидесятых.)

Бомбы, переданные Бауману провокатором Урбаном, не взорвались, видимо, будучи испорченными.

Март, Западный Берлин. На редакционном собрании «Конкрета» возникает «триумвират» из Рёля и писателей и журналистов Уве Неттельбека и Петера Рюмкорфа (1929-2008, в будущем известный писатель, много позже сравнит Майнхоф со «святой Иоанной» (Жанной д'Арк)). Майнхоф предлагает

статью о ситуации в университетах, Рёль не принимает её. Неттельбек увольняет противников Рёля, в том числе нового друга Майнхоф, 32-летнего Питера Хомана из гамбургского Колледжа изобразительных искусств, изобретателя акции с участием Энслин, когда буквы на майках складывались в призыв к отставке бургомистра Альбертца.

Майнхоф тяготит ощущение, что СМИ используют её имидж правозащитницы для сенсаций и собственных доходов. Из интервью, данного по-французски: «Меня приглашают на телешоу, ко мне прислушиваются. Это часть моей работы, и иногда моё влияние как журналиста простирается за пределы журнала “Конкрет”. Роль, открывшая мне доступ к этому миру, только частично соответствует моей сущности и моим желаниям, потому-что по сути она заставляет меня выражать чужие идеи. Эта роль заставляет меня говорить о важнейших вещах с глупой улыбкой». О владельце «Конкрета» Рудольфе Аугштайне Майнхоф говорит в интервью: «Нельзя ожидать правильных решений от неправильных людей. Ждать правильных решений от Аугштайна, это всё равно что... ну-у... ждать от коровы куска баранины, или от капиталистов – поддержки классовой борьбы».

Через 2 года она напишет в «Концепции городской герильи»: «Капитал контролирует все публикации, через рекламные фирмы, через тщеславие своих сочинителей, вписывающихся в раздувшийся истеблишмент, через советы по радиовещанию, через концентрацию на рынке прессы. Господствующая сила – это сила правящего класса, распределяющая рыночные ниши, разрабатывающая идеологию, специфичную для всех слоёв общества, которую она насаждает ради самоутверждения на рынке. Журналистика – продажа. Сообщение – товар, информация – предмет потребления. Что не может быть предметом потребления, от того должно тошнить. Читательская лояльность к печатным изданиям с активной рекламой, рейтинги на телевидении – всё это позволяет

подавлять в зародыше любые антагонистические, чреватые последствиями противоречия между СМИ и публикой. Кто хочет удержать свои позиции на рынке, должен присоединяться к самому влиятельному органу, формирующему общественное мнение…» (глава 5).

Апрель, ФРГ. Известный писатель Ганс Энценсбергер предлагает Майнхоф написать на тему женского вопроса в его журнале. Майнхоф встречается с представителями «Совета действий по освобождению женщин». Однако его основательница, феминистский писатель и режиссёр Хельке Зандер, считает, что Майнхоф, как эмансипированная работающая женщина, не имеет отношения к Совету действий.

1 мая, Западный Берлин. Хорст Малер становится сооснователем Социалистического сообщества адвокатов Западного Берлина.

7 мая, Гамбург. Группа сквоттеров (из поклонников Майнхоф) пытается захватить помещение редакции «Конкрет», но оно закрыто и под охраной. Тогда они штурмуют загородный дом главредактора, Клауса Рёля, вышвыривают на улицу мебель и простреливают оконные стёкла (один из налётчиков имел пистолет). Рёль заявляет, что это организовано Майнхоф, и наказывает «не печатать больше колонки от неё». Ряд людей порывает с Майнхоф, обвиняя её в мести Рёлю. Майнхоф отказывается публично комментировать произошедшее, но подаёт иск против этих обвинений, объявляя их попыткой сорвать планируемую демократизацию редакционной коллегии.

«Мы думаем, наша организация, насколько бы слабой она не была, заслуживает лучшего. А вам лучше начать с себя, и заняться собственными проблемами, вместо того чтобы подглядывать за нами. Вы берёте наши идеи и присваиваете их. Займитесь панорамой и телевидением. И, в конце концов, возьмите интервью у самих себя», говорит Майнхоф на камеру одному из журналистов, со смехом встаёт из-за стола и уходит.

Ульрика Майнхоф

8 мая, в районе Гамбурга. Восстание подростков в приюте («воспитательном доме») Ландесфюрсхайм Глюкштадт. Интернат занимает место бывшего концлагеря. Управляют 160 подростками надзиратели того же концлагеря, бывшие активисты СА и полицейские тех же нацистских времён. Даже одежда заключённых (фактически это заключённые) от бывших узников. Некоторым приходится спать на матрасах с императорским орлом и свастикой. Личных вещей не полагается. Работают день напролёт 6 раз в неделю, без оплаты. Восстание начинается в ночь на 8 мая. Для подавления сопротивления вызвана морская пехота бундесвера.

«Воспитательные дома» были одним из гнусных явлений ФРГ – над детьми издевались, не давали возможности получить образование, обогащаясь

на их труде. Не случайно Энслин и Баадер также интересовались этим явлением. Некоторые партизаны сами вышли из этих учреждений.

(То же происходило в Скандинавии. Современный скандинавский кинематограф (шведский, датский) эту тему подробно разрабатывает.)

Ещё в 1965-м Майнхоф одной из первых начала описывать ситуацию с детьми и подростками в детдомах и приютах, в статьях и радиопередачах. С 1966-го призывает к запрету любого насилия в отношении детей и переходу к антиавторитарному образованию. (Во многом использует исследования педагога Готфрида Седлачека.) Поначалу всё оставалось без последствий, но теперь ситуация накаляется.

Май, Западный Берлин. Ульрика Майнхоф получает заказ от телеканала SWF на сценарий для телефильма о девушках из интерната, а также официальное разрешение на исследование условий жизни в западноберлинских интернатах. В «воспитательном доме» Эйхенхоф она узнаёт об избиениях и эксплуатации воспитанниц. Одного из преподавателей убеждает позволить воспитанницам выходить из здания и курить, правда, отношения с Майнхоф у него напряжённые.

К сожалению Майнхоф, далеко не все защищаемые ею готовы солидаризироваться со всеми притесняемыми. «Она всегда пыталась нам объяснить, что это происходит не только в нашем приюте, в других приютах дела ещё хуже. Но девочки сказали, что это их не касается, мы достигли желаемого, а большего нам не нужно», вспоминала позже одна из воспитанниц.

Майнхоф предлагает вновь обсудить положение дел в «Конкрете».

Весна, Западный Берлин. Майнхоф начинает преподавать журналистику в Свободном университете. Ведёт радиопередачи со своими учениками. Планирует основать с ними независимую левую газету.

13 июня, Франкфурт-на-Майне. Баадер, Энслин, Зёнляйн и Проль, осуждённые за поджоги, амнистированы.

28 июня, Биденкопф, Франкфурт-на-Майне. Начало т. н. «кампании Стаффельберг». Студенты франкфуртского отделения ССНС посещают Центр коррекционного образования Стаффельберг и подвергают критике его строгие правила и тесные условия проживания детей и подростков. С помощью студентов ок. 30 подростков бегут во Франкфурт-на-Майне, найдя приют в коммунах, организованных для них на 4 квартирах.

К «кампании Стаффельберг» присоединяются бывший профессор Франкфуртского университета педагог Клаус Молленхауэр и его студенты. В ней активно участвуют Андреас Баадер и Гудрун Энслин, а также Торвальд Проль и его младшая сестра, 22-летняя Астрид, будущая красноармейка, познакомившаяся с Баадером и Энслин через брата.

Астрид Проль

С Астрид Проль, Баадером и Энслин знакомится и будущий красноармеец 17-летний Петер-Юрген Боок, участник восстания 8 мая в воспитательном доме Ландесфюрсхайм Глюкштадт. При поддержке Баадера и Энслин он и переехал во Франкфурт. Баадер производит особенно сильное впечатление на Боока.

Лето, ФРГ. Майнхоф выступает в Тюбингене с лекцией «Освобождение женщины», после чего там формируется группа её сторонниц. В последующем интервью заявляет, что воспитание детей – дело политическое.

Майнхоф исследует положение дел в детдомах и интернатах Гуксхагена. Ближе сходится с Баадером и Энслин.

Левая молодёжь – ок. 150 человек со всей страны – разбивает летний лагерь рядом с тюрьмой для несовершеннолетних в окрестностях Эрбаха. Это акция против пенитенциарной системы. Лагерь разогнан полицией. Местное население активно помогает силовикам. В близлежащем городе Бамберге разгромлен книжный магазин с левой литературой и избит молотками (!) случайный посетитель.

Разгром эрбахского лагеря подстёгивает планирующих партизанское движение. Обсуждаются перспективы вооружённого сопротивления властям, в частности городской герильи. По приглашению итальянской группы «Уччелли» («Птицы») 7 западноберлинских леворадикалов, среди них Фриц Тойфель и Дитер Кунельман, выезжают в Италию. Кунельман едет оттуда в Иорданию установить контакты с тамошними левыми.

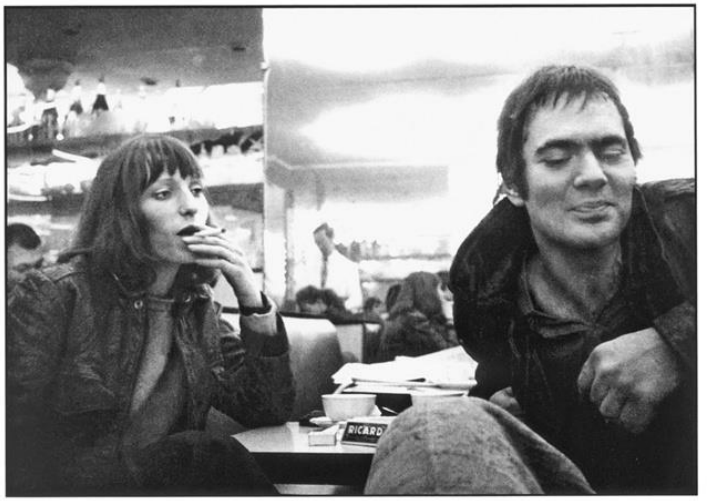
Август, Западный Берлин. Директор телеканала SWF Гюнтер Гаус принимает сценарий Майнхоф без оговорок.

Ульрика Майнхоф (фото почти никогда не приводится целиком, только голова, изредка – фигура Майнхоф)

Сентябрь, Западный Берлин. Хольгер Майнс переезжает в «Коммуну 1». Работает в анархо-коммунистической газете «Агит 883».

Октябрь, ФРГ. Согласно биографу Майнхоф Ютe Дитфурт, Майнхоф оплатила взрывчатку для взрыва на военном корабле Португалии на верфи Blohm+Voss, предварительно удостоверившись, что люди не пострадают. Взрыв произведён в знак протеста против германского экспорта оружия для колониального господства Запада. У др. авторов подтверждения этому мне найти не удалось.

27 октября во Франкфурте-на-Майне Федеральный Суд решает вновь арестовать поджигателей универмага. Зёнляйн подчиняется; Баадер, Энслин, Проль и его сестра Астрид бегут в Париж. В Париже Торвальд Проль отпадает от группы. Остальные перебираются в Италию.



Андреас Баадер и Гудрун Энслин в Париже

Ноябрь, ФРГ. 11 ноября Хольгер Майнс и другие уволенные студенты восстановлены в Немецкой академии кино и телевидения.

3 газеты Шпрингера развязывают пропагандистскую компанию против Майнхоф как против «красной Ульрики».

Декабрь, Гамбург, Западный Берлин. Манфред Грасхоф на своей гамбургской квартире обсуждает с Хорстом Малером вопрос о создании группы городских партизан, по латиноамериканскому образцу, с участием Ульрики Майнхоф, Гудрун Энслин и Андреаса Баадера.

Социалистический союз немецких студентов заявляет, что не имеет никакого отношения к захвату редакции и виллы Клауса Рёля.

Выходит радиопрограмма Майнхоф «Бункер» о воспитанниках детдомов. («Бункер» означал нечто вроде карцера для наказанных детей.)

Закончена телепьеса Майнхоф «Бамбула» для канала SWF, о взбунтовавшихся девочках из интерната, «воспитательного дома».

Действие пьесы охватывает 24 часа в западноберлинском интернате для девочек-подростков. История измывательств над двумя девочками (Моникой и Ирен) за лесбийские наклонности (в отличие от СССР, в тогдашней ФРГ судили не только за гомосексуализм, но и за лесбиянство), их побега, попыток заключённых устроиться в обычной жизни. В финале Ирен и организатор бунта Эвелин, заключённые в карцер, «бункере», обсуждают возможность иных способов сопротивления. Присутствуют левая тема, антипуританская и антиклерикальная (сцены с монахинями в церковном «воспитательном доме»). Налицо и жёсткая критика авторитарных методов воспитания, в частности, духовными лицами.

«Бамбула» написана на берлинском диалекте, широко использован социолект молодёжи (например, «trebe» – «убегает», «reikern» – «нанесение

татуировок»). Язык сочинения выдает хорошее знание Майнхоф тогдашней молодёжной культуры.

Конец 1969, ФРГ. Директор клиники Гейдельбергского университета фон Байер увольняет психиатра доктора Вольфганга Губера, возмутившего университетское начальство неортодоксальной терапией. Губер сторонник нормативного гуманизма Эриха Фромма: «…мерило психического здоровья – не индивидуальная приспособленность к данному общественному строю, а некий всеобщий критерий, действительный для всех – удовлетворительное решение проблемы человеческого существования» («Здоровое Общество»). Не человек должен приспосабливаться к обществу, уродуя и извращая свою психику, а общество должно удовлетворять человеческие потребности.

В обоснование увольнения фон Байер пишет ректору донос – мол, Губер со своей супругой Урсулой обучают пациентов каратэ, дзюдо, изготовлению фальшивых документов, обращению с оружием и взрывчаткой, «контрпропаганде» (?!) etc.

В ответ на увольнение супруги Губер организовывают «Социалистический коллектив пациентов» (SPK). «Пациенты» устраивают демонстрации протеста, причём – буквально – ходят по пятам за фон Байером, скандируя лозунги в защиту Губера.

Майнхоф даёт видеоинтервью.

«Опять – должна была, должна... Это проблема всех политически активных женщин, включая меня. С одной стороны, они выполняют важную функцию в обществе, их головы постоянно забиты важными проблемами. Они хотят говорить, писать и агитировать. Но, с другой стороны, они также беспомощно сидят с детьми, как и другие женщины. Считающие, что политические убеждения не связаны с личной жизнью, глубоко заблуждаются. Убеждения оказывают огромное влияние. Межличностные отношения

острополитичны, в них имеют место притеснение и свобода человека. Может ли он открыто выражать свои убеждения или нет. Личная жизнь – это политика, образование – это политика. Личные отношения – это политика, поскольку они показывают, свободны ли люди, могут ли они поступать осознанно. Для социальных нужд детей семья необходима. Сложно. Сложно, очень сложно. Гораздо проще, если вы мужчина, и у вас есть жена, растящая детей. Детям нужен человек, с которым они могли бы проводить время, на кого они могли бы положиться. Если вы мать-одиночка, вам приходится делать всё самой, и это действительно сложно. Так что основная проблема всех женщин в политике – это разрыв между политической деятельностью и решением повседневных проблем. Иногда чувствуешь себя беспомощно, будучи женщиной в этой ситуации. И это не проблема конкретного человека, это основная проблема женщины в обществе. Если хотите, это основная проблема женщины: то, что её личная жизнь так жестоко противопоставлена общественной. Это угнетение женщин. Но политическая жизнь должна быть согласована с вашей личной жизнью: вы не можете восхвалять антиавторитарный стиль и при этом физически наказывать детей. С другой стороны, вы не можете шлёпнуть ребёнка, не заходя на территорию политики, даже у себя дома, если вы не занимаетесь этим в общественной жизни, в жизни других».

Монолог произносится утомлённо, с опущенной головой и постоянным разведением рук – но закончив и попытавшись затянуться потухшей сигаретой, Майнхоф вдруг бросает взгляд в камеру, впервые за время разговора. Взгляд напряжённый и вместе с тем задорный. В этот момент в нынешней ФРГ закадровый голос укоряюще произносит: «Через несколько месяцев Майнхоф...». Цитату можно прервать – о дальнейшем здесь будет сказано куда подробнее.

Ульрика Майнхоф во время вышеописанного интервью

1969, ФРГ. Несанкционированная демонстрация в культурном центре США Americahaus в Мюнхене против Вьетнамской войны. Среди демонстрантов – 20-летняя студентка философского факультета Мюнхенского университета Бригитта Маргрет Ида Монхаупт, родом из городка Райнберга, в будущем из лучших командиров немецких красноармейцев. Рудольф Шмих, один из учителей гимназии Шенборн в Брухзале, оконченной ею в 1967-м, опишет её как «хорошего, даже очень хорошего ученика».

Бригитта Монхаупт

С прошлого года Монхаупт замужем за сокурсником, Рольфом Хайслером, членом «Тупамарос, Мюнхен», и живёт с ним в студенческой коммуне. (В 1970-м они разведутся.)

Возрождён гитлеровский закон от 28 июля 1935 г. о превентивном аресте – без предъявленных обвинений, без объяснений.

Прекращено расследование в отношении виновников принудительной эвтаназии в годы третьего рейха (Программа умерщвления Т-4).

Выходит роман Грасса «Под местным наркозом», где мальчик решает сжечь свою собаку на глазах у дамочек в кафе, чтобы они увидели, что значит гореть заживо, ибо фотографии горящих вьетнамских детей на них не действуют. Примечательно, что в прошлом году Баадер, Энслин, Зёнляйн и Проль сделали примерно то же, только без жертв.

Конец 1960-х. Андреас Баадер знакомится с Яном-Карлом Распе.

Хроника (1970-1998)

Выбора не было. Вернее, выбор был таким: либо без конца оплакивать погибших, либо брать в руки оружие – и мстить.

Бомми Бауман

Страх пробрал до костей власть имущих, которые уже думали, что держат под контролем государство со всеми его жителями, классами и противоречиями, что вынудили интеллигентов снова замкнуться на своих журналах, что заперли левых в их кружках, что обезоружили марксизм-ленинизм и деморализовали интернационализм.

Ульрика Майнхоф, «Концепция городской герильи», глава 1

14 мая 1970 г. начинается последний – героический – период жизни Ульрики Марии Майнхоф.

Александр Тарасов, «Капитализм ведёт к фашизму – долой капитализм!»

1970

Февраль, ФРГ. Закончены съёмки «Бамбулы». Режиссёр – Эберхард Итценплиц (1926-2012), композитор Рольф А. Вильгельм, оператор Ульрих Буртин, продюсер Дитер Вальдман. Продолжительность – 90 минут. Сценарий Майнхоф воспринимается многими как притча о существующих в данный момент социальных отношениях и о необходимости классовой борьбы.

Ульрика Майнхоф и Ирен Гёргенс (с сигаретами) на съёмках «Бамбулы». Это фото почти всегда даётся с убранной фигурой женщины слева.

Майнхоф обвиняет телевизионщиков в том, что им просто нужна сенсация, но нет дела до судьбы детей, героев фильма. Она пишет режиссёру, что они просто создадут очередное зрелище, продукт потребления, зритель поохает да и пойдёт жрать и пить после развлечения, а она не хочет развлекать. «Ей было не

всё равно. Она получала деньги за работу, но плакала над тем, что писала – она проживала это» (http://colonelcassad.livejournal.com/1248300.html). Итценплиц заверяет, что съёмочная группа всей душой болеет за детей.

При этом Итценплиц отклоняет предложенную Майнхоф актрису Барбару Моравиц. Не взяты и воспитанницы, которым Майнхоф обещала роли. Майнхоф удаляется со съёмок, считая, что проект провалился.

Приказ директора клиники Гейдельбергского университета фон Байера об увольнении Вольфганга Губера вступает в силу.

После ухода Губера 2 пациента покончили с собой, 2 умерли от электрошока и инсулинотерапии, 1 погиб, якобы упав с лестницы, некоторых отправили в отделение для «буйных» за споры с врачами, и, наконец, всех пациентов объявили неизлечимыми. Возникает ситуация из фильма «Полёт над гнездом кукушки».

Социалистический коллектив пациентов захватывает помещение администрации клиники и начинает голодовку. Во избежание скандала ректор возвращает Губеру его должность и выделяет «пациентам» отдельное помещение.

У Ульрики Майнхоф гостят Андреас Баадер и Гудрун Энслин. 5 февраля отклонено предложение об их помиловании. Детям они представлены как «дядя Ганс» и «тётя Грета». (Ганс и Грета – герои немецкой сказки, дети лесника, заведённые злобной мачехой в непроходимую чащу.)

Фриц Тойфель говорит друзьям из «Коммуны 1» о необходимости вооружённой борьбы и своём переходе на нелегальное положение. Лавры отбившего любовницу Мики Джагера его не устраивают. «Клоун Тойфель мёртв», заявляет он на прощание. Сбрив свою знаменитую бороду, он переезжает из Западного Берлина в Мюнхен и скрывается под поддельными документами.

Фриц Тойфель (посередине)

Зима, Западный Берлин. Майнхоф с дочерьми переезжает из Дахлема в другой район. Продолжает преподавать.

Начало марта, Западный Берлин. Баадер и Энслин знакомятся с Дитером Кунельманом, пытавшимся взорвать президента США Никсона. На встрече присутствует Хорст Малер. Разговор идёт о создании отряда городских партизан.

Баадер и Энслин переезжают в менее заметное жильё. Малер с товарищами закупают оружие.

Кроме Малера, Баадера и Энслин, в группу входят Астрид Проль, Манфред Грасхоф, его подруга Петра Шельм (парикмахер и гримёр), Моника Берберих (секретарша Малера), Ирэн Гёргенс, вызволенная Майнхоф из приюта, 25-летняя медик Ингрид Шуберт и Бригитта Асдонк, социолог, член производственного совета и наставник по работе с молодёжью в фирме «Бош».

4 апреля, Западный Берлин. Направляясь на квартиру, где хранится оружие, Андреас Баадер и Астрид Проль задержаны полицией. Полицейские замечают, что Баадер не «Питер Ченоуиц», его документы поддельные. Его арестовывают, не зная, кто он. Случайно его выдаёт Малер, справившись в полиции, не арестован ли «герр Баадер». «Если подтвердите, что арестованный – Баадер, то он арестован», отвечает полицейский.

Апрель, Западный Берлин. Ульрика Майнхоф, Хорст Малер и Гудрун Энслин разрабатывают план вызволения Баадера. Майнхоф попросит разрешения регулярно встречаться с узником, якобы пиша в соавторстве с ним книгу «Организация маргинальной молодёжи». Они будут вместе посещать библиотеку. Там можно попытаться освободить Баадера. Майнхоф уйдёт за полчаса до похищения, Баадер останется в читальном зале один.

Майнхоф нанята для писания книги издательством Клауса Вагенбаха, представителя левого движения (в дальнейшем одного из крупнейших специалистов мира по Кафке, собравшем самую большую коллекцию документов касаемо Кафки.) Ныне известно, что Майнхоф посвятила Вагенбаха в свой план.

Клаус Вагенбах

22-летний Ральф Райндерс, здоровяк по прозвищу «Медведь», тот самый, что вспомнит позднее об антишахской демонстрации: «У нас было ощущение, что расстреляли всех нас», будущий член «Движения 2 июня» и РАФ, знакомится с Майнхоф. Он сын голландца, депортированного в нацистскую Германию как принудительный работник, в результате чего мать Ральфа, выходя замуж, теряла немецкое гражданство и «звание» «настоящего арийца», но это не остановило её. Сам «Медведь» вышел из анархистов, и уже имеет полуторамесячный опыт заключённого.

Они с Майнхоф дискутируют, но в целом быстро сближаются. Майнхоф сообщает Райндерсу и ряду его друзей свой план. Вступить на «железный путь» («Моби Дик») готовы ещё не все. «Мы сами только что пришли из тюрьмы и знали, что это такое. У нас было убеждение, что человек не должен сидеть. С другой стороны, мы говорили: “Для нас это очень крупное дело. Мы этого не хотим”. RAF напрямую говорила с Георгом (фон Раухом – Л.) — они его знали. Большинство акций организовывал он. Георг для них был самым вменяемым и самым надёжным. Они хотели иметь его у себя непременно. Но он им сказал:

“Если вы считаете, что мы ещё не готовы, я в этом участвовать не буду”» (Райндерс).

Начало мая, Лоллар. Майнхоф думает, как устроить 7-летних дочерей: возможно, ей придётся уйти в подполье, отказаться от прошлого, в том числе и детей. Она не хочет, чтобы дети остались с Клаусом Рёлем или Ренатой Римек. Навещает сестру, Винке Цицлаф, директора спецшколы. Когда-то они условились позаботиться о племянницах друг друга, если понадобится (Винке тоже мать двух дочерей). Винке подтверждает своё обещание, не спрашивая, зачем это может понадобиться.

Заодно Майнхоф на всякий случай оформляет загранпаспорта для детей.

Майнхоф единственная из сообщников имеет опыт жизни на нелегальном положении, несколько лет пробыв членом запрещённой компартии. Она «сортирует» знакомых. Прерывает контакты с рядом из них. Предупреждает тех, кто не примкнёт к подполью, но и не донесёт. Одной из подруг говорит: «Когда будешь у меня, не заходи на кухню. Ты не должна слышать, что мы обсуждаем. Ведь ты не возьмёшься за оружие».

10 мая, Западный Берлин. Вагенбах пишет Баадеру в тюрьму Тегель с просьбой о встрече для работы над книгой. Мол, нужно торопиться, книга должна выйти осенью, нужно уточнить, материалы из каких журналов нам понадобятся etc. Судебный инспектор противится этому.

12 мая, Западный Берлин. Директор тюрьмы после встречи с Малером как адвокатом Баадера соглашается устроить 3-часовую встречу Баадера с Майнхоф 14 мая. Однако Баадер должен находиться там только в присутствии Майнхоф. Теперь всё зависит от Майнхоф – готова ли она остаться. Если да, то ей будет куда труднее выглядеть непричастной к похищению. Её опасения сбываются: возможно, придётся перейти на подпольный образ жизни. Впрочем, «Меня заставить свернуть?» («Моби Дик»).

Ирэн Гёргенс покупает пистолет беретта с глушителем. Астрид Проль и Ингрид Шуберт приобретают пистолет и обрез винтовки. Деньги на оружие им выдала Майнхоф.

13 мая, Западный Берлин. Партизаны угоняют автомобиль «Альфа-Ромео Спринт». Гёргенс и Шуберт посещают Центральный институт социальных исследований Далем и говорят, что вернутся на следующий день для исследований на тему «Возможности терапии для криминальной молодёжи». Приходит и Майнхоф, уточняя, всё ли готово для завтрашней встречи.

Тогда же или днём ранее Майнхоф поручает Яну-Карлу Распе и Марианне Херцог увезти своих дочерей в Бремен, к Юргену Хольткампу, автору передач на «Радио Бремен», бывшему члену редакции «Конкрета».

14 мая, ФРГ. Гюнтер Веттер, главный надзиратель тюрьмы Тегель, предупреждает Андреаса Баадера, что при попытке к бегству полиция применит оружие. «Я не думаю бежать, – заверяет Баадер. – У меня договор с издательством. Я получу деньги. В них я очень нуждаюсь».

Веттер и старший надзиратель Карл-Хайнц Вегенер привозят Баадера в библиотеку Центрального института Далем. Вегенер сковывает наручниками свою левую руку с правой рукой Баадера (очевидно, не зная, что Баадер левша), они выходят из машины. Их встречает 62-летний служащий Георг Линке. В 9:45 библиотекарша Лоурентс проводит их в читальный зал, где Майнхоф, пришедшая в 8 ч., просматривает картотеку. Веттер проверяет, заперта ли вторая дверь, закрывает высокое окно в сад. Баадера освобождают от наручников.

Андреаса Баадера ведут в библиотеку

Майнхоф спрашивает у полицейских, женаты ли они, имеют ли детей. «Да», отвечают полицейские, удивлённые вопросом, «да, жена и дети». Особенно их удивляет, что журналистку явно смутили их ответы – они ещё не знают, что им, как и Майнхоф, грозит гибель.

Майнхоф несколько раз покидает помещение, принося новые материалы. Садится рядом с Баадером. Ок. 75 минут они тихо разговаривают, обмениваются журналами и делают заметки.

Линке открывает на звонок входную дверь. Перед ним Ирэн Гёргенс и Ингрид Шуберт. Линке просит их посидеть в вестибюле (перед читальным залом), пока Майнхоф и Баадер работают, и уходит.

Полицейские и Баадер беспрерывно курят, а Майнхоф дымит здесь ещё с 8 утра, и один из служащих открывает высокое окно, проветривая прокуренное помещение. Это нежданно облегчает задачу похитителей-спасателей Баадера.

Гёргенс и Шуберт открывают входную дверь, в вестибюль врывается мужчина в зелёной маске с газовым пистолетом и береттой с глушителем (возможно, Клаус Вагенбах), за ним Энслин с обрезом, в рыжем парике и маске. «Быстрее в зал!», кричит мужчина. Прибежавший Линке пробует остановить его. Мужчина стреляет из беретты и ранит служащего (есть версия, что он хотел выстрелить из газового пистолета, но перепутал, что у него в какой руке). Линке с двумя сослуживицами бегут в его кабинет, и, запершись, втроём вылезают в окно (1,5 метра над землёй) и на улице начинают звать на помощь, впрочем, безрезультатно. «Руки вверх или мы стреляем!», кричат между тем в читальном зале Гёргенс и Шуберт, стреляя в воздух из газовых пистолетов. Старший надзиратель Вегенер бросается на Энслин. «Я стреляю!», кричит она. Вегенер срывает рыжий парик с Энслин. Главный надзиратель Веттер выбивает из руки человека в маске пистолет с глушителем, выхватывает свой пистолет и пытается передёрнуть затвор, но человек в маске стреляет в него слезоточивым газом. Ненадолго ослеплённый, Веттер несколько раз стреляет вслепую, попадая в стену.

Баадер выпрыгивает из окна, за ним Майнхоф, следом Шуберт, Гёргенс, Энслин и человек в маске. Они бросаются к двум машинам, за руль каждой садятся женщины (в частности, Астрид Проль, как хороший водитель), и с визгом колёс машины исчезают.

Так рождается «группа Баадера-Майнхоф». Впрочем, это название придумано тогдашними СМИ (принявшими Баадера и Майнхоф за любовников), что породило массу недоразумений. До сих пор приходится читать в некоторых статьях, что группа основана Баадером (оттого, что его имя стоит первым). С тем же успехом можно говорить, скажем, о «группе Малера-Энслин».

Прыжок Майнхоф в окно отсекает её от прошлого – выйди через дверь, могла бы утверждать, что не знала о готовящемся похищении. Человеком была богатым и известным (такие редко встают вне буржуазного закона), а потому не подозреваемой властями, деньги на хорошего адвоката были (да что деньги, Малер бесплатно бы взялся) – выкрутилась бы. Полиция стала разыскивать Майнхоф, как ни смешно звучит, именно за прыжок в окно. Подоконник, над которым она пролетела, стал Рубиконом, превратившим богатую знаменитость в подпольщика, звезду СМИ – в партизана.

«Мы проводим чёткую грань между ним (врагом – Л.) и собой» – эти слова Мао Цзэдуна Майнхоф поставит эпиграфом к «Концепции городской герильи». Подоконник окна библиотеки и стал для неё этой гранью. Прыжок Майнхоф в окно стал выпрыгом за рамки Системы (кстати, именно РАФ научила весь мир писать это слово с большой буквы). С момента прыжка спутать её с врагом уже невозможно.

Согласно Юте Дитфурт, по плану похитителей Майнхоф должна была остаться и разыгрывать роль перепуганной законопослушной дамы, не знавшей о предстоящем похищении, и далее вести холодную войну как известный журналист в защиту подпольщиков. Она прыгнула в окно и убежала вместе с остальными просто от растерянности. Версия правдоподобная – практического опыта перестрелки и драки у Майнхоф ещё не было, и она могла потеряться в непривычной ситуации. Кроме того, из дальнейшего будет видно – Майнхоф

была храбра и шла на любую опасность, но не умела сохранять хладнокровие и могла в нервозном состоянии совершать ошибочные действия. Но если и так, то непонятно: жалеть ли – исходя из интересов антифашистов – о её прыжке в окно, переходе Рубикона. Репрессиям она наверняка подверглась бы, ведя в дальнейшем холодную войну за партизан, и не уходя в подполье. А уход в герилью известного и обеспеченного человека, столь авторитетного в кругах левой молодёжи и левой интеллигенции, сыграл большую роль в популяризации, романтизации западногерманской герильи. Так или иначе, «последний – героический – период жизни Ульрики Марии Майнхоф» (Тарасов) начат.

«…что такое работа классика немецкой социологии Макса Хоркхаймера во франкфуртском Институте социальных исследований по сравнению с поступком Майнхоф, которая похитила из-под конвоя Баадера из берлинского Института социальных вопросов?» (Станислав Наранович, «Философия прямого действия: как мыслители стали террористами»).

В той же «Концепции…» Майнхоф напишет, иронизируя над не решившимися на вооружённую борьбу: «Некоторые из-за нас вынуждены оправдываться. Чтобы избежать политической дискуссии с нами, чтобы наша практика не поставила под сомнение их собственную практику, они искажают даже очевидные факты. Так, например, всё ещё утверждают, что Баадер должен был отсидеть три или девять, или двенадцать месяцев, хотя действительный срок легко установить: три года – за поджог, до этого – шесть месяцев условного осуждения с испытательным сроком, примерно шесть месяцев за подделку документов и т. д. – процесс ещё не состоялся. Из этих 48 месяцев Андреас Баадер отсидел 14 в десяти гессенских тюрьмах – девять переводов из-за плохого поведения, то есть за организацию бунта, сопротивления. Этот хитрый торг, превративший оставшиеся 34 месяца в три, девять или двенадцать,

тоже был нужен, чтобы лишить моральной основы освобождение заключённого 14 мая. Так некоторые товарищи рационализируют свой страх перед последствиями, которые лично для них могла бы иметь политическая дискуссия с нами.

Нас часто спрашивали, пошли бы мы на операцию по освобождению, зная, что при этом будет подстрелен некий Линке. На этот вопрос можно ответить только “нет”. […] Принимая во внимание все возможности и обстоятельства, не было основания предполагать, что в это мог ввязаться и ввязался гражданский. А что фараоны (менты, легавые – Л.) ни с чем не стали бы считаться, нам было совершенно ясно. Идея проводить операцию по освобождению без оружия самоубийственна» (глава 1).

(Линке вышел из больницы 8 июля.)

Ульрика Майнхоф

Ещё в 7 утра в километре от места похищения 32-летняя актриса Барбара Моравиц обнаружила в прихожей своей квартиры записку: «Мы придём завтракать. Анна». «Анной» называют друг друга Майнхоф и Моравиц, по имени персонажа оперы Курта Вайля на либретто Бертольда Брехта «Расцвет и падение города Махагони». (У Моравиц часто встречались левые – Руди Дучке, Бахман Нируманд, Эрих Куби. Её, как уже говорилось, Майнхоф предлагала на главную роль в «Бамбуле». В 1986-м она сыграет роль Розы Люксембург в фильме М*а*ргареты фон Тротты «Роза Люксембург».)

Майнхоф, Энслин, Шуберт, Гёргенс, неизвестный соучастник (Вагенбах?) и освобождённый Баадер, бросив угнанные машины, добираются до Барбары Моравиц пешком. На лестничной площадке встречают старую соседку Моравиц. Это антифашистка (возможно, помогавшая при побеге от нацистов в Швейцарию известного режиссёра и актёра Фрица Костнера), и позже она заявит полиции, что не видела беглецов.

У Моравиц из радионовостей гости узнают о ранении Линке – поскольку он убежал, они ещё не знали, что в него угодила пуля.

Тут выясняется, что Майнхоф в суматохе оставила в Институте сумку с закладной на 40 000 марок, наличными и документами. Моравиц, сходив в банк, снимает для Майнхоф 40 марок из 41, остававшихся у неё на счёте.

Возвращаются двое детей Моравиц. «Мы играем в индейцев, – говорит им мать и, поскольку дети знают некоторых гостей, добавляет: – Никому не рассказывайте, что они были здесь, иначе я попаду в тюрьму». Дети сдержат обещание.

Как актриса, Моравиц знает кое-что о гриме – и теперь гримирует, переодевает и меняет причёски бывшим при похищении без масок. Баадера, усадив на крышку унитаза, ещё и стрижёт. Майнхоф, бывшая с распущенными

волосами в джинсах и джемпере, обращается в женщину со старомодной причёской в узкой юбке.

Подпольщики поодиночке направляются в Шарлоттенбург, дабы встретиться в квартире эстрадного артиста левых взглядов Вольфганга Нойса.

В Гамбурге Клаус Рёль празднует 15-летие журнала «Конкрет». Вечеринка разладилась – ошарашенные гости передают друг другу новость, что Майнхоф объявлена в розыск. Не удивлён только Юрген Хольками. Он молча покидает компанию и мчится домой в Бремен.

В Бремене его супруга Лили ужинает с 3 детьми и гостями – Яном-Карлом Распе, Марианной Херцог и привезёнными ими детьми Майнхоф. Ведущий теленовостей заговаривает о похищении Баадера. Лили успевает подскочить к телевизору и выключить его. Регина и Беттина, не услышав имени матери, продолжают спокойно есть. Распе и Херцог отправляются обратно в Западный Берлин.

Хольками опасаются, что розыски могут начаться и в Бремене. Вместе со всеми 5 детьми они отправляются к Северному морю и снимают помещение в деревенском доме юго-западнее Куксхафена.

В Вайльбурге-на-Лане, где сестра Майнхоф находится на курсах повышения квалификации учителей, она узнаёт о похищении по радио. Имя Ульрики не упоминается, но Винке понимает, что сестру тоже разыскивают, и мчится домой в Штауфенберг, чтобы быть готовой принять племянниц.

Слева направо – сёстры Ульрика и Винке Майнхоф

15 мая, Штауфенберг, Западный Берлин. В дом сестры Майнхоф в Штауфенберге (под Лолларом, где она работает) врывается полиция, прямо заявляя, что будет искать здесь её сестру. Винке отказывается от мысли приютить племянниц – полиция может забрать их и шантажировать ими Ульрику. Пытаясь сообщить сестре о ситуации, она прерывает каждого звонящего словами, что полиция намеревается найти у неё Ульрику. В очередной раз её перебивает родной голос: «Не волнуйся, Винке, всё в порядке».

Имея исключительные родительские права на детей, Майнхоф надеется, что даже осуждённой или арестованной будет иметь право решать, где жить её дочерям. Она ещё не знает, что суд в течение 48 часов после освобождения Баадера передаст родительские права Клаусу Рёлю. По предположению Юты Дитфурт, именно полиция надоумила Рёля потребовать эти права – раньше то он не часто пользовался правом навещать дочерей – дабы получить возможность официально разыскивать детей через Интерпол и через них добраться до матери. Как минимум, оказывать на неё давление.

В кратчайшее время все столбы для объявлений Западного Берлина покрыты розыскными плакатами с крупным заголовком: «Покушение на убийство в Берлине, вознаграждение – 10 000 марок!» (почти 11 000 евро по нынешним ценам). Под крупным портретом Майнхоф напечатано: «Возраст 35 лет, рост 165 см, худощавая, лицо овальное, волосы длинные каштановые, глаза карие. На день совершения преступления разыскиваемая проживала в Берлин-Шёнеберге, Куфштайнштрассе, 12; в настоящее время в бегах. Кто может предоставить информацию о её местонахождении?».

Розыскной плакат с Ульрикой Майнхоф, май 1970 г.

Ульрика Майнхоф (фото, использованное для розыскного плаката)

Указано имя только Майнхоф, но не осуждённого Баадера, хотя она не стреляла, даже из газового пистолета, и полиция знает это. Власти будто чутьём угадывают – вне зависимости от того, как всё произошло и что будет дальше, знаменем герильи станет Ульрика Майнхоф.

Это самый масштабный розыск в Германии с 1945 г., за четверть века. Ни одного военного преступника нациста не разыскивали столь активно (из тех, разумеется, кого вообще разыскивали). Так будет и впредь, во всём мире – ни одного фашиста нигде и никогда не будут искать столь интенсивно и

репрессировать столь жёстко, как партизан-антифашистов РАФ. Ибо фашисты – сторонники капитализма, а Майнхоф сотоварищи – его противники.

«Однажды утром, когда мы лежали в ванной, пришла новость: Баадер освобождён. Нам стало ясно: всё стало намного серьёзнее». (Ральф Райндерс).

«Шутки закончились» (Майнхоф).

Обывательница смотрит на розыскной портрет Майнхоф. май 1970 г.

24 мая, Западный Берлин. Фильм «Бамбула» по решению главы телеканала SWF Хельмута Хаммершмидта снимают с графика в последний момент – до этого ещё надеялись на недоразумение и возвращение звезды журналистики. Известный состоятельный человек, имеющая хорошие перспективы на телевидении, ушла в подполье – это непредставимо для

мещанского ума, и Майнхоф ждут до последнего. Протесты 112 сотрудников телевидения против отмены показа «Бамбулы» остаются безрезультатными.

Конец мая, Западный Берлин. Фильм «Бамбула» запрещён – почти на четверть века.

Запрещён и плакат «Свободу всем заключённым!» Хольгера Майнса, для газеты «Агит 883», с изображением патронов из яичной скорлупы и подсолнечника, составленного из гранатомётов, в лепестках которого названия леворадикальных и освободительных движений: «Вьетконга», «Тупамарос», «Чёрных пантер». Так Майнс неплохо зарекомендовал себя как график (кстати, он ведь начинал с Университета изобразительных искусств).

Плакат расценён властями как «публичный призыв к преступлениям», номера газеты с ним конфискованы.

Первое немецкое издание «Краткого учебника городской герильи» («Минисправочника городского партизана») Карлуса Маригеллы – бразильского революционера, убитого годом раньше полицией – рекомендации для ведения городской герильи. Он также, подобно Майнхоф и Энслин, ушёл из просоветской псевдокоммунистической партии образца КПСС, основав леворадикальную организацию «Действие за национальное освобождение». Его книга, наряду с трудом Режи Дебре «Революция в революции?», сильно повлияла на «новых левых» Запада. За считанные годы она переведена на десятки языков (кончилось тем, что и на русский перевели, в конце 1990-х).

Главный посыл Маригеллы: «Долг революционера – делать революцию во что бы то ни было». Современный революционер обязан прибегнуть к насилию из-за новых обстоятельств: 1. Непосредственная угроза фашизма; 2. Фашизм индустрии сознания. Маригелла (параллельно с Маркузе и Энценсбергером) делает вывод: СМИ столь эффективно манипулируют сознанием, что возник «фашизм средств массовой информации», фашизм индустрии сознания. Сейчас

невозможно повторить опыт большевиков, подняв народное восстание, или победить на выборах. Активное меньшинство должно насильственными акциями прервать гипнотический транс, в который погружает остальных индустрия сознания.

(Сам термин «индустрия сознания» (об СМИ) принадлежит Гансу Мангусу Энценсбергеру (1929 г. р.) – известному немецкому писателю и издателю – рассматривающему СМИ как репрессивный механизм, осуществляющий централизацию и бюрократический контроль и усугубляющий пассивность аудитории.)

В отличие от Че Гевары, Мао и Дебре, Маригелла считает первостепенным ведение не сельской герильи, а городской (отчего и прозван «отцом городской герильи»), и даёт подробные рекомендации для её ведения. Впрочем, если Маригелла видит в городской герилье средство для стимулирования дальнейшей сельской герильи, то в западноевропейских условиях партизанская война в городе становится единственно важной.

Майнхоф, Энслин, Баадер и Малер штудируют справочник.

«Я тороплю всех читающих этот Краткий учебник и делающих выводы, чтобы они не оставались бездействующими, следовали бы инструкциям и сразу же присоединились к борьбе. Я настаиваю на этом, ибо при любых обстоятельствах обязанность каждого революционера заключается в осуществлении революции», говорится во «Введении» к учебнику.

Пиши Маригелла только для членов Бригады, это слова были бы излишни.

5 июня, Западный Берлин. Публикация в газете «Агит 883» первого манифеста (коммюнике) РАФ (пока ещё как Бригады), написанного Майнхоф.

«Товарищи, нет ни малейшей причины доказывать посторонним людям правильность чего-либо. Мы делали это достаточно долго. Мы хотим рассказать об освобождении Баадера не трусливым интеллектуалам, знающим всё лучше

всех, но понявшим, что они сами – узники. Выясните, где находятся эти дома с многодетными семьями, пролетариями и их жёнами, что только и ждут, чтобы дать в морду тем, кому следует».

«Вооружённое сопротивление началось, создавайте Фракцию Красной Армии».

Газета немедленно запрещена. Главредактор – Майнса, 26-летний молодой писатель Петер-Пауль Захль, в будущем весьма известный, – в 1971-м попадёт за это (и за публикацию до этого плаката Майнса) под суд, и 12 апреля 1972-го будет приговорён к 6 месяцам тюрьмы условно.

Среди первых 17 членов Бригады – 8 студентов, 2 журналиста, 2 юриста, медсестра, фотограф, парикмахер, автомеханик, безработный.

11 июня, Западный Берлин. Принят «закон о ручных гранатах», предусматривающий применение силы полицейскими на демонстрациях. После столкновения с полицией 9 мая 1970 г. демонстрантов против вторжения США в Камбоджу сенатор по внутренним делам Нойбауэр пригрозил использовать против демонстрантов ручные гранаты. Закон принят очень быстро, обычная процедура принятия законов идёт намного дольше.

12 июня, Мюнхен. Фриц Тойфель арестован за попытки – весной – взрыва и поджога зданий мюнхенского суда и земельного уголовного розыска (Мюнхен – центр земли Бавария).

5 июня – 8 августа, Восточный Берлин, Амман (Иордания). Несколько членов Бригады пробираются в Восточный Берлин, оттуда – пользуясь содействием палестинского студента Са*и*да Дудина – в Иорданию, в лагерь палестинских беженцев, контролируемый ФАТХ («Движением за национальное освобождение Палестины», возглавляемым Ясиром Арафатом). Через неделю прибывают остальные. Среди них Майнхоф, Баадер, Энслин, Малер, Манфред

Грасхоф, Петра Шельм, Бригитта Асдонк, Моника Берберих, Ирэн Гёргенс, Ингрид Шуберт – всего ок. 30 человек.

К ним прибился и Петер Хоман – поскольку перед освобождением Баадера он жил у Майнхоф, на него падало подозрение как на соучастника освобождения (коим он не был); он, опасаясь ареста, и примкнул к подпольщикам. Довольно скоро Хоман отпадёт от Бригады и возвратится в ФРГ.

Начинающие партизаны учатся стрельбе, обращению со взрывчаткой, рукопашному бою. Но раздражают палестинцев: у европейцев равноправие полов (и даже руководитель-женщина), нудизм (загорали обнажёнными на крыше) и внебрачный секс, им чужды библейско-коранические догмы. Да, они левые, но им ближе Ленин, а не Сталин. Бригада, в свою очередь, недовольна обучением – учебной программой не предусмотрена *городская* герилья.

(Справедливости ради скажем: немцы «полезли со своим уставом в чужой монастырь» – истосковавшиеся по женщинам палестинские солдаты нервничали при виде загорающих голышом молодых женщин.)

Через 2 месяца революционеры возвращаются в Европу.

10 августа, Кенигсдорф (ныне Фрехен, недалеко от Кёльна). 52-летний Берндт Алоиз Циммерман, классик симфонической музыки, кончает жизнь самоубийством, от полного непонимания его творчества западногерманским обществом (кстати говоря, Шостаковичу, выставляемому российскими СМИ почти мучеником, прожившему почти 70 лет и «заработавшему» всего 2 критические статьи, пришлось куда легче). «Захолустье – и мелкотравчатое к тому же» (Майнхоф).

Символично, что предсмертное сочинение Циммермана, законченное несколько дней назад, в момент возврата партизан в Европу – «Месса для мёртвых», на слова Екклезиаста: «И обратился я и увидел всякие угнетения,

какие делаются под солнцем» (можно и по Радищеву: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвленна стала»). Сказано будто о рафовцах, вернувшихся именно сейчас, только не для самоубийств, а для герильи.

14 августа, Западный Берлин. Хольгер Майнс арестован по подозрению в причастности к подпольщикам (пробудет месяц в тюрьме Моабит).

Сентябрь, Италия, ФРГ. Штефан Ауст, бывший сотрудник «Конкрета» и друг Майнхоф, встречается с Петером Хоманом, покинувшим Бригаду в Иордании. Речь идёт о дочерях Майнхоф, поселенных в фургоне семьи хиппи, в сицилийской деревне у вулкана Этна. Хоман помогает Аусту забрать детей и привезти их к отцу, Клаусу Рёлю. Рёль передаст их на воспитание Ренате Римек.

Бригаду пополняют новые члены. Малер предлагает экспроприацию из 4 банков одновременно.

26 сентября, Западный Берлин. В связи с предстоящими увольнениями на машиностроительном заводе «Линнофе» «Чёрный фронт Тупамарос» осуществляет нападение со взрывчаткой на дом директора завода и его автомобиль.

29 сентября, Западный Берлин. Ранним утром 16 партизан проводят операцию «Тройной шок» – из 3 банков, одновременно (за 10 минут) экспроприировано 217 449 марок. (Четвёртая экспроприация отменена – перед банком работают строители.) В один из банков планировалось бросить дымовую шашку, но от этого отказались, увидев, что туда вошла женщина с детской коляской.

Один из партизан ездит вокруг банков, создавая помехи для полицейской рации, и весьма удачно – центральная станция полицейской связи едва может связаться с полицейскими машинами, а те вообще не имеют с ней связи. Первый налёт происходит на углу Хауптштрассе и Райнштрассе. Полиция мчится туда,

и тут узнаёт о налёте на Альтонаерштрассе. Решив, что первый вызов был ложным, полиция бросается по второму адресу, и тут приходит аналогичное сообщение с площади Брайтенебах. Полиция дезориентирована, и все нападения проходят удачно.

«Чем мощнее ты себя подаёшь, тем меньше неожиданностей» (Ральф Райндерс).

В частности, налёт на сберегательный банк – с участием Майнхоф – совершён в машине скорой помощи, за рулём которой Ингрид Шуберт. (Возможно, медик Шуберт и подала идею об использовании подобной машины.)

Начало октября, Западный Берлин. В Бригаду вступает Ян-Карл Распе со своей подругой, журналисткой Марианной Херцог. Обязанности Распе: вождение и ремонт транспорта. Вскоре он станет одним из руководителей партизан.

8 октября, Западный Берлин. Полиция по доносу осведомителя устраивает засаду в квартире, где должны встретиться Баадер, Энслин и Малер. Баадер и Энслин не пришли по случайным причинам. Схвачены Малер, Моника Берберих, Бригитта Асдонк, Ингрид Шуберт и Ирэн Гёргенс. При них обнаружены пистолеты, в квартире найдены «коктейли Молотова» и фальшивые автомобильные номера.

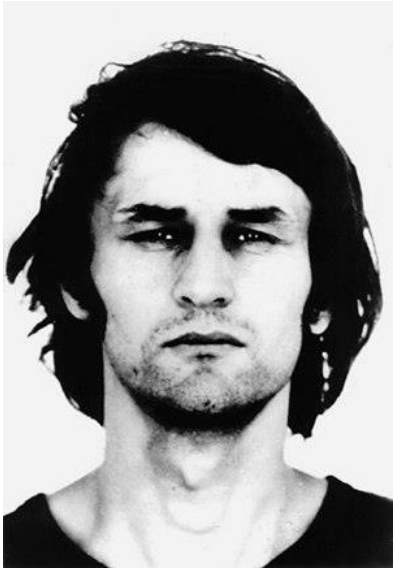
Бригитта Асдонк

Арестованная Ирен Гёргенс

10 октября, Западный Берлин. Оставшиеся на свободе подпольщики встречаются, пытаясь вычислить предателя. Подозрение падает на некоего Ханса-Юргена Беккера. Он всё отрицает, но покидает Бригаду. Согласно большинству исследователей, он действительно был полицейским информатором.

Хольгер Майнс со своей подругой Беатой Шторм примыкает к партизанам под прозвищем «Рольф». Позже получит псевдоним «Старбек», по имени рулевого из «Моби Дика» – Энслин, понятное дело, наделяет товарищей именами персонажей Мелвилла. Майнс ровесник 30-летнего героя «Моби Дика», тоже высокий и худощавый. «…худощавость отнюдь не была у него порождением гнетущих забот и тревог, как не была она и последствием телесного недуга. Она просто превращала его в сгусток человека. В его

внешности не было ничего болезненного; наоборот. Чистая, гладкая кожа облегала его плотно; и туго обтянутый ею, пробальзамированный внутренним здоровьем и силою, он походил на ожившую египетскую мумию, готовый с неизменной стойкостью переносить всё, что ни пошлют ему грядущие столетия», «Старбек не гонялся за опасностями, как рыцарь за приключениями. Для него храбрость была не возвышенным свойством души, а просто полезной вещью, которую следует держать под рукой на случай смертельной угрозы. Этот китобой, кажется, считал, что храбрость – один из важнейших припасов на судне, наряду с хлебом и мясом, и что понапрасну расходовать её нечего» («Моби Дик», XXVI, «Рыцари и оруженосцы»).



Хольгер Майнс

Октябрь, Западный Берлин. Подпольщики планируют экспроприацию со взломом из хранилища боеприпасов и налёт на ратушу для похищения удостоверений личности. Первая акция отменяется из-за ареста ряда партизан 8 октября. Вторую, в ратуше, приходится повторить дважды подряд – Майнхоф по рассеянности послала похищенное по почте, и документы были потеряны.

Лето-осень, Гейдельберг. «Война экспертов» касаемо дальнейшей судьбы Социалистического коллектива пациентов. По просьбе ректората Гейдельбергского университета психологи Петер Брюкнер и Хорст-Эберхард Рихтер (в будущем известный активист движения за мир), а также бывший директор гейдельбергской поликлиники Дитер Шпациер пишут экспертные заключения. Они единогласно высказываются за продолжение деятельности Вольфганга Губера. Тогда медицинский факультет зовёт своих экспертов. Ханс Томе из Ульмского университета, фон Байер (главный оппонент Губера) и директор франкфуртской университетской клиники Ханс-Йоахим Бохник требуют прекращения деятельности Губера.

18 сентября министр образования земли Баден-Вюртемберг Вильгельм Хан (от партии Христианско-демократический союз) объявляет договорённость ректора Рендторфа с Губером незаконной и запрещает деятельность СКП в университете. Сенат университета не поддерживает СКП. Над Губером нависает угроза выселения.

Ноябрь-декабрь, ФРГ. Ещё в июне пребывающий в тюрьме Хорст Малер пишет статью «О вооружённой борьбе в Западной Европе». В ноябре издательство Клауса Вагенбаха публикует её как повод для обсуждения и сравнительного анализа высказываний Майнхоф и Малера. Публикация немедленно запрещена.

В ноябре Майнхоф остановлена полицией на контрольно-пропускном пункте. Пока проверяют документы, Майнхоф, не выдержав нервного

напряжения, срывает машину с места и уезжает. Это грубая ошибка – на руках полиции остаются поддельные документы с её новой фотографией.

Партизаны похищают автомобили и делают на них фальшивые лицензии. Часть экспроприированных денег идёт на покупку оружия.

Ряды партизан пополняет Эрик Шульц.

4 декабря, Западный Берлин. Арестована Эрика Грусдат.

20 декабря, Франкфурт-на-Майне. Выданный доносчиком и арестованный Карл-Хайнз Рухланд заговорил. Он не знает подлинные имена революционеров, но знает немало (о явочных квартирах во Франкфурте-на-Майне, Гамбурге, Бремене и Гельзенкирхене), и впоследствии станет одним из основных свидетелей по делу партизан. Рухланд, механик, уже занимавшийся криминальной перелицовкой машин, к партизанам присоединился не из убеждений, а соблазнённый оплатой своих услуг. Всё же в 1972-м его приговорят к 4 годам тюрьмы за содействие РАФ.

«Кто приходит в герилью с уголовными представлениями, кто хочет лишь улучшить своё собственное положение, тот неизбежно улучшает его через предательство», заметит Майнхоф в 1972-м.

«Предательство в криминальных кругах всегда было обычным делом» (Ральф Райндерс).

Задержана Майнхоф, но отпущена, неопознанная из-за крашеных и остриженных волос. В полиции её фотографируют.

Ульрика Майнхоф в полиции, 1970 г.

23 декабря, Нюрнберг. Арестованы партизаны Али Янсен и Ули Шольц, пытавшиеся угнать автомобиль. Янсен стреляет в полицейского, впоследствии получит за это 10 лет тюрьмы. Шольц ведёт себя сдержанно, вскоре отпущен и в Бригаду не возвращается.

24 декабря, ФРГ. На собрании Бригады Майнхоф говорит о необходимости формулирования и изложения политической стратегии подпольщиков.

Декабрь, ФРГ. Членам Социалистического коллектива пациентов Кармен Кролл и Зигфриду Хауснеру удаётся изготовить небольшое количество взрывчатки (тротила).

1970, ФРГ. В уже цитировавшейся книге Киттнера «Когда-то был человеком...» описан случай из 1970-го, о нацистском сборище, куда он попал по недоразумению.

«А господин на трибуне продолжал гнуть свою линию. Одна полная ненависти тирада сменяла другую. Между ними – слезливые, умеренно

пространные упоминания о родине. Когда он в конце концов выкрикнул, что “граница по Одеру-Нейсе никогда не будет признана”, с нас было достаточно. Мы молча переглянулись и решили уйти. Не дожидаться же в самом деле, пока нас изобьют все те, кто сейчас с таким недоверием и так враждебно смотрел на нас, выставленных на всеобщее обозрение. Любовь к “молодому поколению” обернулась нескрываемой ненавистью. Тут даже самые неоспоримые аргументы ничего бы не изменили. Когда мы встали, я не отказал себе в удовольствии отреагировать на заявление касательно границы по Одеру-Нейсе, сказав вполголоса: “С меня хватит”. Лучше бы я этого не делал. Ведь нам предстояло пройти от первого до последнего ряда сквозь строй клокочущих от ненависти стариков.

Первые две трети пути мы одолели благополучно. Но когда почти дошли до конца зала, кто-то из сидящих справа подставил мне ножку, слева протянулась старческая рука и схватила меня за рукав. Ещё два-три старца набросились на меня. Мне удалось вырваться. Но в дверях меня снова схватили. Восемь или десять сизоголовых скрутили меня, прижали к стене и начали избивать. Это был какой-то кошмар. Костлявые тощие руки стариков били беспорядочно, хотя каждый старался не промахнуться. К тому же сидевшие в зале подзадоривали их, из рядов доносились шипение и возгласы: “Правильно!”, “Так ему!”, “Врежь как следует!”, “Прикончить эту свинью!”. Самым опасным из моих противников был тот самый хорошо тренированный господин, из сорокалетних, которых я упоминал. Он крепко обхватил меня и подставил другим так, чтобы удобнее было меня бить.

Мне снова удалось вырваться. Я выбежал в фойе. Жена и мой друг уже бежали вниз по лестнице. Я хотел последовать за ними, но у касс стояли ещё пятеро. Двое уже снимали куртки. Из зала тоже напирали. Я был в ловушке. Сегодня я смеюсь, вспоминая, как воспользовался приёмом Эррола Флинна из

его фильмов “плаща и шпаги”: швырнул в сторону преследователей кассовый столик. Правда, в тот момент мне было не до смеха, это была единственная возможность чуть-чуть опередить преследователей. И это мне удалось, но только до лестницы.

Свора нагнала меня и пыталась столкнуть вниз. Особенно старался самый молодой и сильный.

Я ухватился за перила. Кто-то сказал негромко: “Сбросьте его вниз”. И он не шутил. Меня схватили за ноги, попытались поднять. Мне было ясно одно: нужно уцепиться, удержаться… Иначе меня сбросят в пролёт. Несмотря на жаркую схватку, я почувствовал, как у меня мороз пошёл по коже. Жена кричала непрерывно: “Да отпустите же его!”.

Теперь, когда я это пишу, она говорит, что в самом деле боялась за мою жизнь. Истеричные старцы были готовы на всё. Эту сцену вполне можно использовать в фильме ужасов.

Неожиданно, как по команде, меня выпустили, и преследователи побежали в зал. Прислонившись к перилам, еле дыша, я смотрел, как по лестнице большими шагами поднимаются трое полицейских. Их вызвал по телефону мой друг. Участок располагался на улице напротив, и поэтому полиция имела возможность проявить оперативность.

Теперь я должен честно признаться, что впервые в жизни с радостью ожидал приближения стражей закона. Полиция не всегда вела себя по отношению ко мне по-дружески, но в данном случае, безусловно, помогла мне в самой критической ситуации. Возможно, правда, подоплёка событий была ей ввиду спешки ещё недостаточно ясна.

Однако это пришедшее в последнюю минуту спасение не было кульминацией случившегося. Последовавшее за ним затмило всё предшествующее.

Услышав, что случилось, полицейские захотели установить личности главных участников побоища.

“Пойдёмте в зал, они же ведь ещё там, – предложил старший. – Вы сможете опознать их до того, как они улизнут”.

Мы вошли. В ту же секунду участники встречи поднялись с мест и, дабы достойно завершить мероприятие, от начала до конца бывшее сплошным анахронизмом, запели гимн. Разумеется, как это и можно было ожидать от “вечно вчерашних”, старый его вариант, где первая строфа, от которой за версту несло шовинизмом, официально не разрешена к исполнению.

“Германия, Германия превыше всего…” – глухо звучал хор мумий, из которого иногда выделялось дрожащее старушечье сопрано.

Они, разумеется, понимали, что означает тот факт, что я вернулся в зал в сопровождении полиции, но продолжали петь.

Мы прошли между рядов, разглядывая лица. Никто не повернул головы, все тупо глядели остекленевшими глазами перед собой, только иногда то один, то другой, мимо которого мы проходили, косил на нас глазом.

“От Мааса до Мемеля, от Эча до Бельта…”. Да, это бы их устроило.

Мумии поют, мы идем между рядами. Сцену, в которой было даже что-то призрачное, никакой режиссер-сюрреалист не сделал бы более впечатляющей.

“Германия, Германия превыше всего…” – поют политические трупы свою песню, для столь многих миллионов людей означавшую смерть. Они, тесно сомкнув ряды, поют и поют все три строфы. Кошмар никак не кончается. Смотрят прямо перед собой. Этот избивал меня? Или тот? Боже, что же должны были тогда чувствовать жертвы нацизма, когда им приходилось опознавать своих мучителей во время процессов, проведение которых оттягивалось и затягивалось. Так много старческих сморщенных лиц. У всех одно и то же застывшее выражение, и можно только догадываться, какие чувства за ними

скрываются: смесь заносчивости, страха и невысказанной холодной ненависти. Дедушки, вначале показавшиеся нам такими приветливыми, дружелюбными, потеряли всю свою обаятельность. Вот что сделал с ними этот гимн. Они были и остаются НЕМЦАМИ, даже если от всего мира останутся одни черепки. Когда и где они так пели? Снова звучат слова гимна. Стариков уже невозможно отличить друг от друга. Они все на одно лицо. Они поют и поют.

Путь между рядами кажется мне бесконечным. Что, интересно, чувствуют полицейские? Но вот мы обнаруживаем того самого, сильного и молодого. Он стоит немного в стороне, почти у прохода, с той стороны, где шторы. И он тоже поёт громко, с чувством. Не удостаивает нас взглядом. Полицейские обращаются к нему, просят пройти с ними. В фойе он протягивает коллегам свою визитную карточку, предъявляет служебное удостоверение: сотрудник уголовной полиции Александр Ц.

Был ли он здесь по службе или как частное лицо, я не знаю. Скорее всего и то, и другое. Уж очень он старательно пел. И он не воспользовался лежащей на поверхности отговоркой-оправданием: он-де хотел меня защитить. Возможно, рукоприкладство по отношению ко мне входило в круг его служебных обязанностей».

1971

Январь, Кассель, Бонн. Беата Шторм, устав от жизни в бегах, возвращается к матери, в Кассель. «В минуты величайшего возбуждения люди презрительно отметают всякие низменные интересы; но такие минуты быстролётны» («Моби Дик», XLVI, «Догадки»).

Главы немецких земель решают организовать конференцию по «антитерроризму». ФРГ – свободная конфедерация с небольшим федеральным влиянием и различными полицейскими силами, без общенациональной

полиции, вроде ФБР США. Опасаясь вооружённых леворадикалов, немецкие лидеры консолидируются.

Если терроризм – борьба с законной властью, то Бригада террористической не является: власти ФРГ незаконны, участвуя во Вьетнамской войне в обход конституции и ставя военных преступников нацистского периода на руководящие посты. Но на партизан нужно навесить ярлык погаже, и он уже найден. (Базы НАТО в ФРГ готовили «коммандос» для антипартизанских действий во Вьетнаме и Латинской Америке, заводы ФРГ выпускали бомбы для бомбёжек Вьетнама, западногерманские компьютеры управляли этими бомбёжками, сотни лётчиков и тысячи представителей технического персонала ВВС ФРГ воевали во Вьетнаме в форме войск США.)

29 января подписан акт OS 6-625 050/14 о начале преследования «Группы Баадера-Малера-Майнхоф» Федеральным управлением уголовной полиции (ВКА). Полиции надлежит поддерживать тесный контакт с «региональными специальными комиссиями», координируя их действия.

«Специальную комиссию по терроризму» возглавляет детектив Альфред Клаус. Он пишет историю Бригады на 60 страницах. Клаус неглуп. В то время как политики, СМИ и судьи говорят о «банде Баадера-Майнхоф», считая подпольщиков обычной преступной группой, Клаус первым отмечает идеологический характер этой организации, приступив к изучению возможных источников сего явления. В дальнейшем коллеги будут иронически называть его «главным идеологом РАФ». Клаус будет посещать семьи партизан, изучая их биографии, и убеждать их родственников по возможности воздействовать на бунтовщиков и побудить их уйти из герильи, разыграв библейский сценарий возвращения блудного сына-дочери. В результате партизаны окрестят его не просто «быком», как полицейского, а «семейным быком».

Впрочем, не один Клаус замечает, что партизаны не похожи на уголовников. Сотрудничающий с ВКА политолог Вилли Терстиге сообщает в своём отчёте (опубликован в 1991-м в книге Б. Петерса «РАФ: терроризм в Германии»): «Большие трудности создавал новый тип преступника... Полиция привыкла бороться с “правильными” уголовниками – в большинстве случаев с соответствующим опытом, часто начинавшемся с магазинной кражи... Ещё существовали изменники родины. Теперь, однако, приходится иметь дело с людьми, “вышедшими из 68-го года”, нередко владеющими недюжинным умом, происходящими из среды рафинированной интеллигенции, нередко детьми университетских профессоров... К тому же ранее присутствовал мотив. Теперь полиция столкнулась с людьми, действующими более или менее бескорыстно. Они не хотят наживаться, как бухгалтер-мошенник. Они хотят создать новое сознание – для Вьетнама, для третьего мира... Это в значительной степени вышедшие из-под контроля дети буржуазии».

15 января, Кассель, Мюнхен. Партизаны экспроприируют 114 715 марок из 2 сберегательных банков Касселя. Рядом с одним из банков похищен автомобиль БМВ. Это любимый автомобиль Бригады – на нём просто уехать, он легко заводится. Астрид Проль рекомендует себя не только как хорошего водителя, но и как специалистку по угонам автомобилей.

(В наступающем году партизаны похитили столько этих машин, что немцы шутили: за группой Майнхоф стоит концерн БМВ. Левая молодёжь расшифровывает эту аббревиатуру как «Baader-Meinhof Wagen» – «автомобиль Баадера-Майнхоф».)

Фриц Тойфель приговорён к 2 годам тюрьмы в Мюнхене за попытки поджогов и взрывов.

2 февраля, ФРГ. Арестованы несколько подпольщиков, оставившие партизан год назад, среди них Георг фон Раух.

10 февраля, Франкфурт-на-Майне. Красноармейцы Астрид Проль и Манфред Грасхоф остановлены полицией. Полицейские без предупреждения стреляют на поражение, хотя ни Проль, ни Грасхоф не доставали оружие – это указано в рапорте присутствовавшего при этом оперативника БНД. Партизанам удаётся убежать, в частности, Грасхофу покупает билет на метро прохожий, оказавшийся симпатизантом РАФ.

Рапорт тут же засекречен, а в СМИ идёт версия полицейских, якобы применивших оружие для самозащиты.

Середина февраля, Гейдельберг. Зигфрид Хауснер и Кармен Кролл, изготовившие тротил, пытаются взорвать поезд президента ФРГ, но Кролл опаздывает на вокзал со взрывчаткой.

Февраль, Бад-Годесберг (ныне часть Бонна). 76-летний Герман Сушон, без суда и следствия застреливший Розу Люксембург, бывший нацистский полковник, и его 28-летняя жена Дагмар фигурируют в деле неонацистской группы. В их квартире в Бад-Годесберге (ныне часть Бонна) обнаружены 3 карабина, двуствольное ружьё и пистолет. Неонацистские боевики атаковали офис Германской компартии и посольство СССР, планировали нападения на СДПГ. Но к судебной ответственности супруги не привлекаются – то ли за заслуги Германа в бессудном убийстве Люксембург, то ли потому, что власти заняты борьбой с левым подпольем, или по двум этим причинам зараз. (Сушон скончается в 1982-м.)

Февраль-март, Гейдельберг. Студентку Маргрит Шиллер, месяц назад вступившую в Социалистический коллектив пациентов, приятель просит приютить несколько человек, скрывающихся от полиции. Шиллер даёт ключи, сама ночует у знакомых – анонимные гости не хотят показываться кому-либо. Но через несколько дней просит познакомить её с жильцами. Это Майнхоф, Баадер, Энслин и Распе. Распе расспрашивает Шиллер об СКП. СКП занимает

помещение напротив полицейского участка, и появляться там для рафовцев опасно. Шиллер просят переговорить с главой «пациентов» Губером.

На вопрос Шиллер, желает ли Губер установить контакт с РАФ, доктор показывает на телефон. Дальше беседа ведётся посредством записок. Шиллер предлагает немедленно сжигать записки по прочтении. Как позднее вспоминал Губер, именно после этого он поверил ей. Контакт налажен, но дальнейшие переговоры с РАФ, согласно мемуарам Шиллер 2000-х, велись без неё.

Майнхоф внимательно присматривается к «пациентам», но стремится к не слиянию СКП с РАФ, а вербовке наиболее надёжных людей из «пациентов».

Слева – Маргрит Шиллер

Март, ФРГ. Авторитетным в Западной Германии Алленсбахским Институтом исследований общественного мнения проведён опрос касаемо партизан. О них слышало 82 % граждан. Преступниками их считают 59 % 45-

59-летних и 51 % 16-29-летних. Четверть 16-29-летних назвала подпольщиков «политическими борцами», каждый десятый готов укрывать партизан. «Поддержка, которую оказывали эти группы, оценивается РАФ в 10-20 % от западногерманского населения. (Выражение неточное, следовало сказать – «группы, оказывающие поддержку...» – Л.) Даже с поправкой, что эти цифры сильно завышены, ультралевые группировки по степени влияния на массы вполне могли сравниться с политической партией». (Морозов И. Л., «Политический экстремизм – леворадикальные течения», изд. ВФ МЭИ, 2002 г.).

Из дальнейшего будет видно, что цифры не были «сильно завышены».

До апреля, ФРГ. Бригитта Монхаупт вступает в РАФ. На радикализацию взглядов Монхаупт повлиял «Краткий учебник городской герильи» Маригеллы.

С Монхаупт – её подруга Ирмгард Мария Элизабет Мёллер, студентка Мюнхенского университета, филолог-германист, активистка студенческого движения и анархистского «Чёрного креста».

Бригитта Монхаупт

Ирмгард Мёллер

12 апреля, Франкфурт-на-Майне. Арестована одна из партизанок, опознанная по фотографии на розыскном плакате красноармейцев, развешанном по всей ФРГ.

30 апреля, Амстердам. Опубликован первый программный документ РАФ – манифест «Концепция городской герильи», написанный Ульрикой Майнхоф, при участии Гудрун Энслин, на квартире Маргрит Шиллер (Шиллер будет помогать в распространении брошюры). На обложке эмблема: автомат Калашникова, пятиконечная красная звезда и аббревиатура RAF сверху. (Позже автомат Калашникова заменят автоматом Кох.)

Rote Armee Fraction (Роте Армее Фракцион, Фракция Красной армии) – новое название партизанской группы, в честь Красных Армий СССР, Китая и Кубы.

Цели: 1. «Выманить фашизм наружу» (Малер), показать народу, что власть – фашистская, просто это замаскированный фашизм, «дремлющий», и в момент борьбы маска демократии спадает. Тогда вся интеллигенция, студенчество и многие другие поднимутся на вооружённую борьбу с фашизмом (больше всего об этом писал Бомми Бауман). 2. Борьба с мировым империализмом в помощь «третьему миру» (Вьетнаму, Лаосу, Камбодже, Палестине, Колумбии, Боливии, Никарагуа, Анголе, Мозамбику, Западной Сахаре, Алжиру etc), подрыв сил империализма борьбой с ним на его территории, в богатых странах, в частности, борьба против участия ФРГ во Вьетнамской войне и с военными США в ФРГ. Этот план связан с идеей Че Гевары создать «два, три, много Вьетнамов» – рассредоточить силы империализма и ослабить его.

Майнхоф предвидит, что «мирные коммунисты» (образца КПРФ) открестятся от РАФ как от анархистов. «Так как с давних пор анархисты острее других критиковали оппортунизм, то критикующих оппортунистов упрекают в анархизме. Это, можно сказать, старо как мир» (Майнхоф, «Концепция...», глава 5). «Мы не бланкисты и не анархисты, хотя считаем Бланки великим революционером, а личный героизм многих анархистов – вполне заслуживающим уважения» (глава 1).

(Выдающие себя за марксистов-ленинцев, от Сталина до Зюганова, называют коммунистов «анархистами» или «троцкистами». В результате до сих пор встречаются люди, считающие идею мировой революции троцкистской.)

«*Городская герилья означает, что нельзя деморализовать себя перед произволом Системы* (курсив Майнхоф – Л.).

Цель городской герильи – нанесение разрушительных ударов в отдельные места государственного аппарата господства, чтобы частично лишить его власти, разрушить миф о вездесущности Системы и её неприкосновенности.

Городская герилья предполагает организацию нелегального аппарата, это: квартиры, оружие, боеприпасы, автомобили, документы. На что при этом нужно обращать внимание, написал Маригелла в «Кратком учебнике городского партизана». На что при этом ещё нужно обращать внимание, мы в любое время готовы сказать каждому, кому необходимо это знать, если он захочет участвовать в борьбе. Мы ещё немногое знаем, но это уже кое-что» (глава 5).

Партизаны против нанесения ущерба жизни и здоровью людей, даже полицейских. «Фараоны всегда стреляли на поражение. Некоторое время мы не отвечали на выстрелы, а если и отвечали, то не целясь – так было в Берлине, Нюрнберге, во Франкфурте. Мы старались вообще не стрелять, а если стреляли, то не на поражение. Это можно доказать, так как это – правда. Мы не

применяем огнестрельное оружие, “ни с чем не считаясь”. Мы стреляем, если стреляют в нас. Фараона, позволившего нам убежать, мы не трогаем» (глава 1).

Клаус Юншке вспоминал в 2000-х: «За основу мы взяли сценарий, предложенный Линь Бяо в книге “Победа в народной войне”. Ведь сначала коммунисты в Китае потерпели поражение, и только когда они добились поддержки сельских районов, им удалось взять города в кольцо и победить. Теперь, в мировой гражданской войне, мы представляли Азию, Африку и Латинскую Америку сельскими территориями, а США, Европу и Японию – городами, которые надо окружить. В этой войне мы должны были стать авангардом, отсекающим щупальца мирового империалистического спрута. Мы не должны были ждать, когда массы поднимутся на восстание – мы должны были стать маленьким эффективным боевым отрядом, который раздует пожар революции».

РАФ должна стать «инициативным меньшинством» (Маригелла). Из искры возгорится пламя, «степной пожар организованной классовой борьбы» (3 глава).

Биргит Хогефельд: «… многие и здесь, и во всём мире находили вполне обоснованной модель “мировая деревня против мирового города”, то есть охват метрополий кольцом освободительных войн в “третьем мире”. Было очевидно, что в эту борьбу неизбежно втянутся и революционные силы самых богатых стран, ибо именно здесь были сконцентрированы власть и средства, отсюда исходила главная опасность».

«Антиимпериализм выразился прежде всего в протесте против войны во Вьетнаме, но также против американского господства в большинстве стран третьего мира», вспоминал красноармеец Кристоф Вакернгел (его цитирует историк США Брюс Хоффман в исследовании «Внутренний терроризм» (на русский неправильно переведено как «Терроризм изнутри»: Москва, «Ультра. Культура», 2003 г.)).

«…мы думали, жили и боролись, будучи частью всемирного восстания против империалистической гегемонии США», вспоминал красноармеец Лутц Тауфер в 1992-м («Они хотят нас сломить»).

Революционеры считают вооружённую борьбу самым надёжным – *бесповоротным* – способом избегнуть интеграции в буржуазное общество, провести, говоря словами Мао, «чёткую грань» между собой и врагом. Майнхоф ещё ранее говорила: «Одни разговоры не способны превратить обычных леваков в революционеров. Для этого нужны действия. И даже этого может быть недостаточно, ибо любой белокожий человек всегда легко может окунуться в изобилие своих привилегий. Он должен полностью отдать себя революции. Не только в своих идеях, но и в своём образе жизни. Сегодня вооружённая борьба подходит всё ближе и ближе к нейтральной полосе, и в форме не простого саботажа, а прямых атак. Мы должны объединиться против всех сил империалистической системы, какими бы они не были». «Не оставляя для себя возможности вернуться к буржуазному образу жизни, не позволяя себе снова повесить революцию на гвоздь в доме типовой застройки, и, стало быть, не желая ничего другого, кроме того, о чём с пафосом говорил Бланки: «*Долг революционера – всегда бороться, бороться несмотря ни на что, бороться до самой смерти*». Нет и никогда ещё не было революционной борьбы, мораль которой была бы другой: в России, Китае, на Кубе, в Алжире, Палестине, Вьетнаме» (глава 5).

«Образование РАФ в 1970-м (имеется в виду: начиная с освобождения Баадера – Л.)) носило в действительности спонтанный характер. Товарищи, взявшие на себя инициативу, и товарищи, присоединившиеся к ним, видели в этом единственную реальную возможность выполнить свой революционный долг.

Доведённые до тошноты воспроизводством условий, обнаруженных ими в рамках Системы, тотальной коммерциализацией и абсолютной лживостью во всех областях надстройки, воодушевлённые акциями внепарламентской оппозиции, они считали необходимой пропаганду вооружённой борьбы. Не потому, что они были столь слепы, чтобы поверить, будто можно довести дело до победы революции в Германии, не потому, что воображали, будто их нельзя пристрелить или арестовать. Не потому, что они так неверно оценивали ситуацию, чтобы думать, будто массы восстанут по их сигналу. Не потому, что считали ненужной легальную работу в городах и учреждениях. Но для того, чтобы сохранить уровень понимания, достигнутый движением 1967/68, чтобы не дать борьбе в очередной раз зайти в тупик.

Суть и новизна всех их притязаний были и остаются в том, чтобы достучаться до каждого в этой стране. Чтобы поднять критику Системы и борьбу с ней на такой уровень, откуда уже невозможно скатиться в социал-демократизм. Что означает: активная солидарность с периферией, удары по Системе, мобилизация масс, упразднение изоляции» (Майнхоф, июль 1973-го).

«Организовать вооружённое сопротивление, развернуть классовую борьбу, создать Красную армию. Левые, занимающиеся лишь политикой, не способны завоевать доверие революционного пролетариата, если вопрос вооружения не будет чётко поставлен и практически решён. Чтобы не подвергать сомнению своё отчасти привилегированное существование, свои пожитки и разноцветные гарнитуры, большинство левых интеллектуалов для объяснения революционной решимости хватаются за психоаналитические шаблоны и интерпретации. Они огораживают себя информацией, чтобы доказать, что партизанское движение застыло, что протестуют только сумасшедшие. Как эти левые могут требовать, чтобы партизанское движение перед ними отчитывалось? Вопрос, правомерно ли организовывать вооружённые – а значит, незаконные – группировки в

Федеративной республике и Западном Берлине, упирается в вопрос возможностей. Ответом на этот вопрос могут быть только действия. Всё остальное – спекуляции. Многие товарищи присоединились к этой деятельности. Это покажет, достаточно ли людей психической и физической энергии, ума, дисциплины, недовольства и классовой ненависти, чтобы атаковать империализм в империалистической ФРГ и Западном Берлине.

Политическая власть приходит с баррикад» (из речей Майнхоф, наговоренных на магнитофон).

Наконец, немецким партизанам стыдно за свой народ (в частности, за родителей и родню), «поколение Освенцима», убившее, искалечившее и разорившее 70-80 млн представителей других народов, стыдно, что только в Германии не было сколько-нибудь массового противостояния фашизму. «В некотором смысле вооружённая борьба в ФРГ была попыткой компенсировать предыдущее отсутствие антифашистского Сопротивления», скажет позже Лутц Тауфер («Они хотят нас сломить»).

Для Баадера и Малера первоочерёдной является антиимпериалистическая (*анти*американоизраильская) составляющая борьбы, для Энслин – антифашистская, особенно антинацистская. Первые особо схожи с латиноамериканскими революционерами – Че Геварой, Фиделем Кастро, Таней Бунке, подобные Энслин – с Космодемьянской, «Молодой гвардией» и французским Сопротивлением. (Впрочем, и Бунке назвалась Таней в честь Космодемьянской.) Символично, что Энслин филолог-славист, владеющий на среднем уровне польским и чешским языками. Как и Ульяна Громова, она вдохновляет других, и так же, как Космодемьянской, ею, ещё не знаменитой, восхищается знаменитый писатель (Аркадий Гайдар и Гюнтер Грасс).

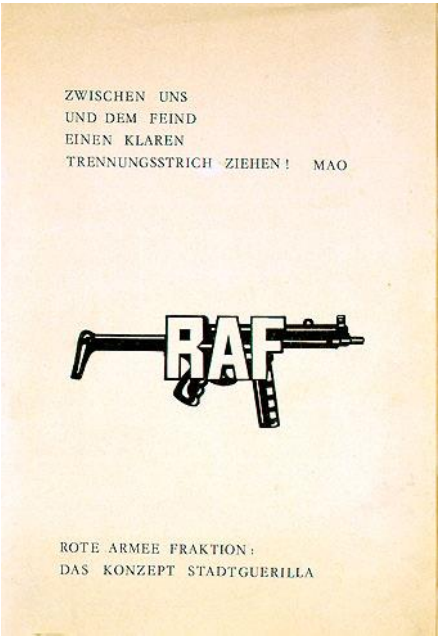
В Майнхоф (как и пристало главе организации) слиты оба начала. Антифашистское – как борьба с «возрождением воинствующей немецкой

манией величия», о которой она писала ещё в 1958-м в студенческом журнале «Аргумент». «Стремление к власти в Западной Европе было тенденцией, процессом, в начале семидесятых становившемся всё очевиднее» (Ирмгард Мёллер, интервью Оливеру Тольмайну, 2002 г.). Майнхоф с самого начала своей общественной деятельности предвидит, к чему стремится ФРГ – подмять под себя Европу в форме ЕЭС.

В статье «Фелипе Ривера – Че Космодемьянская, победитель в Великой Отечественной, хозяин будущего» о рассказе Джека Лондона «Мексиканец» я писал: «Только Ривера среди остальных левых в рассказе является Космодемьянской, Че Геварой. *Че Космодемьянской.* ЧК. Чекистом». Разумелась бескомпромиссность героя рассказа. К Майнхоф это прозвище относится ещё более – в ней объединены два направления левого движения, представленных Че и Космодемьянской, антиимпериалистическое и сугубо антифашистское. Более того, в известной степени Че Космодемьянскими (ЧК, чекистами) являются все рафовцы, поскольку действуют сообща и под началом Майнхоф.

Сравнивая РАФ с Рабоче-крестьянской Красной армией двух периодов – 1918-1921 и 1941-1945 гг. – виден синтез обоих начал: антиимпериалистического, времён Гражданской войны и военной интервенции Запада, и чисто антифашистского, притом именно антинацистского, времён Великой Отечественной.

Манифест завершается словами: «*Победа в народной войне!*»



Обложка первого издания «Концепции городской герильи»

К маю «Концепция…» одна из самых популярных публикаций в Западной Германии.

Нацисты, успокоившиеся было после временного поражения в 1945-м, с ужасом наблюдают новый штурм Берлина красноармейцами.

1 мая, Западный Берлин. Основывается организация «Джиппи Западного Берлина». Создана под влиянием «Международной партии молодых», сформированной наиболее политизированными хиппи США. Проведут многочисленные акции и компании против Вьетнамской войны. Часть из них позднее перейдёт в «Движение 2 июня».

6 мая, Гамбург. Арестована Астрид Проль.

Астрид Проль

14 мая, ФРГ. Бернвард Веспер, известный левый литератор и издатель, оставшийся верным Энслин после её ухода к Баадеру, пытавшийся по мере сил облегчать её подпольную жизнь, умирает от чрезмерной дозы снотворного, в неполные 33 года. (Вышло прямо на годовщину освобождения Баадера.)

Веспер – автор незаконченной книги «Путешествие», о ненависти к сытым и духовно убогим западногерманским обывателям, живущим за счёт людей третьего мира, к обществу стандартизации и крохоборов-буржуа, «подсчитывающей, не только сколько минут ты провёл в туалете, но и сколько туалетной бумаги использовал!», ненависти к «обществу доносчиков», наконец, о ненависти к своему отцу, нацистскому поэту.

Взяться за оружие, подобно супруге, ему не хватило духу, что сильно тяготило его самого. Это обстоятельство делает версию о самоубийстве весьма правдоподобной.

1 марта – 21 мая, Западный Берлин. Хорста Малера, Ирэн Гёргенс и Ингрид Шуберт судят в уголовном суде Моабит за организацию и осуществление побега Баадера. Председательствует глава районного суда Фридрих Геус, прокурор – Ханс-Дитер Хагель. Входя в зал суда, девушки поднимают кулаки в рот-фронтовском приветствии. Малер заявляет, что они не столько немцы, сколько пятая колонна угнетаемых стран третьего мира.

Слева направо – Ирэн Гёргенс, Ингрид Шуберт, Хорст Малер

Малер оправдан (правда, у него ещё два обвинения, да и это оправдание позже отменит Верховный суд), Шуберт приговорена к 13 годам тюрьмы, Гёргенс к четырём. При этом не только за освобождение заключённого, но и за покушение на убийство.

Примерно в то же время арестованная с ними Бригитта Асдонк осуждена на 12 лет.

Весна, ФРГ. Марианна Херцог, подруга Яна-Карла Распе, отходит от РАФ.

Федеральный суд выдаёт ордер на арест Петры Шельм, подозревая, что её знакомство с Майнхоф и её окружением говорит об участии Шельм в партизанской борьбе.

Французская журналистка Рауль за 1 000 долларов продаёт журналу «Шпигель» отрывки из выступлений красноармейцев, записанных ею на студенческих собраниях.

Многие тщеславцы дают интервью газетам, рассказывая небылицы, как они укрывали партизан, добывали им документы и финансировали их поездку на Восток. В результате некоторые хвастуны попадают в полицию. Их высмеивала Майнхоф ещё в «Концепции…».

«Они придают себе важности, рассказывая, будто мы проживали у них, что они организовывали нашу поездку на Ближний Восток, что они имели информацию о контактах, квартирах, что они что-то для нас делали, хотя они ничего не делали. Некоторые хотят показать этим, что они “в деле”. На этом попался Гюнтер Фойгт, кичившийся перед Дюренматтом (знаменитым швейцарским писателем – Л.) своей принадлежностью к освободителям Баадера; ему пришлось пожалеть о своём поведении, когда пришли фараоны». «Мы ничего не можем поделать с болтунами, для которых антиимпериалистическая борьба разыгрывается за чашкой кофе».

У РАФ коллективное руководство, с установкой на «антиавторитаризм» – обязанности распределяются по принципу «кто что умеет и может».

Против 25-30 красноармейцев 18-36 лет брошены десятки тысяч полицейских, жандармов, провокаторов и осведомителей (плюс, как покажет дальнейшее, сотни тысяч добровольных доносчиков).

Главным образом борьба с РАФ возложена на Федеральное ведомство криминальной полиции, ВКА (в русской литературе ВКА часто называют КРИПО – это разговорное название ВКА с гитлеровских времён). Из всех спецслужб ФРГ она наиболее нацистская. Создана бывшим офицером СС Паулем Дикопфом, выпускником командной школы эсэсовцев в Шарлоттенбурге, организатором депортации «расово неполноценных» и «асоциальных» элементов в Штутгарте. В СС Дикопф зарекомендовал себя отлично и в 1943-м был отправлен резидентом в Швейцарию, где к концу войны наладил доверительные отношения с резидентурой США и предложил свои услуги силовика в послевоенной Германии. Западные горе-союзники СССР распознали в нём ценного сотрудника и его дальнейшей карьере не препятствовали. Занявшись набором сотрудников в создаваемую ФРГ криминальную полицию, Дикопф немедленно заполняет её эсэсовцами. Заместителями и доверенными лицами Дикопфа становятся его однокурсники по командной школе СС – Рольф Холле, эсэсовец с 1930-го, и бывший руководитель тайной военной полиции группы армий «Центр» Бернхард Ниггемайер, под чьим руководством только за 5 месяцев 1944-го на территории СССР уничтожено более 2 000 мирных граждан и военнопленных.

Весна-лето, ФРГ. Следует второй донос на психиатра Вольфганга Губера и весь Социалистический коллектив пациентов (СКП), в 4-й отдел (контрразведку) Федеральной разведывательной службы, БНД.

«Так, Александр Тарасов пишет, что “...в 1971 году «традиционные» психиатры из Гейдельберга написали донос в БНД. [...] БНД разгромила «Коллектив» («Вьетнам близко...» – Л.)”. Это звучит неправдоподобно хотя бы

потому, что БНД – это *внешняя* разведка ФРГ. Консервативный немецкий исследователь Герд Ланггут рассказывает о планах покушения на федерального президента Густава Хайнеманна, который посещал Гейдельберг в феврале 1971 года. Левая журналистка Ютта Дитфурд представляет историю с покушением на Хайнеманна в несколько ином свете: студент, влюблённый в члена СКП Кармен Ролль, не получив взаимности, просто сочинил эту историю. Во всяком случае, история с заговором против президента никогда не была доказана и вообще быстро исчезла из новостей. А в документах о “деле СКП”, изданных левыми студентами в 1971 году, фигурирует некто Ханс Бахус, которому полиция 8 июля показала при задержании записку его бывшей подруги Кармен Ролль. В ней говорилось, что Ханс много знает и с ним надо что-то сделать. Потом Бахус уже не был столь уверен, что узнал почерк Ролль, однако к тому времени он уже успел дать обширные показания о членах и структуре СКП. Впоследствии Бахус пытался отказаться от своих показаний» (Казаков Е. А., «Убийцы белых халатов. Социалистический коллектив пациентов: малоизвестные страницы из истории “новых левых”».)

Действительно, казалось бы, при чём здесь БНД, и не ошибся ли Александр Тарасов? Эта история рассказана мне самим Тарасовым, в свою очередь узнавшим это от немецкого психиатра иранского происхождения Наср*а*та Пезешки*а*на.

Был такой австрийский психиатр Генрих Гросс, на высоком бюрократическом посту, при Гитлере ставивший садистские медэксперименты на политзаключённых и военнопленных. После войны вступил в правящую партию Австрии и, подобно большинству нацистских преступников, не был судим. Будучи связан с БНД (возможно, как агент), Гросс предложил гейдельбергским психиатрам составить официальный донос, пусть даже

бредовый, например, что Губер – агент ГДР. Тогда контрразведке будет чем заняться.

Спецслужбы уже давно наблюдают за СКП, быстро разрастающимся за счёт студентов – к моменту разгрома в нём уже ок. 500 человек, и большинство не из пациентов.

Середина июня, Гейдельберг. В середине месяца руководство РАФ съезжает с квартиры Маргрит Шиллер.

24 июня, Визенбах (близ Гейдельберга). В ночь на 24-го полиция останавливает машину с Ральфом Райндерсом, Альфредом Марландером и Бернхардом Брауном. Их документы оказываются поддельными. После требования открыть багажник они пытаются бежать. В завязавшейся перестрелке Марлендером ранен один из полицейских (впрочем, дело о ранении полицейского останется нерасследованным, а вина Марлендера недоказанной). Задержанным удаётся уйти.

Розыском заняты 350 полицейских. Утром на шоссе задержан задержан подозрительный автостопщик – это Марлендер. Сосед главы СКП Губера, живущего здесь, сообщает полиции, что видел подозрительного человека, уехавшего на машине доктора. Полиция, врываясь в офисы СКП, задерживает 8 «пациентов», включая и Губера. Двое из них арестованы. После обысков полиция обнаруживает, что ряд «пациентов» контактирует с вооружённым подпольем, наверняка с РАФ.

29 июня, Гейдельберг. Полиция заявляет, что в офисе СКП обнаружен пистолет, использованный в акциях РАФ. Газеты пишут о Гейдельберге как о «гнезде терроризма». За всеми членами СКП устанавливается слежка.

1970 – до июля 1971, деревня Фюрц под Дармштадтом. Ульрику Майнхоф с товарищами укрывает писатель, знакомый Майнхоф (имя не уточнил, везде фигурирует безымянным). В 1971-м, получив 2 недели тюрьмы

за помощь партизанам, он опишет их так: «Энслин наивна, Петра Шельм – совершенный ребёнок, Карл Распе – прекрасный человек, благородный и очень чувствительный. Он иногда пил пиво, остальные – только фруктовые соки… Все они слушали только классическую музыку… много читали, но нашли, что в моей библиотеке мало левой литературы».

Ян-Карл Распе и Гудрун Энслин

2 июля, Гейдельберг. В последние недели СКП сильно радикализируется. В своём бюллетене «Пациентен-инфо» он уже требовал выдачи пациентам лицензии на ношение оружия, для сопротивления произволу полиции. Теперь очередная прокламация заканчивается зарифмованным лозунгом «Малер, Майнхоф, Баадер – это наши кадры!».

13 июля, Гейдельберг. После обысков и арестов СКП, оставшись без руководства, самораспускается. В заглавии последней листовки рядом с зачёркнутой аббревиатурой «СКП» написано «РАФ». «Наше жизненное пространство – народная война», пишется в прощальной прокламации.

Более 30 «пациентов» – главным образом студенты факультетов медицины и психологии – уходят в РАФ. Это основа 2 поколения красноармейцев. Среди них Клаус Юншке, Маргрит Шиллер, Лутц Тауфер, Зигфрид Хауснер, Элизабет фон Дюк, Ральф Кристиан Фридрих, Ханна-Элиза Краббе, её брат Фредерик Краббе (младше сестры на 5 лет), Зиглинда Хофман, Бернхард Росснер и адвокат СПК Эберхард Беккер.

(Ни один из них впоследствии не будет признан психически нездоровым. «RAF вовсе не стремилась пополнить свои ряды клинически сумасшедшими» (Казаков Е. А., «Убийцы белых халатов»).)

15 июля, Гамбург. Более 3 000 полицейских перекрыли основные трассы и улицы северных городов ФРГ. Задержаны сотни молодых людей. Это операция против РАФ под кодовым названием «Кора».

В 14:15 красноармейцы Петра Шельм и Вернер Хопп, едущие на похищенном БМВ, остановлены полицией Гамбурга. Шельм, будучи за рулём, прорывается через контрольно-пропускной пункт полиции. Их преследует 2 полицейских автомобиля. БМВ останавливается, ибо дорогу блокирует полицейский «мерседес». Партизаны выскакивают из машины и бегут. Их преследует 80 (!) полицейских плюс полицейский вертолёт. Партизаны бегут в разные стороны. Вертолёт следует за Хоппом. Он добежал до болота за трассой автобана, расстрелял к этому моменту все патроны и арестован. Шельм и полицейский сталкиваются на углу. Полицейский стреляет. Пуля попадает чуть ниже левого глаза Шельм. По свидетельствам нескольких очевидцев, девушка пролежала на тротуаре минимум 10 минут, без оказания первой помощи – полиция, убедившись, что она обездвижена, бежит за сослуживцами. Партизанка погибает. Через месяц ей исполнился бы 21 год.

Чуть позже ок. 50 молодых человек возложат на могилу Шельм – на кладбище района Шпандау – красный флаг. Через несколько часов его уберёт полиция.

Сначала полиция полагает, что убита Майнхоф, об этом сообщается в 16:16 торжествующим голосом: «Сегодня была застрелена Ульрика Майнхоф, открывшая огонь по полиции». В 16:28 следует опровержение. При этом полиция заявляет, что девушка убита случайной пулей, срикошетировавшей от асфальта. Однако в газеты попадает фотография красноармейки с пулевым ранением в области левого глаза.

Начинает повторяться история с убийством Онезорга на антишахской демонстрации. Полиция выдаёт новую версию: Шельм застрелена, потому что открыла огонь по полицейским. Но свидетель студент, стоявший в 10 метрах от погибшей, показывает, что полицейский стрелял первым и даже без предупреждения. На вопрос журналиста, почему полицейский стрелял именно на поражение, глава гамбургской полиции отвечает: «Вы что, никогда не воевали?». В конце месяца убийца будет полностью оправдан.

Петра Шельм

Петра Шельм вышла из рабочей семьи. До ухода в подполье сотрудничала с Майнхоф и Малером в группе «Сдача в аренду и проживание в Берлине», занятой ресоциализацией (социальной реабилитацией) маргинальных общин. Активно участвовала во внепарламентской оппозиции Западного Берлина. Планировала стать визажистом. Работу в парикмахерской бросила из-за домогательств начальника. Шельм и Манфред Грасхоф не могли пожениться: до исполнения 21 года требовалось разрешение родителей на брак, а её отец был против (в СССР достаточно было 18 лет). Она ушла из дома и жила с Грасхофом в арендованной им однокомнатной квартире. Когда Петра сказала Грасхофу, что идёт в партизаны вместе с ним, он отговаривал её, но

безуспешно. Ей обрыдло ходить на мирные демонстрации, отвечает Петра, когда гринго ежедневно убивают женщин и детей в Юго-Восточной Азии.

Шельм стала первой из 26 рафовцев, заплативших жизнью за вооружённое сопротивление неофашизму. И вообще первым погибшим в событиях, связанных с РАФ: сами красноармейцы ещё никого не убили.

Гибель Петры Шельм, «совершенного ребёнка», ожесточила РАФ. Её тактика меняется, отныне красноармейцы без колебаний стреляют в полицейских. Заметно меняются и директивы Майнхоф. «Мы говорим: существо в униформе – не человек, а свинья, и поступать с ним надо соответственно. Это значит – с ним не надо разговаривать, с ним вообще нельзя разговаривать. В него надо стрелять» (из речей, наговариваемых Майнхоф на магнитофон).

(Эти слова цитировались тысячи раз и приводятся до сих пор, как доказательство жестокости Майнхоф. При этом умалчивается причина, по которой они сказаны, и что до убийства Шельм рафовцы ещё никого не убили.)

Выше говорилось: «...Че Космодемьянскими (ЧК, чекистами) являются все рафовцы, поскольку действуют сообща и под началом Майнхоф». Теперь можно сказать, что к Шельм, как и к Майнхоф, это относится в особой степени, поскольку и в ней традиции Че и Космодемьянской слиты воедино в одном человеке. При жизни Шельм входила в число рафовцев, представляющих традиции Че, главным для неё являлась антиамериканская составляющая борьбы. Но судьба её сложилась как у Космодемьянской – не успев убить кого-либо, она ожесточила своих сторонников и вызвала желание мстить, репрессируя врагов их руками, уже посмертно.

«Mort aux vaches!» («Смерть коровам!», фран., «коровы» – легавые) – задорно-шутливый лозунг парижских студентов мая 1968 г. Но – «шутки кончились» (Майнхоф, «От протеста к сопротивлению»).

15-16 июля, Гамбург. Одна из партизанок приносит Манфреду Грасхофу весть о гибели Шельм – он ждал подругу в их квартире. Грасхоф первоначально подавлен, но выражает гордость тем, что она не арестована, а погибла. Чуть позже его охватывает бешенство. Он желает тут же, немедля, атаковать полицейский участок, в котором служит убийца Петры. Его уговаривают не спешить. Тогда Грасхоф предлагает поджечь полицейскую машину, а затем, когда группа полицейских соберётся вокруг машины, расстрелять их из пулемёта. «Остановись, Манфред, – урезонивает его Баадер, – мы боремся против империализма, а не полицейских».

Возмездия за Петру Шельм требуют многие красноармейцы.

Манфред Грасхоф

8-17 июля, Западный Берлин. Берлинских леворадикалов Бомми Баумана, Томаса Вайсбекера (члена анархистского «Чёрного креста» с 1969-го, вступившего в РАФ в этом месяце из «Тупамарос Западного Берлина») и Георга фон Рауха судят за избиение журналиста концерна «Шпрингер». 16 июля фон Раух осуждён, Вайсбекер оправдан. Тут они пользуются тем, что внешне очень похожи. Фон Раух покидает зал суда под видом Вайсбекера. Через час Вайсбекер невозмутимо объявляет, что вообще-то это он – Вайсбекер. Приходится отпустить и его. На следующий день выдан ордер на его арест за пособничество и подстрекательство. Вайсбекер скрывается.

19 июля, ФРГ. После самороспуска Социалистического коллектива пациентов создан Информцентр Красного народного университета, для распространения текстов «пациентов» (к одной из них напишет предисловие Сартр).

21 июля, ФРГ. В Западном Берлине арестован Дитер Кунельман, член «Тупамарос Западного Берлина». Впоследствии приговорён к 9 годам тюрьмы за организацию взрывов, поджогов и покушений.

Супруга основателя Социалистического коллектива пациентов Вольфганга Губера, Урсула, арестована возле своего дома. Вольфганг звонит в полицию, сообщая, что она, вероятно, похищена, а за домом следят подозрительные субъекты. В результате... и его арестовывают. Арестованы также «пациенты» Эвальд Гёрлих, Хейнц Мулер, Зигфрид Хойзнер, Кристина Берстер и Далия Мишель. Маргрит Шиллер, спасаясь от ареста, укрывается в Гамбурге.

25 июля, ФРГ. Алленсбахским Институтом социальных исследований проведён опрос. Каждый пятый житель ФРГ симпатизирует РАФ, каждый десятый охотно приютит красноармейцев. Среди симпатизантов партизан – 30

% молодёжи и интеллигенции (неудивительно – сама РАФ главным образом из них и состояла).

«Молодёжно-студенческая социальная база современного ультралевого экстремизма обусловлена рядом общих факторов. А. М. Халмухамедов указал на следующие особенности этой социальной категории: неустойчивый тип сознания; высокая степень социальной организованности и коллективизма; наличие свободного времени для политической работы; высокий уровень информированности; неизбежная теоретико-познавательная деятельность. Особо подчёркивалось, что студенческая молодёжь высокоразвитой страны капиталистического типа (в данном случае – ФРГ) вообще склонна отдавать предпочтение левым политическим силам» (Морозов И. Л., «Политический экстремизм – леворадикальные течения»).

РАФ вдохновлена результатами опроса.

Симпатизанты не бездействуют. Например, попавшего в облаву Манфреда Грасхофа спасает незнакомец: вывозит на своей машине из опасной зоны и, поскольку у Грасхофа нет денег, покупает ему билет на электричку. Бомми Бауман выведен из оцепления 2 незнакомыми девушками – он просто подошёл к ним и назвал себя.

Печатники предоставляют партизанам фальшивые документы, техники – механизмы для зажигательных бомб, механики перелицовывают угнанные машины: прячут в гаражах, перекрашивают, меняют номера. Складывается целая индустрия. Следят за многоквартирным домом, пока к нему не подъедет подходящий автомобиль, представляются хозяину машины работниками социологических или муниципальных служб и получают нужную информацию. Затем угоняют аналогичную марку и делают для неё те же техпаспорт и регистрационные номера. Создаётся точная копия автомобиля, не вызывающая сомнений у полиции.

«К сожалению, среди нас есть множество людей, желающих отличиться, симпатизирующих грабителям, убийцам, и их бесмысленной борьбе. И даже помогающих им по возможности деньгами или информацией», сокрушается на телевидении представитель полиции.

Лето, Западный Берлин. «Тупамарос Западного Берлина» расформировывается. Его руководство формирует из 12 человек партизанскую группу «Движение 2 июня» (Бенно Онезорг погиб на демонстрации 2 июня 1967-го). К началу 1972-го к ним присоединятся «Ищущие повстанцы» и «Армия красного Рура».

Андреас Баадер и Гудрун Энслин предлагают им, включая Бомми Баумана и Фрица Тойфеля, присоединиться к РАФ. Те предпочитают самостоятельность. Красноармейцы были больше марксистами, а «Движение 2 июня» уклонялось в анархизм.

РАФ базировалась на марксистко-ленинской теории о сущности капитализма, гегемоне революции, революционной борьбе. Между тем многие представители др. левых организаций первоочерёдно заботились о личной свободе (скажем, сексреволюции), в традициях «Коммуны 1». (Подобные левые нынче таковыми быть перестали – капитализм дал им требуемое.) В конце 1960-х при знакомстве с Баадером многие из них не очень доверяли ему вследствии его стиля одежды (довольно элегантного, не «хип-хоп») и коротких волос. Многие из их представителей считают обязательным беспорядочный секс всех со всеми. (В Коммуне как-то ставился на голосование вопрос, не стоит ли ходить в туалет при открытых дверях, в качестве борьбы с лицемерием. Правда, большинство проголосовали против, но интересен сам факт голосования – в РАФ, в присутствии Майнхоф, было непредставимо серьёзное обсуждение таких предложений.) РАФ далеко не пуританская организация, но не впадает в

крайности и более серьёзна, нацелена в конечном итоге на мировую революцию.

Уже после написания предыдущего абзаца я прочёл у Ральфа Райндерса: «RAF в то время (в 1970-м – Л.) занималась созданием вооружённой организации, более интенсивной и более марксистско-ленинской».

Кроме того. «У нас было немного по-другому, чем у RAF. У неё было требование: ты должен после себя сжечь все мосты и с фальшивыми документами уйти в подполье. У нас же было так: пока быки на тебя не положили глаз, ясно, что ты на легальном положении» (Рональд Фрич, из соавторской книги с Райндерсом). Майнхоф требует большего: «...этого может быть недостаточно, ибо любой белокожий человек всегда легко может окунуться в изобилие своих привилегий. Он должен полностью отдать себя революции. Не только в своих идеях, но и в своём образе жизни», «Не оставляя для себя возможности вернуться к буржуазному образу жизни...» («Концепция...»).

То есть встать на «железный путь» («Моби Дик»). Ещё не все члены «Движения 2 июня» к этому готовы.

Ульрика Майнхоф

1 сентября, Бонн. Хорст Герольд, бывший гитлеровский офицер, становится главой Федерального ведомства криминальной полиции (ВКА). Он предлагает централизовать правоохранительные органы, чтобы выследить РАФ, и создаёт компьютерную базу данных, собирающую всё касающееся красноармейцев.

Герольд первый немецкий полицейский, начавший тотальный контроль за неблагонадёжными с помощью компьютеров. Коллеги прозвали его «комиссаром-компьютером».

Гигантский вычислительный центр, построенный Герольдом в штаб-квартире ВКА в Висбадене, содержит всевозможные данные о миллионах немцев. Алгоритмы поиска позволяют в кратчайшие сроки сортировать попавших в поле зрения компьютерной системы подозрительных граждан по степени опасности. Герольд первым начинает вносить в полицейские картотеки данные о банковских переводах, аренде квартир, телефонных звонках и всех «электронных следах», оставляемых людьми. Закупает 4 500 лучших компьютеров и создаёт 70 000 линий, связывающих полиции 11 земель. Устанавливает контакты с большинством полицейских ведомств для обмена информацией. Вскоре компьютерная база данных ВКА включит в себя 4,7 млн фамилий, 2 млн фотографий, 2,1 млн отпечатков пальцев, более 6 000 классифицированных образцов почерка, сведения о более чем 3 000 легальных и нелегальных организациях. Папка «Контакты, слежка за заключёнными» содержит список из 6 632 людей, посещавших или переписывавшихся с заключёнными партизанами. За несколько лет личный состав ВКА увеличится в 3 раза, а бюджет вырастет в 5,5 раза.

Система Герольда настолько совершенна, что принципиальная смена компьютеров в штаб-квартире ВКА произойдёт лишь в 2001 г.

Герольд любит повторять, что старается «думать и чувствовать», как партизаны, дабы предугадать их действия. Чрезвычайно горд своей системой и полагает, что она может истребить преступность вообще. Он уверен, что построить абсолютно тоталитарное государство, по принципу антиутопий, теперь возможно. Ум Герольд проявил в том, что быстро оценил возможности компьютера. Глупость его в том, что он не понял, что это палка о двух концах, и левые ею тоже воспользуются. Будь Герольд древнекитайским чиновником, он, в отличие от окружения, тут же смекнул бы, что порох годен не только для фейерверков, это оружие; но не сообразил бы, что левые тоже обзаведутся огнестрелом.

Герольд польщён, услыхав, что Баадер изучает его статьи и советует это товарищам. «Иной раз два врага проявляют такую же проницательность, такую же силу внутреннего зрения, как два влюблённых, читающих в душе друг у друга» (Бальзак, «Гобсек»). Впрочем, Герольд допускает ошибку – он явно считает Баадера главой организации. (Подозреваю, что это связано с тем, что имя Баадера стоит первым в словосочетании «Баадер-Майнхоф». В сочетании имён люди всегда отдают первенство первому слову – так вышло с Ромулом и Ремом, Кириллом и Мефодием (их азбука названа кириллицей), Хиросимой и Нагасаки. Некоторое время так будет происходить и с РАФ.) Полагает, что Баадер – единственный, кто его по настоящему понимает, а он единственный, по-настоящему понимающий Баадера. Оба фанатично служат идее, стремясь к фантастически трудной, почти невозможной цели: Баадер – построить коммунизм, Герольд – уничтожить коммунистическое движение.

Роман, излюбленный возлюбленной Баадера, повествует о капитане китобойного судна Ахаве, одержимом одной лишь мысли властью, одной, но пламенною страстью – убить Белого кита, Моби Дика. Белый кит неуловим, вездесущ, могуч и невидим, о нём судят только по результатам его действий

(так же судят друг о друге Баадер (РАФ, вся левая герилья) и Герольд (ВКА, вся НАТО)). Согласно одним знатокам романа, Белый кит олицетворяет бога, согласно другим – дьявола. Следовательно, также двойственен образ Ахава. Но так или иначе, и Баадер, и Герольд одержимы подобно Ахаву, и оба друг для друга Белые киты. (В РАФ Баадер получил от Энслин прозвище «Ахав». То есть в интерпретации Энслин дьяволом является Белый кит.)

Чтобы не отвлекаться по мелочам, Герольд переезжает жить в свой компьютерный центр. Позже, купив дом, оборудует там бетонированный подвал с терминалом, проводя в нём целые дни. Свой пост будет занимать до 31 марта 1981-го. И до конца жизни будет сопровождаем 2 автоматчиками-телохранителями, жалуясь: разница между политзаключёнными и им, также обречённым на изоляцию, лишь в том, что ему никто не сочувствует. (Есть ещё разница – в отличие от революционеров, его вспоминают только благодаря им, в разговоре о них.)

25 сентября, Фрайбург. Полицейские Хельмут Руф и Фридрих Руф приближаются к плохо припаркованному автомобилю на автобане Фрайбургского Базеля. Маргрит Шиллер и Хольгер Майнс выпрыгивают из машины и стреляют. Полицейские ранены, красноармейцы скрываются.

21 октября, Гамбург. Майнхоф чудом удаётся оторваться от полиции. (С 1971-го Майнхоф часто пребывает в районе Гамбурга, где сформирована одна из 8 подгрупп РАФ.)

22-23 октября, Гамбург. Около десяти вечера 22 октября Маргрит Шиллер, идя по улице, замечает за собой слежку. И в это же время видит идущих навстречу Ирмгард Мёллер и Герхарда Мюллера. Когда полицейские приближаются к ней, она бежит, уводя их от товарищей. Один из полицейских хватает её, но Мёллер и Мюллер вступают в перестрелку с полицией. Мюллер

убивает полицейского Норберта Шмида, второй полицейский ранен в ногу. Партизанам удаётся уйти.

Около 2 ч. ночи полиция подходит к подозрительной женщине в телефонной будке. Это Шиллер. Она выходит, полицейские сразу вынимают оружие. «А я думала, ты хочешь меня трахнуть!», восклицает Шиллер. В её сумочке находят пистолет. Шиллер арестована. Её приговорят к 27 месяцам лишения свободы.

Арест Маргрит Шиллер

Арестованная Маргрит Шиллер

17 ноября, Ганновер. Арестован Петер Хоман, сбежавший от партизан в Палестине и помогший Аусту передать детей Майнхоф их отцу (раньше

скрывался в Гамбурге). Через месяц освобождён, так как подозрения в отношении него не подтвердились. Хоман открещивается от леворадикального движения в интервью «Шпигелю», добавляя, правда, что никто из партизан ему не угрожал.

Ноябрь, ФРГ. Альфред Клаус недаром прозван «семейным быком». Он побуждает Ренату Римек уговорить Майнхоф встретиться в Восточном Берлине и убедить её отказаться от борьбы. Клаус рассчитывает на авторитет Римек как воспитателя Майнхоф. (И, в отличие от Хорста Герольда, понимает, что глава РАФ Майнхоф, а не Баадер.)

В «Конкрете» опубликовано открытое письмо Римек к Майнхоф. Бывшая воспитательница предлагает Майнхоф признать безнадёжность её борьбы и сказать об этом своим товарищам. Называет РАФ «призрачной бандой», не могущей оправдать свои действия, менее оправданной, чем латиноамериканские тупамарос. Обвиняет красноармейцев в «провоцировании государства на подавление демократии».

Государство, где минимум 4,5 млн военных преступников остались безнаказанными, занимая большинство руководящих постов и получая персональные пенсии, а антифашистам запрещалось преподавать, помогающее США проводить геноцид вьетнамцев и привечающее монарха средневекового пошиба, профессор-пацифист Римек считала достаточно демократичным. Пацифисты вообще очень терпимые люди. (Впрочем, пацифизм пацифизмом, а при Гитлере – пора уже признаться – Римек состояла в нацистской партии. Она это тщательно скрывает, но со временем это вылезет наружу.)

Название письма, «Откажись, Ульрика!», весьма комично, ибо фактически означает «Сверни, Ульрика!». Но: «Меня заставить свернуть? Это вам не под силу, скорее вы сами свихнётесь; вот оно, превосходство человека». Римек так

ничего и не поняла, в частности, не прочла «Моби Дика». А зря: это любимая книга Энслин, единомышленницы Майнхоф.

Начало декабря, ФРГ. Во время полицейской облавы схвачена член «Движения 2 июня» Марианна Херцог.

4 декабря, Западный Берлин. Георга фон Рауха и Бомми Баумана преследуют полицейские. Бауман скрывается, 24-летний фон Раух убит. По официальной версии он застрелен в ходе перестрелки. Однако оружия рядом с телом погибшего не обнаружено.

Георг фон Раух был активистом движения против Вьетнамской войны, членом Социалистического союза немецких студентов с 1967-го и леворадикальной группы «Блюз» (позднее объединившейся с другими группами в «Движение 2 июня»), устраивавшей поджоги и взрывы учреждений США, судебных учреждений, банков, правой прессы. Состоял в «Вилландкоммуне», по образцу «Коммуны 1» практиковавшей антибуржуазный образ жизни.

В этом же месяце левой молодёжью занято здание бывшего общежития медсестёр западноберлинской больницы «Вифания» и названо в честь Георга фон Рауха. С этого времени «Дом Рауха» находится в введении «самоуправляющегося жилищного коллектива». Долгие годы признавался Берлинским сенатом как первое пристанище бездомной молодёжи. «Дом Рауха» поныне является проектом взаимопомощи, особенно для социально незащищённой молодёжи.

10 декабря, ФРГ. В мусорном ведре найдено ответное письмо Майнхоф к Римек, названное «Рабская мама заклинает своё дитя». Майнхоф пародирует обращение Римек к себе: «Я хочу, чтобы ты осталась рабой – как я. […] Твоя храбрость бессердечна, ибо как нам теперь скрывать от себя свою трусость?». Послушать Римек, пишет Майнхоф, так ей нужно смириться со всесилием правящей системы и стать домашним рабом с перспективой выслужиться до

надзирателя над рабами (намёк на саму Римек). Майнхоф приводит библейскую цитату, коей фактически руководствуется Римек: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога; существующие же власти от бога установлены» (Послание к Римлянам 13:1). Но если Римек руководствуется этими словами (и потому при Гитлере состояла в нацистской партии), то Ульрику именно это в Библии и отвращает.

Майнхоф и Римек – обе во многом опираются на Библию. Но Майнхоф – на Библию политически левую, Римек – на правую. С тем же успехом Римек могла бы увещевать Майнхоф с псевдолевой терминологией, цитируя Сталина и Брежнева.

Насколько Римек *не* разобралась в характере Майнхоф, видно из следующего обстоятельства. Даже если бы Майнхоф не перешла полностью и бесповоротно в стан революционеров, оставшись на позициях христианства, Римек не удалось бы на неё воздействовать, учитывая, какие теологи воздействовали на юную Майнхоф. Карл Барт не только выступил в 1933-м вдохновителем христианского сопротивления Гитлеру – в 1938-м он одобрил войну с нацизмом как священную. Дитрих Бонхёффер с того же года был участником антинацистского заговора, и в своей «Этике» утверждал, что христианин имеет право на политическое сопротивление, и совершённые во время этой борьбы действия – ложь, убийство – хоть и греховны, но будут прощены Христом, и что «...попытка убрать Гитлера, даже если бы это означало убийство тирана, была бы по сути делом религиозного послушания; новые методы угнетения со стороны нацистов оправдывают новые методы неповиновения... Если мы утверждаем, что мы христиане, нечего рассуждать о целесообразности. Гитлер – это антихрист» (Бонхёффер был повешен 9 апреля 1945-го за участие в антинацистском заговоре). А поскольку ФРГ продолжают

править нацисты, то действия Майнхоф оправданы даже с точки зрения её былых христианских наставников.

Выше о Майнхоф говорилось: «..её жизнеописатели иногда вспоминают, что Мюнстер когда-то был очагом леворадикального движения Германии – в 1534-1535 гг. он принадлежал мельхиоритам, основателям Мюнстерской коммуны. Можно добавить, что родилась Майнхоф на 400-летие восстания. Но есть ещё две связующие черты, о них будет сказано позже». Вот одна из них: Мюнстерская коммуна тоже основывалась на левой Библии, и в результате также отринула церковь. Мельхиор Хофман, Ян Матис, Иоанн Лейденский и Ульрика Майнхоф более христиане (и демократы), чем их противники, и отринули официозное христианство, воцарившееся с IV в. и наплодившее легион Римек, и встали на «железный путь» («Моби Дик»), и их не свернуть.

Ульрика Майнхоф

17 декабря, Ной-Ульме (Бавария). Арестован Рольф Похл, пытавшийся купить 32 единицы огнестрельного оружия в оружейном магазине. Полиция подозревает, что оружие предназначается рафовцам. В 1974-м Похла приговорят к 4 годам тюрьмы.

21 декабря, Нюрнберг. После перестрелки у полицейского поста арестован красноармеец Али Янсен.

22 декабря, Кайзерслаутерн. Неизвестные грабят банк (добыча – 133 986,82 марки). В перестрелке убит полицейский Герберт Шонер. Позже за это приговорят к пожизненному заключению красноармейца Клауса Юншке, хотя нет доказательств, что он вообще был в Кайзерслаутерне во время ограбления, да и все партизаны не имели к этому отношения.

23 декабря, Гамбург. «Бильд», одна из газет концерна «Шпрингер», выпускает огромную статью «Банда убийц Баадера-Майнхоф», безосновательно обвиняя РАФ в ряде убийств, в частности и во вчерашнем в Кайзерслаутерне.

Декабрь, ФРГ. Хольгер Майнс и Ян-Карл Распе нанимают 23-летнего франкфуртского скульптора и мастера по металлу Дирка Хоффа. Якобы им нужен реквизит для фильма. Требуются крепкие опорки для экспроприирования денег из банка. Ещё нужны бомбы, могущие удобно держаться под женским платьем, с имитацией беременности. Майнс, понимаете ли, будет снимать фильм, где в финале Мадонна среди торговых рядов рожает бомбу. Хофф понимает, каким мадоннам понадобятся эти бомбы, но несколько тысяч марок наличными – весомый аргумент. Впрочем, «бомба-ребёнок», как её называли, никогда не использовалась.

(Майнс высказал интересную идею для сценария. Вспомним ещё один проект, запланированный им до ухода в подполье: фильм о паре музыкантов, возящих в коляске динамит вместе со своим грудным ребёнком.)

1968-1971, Западный Берлин. За этот период в городе произошло не менее 70 нападений леворадикальных группировок – «Тупамарос», «Чёрный фронт», «Чёрные крысы», «Ищущие повстанцы» – с применением зажигательных веществ и взрывчатки на военные объекты США, здания юстиции, банки, ратуши и редакции правой прессы, в знак протеста против Вьетнамской войны.

Апрель 1970 – 1971, ФРГ. Пресса очерняет РАФ (с момента рождения «Бригады Баадера-Майнхоф») лихорадочными темпами. Тщательно избегаются слова «Фракция Красной Армии», «РАФ», даже «Бригада Баадера-Майнхоф», только «банда Баадера-Майнхоф», «наркоманы», «уголовники», «бандиты, сорвавшиеся с цепи», «грабители», «убийцы невинных людей», «сумасшедшие анархисты», «клоуны», «девочки-монашки и мальчики с замашками кинозвёзд», занятые «запугиванием мирного населения», «провокациями», «безжалостными убийствами и грабежами». С фотографиями в газетах делается то же, что раньше с фотографиями Руди Дучке: Баадер с гитлеровской чёлкой выглядит фашиствующим бандитом, фото Майнхоф отретушировано так, чтобы лицо выглядело тупым и зверским. (Эта ретушь до сих пор часто используется для портретов рафовцев в Интернете.)

Основываясь на заявлениях Ренаты Римек и Клауса Рёля, «семейный бык» Альфред Клаус составляет характеристику Майнхоф, приписывая ей невменяемость в результате операции на мозге. Майнхоф, как глава РАФ, нуждается в персональной дозе клеветы. (В 1968-м Майнхоф прошла обследование касаемо последствий операции и признана психически полностью здоровой.)

1971, ФРГ. Родственники Майнхоф спешно разбирают мебель из её квартиры. «Буржуазное существование Майнхоф в этом месте покончено»,

сообщается телевидением. Комичная фраза: как будто Майнхоф сможет или планирует вести «буржуазное существование» вообще где либо.

Карл Вольф, ближайший помощник Гиммлера, уничтоживший 300 000 человек мирного населения, приговорённый в 1964-м к 15 годам тюрьмы, освобождён по состоянию здоровья. С этим самым состоянием здоровья он мирно скончается в 1984-м.

1972

10-24 января, Гамбург. 10 января «Шпигель» публикует открытое письмо-эссе Генриха Бёлля, написанное 23-26 декабря 1970-го. Правые расценивают текст Бёлля как выражение сочувствия к РАФ, и разгорается скандал. В авторской редакции текст называется «Так много любви сразу». Но редакция «Шпигеля» вопреки желанию Бёлля использует как название фразу из эссе, «Будет ли даровано Ульрике милосердие, или, по крайней мере, безопасность?», при этом текст изменён, якобы Бёлль называет Майнхоф просто по имени. Это порождает впечатление, что Бёлль и Майнхоф лично знакомы, возможно, в дружеских отношениях, хотя сам текст не соответствует подобной версии.

Бёлль резко осуждает «Бильд», газету концерна «Шпрингер», 22 декабря обвинившую РАФ в недоказанных убийствах, уличая её в неизбежной эскалации насилия. «Это не криптофашизм, это голый фашизм. Это ненависть, ложь, грязь. Эта форма демагогии была бы непростительна, даже если предположения полиции Кайзерслаутерна оказались бы верными. “Группа Баадера-Майнхоф продолжает убивать” – это призыв к линчеванию. Таким образом, миллионы, для которых газета “Бильд” единственный источник информации, снабжаются ложью».

Бёлль порицает и Майнхоф: «Без сомнения, Ульрика Майнхоф живёт в состоянии войны с этим обществом. Любой может прочесть её статьи, любой может прочесть манифест, написанный после ухода группы в подполье. Сейчас это война 6 против 60 000 000. Бесполезная война, не только на мой взгляд, не только в целом, но и с точки зрения самой опубликованной ими концепции» («Концепции городской герильи»). Бёлль ошибается: в РАФ уже ок. 30 человек, а среди 60 млн многие – малые дети, касаемо остальных – РАФ не боролась с каждым из них, не говоря уже о её симпатизантах. То есть не «6 против 60 000 000», а 30 партизан, поддержанных сотнями сторонников, против 10-20 млн.

Однако скепсис Бёлля в оценке возможностей РАФ мало ему помогает: в глазах консервативных кругов он отныне «сочувствующий террористам». Видный представитель Христианско-демократического союза Фридрих Фогель называет Бёлля и левого профессора психологии Петера Брюкнера «интеллектуальными пособниками террора», ему вторят все консервативные политики – Ханс Карл Филбингер, Бернхард Фогель, Рудольф Тицк, Бруно Мерк (все – из того же ХДС), Карл Хемфлер из Социал-демократической партии etc. Федеральный министр Дитер Поссер поносит Бёлля в отдельной статье от 24 января.

Хотя вина «Бильд» в необоснованных обвинениях доказана, масса писем в редакции «Шпигеля» и «Бильд» как порицают концерн «Шпрингер», так и поддерживают.

27 января, Бонн. Министерство внутренних дел перестраивается для активизации борьбы с РАФ. Западногерманская полиция централизуется. Численность федеральной полиции увеличена с 23 000 до 30 000. Вся полиция вооружена автоматами.

28 января, ФРГ. Главы правительств Федеральных земель вместе с канцлером Вилли Брандтом вводят «запрет на профессии» (беруфсферботен) – «Принципиальные основы членства государственных служащих в экстремистских организациях». Закрыт доступ к государственной службе заподозренным в принадлежности к «организациям антиконституционной направленности». Это касается также преподавателей ВУЗов и школ левых взглядов.

«Среди 1.000 ставших поимённо известными отказов и увольнений, можно найти всего семерых членов НДПГ (ультраправой партии – Л.). Более 80 % случаев затрагивают систему образования. 10 % касаются высших школ, 5 % – юриспруденции. Но речь идёт и о машинистах, почтальонах, тренерах по плаванию (а это связано с системой школьного образования – Л.), кладбищенских садовниках, инженерах, секретаршах, служащих администрации, офицерах, социальных работниках, научных ассистентах, лаборантах и студентах, подрабатывающих на кафедрах, библиотекарях, медсёстрах, врачах, санитарах, рабочих-сварщиках и монтажниках. 90 % из них были федеральными служащими и только малая часть была занята на коммунальном уровне, в первую очередь это работники почты и железных дорог. В среднем процессы (дисквалификации) длились два года. Если дело доходило до судебных разбирательств, срок мог увеличиться до трёх лет.

Минимум 2/3 случаев касаются молодых начинающих учителей, членов Германской Коммунистической партии (ГКП) или одного из её предшественников, например, “Социалистической немецкой рабочей молодёжи”, Марксистского студенческого союза Спартак, Союза Демократических Юристов, Общества демократических учёных» (Доминик Риголь, «Указ о допуске радикалов на государственную службу (Указ о радикалах), 28 января 1972»).

29 января, Мюнхен. В статье «Зайти слишком далеко», напечатанной в газете «Зюддойче цайтунг», Бёлль пытается утихомирить разбушевавшихся правых, говоря, что желает лишь большей объективности, отмечая: «Главные недостатки статьи “Шпигеля” не в том, что в ней есть, а в том, чего нет: отсутствует подробный анализ эскалации насилия, от расстрела Бенно Онезорга до убийства Руди Дучке».

Январь, Кёльн. Полицейский наблюдает за автомобилем БМВ. Зная любовь партизан к БМВ, полицейский осторожен. Нацелив пистолет на водителя, он требует документы. Водитель, Андреас Баадер, наклоняется к бардачку якобы за документами, выхватывает оттуда пистолет и стреляет. Никто не пострадал. Баадер скрывается.

2 февраля, Западный Берлин. В Британском яхт-клубе взрывается бомба. Это акция «Движения 2 июня» в поддержку Ирландской Республиканской Армии, в связи с Кровавым воскресением (не российским, а британским (30 января в североирландском городе Дерри солдаты британского парашютного полка расстреляли 13 безоружных демонстрантов)).

Бомба установлена Харальдом Зоммерфельдом. По нелепой случайности погиб 66-летний дворник и смотритель Эрвин Белиц – он нашёл невзорвавшуюся бомбу, зажал в тисках и начал обстукивать молотком, она и взорвись.

Один из членов «Движения 2 июня» (каюсь, не выписал фамилию и позабыл) выходит из организации вследствие этой гибели случайного человека. Инга Ветт, член «Движения...» и будущий красноармеец, позднее будет вспоминать, что тоже переживала из-за этого, но пришла к выводу, что это несчастный случай.

(28-летняя Ветт с 2-летнего возраста воспитывалась в детдоме (не выяснил, по какой причине управление по делам молодёжи лишило её мать

родительских прав). 6-летней забрана приёмной семьёй в Шлезвиг-Гольштейне, 15-летней изнасилована отчимом и сбегает в Гамбург, где перебивается случайными заработками, а также начинает интересоваться политикой. В 1967-1968 гг. побывала в Северной Африке и поразилась тому, в какой нищете живут люди. В 1968-м в ФРГ арестована на левой демонстрации и провела ночь в полицейском участке. Позже Ветт напишет, что именно в ту ночь решилась взяться за оружие. Вышло как с Райндерсом, вспоминавшем: «Тюрьма окончательно стала для меня толчком к решению приступить к военным действиям».)

Инга Ветт

21 февраля, Людвигсхафен. Красноармейцы в масках экспроприируют из банка 285 000 марок.

Январь-февраль, ФРГ. Из интервью Генриха Бёлля: «Нынче, простите за выражение, каждый идиот, немного перебравший и попавший в объектив камеры, считает своим долгом упомянуть моё имя рядом с именами

взрывателей. Если мы говорим о внутренней безопасности, о ней необходимо говорить. Мы должны в первую очередь говорить о безопасности людей в этой стране, включая работников умственного труда, которые должны иметь возможность размышлять, узнавать, сопоставлять. А если так будет продолжаться, то интеллектуальный ландшафт в этой стране сравняется, превратится в пустыню. Люди запуганы. Журналисты, ваши коллеги, на радиостанциях не решаются выразить иную мысль. Можно ожидать, что вся интеллигенция – куда входят и врачи, юристы, кинематографисты – вся эта прослойка опустится на уровень читателей газеты “Бильд”».

С декабря 1971 по март 1972, Италия. Ульрика Майнхоф пребывает в Италии, западногерманские спецслужбы теряют её след. Провоцируя её реакцию, ряд ежедневных газет ФРГ сообщает, что Майнхоф покончила с собой или умерла от опухоли мозга, и тайно кремирована под чужим именем. Однако в отличие от Баадера, публично и сразу опровергавшего ложные сообщения, Майнхоф не отвечает.

1 марта, Тубиген. Полицейские расстреливают из автомата 17-летнего Рихарда Эппла, удирающего от них в автомобиле, ошибочно приняв его за партизана. Юноша убегал, потому что у него не было прав.

2 марта, Аугсбург. Полицейские снайперы, только что прошедшие курс спецподготовки по боевой стрельбе, обстреливают молодых людей, вышедших из отеля «Талия» к своей машине – 28-летнего Томаса Вайсбекера, связанного с РАФ и «Движением 2 июня», друга погибшего Георга фон Рауха, и Кармен Кролл. Их отслеживали уже месяц. Кролл арестована, Вайсбекер убит выстрелом в сердце. Согласно заявлению полиции, она действовала в порядке самообороны, ибо Вайсбекер попытался вытащить оружие. Однако выясняется, что он полез в карман за удостоверением личности.

Мать Вайсбекера подаёт заявление об умышленном убийстве её сына. 28 августа его отклонят, судебное дело не возбудят.

28-летний Томас Вайсбекер был сыном антифашиста, узника Бухенвальда Людвига Вайсбекера, впоследствии профессора медицины, с 1970-го ректора Христианского университета Альбрехт в Киле (антифашистом – и узником Освенцима и Бухенвальда – был и дед Томаса). Как и убитый в прошлом году Георг фон Раух, Вайсбекер входил в группу «Блюз», позже влившуюся в «Движение 2 июня».

На годовщину гибели Томми (так его называли друзья), 2 марта 1973-го, в Западном Берлине откроется существующий поныне «Дом Томми Вайсбекера», самоуправляемый жилой коллектив для молодёжи.

3 марта, Гамбург. Взрыв в Берлинском государственном управлении по уголовным расследованиям. Это месть «Движения 2 июня» за гибель Петры Шельм, Георга фон Рауха и Томаса Вайсбекера.

Полиция устраивает засаду в квартире, где РАФ изготавливает документы. Вечером приходят Манфред Грасхоф и Вольфганг Грундман. Грундман сдаётся. Грасхофу сдаваться нельзя – полицейскими убита его подруга Петра Шельм. Он вступает в перестрелку с офицером Гансом Экхардом. Грасхоф ранен в голову и грудь. Раненый полицейский умрёт через несколько недель в больнице.

Грасхоф в тюремной больнице находится под круглосуточной охраной. Его быстро переведут в одиночную камеру, где свет круглосуточно не выключается.

Манфред Грасхоф

Середина марта, ФРГ. Кармен Кролл, арестованная при убийстве Томаса Вайсбекера, сопротивляется снятию отпечатков пальцев. Тюремные врачи дают ей почти смертельную дозу эфира, партизанка выживает по случайности.

Апрель, ФРГ. Выход одного из главных программных документов РАФ, написанного Майнхоф – «Городская герилья и классовая борьба».

«20 000 человек умирают каждый год, ибо акционеры автомобильной промышленности заинтересованы только в своей прибыли и не принимают в расчёт техническую безопасность автомобилей и дорог.

5 000 человек умирают каждый год на рабочем месте или по дороге на работу и с работы, ибо для владельцев средств производства имеет значение только прибыль, а не жизнь работников.

12 000 человек каждый год кончают жизнь самоубийством потому, что не хотят умереть на службе у капитала.

1 000 детей каждый год убивают невыносимыми жилищными условиями – только потому, что владельцы домов и земель стремятся получать высокий доход.

Смерть на службе у эксплуататоров люди называют “естественной смертью”. Отказ умирать на службе у эксплуататоров люди называют “неестественной смертью”. Поступки, совершённые людьми в отчаянии из-за условий работы и жизни, созданных капиталом, называют “преступлением”. Говорят, что с этим ничего нельзя поделать».

«Петра, Георг и Томас (соответственно Шельм, фон Раух и Вайсбекер – Л.) погибли в борьбе за то, чтобы никто не умирал на службе у эксплуататоров. Они были убиты, чтобы капитал мог спокойно продолжать убивать, и чтобы люди и впредь думали, что с этим ничего нельзя поделать.

«…но борьба только началась!».

«Легальные левые видят автоматы и говорят: “развивать экономическую борьбу”. Они видят военные учения по введению чрезвычайного положения и говорят: “развивать классовое сознание”. Они видят фашизм и говорят: “не надо обострять классовую борьбу”. Они видят приготовления к войне и говорят: “политика союзов со «средним классом»”. Они видят решения местных и федеральных судов по трудовым спорам, в связи с которыми будущие забастовки должны стать легальными, и говорят “легальность”».

«Истерия Системы доказывает верность нашей стратегии и тактики».

«Городская герилья не должна позволить деморализовать себя насилию со стороны Системы».

«Нельзя получить информацию о возможностях изменения общества от тех, кто заинтересован в статус-кво. Предателя выдаёт как раз то, что он заинтересован в статус-кво, хочет снова занять своё исконное место в классовом обществе, что он теряется в ситуации перемен, только в привычной обстановке он сохраняет своё “я”, хочет оставаться “объектом развития”».

«Поскольку, конечно, может быть очень приятно немножко знать и понимать марксизм, быть немножко просвещённым относительно экономических условий господства и его психического воздействия, это многих освобождает от необходимости истязать самого себя выработкой гражданского сверх-Я, от переживания отчуждения. Это – марксизм в качестве единицы инвентаря интеллектуальной собственности и благосостояния, полученный как часть привилегированного положения, а не обобществлённый, чтобы служить народу».

«Кто приходит в герилью с уголовными представлениями, кто хочет лишь улучшить своё собственное положение, тот неизбежно улучшает его через предательство.

Терпимость по отношению к предателям рождает новые предательства. Предатели в рядах революции причиняют больше вреда, чем может причинить полиция.

Мы считаем, что это имеет всеобщий характер.

Нельзя при этом руководствоваться угрозой, что тогда они будут предавать ещё больше. Нельзя дать шантажировать себя тем фактом, что они – “бедолаги”. Капитал будет делать людей бедолагами до тех пор, пока мы не уничтожим его господство. Мы не ответственны за преступления капитала».

Далее следует главка «Об ограблении банка».

«Некоторые говорят: ограбление банка не является политическим актом. Но с каких пор вопрос финансирования политической организации не является политическим вопросом? Городские партизаны в Латинской Америке называют ограбление банка “актом экспроприации”. Никто не утверждает, что ограбление банка для себя что-либо изменяет в режиме эксплуатации. Для революционной организации оно в первую очередь означает лишь решение её финансовых проблем. Оно верно логически, ибо по-другому нельзя решить финансовую проблему. Оно верно политически, ибо является актом экспроприации. Оно верно тактически, ибо является пролетарской акцией. Оно верно стратегически, ибо служит финансированию герильи».

Ульрика Майнхоф

(В 1995-м об этом же скажет Райндерс: «Мы же никогда не делали уголовных вещей. Это то, что отличает нас от уголовников. Они грабят банки, потому что хотят красиво жить, а нам нужны деньги, чтобы действовать дальше на политическом поле. Что сегодня часто замалчивается в отношении наших нападений на банки — так это то, что мы финансировали многие легальные проекты. Например, чилийская кампания после путча Пиночета финансировалась исключительно нами. Мы были единственными, кто быстро предоставил деньги. Мы финансировали газеты, все эти рабочие группы, выпуск листовок. Ну, конечно, не все, но многие проекты»).

7 мая, Бад-Нойенар. На автостоянке перед универмагом «Моисей» арестованы члены «Движения 2 июня» Инга Ветт, Харальд Зоммерфельд, Вольфганг Кнупе и Ульрих Шмукер. Причина ареста – обычная полицейская проверка, в ходе которой в их автомобиле обнаружена взрывчатка.

21-летнего Шмукера полиция убедит стать доносчиком и провокатором. Приговорённый к 30 месяцам тюрьмы, он освободится через 9 месяцев «по состоянию здоровья». Офицер полиции Грюнхаген намеревается сделать его «приманкой» для партизан.

11 мая, Франкфурт-на-Майне. Начало так называемого «майского наступления» партизан.

«Коммандо им. Петры Шельм» – Андреас Баадер, Гудрун Энслин, Хольгер Майнс и Ян-Карл Распе – устанавливает 3 бомбы (80 кг тротила) у входа в штаб-квартиру ВВС США. Взрывы разрушают здание. Вылетевший в окно осколок стакана попадает в горло 39-летнего лейтенанта Поля Блумквиста. Блумквист умирает от потери крови. 13 человек ранены. Ущерб – миллион марок.

Это месть за Петру Шельм.

12 мая, Мюнхен, Аугсбург. Налёт на полицейский участок в Мюнхене.

Ирмгард Мёллер и Ангела Лютер оставляют 2 бомбы с часовым механизмом в отделе полиции Аугсбурга. Бомбы взрываются после полудня. Пострадали 5 полицейских.

Через несколько часов «Коммандо им. Томми Вайсбекера» – Баадер, Майнс и Энслин – закладывает бомбу в автомобиль на крупной государственной автостоянке Мюнхена. Уничтожено 60 автомобилей. Ущерб – 600 000 марок.

Это месть за Томаса Вайсбекера.

14 мая, ФРГ. Коммюнике РАФ:

«Заявление Фракции Красной Армии по поводу атаки штаб-квартиры американской армии во Франкфурте.

В четверг 11 мая 1972 г. – в день начала систематической бомбардировки северного Вьетнама американскими империалистами, «Коммандо им. Петры Шельм» взорвала 80 кг тротила в штаб-квартире 5-го армейского корпуса вооружённых сил американских оккупантов в Западной Германии, во Франкфурте.

Западная Германия и Западный Берлин не должны больше служить страной, где капиталистические убийцы могут чувствовать себя спокойно.

Отныне они должны знать, что их преступления против вьетнамского народа создали им новых врагов, которые будут стремиться с ними бороться, что нет больше места в мире, где они будут в безопасности перед атаками революционных сил городских партизан.

Мы требуем немедленного прекращения систематических обстрелов в северном Вьетнаме.

Мы требуем немедленного прекращения бомбардировок в северном Вьетнаме.

Мы требуем немедленного вывода всех американских войск из Индокитая. Победа Вьетконгу!

Для организации городской герильи имей мужество вести бой и силу побеждать.

Создай два, три, много Вьетнамов!

Боевая группа Петры Шельм.

Фракция Красной Армии».

15 мая, Карлсруэ. «Коммандо им. Манфреда Грасхофа» – Майнхоф, Баадер, Распе и Майнс – закладывает бомбу в автомобиль федерального судьи Вольфганга Будденберга, подписавшего большинство ордеров на аресты красноармейцев и обыски конспиративных квартир. Жена Будденберга, Герда, находившаяся в автомашине в момент взрыва, получает ожоги и доставлена в больницу.

Это месть за Манфреда Грасхофа, которого, раненого, Будденберг поместил в одиночную камеру вместо больницы.

19 мая, Гамбург. «Коммандо 2 июня» (день гибели Онезорга) – Майнхоф, Зигфрид Хауснер, Ильза Стачовик и Клаус Янске – размещает 6 самодельных бомб с часовым механизмом в офисе филиала ультраправого издательства Шпрингера. Дальнейшее точно неизвестно и описывается по-разному (например, историками Ютой Дитфурд и Вольфгангом Краусхааром). Взорвались 2 (3?) бомбы. Несмотря на 3 предупреждения партизан о готовящейся акции, Шпрингер отказался отпустить рабочих, и ранено 17 (38?) человек. Ущерб, нанесённый Шпрингеру, составил 300 000 (миллион?) марок.

«Мы ошибались, думая, что Шпрингер всё-таки не такая свинья, какой он является на самом деле», «Шпрингер скорее рискнёт жизнью своих работников, чем несколькими часами рабочего времени, ведь это принесёт ему прибыль. Для капиталиста прибыль – это всё, а люди, её приносящие, – дерьмо. Нам искренне

жаль, что пострадало столько людей. Мы старались этого избежать» (коммюнике № 4).

20 мая, ФРГ. В заявлении «Коммандо им. Манфреда Грасхофа» говорится, что РАФ продолжит нападения на судей и прокуроров, если раненых партизан будут помещать в тюрьмы вместо больниц, подобно «свинье» судье Будденбергу.

24 мая, Гейдельберг. Ирмгард Мёллер и Ангела Лютер едут в двух автомобилях со 120 кг взрывчатки к штаб-квартире ВС США и высшей еврошколы в Гейдельберге. Там располагается диспетчерский пункт авиации США, с которого управляют бомбардировками Вьетнама, главным образом мирных крестьян.

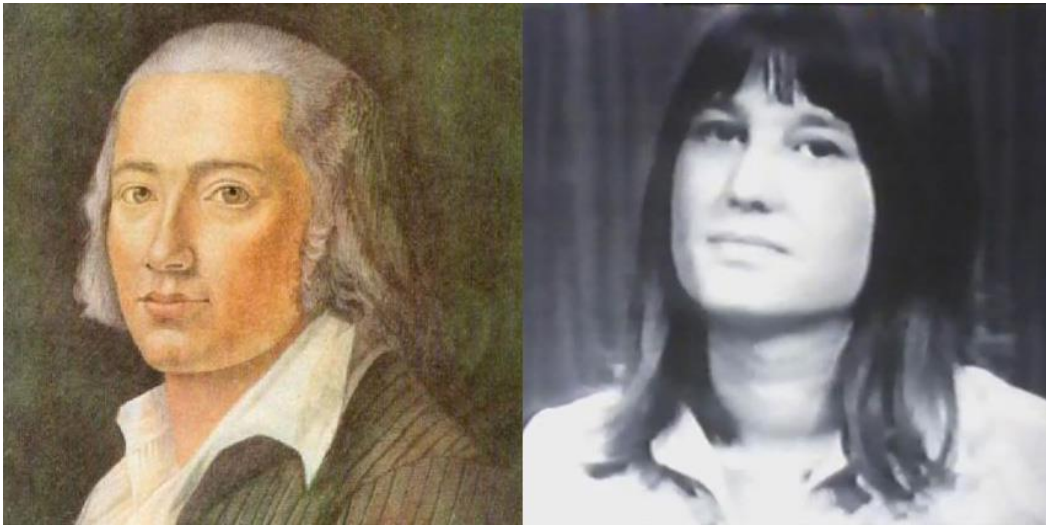
Около 18.00 раздаётся взрыв. Капитан армии США Клайд Р. Боннер, офицер Рональд А. Вудвард и солдат Чарльз Л. Пек убиты. Боннера разорвало на куски – голова и туловище лежат рядом с обломками машины, части ног свисают с дерева. Стена близлежащего здания разрушена. Чарльз Пек погиб под осколками. 5 человек ранены. Компьютерное оборудование, содержащее военную информацию, надолго выведено из строя.

Коммюнике № 5: «За последние семь недель ВВС США сбросили на Вьетнам больше бомб, чем на Германию и Японию, вместе взятые, за всю Вторую Мировую войну. Пентагон пытается остановить наступление Северного Вьетнама с помощью миллиона бомб. Это геноцид, убийство целого народа, уничтожение, новый Освенцим».

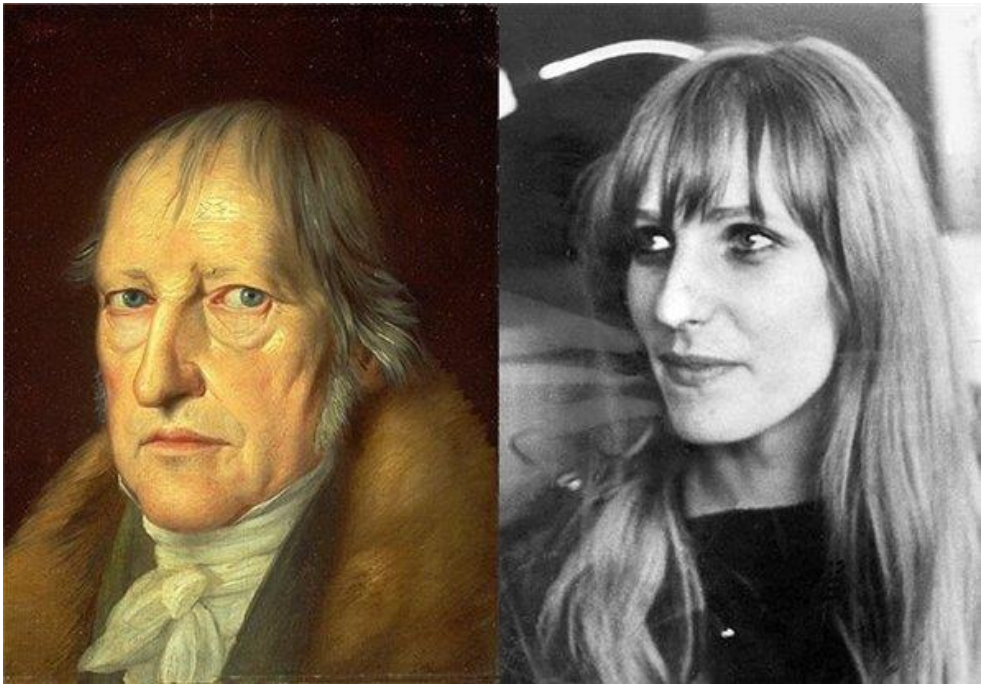
26 мая. В коммюнике «Боевик 15 июля» (день гибели Петры Шельм) РАФ сообщает, что взрыв 24 мая – ответ на бомбёжки и минирование портов Северного Вьетнама.

(Предположительно, бомбы изготавливались Распе или под его руководством, как учившегося одно время на факультете химии.)

1970 – май 1972, ФРГ. Несмотря на массированную «антирафовскую» пропаганду в СМИ, вокруг партизан быстро возникает легенда. Многих впечатляет, что командиры РАФ – потомки классиков немецкой культуры, что почти все они были круглыми отличниками и в школе, и в ВУЗах, что среди них есть люди, очень неплохо жившие до ухода в герилью и имевшие хорошие перспективы для буржуазной карьеры, а Майнхоф – звезда журналистики.



Гёльдерлин, Майнхоф



Гегель, Энслин

К тому же партизаны ведут себя очень необычно, «романтически». Во время налётов на банки они читают банковским служащим лекции о марксизме, угощают их специально захваченными крекерами и шоколадом. Оставляют листовки: «Захвачено у врагов народа». Пишут, что берут по праву принадлежащее не капиталистам, а всем. Газеты облетает история, как во время одной из экспроприаций Баадер, заметив старушку, испуганно воскликнувшую в дверях: «Что происходит?!», проводил её под локоть, усадил и вежливо объяснил: «Ничего особенного, мы просто грабим банк».

РАФ формирует топ новостных лент. Её известность выходит за пределы ФРГ. Герхард Рихтер, звезда немецкого поп-арта, вывешивает в галерее огромные портреты Майнхоф и Баадера, скопированные с розыскных плакатов. Когда еженедельник «Шпигель» открывает раздел «Б – М», всем ясно: здесь будет о РАФ.

Красноармейцы становятся культовыми фигурами для широких слоёв молодёжи. Ими восхищаются, им подражают. Входят в моду кожаные куртки и тёмные очки, считающиеся униформой партизан (в больших тёмных очках на фотографиях часто предстают Майнхоф и Баадер). Позже один из судей раздражённо пояснит: «Они (молодёжь – Л.) приходят на суд, видят своих кумиров, внимают им, а через год-два оказываются в тюрьме, пытаясь им подражать».

Многим импонирует храбрость, бескомпромиссность партизан. Баадер в послании газете «Бильд» заявляет в ответ на слух, будто он готов сдаться на определённых условиях: «Я никогда не сдамся. Ни один из пленников РАФ, находящийся в застенках, не высказывался за прекращение борьбы. Нас нельзя остановить, нас можно только убить. Сила нашей герильи – это наша решимость. Мы вовсе не пребываем в бегах, как кто-то считает. Мы скрылись в подполье, чтобы организовать вооружённое сопротивление существующему порядку. Борьба только началась!». (Последняя фраза – цитата из «Городской герильи и классовой борьбы» Майнхоф).

«И посмотрим, заставите ли вы меня свернуть. Меня заставить свернуть? Это вам не под силу, скорее вы сами свихнётесь; вот оно, превосходство человека. Меня заставить свернуть? Путь к моей единой цели выложен стальными рельсами, и по ним бегут колёса моей души. Над бездонными пропастями, сквозь просверлённое сердце гор, под ложем быстрого потока мчусь я вперёд! И нет ни преград, ни поворотов на моём железном пути!».

Слева – Андреас Баадер

Любимого человека Энслин выбрала правильно – влюбляться нужно в героев любимых книг. Оправдывается оценка, данная Баадеру Майнхоф после знакомства: «Как только я его увидела, я сразу поняла, что это настоящий революционер».

На гребне успеха РАФ планирует грандиозную акцию (оставшуюся неосуществлённой): похитить всех военных комендантов Западного Берлина одновременно.

Конец мая, ФРГ. «Майское наступление» красноармейцев серьёзно встревожило США, НАТО и, в частности, власти ФРГ. Атлантическими структурами и Бонном на борьбу с РАФ выделено 30 млн марок.

31 мая, ФРГ. Хорст Герольд, «полицейский-компьютер», начинает операцию «Водный удар». Название он объясняет так: если взорвать бомбу в воде, оглушённая рыба всплывёт. Против партизан задействован весь карательный аппарат: 150 000 полицейских, жандармов, провокаторов и осведомителей, сотни бронетранспортёров и *все* вертолёты ФРГ. Полицейские блокпосты усеяли все основные дороги страны. Перед Федеральной канцелярией и Министерством обороны запрещена парковка автомобилей.

Кроме полицейских информаторов, друг на друга бескорыстно доносят широкие слои населения. В течение суток по доносам знакомых, сослуживцев, соседей, родственников, свойственников, супругов, братьев, детей и родителей (!) по подозрению в причастности к РАФ задержано св. 300 человек. «Ах, люди, люди! Что за люди!» («Моби Дик», XXIV, «В защиту»). (Правда, Павлика Морозова ругают, а их нет – они «стучали» во имя капитализма).

Задержанные не имеет отношения к подпольщикам, все отпущены. Однако некоторые попали в больницы с сердечным приступом, а двое умерли от инфарктов.

В 1946-м философ Ханна Арендт опубликовала в журнале «Ди Вандлуг» написанную во время войны статью «Организованная вина», где анализировала вину «среднего немца», отмечая размытость «линии, отделяющей преступников от нормальных людей». И вывела, что «невероятную машину управляемого массового убийства» обслуживали не «отборные убийцы», а огромные массы населения.

Те же огромные массы вновь подключились к обслуживанию «машины убийства», под руководством тех же нацистов времён третьего рейха.

Действуя по доносу, полиция блокирует пригородный гараж во Франкфурте-на-Майне. Он безлюден, зато полиция находит взрывчатку. Полиция заменяет взрывчатку пустыми контейнерами и устанавливает в гараже прослушивающее устройство. Рабочие укрывают всё мешками с торфом. Полиция устраивает засаду.

1 июня, Франкфурт-на-Майне. 2 полицейских сидят в машине недалеко от гаража почти 12 часов. «По моему, здесь нечего ждать», говорит напарнику детектив Карл-Хайнц Фишер. Но через несколько минут, в шесть утра, появляется оранжевый «Порш». Из него выходят Ян-Карл Распе, Андреас Баадер и Хольгер Майнс. Баадер и Майнс заходят в гараж, Распе остаётся снаружи. Заметив засаду, Распе выхватывает пистолет, и трижды выстрелив, прячется в отдалении в высоких кустах. Заметивший это прохожий указывает на него полицейским. Распе хватают 2 полицейских.

Выходы из двора перекрыты. Баадер и Майнс запираются в гараже. Его окружает ок. 150 полицейских, блокируя единственный выход бронетранспортёром.

Осада передаётся в прямом эфире бригадой Франкфуртского телевидения под руководством режиссёра-документалиста Клауса Штерна. Просверлив дверь гаража, полиция пускает в отверстие слезоточивый газ. Но из-за сильного сквозняка в гараже большая часть газа поступает в квартиры наверху. Полиция бросает в гараж гранаты со слезоточивым газом, но партизаны выбрасывают их обратно. «Ваш единственный шанс – сдаться, – кричит в мегафон офицер ВКА. – Бросьте пистолеты во двор и выходите по одному с поднятыми руками. Вы ещё молоды. Ваш единственный шанс остаться в живых – следовать нашим указаниям. Поднимите руки и выходите по одному. Вам ничего не грозит. У нас немного больше терпения, чем у вас. Преимущество на нашей стороне! Выходите!». Потом офицер спрашивает: «Каковы ваши условия?». В ответ

партизаны открывают ворота и стреляют – полицейские пригнали бронетранспортёр как прикрытие для себя, но рафовцы используют его по тому же назначению. Полиция открывает ответный огонь. В общей сложности полиция стреляет ок. 300 раз.

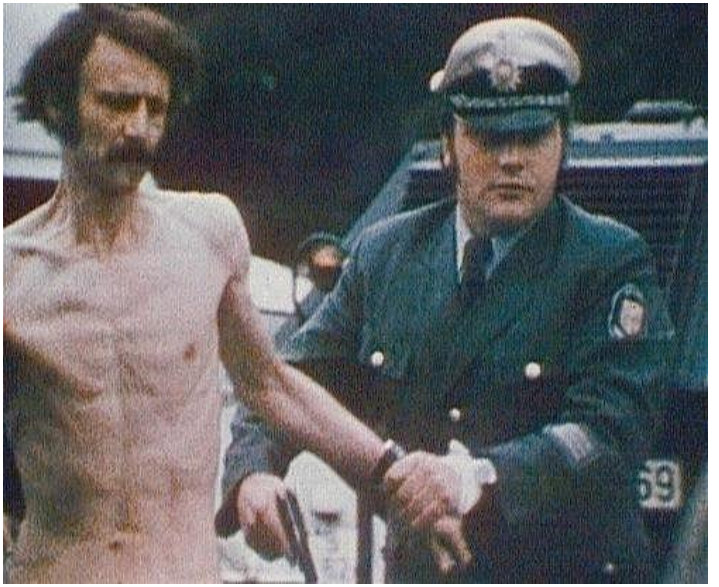
Через 3 часа после начала осады в дверях появляется Баадер. В журнале, который он несёт, спрятан пистолет. Полицейский Бернхард Хонке, без ведома начальства поднявшийся на 3 этаж соседнего дома с хорошим видом на гараж, из снайперской винтовки ранит Баадера в ногу. Баадер отступает. Майнс выходит и сдаётся. Полицейские заставляют его раздеться до трусов, проверяя, безоружен ли он.

Гараж штурмуют автоматчики в бронежилетах. Баадер лежит на полу, истекая кровью, и честит полицейских «свиньями». (Слово «свинья» означало «мент», «легавый», воспринято немцами от левых США, Канады и Великобритании.) Репортёры фотографируют Баадера, несомого на носилках. Волосы Баадера обесцвечены, он в чёрной кожаной куртке и чёрных очках. Баадер поднимает скованные наручниками руки и показывает на пальцах латинскую V – «Виктория, Победа».

Баадера и Майнса доставляют в университетскую больницу.

У Распе во время обыска обнаружат оружие, взрывчатку и аппарат Морзе.

Арест Андреаса Баадера



Арест Хольгера Майнса. (Усы у него накладные)

7 июня, Гамбург. Гудрун Энслин заходит в магазин модной одежды «Линетт». Чтобы примерить белый шотландский пуловер, снимает куртку. Продавщица замечает на одежде выпуклость, выдающую пистолет, и сообщает об этом начальнику. Тот вызывает полицию. Выходящую из примерочной Энслин хватают 4 полицейских. Сажают на заднее сидение полицейской машины; по бокам полицейские, мужчина и женщина, держат её за руки. Это снимается на камеру. Энслин, скрывая лицо, прячет голову в колени.

Цитата из 23 главы «Моби Дика» в связи с Энслин уже приводилась. Повторим её, добавив две фразы в конце цитаты, актуальные с 7 июня:

«Ты начинаешь различать проблески смертоносной, непереносимой истины, той истины, что всякая глубокая, серьёзная мысль есть всего лишь бесстрашная попытка нашей души держаться открытого моря независимости, в то время как все свирепые ветры земли и неба стремятся выбросить её на предательский, рабский берег.

Но лишь в бескрайнем водном просторе пребывает высочайшая истина, безбрежная, нескончаемая, как бог, и потому лучше погибнуть в ревущей бесконечности, чем быть с позором выброшенным на берег, пусть даже он сулит спасение. Ибо жалок, как червь, тот, кто выползает обратно на сушу. О грозные ужасы! Возможно ли, чтобы тщетны оказались все муки? Мужайся, мужайся, Балкингтон! Будь твёрд, о мрачный полубог!».

Гудрун Энслин

9 июня, Западный Берлин. Схвачены Бригитта Монхаупт (за 2 недели до своего 23-летия) и – вместе с ней – член «Движения 2 июня» Бернхард Браун.

В РАФ Монхаупт занималась логистикой. Её приговорят к 4,5 годам тюрьмы за фальшивые документы и нелегальное хранение оружия (2 пистолета с 4 обоймами и ручная граната). В тюрьме добавят 2 месяца срока за драку с охранником.

Бригитта Монхаупт

15 июня, Лангенхаген (пригород Ганновера). В ночь на 15-е число учителя начальных классов и председателя местного Союза молодых преподавателей 33-летнего Фритца Родевальда посещает Бригитта Кульман.

Она просит приютить на несколько дней двух человек, не называя их имён. Родевальду это не впервой. Как социалист, он временами укрывает дезертиров из армии США, не желающих воевать во Вьетнаме. Это часть операции по переправке дезертиров в Швецию. Он отвечает, что будет дома в шесть вечера. Кульман просит объяснить, как открыть входную дверь через открытое окно изнутри, на случай, если гости придут пораньше.

Родевальд живёт с подругой, Ульрикой Винкельвосс. Она предлагает Родевальду отказаться от своего обещания, подозревая, что гостями будут рафовцы. Родевальд считает это маловероятным – он неоднократно публично выступал против РАФ, обвиняя её в дискриминации левого движения. Разгорается спор. Винкельвосс требует, чтобы он сообщил о незнакомцах в полицию.

Днём Родевальд обговаривает это с другом. Тот также советует донести, мол, Родевальд не обязан кого-то укрывать, «принудительная солидарность» – ложное чувство. (Согласно Вольфгангу Краусхаару и Юте Дитфурд, это был философ Оскар Негт. (Правдоподобно – Негт к тому времени уже отличился нападками на РАФ.)) Родевальд отправляется в полицию. Ему советуют держаться подальше от своей квартиры в течение дня.

Вечером к нему приходят Ульрика Майнхоф и Герхард Мюллер.

Квартира оцеплена. Мюллер выходит позвонить. Его хватают, хотя он успел вытащить пистолет.

Герхард Мюллер

Полицейские стучатся в квартиру. Майнхоф открывает. Её схватывают. Майнхоф сопротивляется. «Она дралась, как раненая пантера», вспоминал один из полицейских. «Мы не позволяем просто так себя арестовывать» («Концепция...»). В вещах арестованных найдены автомат, 2 пистолета, 2 ручные гранаты и бомба.

Майнхоф доставляют в полицию. Ей не разрешают позвонить адвокату. Полиция обещает предоставить своего адвоката, но не делает этого. Майнхоф отказывается дать отпечатки пальцев. Ей угрожают общей анестезией (как с Кармен Кролл, едва не убитой огромной дозой эфира). Отпечатки взяты. Впрочем, у полиции нет отпечатков Майнхоф для сравнения с пальцами

арестованной – а полиция не уверена, что схвачена именно Майнхоф. Её насильно раздевают, определяя наличие брюшного шрама (кесарево сечение). Полиция хочет сделать рентгеновский снимок головы арестованной, дабы сравнить со снимком в старой медицинской карте Майнхоф, найденной одним из полицейских. Ночью её доставляют в травматологическую клинику. Майнхоф вновь сопротивляется, требуя адвоката. Её держат 4 полицейских, за руки и ноги. Связывают. Завязывают глаза. Бьют. Один из бьющих выражает сожаление, что «у нас больше нет Гитлера». Другой говорит арестантке, намекая на то, что левые называют полицейских «свиньями»: «Мы люди как люди, когда надо, свиньи, а если нужно, то дикие кабаны». Рентгеновский снимок головного мозга сделан. На снимке видна железная пластина, последствие операции. Ульрика Мария Майнхоф опознана.

Фотографии арестованной попадают в прессу. Раздутое опухшее лицо Майнхоф выдаёт, что арестантка сильно избита.

Арест Ульрики Майнхоф

16 июня, Кёльн. Майнхоф заключена в одиночную камеру в отделе тюрьмы для психически больных женщин. Она изолирована от остальных заключённых на том основании, что она политический агитатор.

В подполье Майнхоф пробыла 13 месяцев, примерно столько же – 14 месяцев – продержалась Мюнстерская коммуна. Но, говоря о героическом периоде жизни Майнхоф, Александр Тарасов разумеет не только эти 13 месяцев – он сказал о «последнем периоде», т. е. до самой смерти. Ибо герилья Майнхоф не закончена: она следует завету Бланки, процитированному в «Концепции...» (и выделенному курсивом) – «*...бороться до самой смерти*».

«Людей, отказывающихся прекращать борьбу, сломать невозможно – они побеждают или умирают, вместо того чтобы потерпеть поражение и умереть» (из документов РАФ 1972 г.).

16-17 июня, ФРГ. Фритц Родевальд, узнавший, что он сдал не просто двух красноармейцев, но самого известного антифашиста Европы, пытается спасти своё положение левого, репутацией которого доселе пользовался, и говорит в интервью, что он против истерии вокруг «терроризма», и что мотивы РАФ тоже можно понять. Это только ухудшает его положение: для левых оставшись предателем, в глазах правых он теперь симпатизант РАФ.

18 июня, ФРГ. Спохватившись, Родевальд заявляет на пресс-конференции, устроенной его адвокатом, что он и его подруга Винкельвосс не имеют никакого отношения к РАФ, они не знали, что у них хотят остаться рафовцы, и что он «положил конец кровавой истории». Но добавляет, что готов пожертвовать награду, полученную за выдачу Майнхоф, на защиту заключённых партизан, поскольку в нынешней накалённой обстановке должной защиты у них нет. То есть вновь пытается сыграть роль ласкового теля, что двух

маток сосёт. Но выйдет обратное – до конца жизни он будет меж молотом и наковальней.

19-20 июня, Кёльн. В отличие от адвоката Родевальда, адвокат Ульрики Майнхоф Генрих Ганновер не выступает с подзащитной на конференциях – он и пробился то к ней только через 4 дня после ареста. Ранее ему не сообщали, где она. Обращения в суды не помогали.

Условия содержания Майнхоф в тюрьме Оссендорф тяжелее, чем у остальных заключённых. Она в режиме «тотальной изоляции». Камера выкрашена исключительно в белый цвет, звуконепроницаема, освещается всю ночь. Узницу контролируют почти ежечасно, в том числе несколько раз каждую ночь. Купаться можно только раз в неделю. С другими заключёнными общаться нельзя, нельзя даже видеть и слышать их. Слышать и видеть нельзя вообще ничего, даже цвет*а*, кроме белого.

В 1960-х правительства США и Канады исследовали такую практику. Известность получил эксперимент психолога Дональда Хебба в университете Макгилла в Монреале. Подопытными сделали студентов, предложив за деньги провести подольше времени в звукоизолированных кабинах при минимальных контактах с людьми. Цель – уменьшить до минимума внешнюю стимуляцию восприятия. Уже через несколько часов студенты начали сильно беспокоиться. Пытались как-то развлечься: разговорами, пением, декламированием стихов. Позже некоторые повели себя агрессивно, другие забились в истерике. Появились галлюцинации. Начавшись со светлых точек и линий, они переросли в целые сцены: бегающие вокруг белки с мешками, марширующие по улице очки etc. Музыкальные галлюцинации: музыкальная шкатулка, хор; тактильные: одному казалось, что в него стреляют маленькими шариками из пистолета, другому – что его бьёт током, когда он трогает дверную ручку. Контролировать свои видения никто не мог. Наблюдения планировали проводить несколько

недель, но прервали из-за тяжёлого состояния участников. Некоторые продержались только 2 дня, протянуть неделю не смог никто. Хебб заявил в журнале «Американский психолог», что если убрать из жизни здоровых студентов привычные вещи и звуки, через несколько дней они становятся недееспособными. После эксперимента студентам было тяжело вернуться к нормальному восприятию реальности. Долгое время им казалось, что комната двигается, предметы вокруг меняют форму и размер. Они испытывали затруднения с арифметикой и словесными ассоциациями.

(Эта практика осуждена как пытка Европейским судом по правам человека против Великобритании, применявшей подобные методы к членам Ирландской республиканской армии.)

Становится ясным, почему Майнхоф переведена в психиатрическое отделение без медкомиссии – именно для сведения с ума.

25 июня, Штутгарт. Полиция врывается к торговому представителю из Великобритании молодому шотландцу Яну Маклеоду, ошибочно подозревая, что он сообщник РАФ. Его застрелили через закрытую дверь спальни.

Июнь, ФРГ. 1 июня, в день ареста Баадера, Майнса и Распе, в доме Генриха Бёлля полиция проводит обыск – с начала года, после его эссе о Майнхоф, в глазах властей он симпатизант РАФ. Его подозревают в укрытии партизан. Через 5 дней Бёлль пишет жалобу на имя федерального министра внутренних дел Ханса-Дитриха Геншера. Писатель говорит о 20 ворвавшихся к нему полицейских. Офицер Управления уголовного розыска Эйнзатцляйтер Хельмут Конрадс заявляет, что был у Бёлля вдвоём с сослуживцем. Философ Роберт Шпаеман, бывший 1 июня у Бёлля, подтверждает его слова о множестве полицейских.

В результате вновь разгорается компания против Бёлля, теперь уже раздаются требования выслать его из страны.

7 июля, Оффенбах. Новичка РАФ (с весны) Петера Конекши преследует полиция. Он сдаётся, решив помогать полиции, чтобы облегчить своё положение.

9 июля, Оффенбах. Конекши помогает арестовать Клауса Юншке и Ирмгард Мёллер, назначив им встречу. Через пару месяцев он отпущен.

13 июля, ФРГ. Красноармеец Йорг Ланг, приведший предателя Конекши в РАФ, арестован по подозрению в поиске квартир для красноармейцев.

21 июля, ФРГ. Арестована член «Движения 2 июня» Верена Кристина Беккер.

Лето, ФРГ. Правительство Польши требует выдачи известного эсэсовца Вернера Беста, того самого, коего нахваливал Гитлер за «крепкий кулак», создателя айнзатцгрупп СД (карательных отрядов) на территории Польши. Власти ФРГ отказываются. В августе Бест освобождён из под стражи со ссылкой на плохое состояние его здоровья. Он проживёт ещё 17 лет.

Конец лета, ФРГ. 88 % состава РАФ – 29 красноармейцев из 33 – арестованы или погибли. Среди них все 5 командиров, вкупе с главным руководителем. Несколько месяцев назад Баадер цитировал Майнхоф: «Борьба только началась!». Пару месяцев назад он поднял скованные руки и показал на пальцах латинскую V – «Победа». Теперь министр иностранных дел и вице-канцлер Вальтер Шеел заявляет: «Проблема Баадера-Майнхоф решена». Власти вздыхают с облегчением. Этим летом они взирают на красноармейцев с той же иронией, что летом 1941-го и летом 1942-го.

Они ещё не знают, что прав окажется именно Баадер.

Розыскной плакат 1972 г., на котором полицией перечёркнуты портреты уже арестованных красноармейцев

5-6 сентября, Мюнхен. Мюнхенские Олимпийские игры призваны затмить в памяти мирового сообщества берлинские Игры 1936-го (и то, что натворили нацисты после них). Организаторы считают, что множество вооружённой охраны повредит имиджу «Игр мира и радости». Охрана почти не вооружена. Пропускной режим почти отсутствует: журналисты часто проникают на территорию Олимпийской деревни без пропуска. Достаточно бежать трусцой в спортивной форме.

Олимпийскую деревню окружает забор из сетки. Многие спортсмены ленятся обходить забор, чтобы войти в ворота, и перелезают через него. Перелезают и 8 палестинских боевиков из группы «Чёрный сентябрь», в четыре утра 5 сентября. У забора встречают спортсменов. Канадцы, янки и боевики

помогают друг другу перелезть через забор – палестинцев принимают за спортсменов.

Два палестинца, предварительно разведавшие Олимпийскую деревню (по некоторым данным, как подсобные рабочие), проводят остальных к зданию с израильтянами. Входная дверь открыта. Большинство спортсменов застали спящими.

Взяв в заложники 11 спортсменов, палестинцы требуют освободить 5 красноармейцев (среди них Майнхоф и Баадера) и более 230 палестинцев в израильских тюрьмах. Премьер-министр Израиля Голда Меир отказывается вступать в переговоры, иначе «ни один израильтянин не сможет чувствовать себя в безопасности». Переговоры начинают баварский министр внутренних дел Бруно Мерк, его федеральный коллега Ханс-Дитрих Геншер и глава мюнхенской полиции Манфред Шрайбер.

Президент Международного олимпийского комитета Айвери Брандейдж распоряжается продолжать Игры «любой ценой». Соревнования всё же пришлось прервать, но лишь в 15:50, через 10 ч. после того, как руководство узнало о захвате заложников.

Хотели пустить газ через систему кондиционирования, но газа не нашли. Хотели замаскировать спецназ под поваров с едой, но палестинцы сами занесли еду в подъезд. План штурма тоже провалился – журналисты передавали в прямой эфир приготовления полицейских, а палестинцы смотрели телевизор.

Палестинцы желают отправиться в Каир самолётом вместе с заложниками. Египет отказывается принимать самолёт, но власти ФРГ говорят палестинцам, что всё улажено, надеясь освободить заложников на аэродроме. Палестинцы позволяют переговорщикам войти в квартиру и убедиться, что израильтяне живы. Переговорщики ошибочно насчитывают 4-5 палестинцев, и полиция исходит именно из этого. Никто не догадывается опросить журналистов или

просмотреть плёнки и записи. Когда из захваченного здания выходит 8 палестинцев, это становится сюрпризом для силовиков.

В аэропорт Фюрстенфельдбрук пригнан «Боинг» с 12 полицейскими, изображающими экипаж. Увидев 2 вертолёта палестинцев и 8, а не 4-5 противников, полицейские самовольно ретируются из самолёта. Никто из них не будет за это наказан.

В операции участвуют «снайперы» – полицейские, любящие устраивать соревнования по стрельбе. Они без раций, касок и бронежилетов. Оружие, без телескопических и инфракрасных прицелов, немногим лучше горе-снайперов.

Прибыв на аэродром вместе с заложниками в 2 вертолётах и увидев, что экипажа самолёта нет, палестинцы понимают, что это ловушка. Они расстреливают заложников и кидают в каждый вертолёт по гранате. Полиция открывает огонь, случайно зацепив одного из пилотов вертолётов и тяжело ранив снайпера. Погибают 3 палестинцев.

Бронемашины, ехавшие в аэропорт для поддержки полицейских, застряли в пробке. Почему их не пригнали раньше, власти так и не объяснили.

Руководитель израильской делегации Шмуэль Лалкин за 1,5 месяца до Игр писал начальнику отдела безопасности Олимпиады об отсутствии мер безопасности. Тот рекомендовал Лалкину не соваться не в своё дело.

ФРГ проигнорировала также предупреждение от информанта из Бейрута, что палестинцы планируют «инцидент» на Олимпиаде.

За несколько месяцев до Олимпиады консультант мюнхенской полиции, доктор судебной психологии Георг Зибер подготовил 26 сценариев терактов, возможных на Играх. Среди них и сбывшийся вариант. Но начальник полиции Шрайбер высмеял консультанта. После случившегося был уволен не Шрайбер, а Зибер, а его сценарий «потеряли».

20 лет ФРГ отказывалась обнародовать любую информацию об этом событии. Что неудивительно, учитывая преступную халатность, трусость и откровенную тупость чиновников и полиции. Степень их глупости напоминает правительство Николая II.

20 сентября, Кёльн. Майнхоф доставляют из тюрьмы Оссендорф в полицейский участок на опознание. Она срывает опознание, закричав: «Я – Ульрика Майнхоф». Остальные 5 женщин, вцепившись в охранников, кричат на них и называют их свиньями.

Ноябрь, Кёльн. Майнхоф пишет и передаёт адвокату статью «”Чёрный сентябрь” в Мюнхене – к стратегии борьбы с империализмом». Адвокаты публикуют его как заявление РАФ.

Майнхоф оценивает акцию палестинцев как образцовый революционный акт, полный «понимания истории и политики». Гибель евреев произошла в Германии – той самой стране, что убивала евреев. И вновь в их гибели виноваты немецкие власти, обманувшие боевиков и тем самым пожертвовавшие заложниками, а также Израиль, «сжёгший своих спортсменов, как нацисты сжигали евреев – топливо для имериалистической политики истребления». Сказано также о «нацистском фашизме Израиля». Власти ФРГ намеренно допустили резню, напоминающую «фашизм Моше Даяна – этого Гиммлера Израиля» (министра обороны Израиля).

Осень, ФРГ. Генрих Бёлль, уже почти приговорённый к выселению из страны, получает Нобелевскую премию за роман «Групповой портрет с дамой». Это заметно облегчает его положение. (Хотя травля продолжится. Просто она перекинется на его сына.)

11 декабря, Западный Берлин. Член «Движения 2 июня» Майер приговорён к 3 годам тюрьмы за покушение на полицейского.

14 декабря, Дюссельдорф. Писатель Петер-Пауль Захль, приговорённый к 6 месяцам тюрьмы условно за публикацию в мае 1970-го плаката Хольгера Майнса «Свободу всем заключённым!», в 1972-м объявлен в розыск как подозреваемый в пособничестве РАФ, перешёл на нелегальное положение и с поддельными документами и оружием кочует по квартирам знакомых. Теперь, пытаясь угнать автомобиль, Захль вступает в перестрелку с 2 полицейскими, ранит одного из них, сам ранен в плечо и арестован. 24 мая 1974-го его приговорят к 4 годам тюрьмы.

19 декабря, ФРГ. Завершён первый процесс по делу членов Социалистического коллектива пациентов. Вольфганг и Урсула Губеры приговорены к 4,5 годам тюрьмы за создание преступного сообщества, хранение взрывчатки, подделку документов, всего по 5 пунктам обвинения. Зигфрид Хойзнер приговорён к 3 годам заключения.

(В тюрьме Губера поначалу включат в систему секретной почты, налаженной рафовцами через адвокатов. Но Андреас Баадер будет подчёркивать, что это неправильно, ибо Губер не член РАФ. Он также будет упрекать СПК за неоказание должного сопротивления при задержании, при том что «пациенты» имели оружие. В апреле 1974-го Губера исключат из рассылки.)

Декабрь, ФРГ. Майнхоф и Баадер доставлены в Западный Берлин свидетельствовать против Хорста Малера.

Майнхоф говорит на суде о необходимости разобраться в истоках антисемитизма времён нацистов, иначе «мы не мобилизуем его (немецкий народ – Л.) для нашей революционной борьбы».

В конце декабря Баадер заявляет на суде, что этот день – начало голодовки всех арестованных красноармейцев. Требования – отмена режима изоляции для политзаключённых и доступ к ним независимой медкомиссии.

Это быстро становится известно партизанам в более чем 10 тюрьмах. Голодовка поддержана 40 заключёнными.

Голодающие требуют вывести Майнхоф из режима тотальной изоляции – у неё особенно подорвано здоровье.

1971-1972, ФРГ. Отец Энслин, пастор Гельмут Энслин, выступает в прессе в защиту партизан. Тут стоит вспомнить, что он был сторонником диалектической теологии Карла Барта, близкой к революционной Теологии освобождения.

1972, ФРГ. 5-летний Феликс, сын Гудрун Энслин и покончившего с собой в 1971-м издателя и литератора Бернварда Веспера, отдан на воспитание в семью в районе Швабия. Там в начале пятидесятых служил пастором его дед Гельмут Энслин, а приёмная мать Феликса церковный музыкант – именно так их семьи давно и познакомились. О настоящих родителях ребёнку не сообщают.

Фриц Родевальд, выдавший Майнхоф, заявляет в интервью «Шпигелю»: «Я бы не сказал, что я кого-то выдал, скорее эта история подошла к концу после всего, что они сделали». В то же время он утверждает, что анонимно пожертвовал награду – за донос – в ассоциацию юридической помощи РАФ «Красная помощь».

Ему ничего не помогает – леворадикалы считают Родевальда и Винкельвосс предателями крупнейшего антифашиста современности, а консерваторы – сторонниками РАФ. Становится известным, что в левых кругах идут разговоры о необходимости казнить предателей. По совету полиции стукачи скрываются на несколько месяцев и охраняются полицией. От предложения переехать за границу с новыми документами отказываются. Родевальд теряет работу школьного учителя – школа боится нападений. Попытки найти новую работу безуспешны. Бывшие друзья остерегаются с ним общаться. Винкельвосс уходит от него (вернётся в конце семидесятых).

Родевальд отказывается от правительственного Ордена за заслуги (возможно, боясь пущего раздражения левых).

Генрих Бёлль пишет роман «Под конвоем заботы», навеянный борьбой государства с РАФ, описывая разрушительные социальные последствия, возникающие из-за усиления мер безопасности.

Будущий глава СССР, тогдашний председатель КГБ Юрий Андропов, впечатлённый событиями на мюнхенской Олимпиаде, инициирует создание подразделения по борьбе с «терроризмом», впоследствии названного «Альфа».

1973

Январь, Западный Берлин. Член «Движения 2 июня» Инга Ветт бежит из тюрьмы Лертер, использовав напильник, переданный ей соузницей, через окно «телевизионной комнаты» на 1 этаже, которую заключённым разрешалось использовать 2 часа в неделю. Через несколько дней она свяжется с членами «Движения...».

Генпрокуратура планирует обследование Ульрики Майнхоф для определения её психического здоровья. То есть, откровенно говоря, пытается выяснить, удалось ли уже её этого здоровья лишить. Майнхоф и её адвокат протестуют, подозревая, что её намеренно хотят ославить сумасшедшей.

31 января, Кёльн. Условия заключения Майнхоф ужесточены. Ей – заядлой курильщице – запрещено курить. (Так же мучился в плену и Рихард Зорге, но ему дали сигарету перед казнью.) По ночам её камера наблюдается каждые 10 минут. Тюремный врач сообщает властям, что при содержании в полной изоляции схождение с ума является лишь делом времени.

Ульрика Майнхоф

1 февраля, Кёльн. Врач тюрьмы Оссендорф заявляет, что «строгая изоляция» Майнхоф «в нынешнем виде уже неоправданна».

Январь – начало февраля, Кёльн. По просьбе адвоката Майнхоф записывает впечатления от нахождения в тотальной изоляции: «Впечатление такое, что помещение едет. Просыпаешься, открываешь глаза – и чувствуешь, как стены едут. Вечером, когда солнце светит под потолком, они внезапно останавливаются. С этим ощущением невозможно бороться, невозможно понять, отчего тебя всё время трясёт – от жары или от холода. Для того, чтобы сказать что-то нормальным голосом, приходится кричать. Всё равно получается какое-то ворчание – полное впечатление, что ты глохнешь, в уши залили воск. Произношение шипящих становится непереносимым. Охранники, посетители, прогулочные дворики – всё это видишь, как сквозь полиэтиленовую плёнку.

Головная боль, головокружение, тошнота. При письме – по написании второй строчки уже не помнишь, что было в первой. То апатия, то нарастающая агрессивность, для которой нет выхода. Это самое страшное. Ясное осознание того, что у тебя нет ни малейшего шанса выжить. Кругом – тихий ад, окутывающий немотой. Невозможность ни с кем этим поделиться – при посещении (адвоката – Л.) уже не можешь толком ничего сказать. Через полчаса после ухода посетителя уже не уверена, было это сегодня или неделю назад. Чувствуешь себя так, словно с тебя сняли кожу» (т. н. «Письмо из мёртвого тракта»).

Итак, если Гёльдерлин сошёл с ума от лицезрения окружающего, то его праправнучка вступила в борьбу с этим окружением – и её сводят с ума силовым воздействием. «Протест – это когда я заявляю: всё, я в этом больше не участвую. Сопротивление – это когда я делаю так, чтобы и все остальные тоже в этом не участвовали» (Майнхоф, «Протест и сопротивление»). Протест поэта переродился в сопротивление революционера. Протестующий потерял разум, дабы уйти от действительности; сопротивляющуюся лишают разума, дабы погасить сопротивление.

Ницше писал, что дух человеческий был верблюдом, потом львом и, наконец, стал ребёнком. Ницше и Майнхоф могли стать классиками филологии (по примеру её двоюродного деда), и окружающие ждали от них именно этого. Быть наилучшими из «верблюдов», с горбами из научных регалий. Оба обратились во львов: Ницше – в сфере мысли, Майнхоф – и в текстах, и на практике. Философ потерял разум, из льва обратившись в злую пародию на предречённое им дитя; революционера лишают разума, дабы из львицы сделать ту же пародию.

Ульрика Майнхоф

9 февраля, ФРГ. Возникает угроза, что заключённые умрут до суда – формально ещё не признанные виновными. Власти отступают. Из одиночной камеры тюрьмы Оссендорф Майнхоф переводят в мужской отдел психиатрии. Здесь она наконец то может услышать шум, какие-то звуки. Но контакты с другими заключёнными по-прежнему воспрещены. Предложение тюремного врача снять этот запрет категорически отвергается генпрокуратурой.

Астрид Проль после медосмотра по требованию врачей освобождена из тюрьмы. В заключении она потеряла 40 % веса, 60 % зрения и 80 % слуха и не может ходить, список приобретённых ею болезней занимает две страницы (гипертония, сердечная аритмия, афазия, абазия, анорексия, аменоррея, болезни вестибулярного аппарата, желудочно-кишечного тракта, печени, суставов, кожи etc). «Такое я видела только в Заксенхаузене!» (нацистском концлагере), восклицает член одного из «Комитетов против пыток» (тогда они были ещё

разрозненными группами). Но через месяц, подправив здоровье на свободе, Проль возвращается в подполье.

Астрид Проль

(Остальные заключённые РАФ сидят в тюрьмах по всей ФРГ: Андреас Баадер в Schwalmstadt, Ян-Карл Распе в Кёльне с Майнхоф (но в другом крыле),

Гудрун Энслин в Эссене, Хольгер Майнс в Wittlich, Ирмгард Мёллер в Rastatt, Герхард Мюллер в Гамбурге.)

7 адвокатов красноармейцев начинают 4-дневную голодовку, протестуя против нарушений законности. В традиционных мантиях (на суд они ходили в джинсах) защитники маршируют перед зданием федерального суда в Карлсруэ с плакатом: «Верховный федеральный суд – коричневая нацистская банда».

17 января – 16 февраля, ФРГ. К голодовке присоединяются все заключённые партизаны. Власти лишают их воды. Голодовка становится сухой, но продолжается. Власти уступают.

Февраль, Гамбург. Маргрит Шиллер выпущена из тюрьмы. Она возвращается в подполье.

1 марта, Хартум (столица Судана). Палестинские боевики «Чёрного Сентября» захватывают посольство Саудовской Аравии, требуя освободить красноармейцев, Сирхана Сирхана (убийцу Боба Кеннеди) и ряд палестинцев из тюрем Иордании. Список возглавляют имена Майнхоф и Баадера. В заложниках несколько десятков человек: дипломаты и их семьи.

3 марта, Хартум. Палестинские боевики казнят американских дипломатов Клео Нола-младшего и Джорджа Мура. Дипломаты были среди заложников, захваченных в посольстве США в Саудовской Аравии.

5 марта, Кёльн. Майнхоф наконец разрешают разговаривать с человеком, во время прогулок по двору. Он не из РАФ и выбран тюремными властями.

8 марта, ФРГ. Формируется спецподразделение против внешнего и внутреннего «терроризма». Задача – внедрение провокаторов в леворадикальные группы.

Апрель, ФРГ. Майнхоф отказывается от общения с человеком, выбранным руководством тюрьмы, подозревая, что это способ шпионить за ней.

В конце месяца адвокаты красноармейцев описывают условия их содержания как «изоляционные пытки» и публикуют «Письмо из мёртвого тракта» Майнхоф. РАФ набирает число сторонников. В 10 городах основаны «комитеты против пыток политзаключённых».

Май, Кёльн. Майнхоф выгоняет из своей камеры психиатра Германа Виттера, заявившегося для проверки её психического здоровья. Возможно, ей уже известно предположение, выдвинутое Виттером: операция, перенесённая Майнхоф в 1962-м, привела к «нарушению личности». Цель Виттера – не обследовать узницу, а выставить сумасшедшей.

8 мая – 29 июня, ФРГ. Заключённые (вновь 40 человек) проводят вторую голодовку, 2-месячную, требуя уравнения в правах политзаключённых с остальными заключёнными. Рассредоточенные по всей стране, они связываются через адвокатов. И снова власти лишают их воды, вновь голодовка становится сухой, и вновь в конечном счёте власти отступают.

Майнхоф вновь посещает психиатр Виттер, и вновь она выставляет его из камеры.

В июне Ульрих Клаус Преусс, адвокат Майнхоф, подаёт жалобу на главу тюрьмы Оссендорф и министра юстиции Дитера Поссера, описывая условия заключения своей подзащитной как преднамеренное «уничтожение личности» заключённой. Родственникам Майнхоф разрешено посещать её на полчаса в 2 недели. В камере появляется – открывается – окно. Правда, его тут же закрывают противомоскитным экраном.

7 июля, Бохум. 22-летняя Габриэла Крочер-Тидеман, из основателей «Движения 2 июля» (соосновательница «Красной армии Рура», влившейся в «Движение...»), пытается похитить на парковке номерные знаки автомобилей. Это замечает полицейский. При аресте Крочер-Тидеман ранит полицейского.

Крочер-Тидеман родом из ГДР, где её отец находился в тюрьме как антикоммунист, а после был выслан в ФРГ. Маленькая Габриэла, оказавшись в капиталистическом мире, вырастет не менее стойкой в политических убеждениях, чем её отец. Только вот в диаметрально противоположных убеждениях.

27 июля, Западный Берлин. «Движение 2 июня» экспроприирует 200 000 марок из Берлинского банка.

Июль, ФРГ. Психиатр Герман Виттер, не оставивший мысли объявить Майнхоф сумасшедшей, выгнанный ею из камеры, меняет тактику. Если узницу нельзя обследовать и объявить больной, надо просто сделать её таковой. Теперь он желает совместно с нейрохирургом Фридрихом Лёвом провести рискованную сцинтиграфию мозга Майнхоф для «устранения предполагаемых психических изменений». Тюремное начальство понимает, что Виттер и Лёв будут не «устранять изменения», а ускорять процесс схождения с ума, и 13 июля даёт на это разрешение. Однако 30 врачей признают это недопустимым из-за большого риска для здоровья. Среди протестующих – известные специалисты. Власти уступают.

В окрестностях Мюнхена, в лесу найдены расчленённые останки женщины. Полиция тут же объявляет, что это 19-летняя партизанка Ингеборга Барц, пропавшая больше года назад. Была полицейская версия, будто её застрелила Майнхоф. Но генетические исследования не проводятся, более того, судебно-медицинская экспертиза показывает, что погибшая не застрелена.

Вся страна обсуждает эту полицейскую «идентификацию». Никто не догадывается, что через 2 года эта история будет иметь продолжение.

Август, Кёльн. В связи с обвинениями в пыточных условиях содержания Майнхоф директор тюрьмы Оссендорф приводит оправдания. Камера Майнхоф окрашена исключительно в белый цвет по гигиеническим соображениям.

Соседние камеры пустуют не для лишения её звукового фона, так вышло случайно. Противомоскитный экран, закрывающий окно, должен препятствовать нежелательным контактам и передаче предметов.

Всё же условия заключения удаётся несколько улучшить. Узница может развесить на стенах несколько небольших фотографий. Посещать её можно вдвое чаще прежнего, еженедельно, на 30-70 минут. Выдаётся ряд газет. Левые издания не допускаются.

27 августа «Шпигель» публикует данные медобследования Майнхоф 1968 г. В них не отмечено никаких последствий операции 1962-го и подтверждается, что она психически полностью здорова. В тот же день психиатр Виттер, вопреки мнению 30 врачей, заявляет в интервью, что сцинтиграфия мозга Майнхоф будет безвредной, опасность для её здоровья преувеличена сторонниками РАФ, опасающимися, что безумие Майнхоф будет доказано, а это «было бы смертельным для главного идеолога и её банды». Прокуратура вновь делает попытку дать ход обследованию мозга Майнхоф, если понадобится, насильно. Общественный протест уже не 30, а 70 врачей предотвращает это.

13 ноября, Западный Берлин. Член «Движения 2 июня» Майер бежит из тюрьмы Castro-Rauxel.

Сентябрь 1973, ФРГ. Сформировано подразделение GSG-9 («Группа охраны границ 9»), спецназа Федеральной пограничной охраны, для борьбы с «терроризмом».

12 декабря, Западный Берлин. Габриэла Крочер-Тидеман приговорена к 8 годам тюрьмы за покушение на убийство.

Конец декабря, Кёльн. Майнхоф прерывает контакты с дочерьми. «Мышки» Ульрики больше не увидят мать.

1973, ФРГ, ГДР. Гельмут Пол, 30-летний филолог, с 1970-го помогавший партизанам с автомобилями, вступает в РАФ, перейдя на подпольное положение.

Бомми Бауман арестован в ГДР (это станет известным в 1998-м). Сохранились 165 страниц стенограмм допросов, продолжавшихся 114 часов в течение 6 недель. Под угрозой выдачи властям ФРГ Бауман составляет для восточногерманских спецслужб 125-страничный рукописный отчёт о левом подполье ФРГ, упомянув 94 партизан. Взамен Баумана освобождают и дают возможность незаметно покинуть ГДР.

Позже Астрид Проль скажет, что данные Бауманом сведения никому не причинили вреда. Но многие сочтут его поступок предательством товарищей, а сам Бауман много позднее принесёт публичные извинения.

1974

Начиная с 1974, ФРГ. Действующие по всей стране (хотя не во всех землях) «комитеты против пыток» и «группы против пыток» (одна из них называлась «Группой против полицейской жестокости»), объединяются в общегерманский «Комитет против пыток», в основном из старшеклассников и студентов, для улучшения условий содержания заключённых партизан.

4 февраля, Гамбург, Франкфурт-на-Майне. Арестованы Эберхард Беккер, Вольфганг Беер, Гельмут Пол, Маргрит Шиллер, Кристиана Эскес и Ильза Стачовиак.

5 февраля, Кёльн. Гудрун Энслин переведена из Эссена в кёльнскую тюрьму Оссендорф, в камеру к Ульрике Майнхоф.

13 февраля, Западный Берлин. Начался суд по делу о взрывах в Британском яхтклубе. Обвиняемые – члены «Движения 2 июня» Верена Беккер и Вольфганг Кнуп. Заседания закрытые.

Перед зданием суда – митинги студентов, поддерживающих Фракцию Красной Армии и «Движение 2 июня».

Февраль, Кёльн. Прокуратура конфискует из камеры Майнхоф переписку с адвокатами, письма и др. тексты. Один из её адвокатов арестован и обвинён в поддержке РАФ.

Майнхоф отказывается от услуг адвоката из ГДР Фридриха Карла Каула, поскольку он не считает её марксистом.

Март, ФРГ. Обвинение против Майнхоф дополнено – она обвинена в соучастии во всех акциях РАФ, в частности всех убийствах и попытках убийства, даже проводившихся без её участия и ведома, как главный авторитет красноармейцев.

Начало 1974, Кёльн. Полиция обыскивает квартиру скульптора Раймунда Бёлля – его военный билет и просроченные документы его супруги, немецко-индийской художницы Лилы Мукерджи, найдены у одного из подозреваемых в членстве в РАФ. К тому же он сын Генриха Бёлля, считающегося симпатизантом РАФ. Его подозревают в укрывательстве Маргрит Шиллер.

27 апреля, Западный Берлин. Майнхоф временно переведена в тюрьму Моабит как свидетельница по делу одного из красноармейцев. На суде Майнхоф объявляет новую голодовку.

Хорст Малер отказывается голодать, объявляя, что уходит из герильи. Его бывшая подруга Моника Берберих пишет на стенах тюрьмы Моабит, что Малер смешон.

Она проснётся, но не на постели:
В тюремной камере, похожей на пенал
Нет ничего, кроме железной двери.
И чтобы даже звук не отвлекал
Её от слуховых галлюцинаций

Все комнаты за стенами пусты –
Искуснейшая пытка немоты
Для тех, кто боли не хотел поддаться.
Дмитрий Косяков, «Поэтический номер» (о Майнхоф в Штаммхайме)

28 апреля, Штутгарт. Ульрика Майнхоф и Гудрун Энслин становятся первыми узниками недавно перестроенного крыла тюрьмы Штаммхайм. Сюда планируется перевести всё руководство РАФ.

Штаммхайм введён в эксплуатацию в 1964-м, для особо опасных преступников. На строительство нового крыла тюрьмы специально для рафовцев затрачено 12 млн марок. Стены из сверхпрочного бетона, прозрачные перегородки для непрерывной слежки за узниками, особый «Судебный корпус», позволяющий вести процессы, не вывозя обвиняемых из тюрьмы, высокая сплошная стена вокруг всего комплекса, за ней – контрольно-следовая полоса, затем – сетка с колючей проволокой сверху. Крышу охраняет спецназ, в том числе снайперы. Здание охраняют 400 полицейских, в частности, 2 смены конной полиции. Кроме этого, переднюю часть площадки охраняют агенты ВКА. Ночью участок освещают 54 прожектора и 23 неоновых светильника. Наконец, участок контролируется полицейскими вертолётами.

«Более холодную архитектуру трудно представить», сказано кем-то о Штаммхайме. Это символично: Штаммхайм – символ государственной власти, а Ницше не случайно назвал государство «самым холодным из всех холодных чудовищ».

Штаммхайм

Штаммхайм печально известен «системой мёртвых коридоров» («Toten Tract», мёртвый тракт) – изощрённо жестоким режимом содержания, приводящим к психической деградации, уже опробованном на Майнхоф в Оссендорфе и теперь усовершенствованном в Штаммхайме для всего командования РАФ. Звуконепроницаемые одиночные камеры, полностью выкрашенные в белый цвет (пол, стены и потолок), мебель привинчена, очень яркий круглосуточный электрический свет, на каждом этаже только один заключённый, сверху и снизу также никого, встречи с адвокатами затруднены. Акустическая изоляция – стены, пол и потолок покрыты толстым изоляционным слоем, специальные устройства гасят все звуки в камере, они слышны снаружи, но не заключённому. Не слышны ни шаги надзирателей, ни даже собственные шаги, бесшумно отворяется и затворяется дверь, бесшумно срабатывает замок. Создаётся впечатление погребения заживо. Этим вызываются сильные изменения психики, «сенсорный голод», «сенсорная депривация». Возникают неконтролируемое чувство страха, галлюцинации, навязчивые кошмары, чередуются приступы апатии и иррациональной агресии. (Обычно в мозг поступает множество визуальных, аудиальных и др. сигналов.

Когда их не хватает, нервные каналы, направленные к центрам обработки сигналов, по инерции продолжают стимулироваться. Мозг, обрабатывая обрывочные сигналы, собирает их в целую картину в нашем воображении, пытаясь воссоздать реальность на основе ограниченного количества сигналов – и рождаются галлюцинации.) Узник неспособен адекватно воспринимать информацию (звук, текст), расстраивается память, теряется чувство времени, сложно сконцентрироваться на чём-либо даже на минуту. Всё это постепенно ведёт к сумасшествию: узник становится буйнопомешанным или сворачивается и «становится эмбрионом».

На прогулки во двор выводят по одному, с 2 охранниками, один из них с рацией. Когда заключённый находится в тюремном коридоре, там никого нет, кроме тюремщиков. Смена белья проходит в отсутствие заключённого, чтобы он не видел людей и в этих случаях. Свидания с родственниками – раз в 2 недели на полчаса, в присутствии 2 тюремщиков.

Когда на прогулку выводят Майнхоф, над её головой кружит полицейский вертолёт. (Сохранилась фотография, где Майнхоф шествует на тюремной прогулке с заведёнными за голову руками. Удивительно, что при этой позе фигура производит впечатление несломленного человека, которого остерегаются окружающие. Фотография становится культовой в левых кругах, по известности уступая только знаменитому портрету Че Гевары.)

Ульрика Майнхоф на прогулке в тюрьме Штаммхайм

21 мая, Аугсбург. Полиция убивает таксиста Гюнтера Хендриана, ошибочно приняв его за красноармейца.

Весна, Западный Берлин. Ульрих Шмукер, бывший член «Движения 2 июня», согласившийся после ареста стать провокатором, разоблачён одним из левых. Он отчаянно пытается спасти положение, но без особого успеха. Полиция приказывает ему внедриться в РАФ.

31 мая, Западный Берлин. Шмукер просит у завербовавшего его полицейского Грюнхагена выдать ему оружие, жалуясь, что бывшие товарищи угрожают убить его как доносчика. Грюнхаген отказывает ему.

4 июня, Западный Берлин, Гамбург. Ульрих Шмукер убит выстрелом в голову из парабеллума в Грюневальд-парке, района Далем Западного Берлина. Некоторые полагают, что он казнён как доносчик. Другая версия: убили случайно, желая только попугать.

(Судебное расследование по делу Шмукера – самый долгий уголовный процесс в истории ФРГ. Расследование начнётся в 1976-м и завершится ничем – в 1991-м, после 591 судебного заседания.)

Арестован член «Социалистического коллектива пациентов» Эберхард Бекер.

32 активиста из «Комитета по борьбе с пытками» со всей страны захватывают гамбургский офис правозащитной организации «Международная амнистия» в знак протеста против «истребления заключённых» рафовцев условиями их содержания. Их разгоняет полиция, многие оштрафованы. Примерно половина из них в дальнейшем вступит в РАФ. 22-летнему студенту Гейдельбергского университета Кристиану Клару, одному из оштрафованных, красноармейцы сами вскоре это предложат, что он и сделает со своей 19-летней подругой Адельхайд Шульц.

Страстный поклонник социализма, Клар уже года два искал пути для этого. «Он охотно заводил приятелей, но быстро отваживал не разделявших его социалистических взглядов», вспоминал один из его сокурсников. Студентом выказывал особый интерес к истории и философии. Экзамены сдавал так, что при непосещении занятий продолжал получать стипендию, будучи у преподавателей на особом счету.

Ещё в начале 1970-х Клар и Шульц поселились в Карлсруэ на общей квартире с Гюнтером Зонненбергом и Кнутом Фолькертсом. Теперь, вместе с Шульц и Моникой Хелбинг, Клар формирует «Южную немецкую ячейку» РАФ.

Кристиан Клар

Адельхайд Шульц

5 июня, Штутгарт. Из тюремного письма Хольгера Майнса: «Или свинья, или человек. Или выживать любой ценой, или сражаться до смерти. Или вы являетесь частью проблемы, или вы часть решения проблемы. Между ними нет ничего. Всё так просто, и всё же так сложно».

Фраза «Или вы являетесь частью проблемы, или вы часть решения проблемы» становится крылатой во многих языках.

Там же о деятельности РАФ: «Практика, которая будет отчаянно сражаться, проводя чёткую разделительную линию. Практика, не ожидающая ничего, кроме ожесточённой враждебности». Это о той самой чёткой грани, о которой писал Мао и говорила Майнхоф в «Концепции…».

30 июня, Штутгарт. Майнхоф бьёт охранника по голове туалетной щёткой. В наказание её лишают недавно полученного права встречаться с Энслин в камере на крыше здания.

15 июля, США (штат Флорида). 30-летняя тележурналистка Кристин Чаббак собирается комментировать перестрелку в криминальном ток-шоу. По техническим причинам показ застопорился. «Поддерживая политику телекомпании Channel40's – доносить до вас смерть и кровь в ярких красках, вы первыми увидите телевизионное самоубийство», говорит Чаббак зрителям, вынимает револьвер и стреляется. Выстрел был запланирован – предсмертная фраза найдена в её сценарии. Причём по сценарию технический директор должен был продолжить передачу после её гибели.

Не будучи мыслителем, способным обобщать, Чаббак всё же почувствовала – не поняла, но почувствовала понятое Майнхоф – она вливается в Систему, тешась иллюзией борьбы с ней. Её репортажи служат буржуазии, для прибылей рекламодателей и эскалации насилия. И она, как и Майнхоф,

вышла из игры. (Подробнее я писал о ней в статье «Кристин Чаббак, эмбрион героини, или Смерть и кровь в ярких красках», журнал «Новая литература».)

29 июля. В «Шпигеле» опубликована повесть Генриха Бёлля «Потерянная честь Катарины Блюм, или Как возникает насилие и к чему оно может привести».

Действие относится к тому же 1974 г. 27-летняя экономистка Катарина Блюм очарована на карнавале молодым человеком Геттеном. Они проводят ночь у Катарины. Между тем Геттен подозреваем в ограблении банка и убийстве. Утром к Катарине врывается полиция, но Геттена уже нет. Катарину арестовывают и допрашивают. Газета, так и называющаяся «Газетой», выставляет подозрения против Геттена как факт, а Катарину его соучастницей. «Газета» искажает заявления соседей Катарины, вместо «Катарина – очень умный и волевой человек» пишется «человек холодный и расчётливый», вместо «Если Катарина и радикал, то она радикально умна, целеустремлённа и полезна» пишется «Радикал во всех отношениях, ловко обманывавший нас». На Катарину обрушивается лавина оскорбительных звонков и писем, она обращается в изгоя, ославленная «невестой террористов». На утешение, что есть и другие газеты, пишущие правду, Катарина отвечает: «Все люди, которых я знаю, читают только “Газету”!». Репортёр «Газеты» добирается до её тяжелобольной матери в больнице. На следующий день мать умирает. Геттен арестован. Катарина назначает встречу репортёру, якобы для интервью, и убивает его. (В процессе работы был вариант с финальным самоубийством Катарины.)

В предисловии Бёлль поясняет: «Героиня и сюжет этого повествования вымышлены. Если описание методов журналистов напоминает практику газеты «Бильд», то это сходство является ни преднамеренным, ни случайным, а неизбежным». В сюжете отразились как травля Бёлля газетами Шпрингера, так

и – как неоднократно подчёркивал Бёлль – журналистская кампания против профессора психологии Ганноверского университета Петера Брюкнера, однажды приютившего на ночь Майнхоф.

27 августа, Западный Берлин. Майнхоф привезена из Штаммхайма в связи с делом Баадера.

10 сентября, Западный Берлин. Майнхоф заявляет на суде, что освобождение Баадера требовалось для создания РАФ. Добавляет, что РАФ отвергает этот процесс, и призывает к 3 голодовке против истребления партизан, коим являются условия их заключения.

13 сентября, Штутгарт. Начало 3 коллективной голодовки партизан. В ней участвует 31 человек.

2 октября, Штутгарт. Руководители РАФ – Ульрика Майнхоф, Андреас Баадер, Гудрун Энслин, Ян-Карл Распе и Хольгер Майнс – официально обвинены в организации св. 800 терактов против НАТО, бундесвера, карательных органов и госучреждений, полицейских, судебных и правительственных чиновников и концерна «Шпрингер», 5 убийствах, 55 покушениях на убийство, экспроприации 3 млн марок, подделке документов и угонах автомобилей,.

Октябрь-начало ноября, Штутгарт, Западный Берлин. Баадера переводят в тюрьму, где уже находится Энслин (Майнхоф по-прежнему в Западном Берлине).

Майнс очень ослаблен голодовкой. Голодовку продолжают все руководители партизан. Тюремщики пытаются силой кормить Энслин и Майнса – привязывают к кроватям, открывают им рты железными ломиками, вставляют туда резиновую кишку и накачивают жидкую пищу.

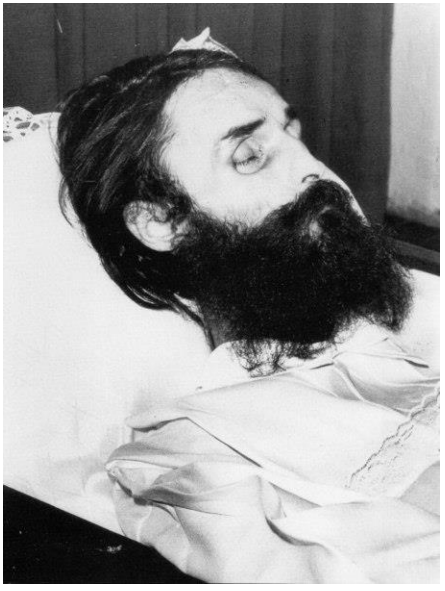
6 ноября в западноберлинской тюрьме Моабит тем же способом насильно кормят Майнхоф.

«Прекращать голодовку мы не собираемся, – заявляет Баадер. – Это значит, что кто-то из нас умрёт».

Тюремные врачи рекомендуют транспортировать Майнса в реанимацию. В ответ тюремщики запрещают врачам проверять Майнса.

9 ноября, Штутгарт. Хольгера Майнса посещает его адвокат Зигфрид Хааг. Майнса вносят в комнату для переговоров на носилках. Он при смерти, говорить может только шёпотом. Хааг требует у властей срочно прислать медработника, так как Майнс при смерти, а тюремный врач отсутствует в связи с выходными (суббота). Ему отказывают.

Через несколько часов 33-летний Майнс умирает в камере на 59 день голодовки. При росте в 183 см он весил на момент смерти меньше 39 кг.



Погибший Хольгер Майнс

10 ноября, ФРГ. В ответ на смерть Хольгера Майнса проходят многочисленные студенческие демонстрации в Западном Берлине, Франкфурте-на-Майне, Кёльне, Гамбурге и Штутгарте, собирая до 10 000 участников.

Вечером 2 девушки звонят в дверь квартиры Гюнтера фон Дренкмана, председателя Верховной Судебной Палаты Западного Берлина. На днях он мотивировал отказ облегчить положение голодающих тем, что «Демагогия этих подонков опасна для окружающих. Они, как бешеные псы, могут заразить своей ядовитой слюной всех остальных». Сегодня, на следующий день после гибели Майнса, он празднует своё 64-летие. Дверь открывает сам судья. Блондинка протягивает ему цветы и поздравительную открытку. Когда он берёт их, брюнетка поднимает автомат и расстреливает его. Дренкман умирает в тот же день в больнице. В поздравительной открытке сказано: «С днём рождения, Гюнтер! Помни: РАФ никогда не прощает врагов».

Одни немцы возмущены казнью Дренкмана. Другие считают настоящим убийством смерть Майнса от голодовки (Майнс добивался только гласного суда и соблюдения обычных судебных процедур, вдобавок врачей лишили доступа к нему). Фотографию погибшего Майнса сравнивают с фотографиями узников нацистских концлагерей. В прессу попадают слова Майнса, сказанные адвокатам незадолго до смерти: «Это мой последний бой за освобождение человечества». И записка месячной давности: «Мы все умрём. Важно одно: как ты умираешь и как ты до этого жил. У меня была ясность: воевал со свиньями за людей. Я любил жизнь, и потому мне плевать на смерть». Число симпатизантов РАФ растёт.

(Казнь Дренкмана приструнила судей. Процессы над красноармейцами и далее происходили с постоянными нарушениями судебной процедуры, но вести себя так нагло, как Дренкман, не осмелился больше никто.)

Полицейские проводят набеги на конспиративные квартиры красноармейцев.

Протестантские священники Бургардт и Зулк арестованы за передачу писем красноармейцам в тюрьмы.

11 ноября, Западный Берлин. Более 100 прихожан евангелистской церкви митингуют перед полицейским управлением, требуя освобождения священников.

14 ноября, Западный Берлин. 15-тысячная демонстрация в поддержку голодающих красноармейцев и в связи с гибелью Майнса.

18 ноября, Западный Берлин. Похороны Хольгера Майнса проходят при массовых уличных беспорядках, «диффузированном сопротивлении» – стихийных поджогах, нападениях на полицейские участки и машины по всему городу. На похороны прибывает более 5 000 человек.

Похороны Хольгера Майнса

Руди Дучке, лидер левой молодёжи шестидесятых, сделанный инвалидом выстрелами неонациста в 1968-м, восклицает у могилы перед камерами с поднятым кулаком: «Хольгер, борьба продолжается!». 2 000 человек скандируют: «Месть! Месть! Месть!». (Правые обвинят Дучке за это в причастности к красноармейцам, и он напишет в «Шпигеле», что он не связан ни с РАФ, ни с «Движением 2 июня», но выступает за достойные условия содержания в тюрьмах.)

Ноябрь, ФРГ. Среди ультраправых раздаются угрозы вырыть тело Майнса и повесить его. Но в целом мученическая смерть Майнса приводит к большей солидаризации всех левых и умножению числа леворадикалов. «Это был момент истины», будет вспоминать Карл-Хайнц Дельво, вступивший в РАФ через несколько месяцев. Штефан Вишневски, в день смерти Майнса ещё не рафовец, узнал о гибели Майнса, когда произносил речь, стоя на столе в молодёжном центре. «В тот момент, – будет вспоминать он много позднее, – кто-то вошёл и сказал: “Хольгер мёртв”. Слёзы выступили у меня на глазах, и не только у меня». Участие в организации похорон Майнса становится для Вишневски «последним законным политическим действием».

Фотография погибшего Майнса становится иконой леворадикального движения. Под её воздействием уходит в партизаны Кляйн, шофёр Сартра. Ряд партизан носит её с собой как напоминание о сущности капитализма. Говорится о напоминании ею самопожертвования Христа (кстати, Майнс погиб в 33 года).

Погибший Хольгер Майнс

«У многих, видевших фотографию мёртвого Хольгера Майнса, она навсегда останется в памяти – отчасти потому, что этот крайне истощённый человек очень напоминал концлагерников, узников Освенцима. […] Фотография вызывала именно такие ассоциации, и не только у меня. Передо мной встал вопрос: останется ли моё критическое отношение к большинству людей старшего поколения (за их бездействие во времена нацизма) пустой

болтовней, и я буду так же трусливо наблюдать за подобными преступлениями, или я действительно стану активно против них бороться? Моё решение было однозначным» (Биргит Хогефельд).

В ближайшие несколько лет под впечатлением гибели Майнса в РАФ вступят ок. 20 человек.

Фолькер Шпайтель, бывший доброволец Красного Креста, с супругой Ангеликой, будущей красноармейкой, работавшей в офисе адвоката Клауса Круассана (они организовывали общение между заключёнными), уходит в подполье, связавшись с оставшимися на свободе партизанами через адвоката Зигфрида Хаага. Во Франкфурте-на-Майне встречается с Ханной-Элизой Краббе, Бернхардом Росснером, Лутцом Тауфером и Ульрихом Весселем. Большинство их – бывшие члены Социалистического коллектива пациентов.

Вскоре Фолькер Шпайтель уходит из подполья и возвращается в офис Круассана.

Его супруга, Ангелика, к мирной жизни не вернётся.

Руди Дучке посещает Яна-Карла Распе в тюрьме Оссендорф. С Дучке его юный сын Хосе-Че (названный в честь Че Гевары).

Вскоре Распе переведён в тюрьму Штаммхайм.

29 ноября, Западный Берлин. За организацию побега Баадера и попытку убийства Ульрика Майнхоф приговорена к 8 годам тюрьмы, Хорст Малер к 12 годам. При этом попытка убийства со стороны Майнхоф ничем не доказана, и ни один из 9 опрошенных свидетелей не давал таких показаний. Сбываются слова Майнхоф: «Оправдаться, даже если оправдание соответствует истине, оказалось совсем не так просто» («Концепция...», глава 1).

Арестованные священники выпущены.

2 декабря, Штаммхайм. Майнхоф переведена обратно в Штаммхайм.

Жан-Поль Сартр у входа в Штаммхайм

4 декабря, Штутгарт. Жан-Поль Сартр посещает Баадера в Штаммхайме.

Сартр передаёт журналистам после посещения (этот текст обычно публикуется под названием «Медленная смерть Андреаса Баадера»):

«Вначале мы обменялись рукопожатием. Он сел напротив меня и потом, через три минуты, первым, что он сказал как бы вместо приветствия, было:

“Я думал, что имею дело с другом, а мне прислали судью…”

Очевидно, он так решил из-за моего заявления предыдущим вечером на немецком телевидении.

Думаю, он также надеялся, что я пришёл с целью защитить его и его товарищей на основе предпринятых ими действий. Он видел, что я не был согласен с ними. Я пришёл как представитель левых, сочувствуя любой левой группе, находящейся в опасности; я считаю, что подобная практика должна быть более распространённой.

Я пришёл, чтобы он объяснил мне свою точку зрения на ведомую ими борьбу. Что он, кстати, и сделал.

И я пришёл не затем, чтобы сказать, что с ним согласен, но чтобы узнать, какие из его убеждений могут быть взяты на вооружение, если мы признаем их верными, а также чтобы поговорить о его ситуации как заключённого.

Затем мы говорили о его жизни в тюрьме. Я спросил, почему он участвует в голодовке. Он ответил, что делает это в знак протеста против условий своего содержания.

Знаете, я побывал не везде, но подобные тюремные камеры существуют и в других немецких тюрьмах. Они отделены от других камер, выкрашены в белый цвет и электричество включено до одиннадцати вечера, а иногда и двадцать четыре часа в сутки.

Ему здесь очень не хватает звука. Аппараты внутри камеры отбирают звуки, ослабляют и отражают их, делая полностью неслышными внутри самой камеры.

Мы знаем, что звук исключительно важен для человеческого тела и сознания. Человека должна окружать атмосфера.

Звуки, которые мы называем тишиной, но которые доносит до нас, например, звук проезжающего трамвая, шаги прохожего на улице, предупреждающей сирены – связаны с человеческим поведением; они характеризуют человеческое присутствие.

Подобное отсутствие коммуникации с другими приводит к серьёзным проблемам – циркадным расстройствам и расстройствам сознания. Последние разрушают сознание, делая его всё более затруднительным. Шаг за шагом это провоцирует провалы в памяти, затем бред, и, с очевидностью, безумие.

Так что хотя здесь нет “палача”, но есть люди, нажимающие на определённые рычаги на другом уровне. Такая пытка провоцирует нехватку в заключённом; это ведёт к помрачению сознания или смерти.

Баадер, жертва этой пытки, разговаривает вполне адекватно, но временами останавливается, будто теряет мысль. Он охватывает голову руками в середине предложения и начинает заново минуты две спустя.

Его тело истощено голодовкой, его насильно кормят тюремные доктора, он очень похудел и потерял пятнадцать килограмм, одежда болтается на нём, так как стала слишком велика. Больше нет никакого соотношения между Баадером, которого я видел, и человеком в добром здравии.

Эти процедуры, предусмотренные только для политических заключённых – по крайней мере, для группы Баадера-Майнхоф – противоречат правам человека.

Согласно правам человека, к заключённому должны относиться как к человеку. Точнее, он лишён свободы, но не должен быть объектом каких-либо пыток или чего-либо имеющего целью смерть или деградацию личности. Эта же система настроена против человеческой личности и разрушает её.

Баадер ещё хорошо сопротивляется. Он ослаблен, определённо болен, но остаётся в сознании. Остальные в коме.

Жизнь пятерых задержанных под угрозой – это дело нескольких недель, нескольких месяцев, возможно, даже дней. Необходимо срочно поднять движение и потребовать, чтобы с заключёнными обращались в соответствии с правами человека; чтобы они не страдали от дурного обращения, могущего помешать им правильно ответить на вопросы в день суда; от обращения, которое, как это уже однажды случилось, может убить их.

Уже существует комитет защиты заключённых во Франции. Этот комитет работает совместно с Голландией и Англией. Необходимо создание подобного

комитета в Германии, из интеллигентов, докторов и разных людей, которые бы потребовали одинакового обращения с заключёнными, арестованными за обычные преступления, и политическими заключёнными».

Жан-Поль Сартр заходит в Штаммхайм

Возвратившись во Францию, Сартр заявляет, что ФРГ – преемница нацистской Германии.

Андреас Баадер

Начало декабря 1974, ФРГ. Масштабная полицейская акция «Зимняя вишня». Многочисленные обыски в квартирах и офисах по всей стране.

7 декабря, Бремен. Взрыв самодельной бомбы на железнодорожном вокзале.

11 декабря, ФРГ. Густав Вальтер Хайнеман, только что вышедший в отставку федеральный президент, пишет письмо Ульрике Майнхоф с просьбой прекратить голодовку красноармейцев. Пишет, что голодовка не принесёт политических результатов, а лишь затруднит проведение позитивных реформ уголовного права. Майнхоф отказывается прекратить голодовку до вывода из «мёртвого тракта» всех партизан: «Цель голодовки – прекращение изоляции всех заключённых рафовцев. Тогда она прекратится немедленно. Принудительное кормление, ставшее пыткой для Хольгера Майнса, РАФ принимать не будет».

Майнхоф предлагает Хайнеману посетить её и Баадера на 15 минут каждого, дабы ознакомиться с их положением. Хайнеман отказывается.

Конец 1974, Штутгарт. В Штаммхайме, в камере 26-летнего Герхарда Мюллера, арестованного с Майнхоф, каждый час загорается свет, его поднимают на ноги и начинают «обыск». Пытка повторяется 24 раза в сутки – несколько недель. Измождённый Мюллер, лишённый сна, сдаётся и даёт показания против товарищей, ставшие главными аргументами обвинения. В дальнейшем будет давать любые требуемые показания.

1974, ФРГ. Из 300 преступников, убивавших людей в Освенциме, чья вина доказана, к концу 1974-го суды ФРГ приговорили к тюрьме 5 %, к пожизненному заключению – 2 %, причём из 6 приговорённых только один умер в тюрьме, остальные быстро освобождены.

Уголовно-процессуальный кодекс изменён. В политических делах запрещается участие адвоката в предварительном следствии, допросе экспертов и свидетелей. Общение подсудимого с защитником контролируется полицией. Изменена 120 статья закона о судоустройстве – при преступлениях, контролируемых генпрокурором, Верховный суд земли и созданные при нём палаты по рассмотрению дел против госбезопасности, являющиеся первыми компетентными инстанциями, гарантируют особую политическую благонадёжность ответственных судей.

Арестован Зигурд Дебус. Он получит 12 лет тюрьмы за попытку ограбления банка и создание преступной группировки.

С 1970-го по 1972 г. в розыске находилось ок. 40 подозреваемых в причастности к РАФ. К 1974-му их число возрастает до 300. В списке симпатизантов партизан уже более 10 000 человек.

Бомми Бауман публикует из подполья – в журнале «Шпигель» – призыв отказаться от вооружённой борьбы, утверждая, что власти используют её для

изоляции партизан и представления их через СМИ «сумасшедшими бомбистами».

Издатель Клаус Вагенбах (возможный участник похищения Баадера) приговорён к 9 месяцам тюрьмы условно за публикацию манифеста РАФ и «призыв к созданию преступной организации».

Вышедшая в июле повесть Генриха Бёлля «Потерянная честь Катарины Блюм...» наделывает шуму больше его открытого письма о Майнхоф. Бёлля вновь поносят вовсю как симпатизанта партизан. Оправдывается оценка книги бывшим супругом Майнхоф Клаусом Рёлем, данная в августе: «Эта книга произведёт больший эффект, чем вся кампания Шпрингера». Издательство «Шпрингер», чью газету «Бильд» описал Бёлль, подаёт в суд не только на Бёлля, но и – отдельно – против публикации иллюстраций к повести западноберлинского графика Клауса Фогельгезанга.

На повесть обрушивается известный политик Карл Карстенс, при этом обнаруживая незнание обстоятельств дела. Карстенс заявляет: «Я призываю всё население дистанцироваться от терроризма, в частности, от писателя Генриха Бёлля, несколько месяцев назад под псевдонимом Катрина Блюм написавшего книгу в оправдание насилия». На Карстенса обрушивается шквал насмешек, обращая его в Стрелку Осциллографа до Латыниной. В 1992-м журнал «Шпигель» напишет об этом даже в его некрологе. График и политический активист Клаус Стаек по просьбе Бёлля рисует плакат, изображающий Карстенса верхом на корове, с заголовком «Профессор Карстенс едет в Германию», с полной цитатой ошибочных слов Карстенса. (В 1940-м Карстенс вступил в нацистскую партию. В 1976-1979 гг. он будет председателем бундестага, а в 1979-1984-м – федеральным президентом.)

Известный литкритик Райх-Раницкий (вспоминавший, что в середине шестидесятых от его рассказа о холокосте у Майнхоф выступили слёзы на

глазах) говорит 24 августа в интервью франкфуртской газете: «Говоримое Бёллем может быть лучше или хуже. Но он ударил, и ударил по-немецки, в сердце. Это относится и к “Потерянной чести Катарины Блюм…”».

«Сила слов иногда может воздействовать сильнее пощёчин и пистолетов», комментирует ситуацию сам Бёлль в интервью, данном в октябре.

(К 2017 г. в мире будет распродано 2,7 млн экземпляров «Потерянной чести…», ставшей известнейшим произведением Бёлля.)

1975

1 января, Бонн. Власти «подстраховывают» суд над красноармейцами. К новому году, в течение 3 декабрьских дней 1974-го, бундестаг принимает в 3 чтениях пакет «особых законов», известных как «законы Баадера-Майнхоф». Конституция откорректирована. Судьи могут исключать адвокатов из процесса, заподозрив в связях с революционерами, и вести процесс в отсутствие ответчика, заболевшего или голодающего. Наконец, судьи могут выносить коллективные приговоры без доказательства вины каждого конкретного лица (с той поры и доныне суды ФРГ выносят подобные приговоры только левым радикалам, но не правым).

В первый же день процесса суд запрещает адвокатам осуществлять защиту более чем одного обвиняемого. Рушится вся система защиты партизан. Для Андреаса Баадера процесс начинается вообще без адвокатов – новых защитников он должен искать уже в ходе слушаний.

Остальные адвокаты будут работать под непрерывным давлением властей.

Начало 1975, Штутгарт. Баадер зачитывает на суде совместное заявление заключённых красноармейцев, требуя освобождения находящихся на грани смерти 6 заключённых – Рольфа Похла, Рольфа Хайслера, Верены Беккер, Ингрид Зипман, Габриэлы Крочер-Тидеман и Катарины Хаммершмидт. Его

перебивают 17 раз. Подсудимые в знак протеста перестают являться на заседания суда. Это не смущает судей, продолжающих процесс.

Умирает одна из вышеназванных узников, Катарина Хаммершмидт, в 31 год. Она была больна раком и лишена медицинской помощи. (Позже западноберлинский суд признает ответственность тюремной администрации за гибель Хаммершмидт.)

Катарина Хаммершмидт

Теперь один за другим начинают уходить адвокаты. После 85 протеста уходит последний адвокат. Это тоже не смущает судей. Суд продолжается в закрытом режиме.

5 февраля, Штутгарт. Заключённым партизанам предоставлено право связываться друг с другом парами. Они прерывают голодовку.

27 февраля, Западный Берлин. Ок. девяти утра Питер Лоренц – кандидат в бургомистры Западного Берлина от Христианско-демократического союза (выборы будут через 3 дня) – оставляет свой дом в районе Целлендорф. Проехав полмили, замечает грузовик. Грузовик таранит его автомобиль. Машины останавливаются. Водитель, Вернер Зоуа, оглушён ударом по голове обрезом железной трубы, обмотанной изолентой, сам Лоренц похищен. Он упрятан в

погреб под магазином на Кройцберг Шенкендорфштрассе. По пути туда он сопротивляется и выбивает ногами боковое стекло автомобиля, и одному из похитителей приходится сесть ему на колени.

Похитители – члены «Движения 2 июня».

(При проведении этой операции они чуть было не похитили другого человека. За машиной Лоренца ехала машина партизан, оснащённая рацией, чтобы предупредить другого партизана, за рулём грузовика, что Лоренц подъезжает. Мимо грузовика проезжает чёрный «мерседес». По рации сигнала не поступает, ибо это не Лоренц. Но водитель грузовика решает, что рация забарахлила, и надо таранить «мерседес». К счастью для подпольщиков, в последний момент он понимает, что «мерседес» ему не нужен, и, выехав было навстречу, тут же даёт обратный ход. А в «мерседесе» едет председатель районного суда (позже начальник в полиции) Шерц, с недоумением взирая на странный грузовик, выехавший навстречу и тут же вернувшийся задом в проулок. (Любопытно, чтобы вышло, если бы партизаны похитили Шерца вместо Лоренца. Сюжет для повести или фильма.))

Нынешний бургомистр Клаус Шутц, друг Лоренца, объявляет, что выборы пройдут в срок, но без избирательной кампании.

«Через несколько минут после похищения полиция устроила такую масштабную акцию преследования, какой ещё не знала история Западного Берлина: 5 вертолётов, 200 автомашин ДПС, 10 000 преследователей, 100 000 марок вознаграждения и еще 50 000 от “Правого союза свободной Германии”». («Шпигель» тех дней).

28 февраля, Западный Берлин. Ранним утром в полицейский участок по почте приходит фотография Лоренца с подписью «Питер Лоренц, заключённый “Движения 2 июня”».

«Нашему пленному будет лучше, чем заключённым в государственных тюрьмах, хотя комфорта его целлендорфской виллы у него не будет. Петер Лоренц будет допрошен. Он должен будет рассказать о своих связях в деловых кругах, с шефами и фашистскими режимами.

Лоренц похищен нами как представитель реакционеров и бонз — он ответственен за травлю и слежку на рабочих местах, создание заводской охраны и антипартизанских групп, запреты на профессии и новые права на демонстрациях, ограничения прав защиты и поддержание дискриминационного параграфа 218.

Как шеф ХДС, он, приезжая в Израиль и делая там пожертвования деньгами, превратился в пропагандиста сионизма — агрессивной и захватнической политики Израиля в Палестине. Он участвует в преследовании и подавлении палестинского народа. Он также участвует в кровавом путче Пиночета в Чили. Это его партия денежными пожертвованиями позволяет хунте проводить репрессии, безжалостно преследующей любые свободолюбивые убеждения и кроваво подавляющей тысячи чилийцев в концентрационных лагерях, истязающей их и удерживающей свою власть благодаря кровавой бойне».

Похитители требуют выпустить из тюрем Хорста Малера, левых активистов Этора Канелло и Гюнтера Ягдмана, арестованных на митингах, и членов «Движения 2 июня» Верену Беккер, Габриэлу Крочер-Тидеман, Ингрид Зипман, Рольфа Хайслера и Рольфа Похла. Ни один из них не обвинялся в убийстве. Далее: предоставить им Боинг-707 в течение 3 дней, дать их товарищам при освобождении по 9 000 долларов, и чтобы пастор Генрих Альбертц сопровождал их в полёте.

Альбертц соглашается, но как не экс-бургомистр, а пастор. (В бытность бургомистром Альбертц осудил антишахские выступления студентов 1967-го.

Смещён с поста как козёл отпущения за убийство Бенно Онезорга (для левых) и провал визита шаха (для правых). Вину и за то, и за другое возложили на Альбертца (впрочем, справедливо).)

«Эти требования должны быть выполнены в течение 72 часов.

Опубликовать это обращение в форме официального сообщения в следующих газетах... [...]

В течение всего времени его плена мы требуем абсолютного неприменения оружия со стороны полиции, её неприсутствия на улицах, никаких контроля, обысков, арестов, развешивания фото, попыток преследования населения. При неисполнении этих требований и обмане безопасность пленного будет под угрозой.

[...]

К товарищам в тюрьме: мы с удовольствием вызволили бы и больше товарищей, но не можем этого сделать при нашей сегодняшней численности.

К населению Берлина: в ближайшие дни государственные органы развернут против нас мощную кампанию. Они будут пытаться втянуть вас в преследование. Не оказывайте им помощь. Оставьте полицию, бонз и прессу друг с другом».

«…мы прекрасно понимали, что не можем требовать освобождения Ульрики Майнхоф или Андреаса Баадера, а только товарищей, не приговорённых к пожизненному заключению» (интервью члена «Движения 2 июня» Майера берлинской газете «Junge Welt» в марте 1997-го).

Заключённых Похла, Хайслера и Крочер-Тидеман нужно привезти в Западный Берлин из тюрем других городов.

28-31 марта, Западный Берлин. Лоренц жалуется похитителям, что ему испортили брюки. Партизаны пришивают ему пуговицу. Дальше начинаются

баталии, не политические, а шахматные. Позднее на суде Лоренц заявит, что иногда он выигрывал, но у него сложилось впечатление, что ему подыгрывали.

На улицу партизаны не выходят – по городу идут облавы. Поимённо разыскиваются Ральф Райндерс, Фриц Тойфель, Норберт «Кнофо» Крёхер, Тиль Майер, Андреас Фогель, Вернер Заубер, Инга Ветт и Ангела Лютер. За Лютер, уже 3 года пребывающей в подполье, охотятся как за девушкой крупного телесложения – так её описал водитель Лоренца, и полиция догадалась, что это она (удар по голове водителя оказался слабее, чем рассчитывали партизаны, он довольно быстро пришёл в себя). Все эти дни полиция задерживает крупных женщин по всему городу.

Ангела Лютер, дочь известного гамбургского адвоката Мартина Лютера, является и членом РАФ (мы уже упоминали её как участника «майского наступления» РАФ).

1 марта, Западный Берлин. Второе сообщение «Движения 2 июня», в полицию и Сенат: «Мы требуем от вышеназванных лиц и организаций сделать всё для того, чтобы наше первое обращение в полицию и Сенат зачиталось не позднее, чем в вечернем обозрении новостей, а также зачиталось один раз во всех дневных обозрениях. Одновременно должно быть продемонстрировано фото Лоренца в плену. Вы должны начать действовать, чтобы все требования, перечисленные в первом сообщении, были безотлагательно выполнены, если вы заинтересованы в безущербном освобождении Петера Лоренца. Если эти условия не будут выполнены, в субботу в 12:00 поступит ультиматум».

В письме приписка Лоренца для жены: «Полиция сделает всё, чтобы я вышел целым. С любовью, твой Петер».

Вечерние радиопередачи транслируют интервью с Габриэлой Крочер-Тидеман в эссенской тюрьме и Хорстом Малером в западноберлинской тюрьме. Они отказываются выходить из заключения.

В 00:00 Малер по каналу ARD объявляет: «Похищение врага народа как средство освобождения политических заключённых есть выражение политики, оторванной от борьбы рабочего класса, которая неизбежно закончится тупиком. Стратегия индивидуального террора — не есть стратегия рабочего класса».

По телевидению передали только это. В объявлении, кроме того, было: «По поводу показательного процесса против Майнхоф, Беккер и меня в сентябре прошлого года я публично дал понять, что это была публичная критика, одновременно и самокритика, что моё место на стороне революционного класса. Я твёрдо убежден, что благодаря борьбе рабочих масс откроются ворота политических тюрем и выдвинутое против меня обвинение в терроризме будет отменено. Поэтому я отклоняю этот способ покинуть страну. Вперед к Коммунистической партии Германии!»

Газеты всего мира печатают снимки выходящих из тюрьмы Канелло и Ягдмана (освобождённых в 10:00 утра).

2-3 марта, Эссен. Один из заключённых, чьё освобождение затребовано, Рольф Похл, требует у полиции связать его с Крочер-Тидеман. Просьба исполнена. После разговора с ним она соглашается выйти на свободу. Её первоначальный отказ объяснялся тем, что ей обещали сократить срок заключения наполовину или на 2/3, но письменное подтверждение этого не выдали.

4 марта, Аден (Южный Йемен), Западный Берлин. Генрих Альбертц и команда авиавоздушная компании «Люфтганза» оставляют в Адене Похла, Хайслера, Беккер, Зипман и Крочер-Тидеман.

Похитители Лоренца спасли им жизнь, избавив от участи Катарины Хаммершмидт.

(Тогда ещё мало кто знал, что власти ФРГ послали вдогонку самолёту с освобождёнными ещё 2 самолёта. В третьем сидел госсекретарь Ведомства

федерального канцлера Вишневский с чемоданом с 6 млн марок для строительного проекта в Южном Йемене, чтобы выкупить освобождённых обратно в ФРГ. (За несколько лет до этого ФРГ обещала йеменцам цементный завод, и теперь готова выполнить обещание.) В дальнейшем ФРГ неоднократно попытается заполучить обратно 5 освобождённых. В ближайшем будущем пастор Альбертц с ужасом узнает от высокопоставленного чиновника в Бонне (он расскажет об этом на судебном процессе) – правительство ФРГ старалось, чтобы самолет приземлился в Аддис-Абебе, а эфиопская армия взяла бы его штурмом и всех перестреляла, включая и его, Альбертца.)

Вскоре после полуночи в городском парке Западного Берлина Вильменрсдорф Лоренца высаживают с завязанными глазами и 3 монетками по 50 пфеннигов для телефонного звонка. (Именно в этом месте Лоренца, как солдата вермахта, арестовали советские красноармейцы в 1945-м, ровно 30 лет назад, но сами партизаны узнают об этом намного позднее.) Лоренц прощается с похитителями за руку, выражая сожаление, что они «...познакомились при таких обстоятельствах. Может, удастся встретиться при других», и надежду увидеться снова, когда времена изменятся, например, на вечеринке в его саду. Партизаны сажают его на скамейку в парке, советуя войти домой не с парадного входа, ибо там куча репортёров (Лоренц так и сделал). Найдя телефон-автомат, Лоренц звонит супруге.

Чуть позже, на вопрос репортёра «В какой тональности было обращение с вами? Какое впечатление у вас было от преступников с учётом вашей интеллигентности?», Лоренц ответит: «Я считаю их интеллигентными людьми, и я не хотел бы говорить дальше какие-либо подробности. То, что я не подвергался шантажу, и с учётом всех обстоятельств (принуждение и насилие, которым меня подвергли) всё было достаточно корректно».

Через несколько минут полицейские совершают набеги на известные им квартиры леворадикалов.

6 марта, Париж. Парижский офис концерна «Шпрингер» разрушен взорванной рядом бомбой. Парижское агентство печати получает письмо, напечатанное на машинке: «взрыв произведён в знак протеста против того, что членов РАФ не освобождают».

8 марта, Аден. Сообщение прессы: правительство Йемена попросило налётчиков оставить страну, видимо, под давлением ФРГ.

26 марта, Западный Берлин. «Движение 2 июня» пишет обращение к народу касаемо похищения Лоренца.

«КТО МЫ ТАКИЕ? Через эту газету после всех драматических событий мы хотим обратиться ко всему населению Берлина, напрямую и масштабно, насколько это возможно. Делаем это мы главным образом по трем причинам:

1. Мы хотим рассказать, что мы за люди.
2. Мы хотим хотя бы частично разоблачить ложь прессы и политиков.
3. Мы хотим объяснить, почему мы похитили Лоренца.

Мы не группка людей, действующих по принципу “чем хуже, тем лучше”. Мы не ищем выгоду для себя. Мы осознаём, что мы не изменим государство принципиально, не сможем его ни уничтожить, ни развалить. Мы не асоциальные элементы, некоторые из нас знают, что такое работать на фабрике. Некоторые ещё не закончили старшую ступень школы, не говоря уже о студентах. Наши враги распространяют ложь, которую уже нельзя терпеть: “Мы все сидим в одной лодке”, “Никто уже не осмеливается выйти на улицу”, “Сейчас мы все равны”. Вдруг равны живущие в плохой и дорогой съёмной квартире в Кройцберге, Веддинге и живущие на вилле в Целендорфе. Теперь вдруг равны зарабатывающие в месяц не больше 1000 марок, и тратящие эту сумму за один день. Равенство, записанное у нас в законе, вдруг здесь, сейчас,

когда только десять процентов детей рабочих учатся в университетах (и не потому, что они глупые), хотя богачи с их деньгами продолжают шляться по заграницам и жировать. Равны и ХДС (Христианско-демократический союз – Л.), поддерживающий предпринимателей, и маленький человек, загнанный в угол. Те, кто начинает защищаться, объявляются преступниками и террористами. И это не свиньи-полицейские, громящие молодёжные центры. Это не предприниматели, чохом выбрасывающие сотни людей на улицу, когда им это удобно. Это не судьи и полицейские, оберегающие строительные компании и расстреливающие взломщиков автоматов.

Мы считаем, что слова и устные требования не принесут никакой пользы, чтобы что-то изменить в этой стране, где всё фальшиво. Об этом уже много писалось, слишком много людей пережили это на своём хребте.

В этом обществе только отдельным личностям живётся хорошо, а большинство подавляется. Что это значит, если ты каждый день пашешь на работе, а вечером возвращаешься домой такой изможднённый, что сил хватает только чтобы сидеть перед телевизором? Отчего происходят жестокое обращение с детьми, избиения, самоубийства? Почему это происходит не на виллах Целендорфа или Далема, а в районах Моабита, Веддинга, Кройцберга? Только потому, что в Целендорфе и Далеме живут более утончённые, лучшие и приличные люди? [...] Народ должен выбирать между чумой и холерой. Это и есть пропагандируемый свободно-демократический порядок?! “Наши доходы при сегодняшних ценах достаточно велики, чтобы не умереть с голода, но слишком малы, чтобы быть сытым. Может, вы думаете, что рабочий должен только работать, есть, пить и оплачивать аренду?” — спрашивает фрау Буш у партии. В самом деле, это выглядит так: чем больше у рабочего забот, тем реже ему приходят в голову “глупые” мысли — в этом правы все партии. Дело в том, что самый большой страх для власть имущих — это когда народ начинает

защищаться, бороться за свои права. Имеющий деньги имеет власть, а имеющий власть имеет права и будет защищаться от того, чтобы эти права отдать. Поэтому вы вынуждены сопротивляться. Начало положено: дикие забастовки, гражданские инициативы, борьба против строительства атомной станции в Виле. Формы сопротивления бывают порой не совсем однозначные. Например, праздновать болезни на предприятии, ну или ещё веселей. Жители одного дома в Темпельхофе защищались так: на головы полицейских, что-то вынюхивавших вокруг их дома, вылили кипяток. “Виновного” так и не нашли.

Свою борьбу мы понимаем как часть всеобщего сопротивления. Городской партизан — это значит фантазия и сила действия. Способности, которые есть в народе, нас радуют. Значит, мы не рубим с плеча вокруг себя, а реалистично оцениваем наши возможности, чтобы затем действовать. Мы учимся на практике. Только поэтому операция по похищению Лоренца была проведена превосходно. Мы не фантомы и не патологически больные гении, как вам пытаются запудрить мозги партии, пресса, полиция, чтобы замаскировать ваше жалкое положение! Мы поняли: если чего-то хочешь достичь, нужно организовываться, держаться вместе. Если ты один, многого не сделаешь. Нужно только оглянуться вокруг — людей, думающих так же, как ты, и желающих что-то изменить, тысячи! Нужно вместе начинать, учиться на своих ошибках, не падать духом, даже если всё порой выглядит бесперспективным. Государство и полиция не всесильны даже в Берлине, самом полицейском городе мира».

Воззвание сделано на ротапринте тиражом в 30 000 экз. (В сноске партизаны написали о 50 000, но из-за нехватки времени не справились с этим.) Листовки распространены в этот же день, между 19:30 и 20:00 ч. В их разбрасывании задействовано множество симпатизантов партизан, всего ок. 120 человек.

(Эффект получился немалый – правительство в ближайшее время заявит, что повышение цен на проезд в общественном транспорте отодвигается на полгода, и запретит практику массовых увольнений рабочих.)

15 апреля, Карлсруэ. 4 адвоката США подают протест против «Законов Баадера-Майнхоф» в Конституционный суд ФРГ: бывший министр юстиции США и генеральный прокурор Рамсей Кларк, адвокат группировки «Чикагская семёрка» Уильям Кунстлер и известные левые адвокаты Питер Вейс и Уильям Шарп.

Протесты ничего хорошего не приносят. Суд оставляет в силе эти законы, исключая из процесса Клауса Круассана, Курта Грюневальда и Ганса-Кристиана Штройбеля. Штройбеля обвиняют ещё и в том, что он защищает подсудимых «слишком сильно» (! – Л.).

Штройбелю ещё раньше была устроена травля в газетах, с оскорблениями личности и угрозами. По почте он получает патроны с анонимными записками «Ты приговорён к смерти!» Его исключают из СДПГ (официозные «левые» не любят не только революционеров, но и их адвокатов). Много позже Штройбель узнает, что Федеральная служба по защите конституции (BfV) завербовала его секретаря.

Адвокаты указывают также, что презумпция невиновности не соблюдается – специально для подсудимых уже достроена тюрьма Брухзаль.

24 апреля, Стогкольм. «Коммандо им. Хольгера Майнса» – Зигфрид Хауснер, Ханна-Элиза Краббе, Карл-Хайнц Дельво, Лутц Тауфер, Бернард-Мария Рисснер и Ульрих Вессель (миллионер, благодаря наследству), в большинстве из «Социалистического коллектива пациентов» – вооруженные пистолетами и ручными гранатами М-26, захватывают 11 заложников в посольстве ФРГ, требуя освобождения 26 заключённых товарищей. Охраной заложников занята Краббе.

(Команду организовал Зигфрид Хааг, адвокат (партнёр Клауса Круассана), бывший защитником Хольгера Майнса. Хаага терзает чувство вины за то, что он не всё сделал для спасения Майнса.)

Полиция врывается в нижние этажи. Партизаны угрожают расстрелять военного атташе, если полиция не покинет здание. Полиция не подчиняется. Партизаны приказывают военному атташе, 44-летнему полковнику и барону Андреасу фон Мирбаху спускаться по лестнице и стреляют ему в ногу, голову и грудь. Полиция покидает здание, вынеся умирающего барона. Вызвав журналистов Немецкого Агентства печати, рафовцы требуют освобождения соратников. Бонн не подчиняется. Рафовцы обещают убивать по заложнику в час.

Через час экономический атташе 64-летний Хайнц Хиллегаарт подведён к открытому окну, расстрелян и вывешен из окна.

Незадолго до полуночи посольство штурмует спецподразделение, присланное из ФРГ, с применением газов. Партизаны не решились убивать заложников при начале штурма, как они заявляли. В полночь гремит взрыв – до сих пор является спорным, что привело к нему: ошибка партизан или сознательные действия шведской полиции. Ульрих Вессель под воздействием взрывной волны падает, выронив гранату, она взрывается на нём. 28-летний Вессель погибает. У остальных партизан серьёзные ожоги. Они захвачены почти без борьбы. Всего ранено 30 человек. Особенно пострадал Зигфрид Хауснер – серьёзные повреждения черепа и ожог более 40 % тела.

Шведские врачи заявляют, что Хауснера нельзя перевозить в другую страну в таком состоянии, и снимают с себя ответственность в случае, если его увезут. Однако западногерманские власти перевозят его в ФРГ, и не в больницу, а в Штаммхайм. В Штаммхайме нет оборудования и специалистов для лечения тяжёлых ожогов. Хауснер не может говорить и пишет медсестре записку:

«Горло болит». Согласно заместителю начальника тюрьмы Хорсту Бубаку, тюремные врачи «сразу поняли», что у Хауснера «нет шансов выжить».

5 мая, Штутгарт. 23-летний Зигфрид Хауснер умирает в тюрьме от отёка лёгких.

9 мая, Кёльн. Перестрелка на городской площади члена «Движения 2 июня» Вернера Зойберта Заубера («Заумберли») с полицией. Погибают Заубер и офицер полиции.

Заубер приехал в Кёльн для организации сопротивления на заводах. Работал под документами на имя Клёпера Хумбольдта-Дойца.

21 мая, Штутгарт. Слушания по делу командиров Фракции Красной Армии – Майнхоф, Баадера, Энслин и Распе – начинаются в недавно построенном зале суда тюрьмы Штаммхайм. Сооружение здания специально для процесса по делу красноармейцев стоило 15 млн марок. Тюрьма окружена несколькими рядами колючей проволоки, крыша тюрьмы покрыта металлическими зубьями, чтобы не приземлился вертолёт, над крышей натянуты стальные сети против бомбёжки. На входе хитрый металлический датчик. Воздушное пространство над тюрьмой постоянно контролируется вертолётами. Количество полицейских, охраняющих здание, возрастает с 400 до 500.

Согласно военным, Штаммхайм может выдержать штурм авиадесантного полка, подкреплённый артиллерией. «Это уже паранойя!», восклицает по этому поводу Александр Тарасов. Кроме ещё одного восклицательного знака, к его словам добавить нечего.

Судебный зал с 8-метровыми бетонными стенами лишён окон, только узкие световые люки. Позже Штефан Ауст, бывший сотрудником Майнхоф в «Конкрете», в книге «Комплекс Баадера-Майнхоф» назовёт его «мемориалом жизни». У дверей полицейские с автоматами.

На суде появляются адвокаты – Отто Шили, Марилуиз Веккер, Рупперт фон Плотниц и Хельмут Ридель. Андреас Баадер ещё без адвоката – Круассан, Штройбель и Грюневальд отстранены от дела.

Каждый раз при входе адвокатов и журналистов тщательно обыскивают. Отбирают ручки, взамен выдавая карандаши. Отбирают кошельки. Сержанты полиции вводят подсудимых в зал в наручниках.

Председатель судейской коллегии – Теодор Принцинг.

Конец мая, Штутгарт. Ряд судей признаёт условия содержания подсудимых «чрезвычайными» и опасными для здоровья, требуя для них нескольких месяцев отдыха и содержания совместно с другими заключёнными. В ответ Принцинг запрещает чтение и публикацию судебных отчётов и исключение подсудимых из судебного разбирательства из-за неспособности самостоятельно давать показания. ВКА отклоняет жалобу на неё, бездоказательно заявляя, что подсудимые причастны к похищению Петера Лоренца 27 февраля и захвату заложников в Стокгольме 25 апреля, что именно они спланировали всё это в тюрьме.

5 июня, Штутгарт. 2 день слушаний открывает Андреас Баадер, всё ещё без адвоката. Он требует, чтобы камеры не прослушивали. Его называют параноиком, говорят, что камеры никто не прослушивает. (Через 2 года власти признают факты прослушивания. Вероятно, все записи тогда же были уничтожены – их так и не обнаружили.)

10 июня, Штутгарт. 3 день слушаний. Баадер до сих пор без адвоката. После резких замечаний в адрес Верховного судьи Принцинга обвиняемые выведены из зала.

11 июня, Штутгарт. Адвокатом Баадера становится Ганс Хейнц Хельдман. Он просит прервать суд на 10 дней, дабы ознакомиться с делом. Просьба отклонена. Более того, ему не переданы документы обвинения.

15 июня, Штутгарт. 5 день слушаний. Адвокаты заявляют, что подзащитные не могут давать показания из-за голодовки. Тюремный врач отрицает это.

23 июня, Штутгарт. Адвокаты Круассан и Штройбель арестованы как симпатизанты РАФ. Этим всем адвокатам ФРГ даётся понять – красноармейцев можно защищать только «для галочки».

30 июля, Штутгарт. 21 день слушаний. Майнхоф заявляет, что это политический процесс, лишённый объективного подхода к делу.

30-31 июля, ФРГ. «Движение 2 июня» изготавливает 120 000 фальшивых проездных билетов стоимостью в 360 000 марок, выводит из строя автоматы для проездных билетов и раздаёт собственные билеты. Экспроприирует 100 000 марок из 2 банков. Служащим и посетителям банков выдаются шоколадные конфеты.

19 августа, Штутгарт. 26 день слушаний. Ульрика Майнхоф, Гудрун Энслин, Андреас Баадер и Ян-Карл Распе официально обвинены в 4 убийствах, 54 покушениях на убийство и создании преступной организации.

Подсудимые требуют перерыва в судебном разбирательстве, пока их не осмотрят врачи, которым они доверяют. Им отказывают. Баадер в ответ называет Принцинга «фашистской свиньёй». Его уводят. Майнхоф, Энслин и Распе по очереди повторяют реплику Баадера и также поочерёдно выводятся из зала.

Середина лета, Западный Берлин. Члены «Движения 2 июня» похищают тысячи билетов на метро и раздают горожанам. Совершают 2 налёта на банки, раздавая шоколадки посетителям и служащим банков.

Лето, окрестности Мюнхена. Как и летом 1973-го, в том же лесу найдены останки женщины, на сей раз не расчленённой, а в виде скелета. И вновь, как и в прошлый раз, полиция объявляет, что это партизанка Ингеборга Барц, якобы

застреленная Ульрикой Майнхоф. Далее все повторяется в точности – генетическое исследование не проводится, а по данным судебно-медицинской экспертизы, погибшая не застрелена.

Штефан Ауст в «Комплексе Баадера-Майнхоф» рассказывает о многочисленных свидетелях, встречавших Барц после того, как её дважды объявили убитой руками Майнхоф.

9 сентября, ФРГ. Арестовано большинство руководителей «Движения 2 июня»: Ральф Райндерс, Фриц Тойфель, До Мейер, Инга Ветт, Юлиана Пламбек и Габриэла Роллник. Они обвинены в похищении Лоренца и налётах на банки, Райндерс – ещё и в убийстве фон Дрекмана в ноябре прошлого года.

Тойфель и Роллник арестованы засадой, устроенной в их конспиративной западноберлинской квартире.

13 сентября, Гамбург. Взрыв на главном железнодорожном вокзале.

23 сентября, Штутгарт. 39 день слушаний на Штаммхаймской процессе. Согласно заключению независимых медэкспертов, подсудимые, в результате условий содержания под стражей, могут участвовать в судебных разбирательствах не более 3 часов в день.

30 сентября, Штутгарт. 40 день слушаний. Глава судей Принцинг заявляет, что суд продолжится без обвиняемых, ибо в уголовно-процессуальный кодекс введён новый пункт, согласно которому суд может проходить без участия обвиняемых, если они сами виноваты в неспособности участвовать в разбирательствах – а последствия голодовки судьи возложили на самих голодающих. В зале поднимается шум. Он не утихает даже после объявленного 10-минутного перерыва.

6 октября. Взрыв в Нюрнберге.

10 октября, ФРГ. В 9 кинотеатрах ФРГ проходит премьера фильма Фолькера Шлёндорфа и Маргареты фон Тротты, снятой в этом же году,

экранизации одноимённой повести Генриха Бёлля «Потерянная честь Катарины Блюм». (Нападки СМИ на Бёлля как симпатизанта РАФ участятся.)

Афиша к фильму «Потерянная честь Катарины Блюм»

Помимо коммуны Зёльден в австрийской долине Эцталь, съёмки проходили в многоэтажном здании Университетского центра Кёльна в районе

Зюльц. Никто не ведает, что через 2 года, тоже осенью, здание центра станет ареной не киношной, а всамделишней борьбы, да такой, что та осень войдёт в немецкую историю, и причиной тому будет та же РАФ, невольно породившая повесть Бёлля и её экранизацию.

28 октября, Штутгарт. Ульрика Майнхоф выступает на суде.

– Как в режиме тотальной изоляции заключённый может дать знать, что он изменил своё поведение? Как? Как это возможно в ситуации, где запрещено любое проявление жизни? Это значит – у заключённого в изоляции есть только одна возможность показать, что его поведение изменилось – то есть предательство. В изоляции есть только два выхода: предательство или смерть. Либо это...

– Фрау Майнхоф, это не имеет отношения к делу, извольте прекратить.

– Позвольте закончить. Или заставить заключённого молчать, значит – умереть, или заставить его говорить, а это – признание и предательство. Это пытка. Настоящая пытка изоляцией, предназначенная для выбивания показаний, и для запугивания заключённого.

– Я лишаю вас слова.

– А во-вторых...»

Микрофон Майнхоф отключают.

Октябрь, ФРГ. Отклонена апелляция, поданная адвокатами Майнхоф.

7 ноября, Штутгарт, Франция. Один из адвокатов Майнхоф отстранён от процесса, другой вообще лишён лицензии. 2 новых адвоката Майнхоф отстранены после первого же выступления на суде.

Французский политолог Альфред Глоссер, покинувший Германию в 1933-м как еврей, приходит к выводу, что в ФРГ реинкарнирован в полном составе управленческий, судейский и профессорский персонал третьего рейха, в том

числе деятели, в 1945-м поначалу было дисквалифицированные. (Позже это подтвердит немецкий историк Доминик Риголь.)

12 ноября. Мощный взрыв в Кёльне.

21 декабря, Вена. Команда «Рука арабской революции» – 6 человек во главе со знаменитым венесуэльским революционером Карлосом (наст. имя – Ильич Рамирес Санчес) – берёт в заложники 81 делегата Конференции министров стран ОПЕК (среди них 11 министров стран экспортёров нефти) и весь персонал штаб-квартиры. Среди боевиков – Габриэла Крочер-Тидеман (на время проведения операции она носит псевдоним «Нада»), Бригитта Кульман и Ганс-Йоахим Кляйн (бывший шофёр Сартра, взявшийся за оружие под впечатлением фотографии погибшего Хольгера Майнса).

Согласно бывшему гражданскому мужу Бригитты Кульман, Герду Шнепелю, у Кульман был личный мотив взяться за оружие для освобождения рафовцев и особенно Ульрики Майнхоф – именно она рекомендовала Майнхоф в июне 1972-го остановиться у доносчика Родевальда, к аресту Майнхоф привела её ошибка. Кляйн позднее скажет на суде, что именно Кульман уговорила его осенью 1975-го принять участие в нападении на Конференцию министров.

Охранявший здание полицейский пропускает их без досмотра приблизительно в 11 ч. утра. В холле Карлос достаёт автомат. 60-летний полицейский Антон Тихлер вырывает оружие, недооценив женщину в 155 см ростом рядом с Карлосом, за что и поплатился: Крочер-Тидеман убивает его. Иракский охранник в штатском Ал*а* Сас*е*д Аль-Хафаз*и* бросается на неё, хватаясь за её автомат, но Крочер-Тидеман выхватывает пистолет и убивает его выстрелом в голову.

В зале, где заседают делегации, похитители открывают стрельбу и устанавливают взрывные устройства на дверях. Погибает сирийский экономист

Юс*у*ф аль-Азмарл*ы*. Прибывшие полицейские открывают огонь и тяжело ранят Кляйна в живот. Карлос требует медицинской помощи для Кляйна. Тот доставлен в больницу. Остальные боевики забаррикадировались в зале, требуя освобождения Майнхоф, Баадера, Энслин и Распе. Правительство ФРГ отказывается.

У властей Австрии похитители требуют заправленного самолёта, медицинской помощи Кляйну и возможности выступать с заявлениями в поддержку Народного фронта освобождения Палестины в разных странах, и получают согласие. Кляйна экстренно оперируют.

22 декабря, Вена, Алжир. Утром похитители отпускают половину заложников. С 42 заложниками (среди них все 11 министров) вылетают в Алжир. На борту и раненый Ганс Кляйн. В Алжире отпущены все неарабские заложники, Кляйн отправлен в больницу.

23 декабря, Ливия, Алжир. Самолёт вылетает в Ливию, но вскоре возвращается в Алжир. Карлос добивается выкупа в 5 млн долларов. Его команда просит политического убежища у алжирских властей.

24 (25?) декабря, Западный Берлин. Инга Ветт вновь пытается бежать из тюрьмы (возможно, с др. членами «Движения 2 июня»), на сей раз неудачно – охрана застаёт её подпиливающей решётку.

Инга Ветт

29 декабря, Алжир. Просьба команды Карлоса удовлетворена. Вскоре она вылетает в Ливию.

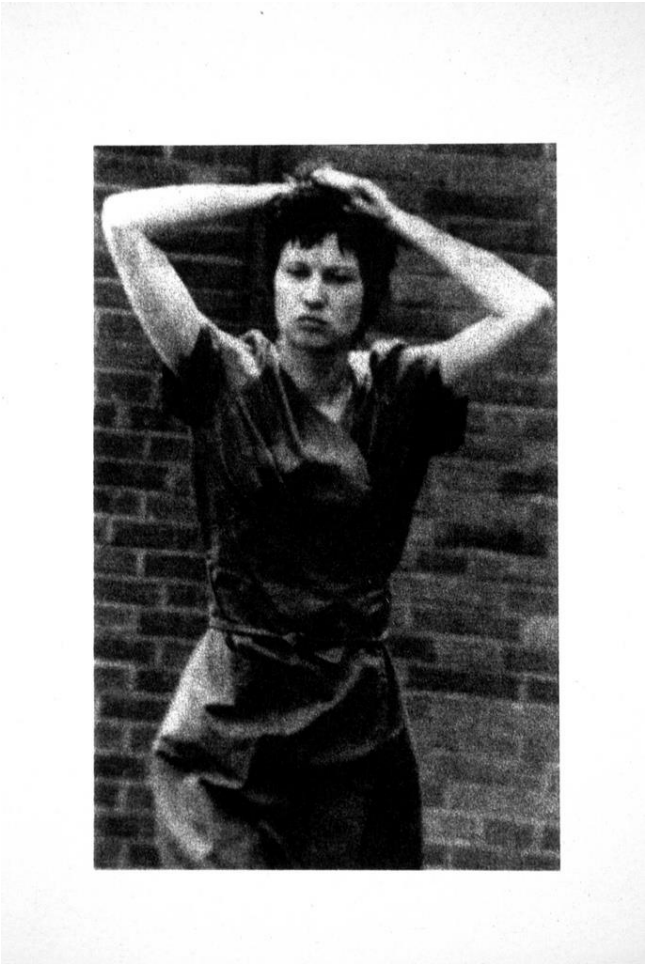
(Впрочем, сам Карлос до сих пор считает эту свою операцию провальной.)

Лето-декабрь, Штутгарт. Суд обращается в судилище всевозможными методами: подсудимых одёргивают, лишают слова, удаляют из зала, принудительно туда доставляют, отклоняют протесты, требования (особенно – по составу суда), плюс преследование адвокатов полицией: задержание, обыск офисов, конфискация рабочих документов. В результате обвиняемые перестают признавать законность суда и не отвечают на вопросы. Установление личностей подсудимых (обязательная процедура) длится 26 дней. Майнхоф, раздражённая тем, что приходится повторять одно и тоже, называет судью «жопой». «Что вы

сказали?! Повторите! – разъярённо орёт Принцинг. – Я занесу это в протокол как оскорбление!» К восторгу зала, Майнхоф громко отчётливо повторяет: «С удовольствием! Вы – жо-о-па-а!»

В результате всего этого слушание дела по существу начинается только через 8 месяцев после начала суда.

Опросы показывают: к середине семидесятых Майнхоф – самая известная женщина ФРГ.



Ульрика Майнхоф на прогулке в тюрьме Штаммхайм. Данная фотография почти всегда приводится урезанной, где Майнхоф видна по пояс

Конец года, Аден (Южный Йемен). Ряд партизан (Элизабет фон Дюк, Зигфрид Хааг и др.) встречается в учебном лагере с членами Народного фронта освобождения Палестины.

1974 или 1975, ФРГ. Гудрун Энслин последний раз упоминает в письме 7-8 летнего сына Феликса. Она хочет, чтобы его приёмных родителей сменила семья, одобренная ею в идеологическом плане.

(Приёмные родители на поколение старше Энслин и Бернварда Веспера. Отчим 5 лет провоевал во Вторую мировую.)

1975, ФРГ. Бомми Бауман выходит из РАФ, заявляя, что её проарабская позиция перерастает в антисемитизм.

Член «Движения 2 июня» Томас Зауэр убит при проверке документов. Предварительно он успел застрелить полицейского.

Вынесен ордер на арест Элизабет фон Дюк за контрабанду оружия из Швейцарии в ФРГ.

Боннская группа охраны, первоначально созданная для охраны членов правительства, а позже используемая для борьбы с партизанами, сильно разрослась: в 1969-м состояла из 143 сотрудников, теперь – из 375.

Добавилось вооружение для разгона демонстраций: конные отряды (впрочем, бывшие и при визите шаха), «химическая дубинка», собаки.

Во время одной из демонстраций конница на полном ходу, орудуя дубинками, налетает на демонстрантов в 8 000 человек, хотя демонстрация разрешена. Имеются раненые. На следующий день представитель полиции заявляет журналисту: демонстранты двигались слишком медленно, и полиция пожелала «заставить колонну продолжать движение».

Газ разрешён как крайнее средство, прежде чем пустить в ход огнестрельное оружие. Когда именно это необходимо, полицейское руководство решает по своему усмотрению.

Газ хлорацетофенон (испробованный в Ганновере) содержит канцерогенные вещества. Наносит тяжёлые увечья или приводит к смерти. Использовать его как оружие запрещено в странах Бенилюкса, во Франции, Англии, Швейцарии, Испании. Даже министр внутренних дел земли Гессен Эккехард Грис, никак не симпатизант демонстрантов, скажет 2 года спустя по радио о «химической дубинке»: «Я бы высказался решительно против попытки назвать её безобидным аэрозолем».

«Распылители» подъезжают на полицейских машинах к демонстрантам, выскакивают и «поливают» толпу ядовитым газом. Жалобы властям безрезультатны, как и протесты врачей, заявляющих, что они беспомощны, не могут помочь пострадавшим – полиция не сообщает им химического состава газа.

1976

13 января, Штутгарт. После месяца предварительных слушиваний начинается процесс над руководством Фракции Красной Армии.

13-14 января, Штутгарт. Ответчики признаются в партизанской деятельности и берут на себя всю «политическую ответственность». Свою деятельность объявляют оправданной как контратаку против империализма, в частности, ведения Вьетнамской войны.

16 января, Бонн. Уголовный кодекс ужесточен. Параграфы 88a и 130a предусматривают тюремный срок до 3 лет за распространение и хранение записей, «поддерживающих насилие».

21 января, ФРГ. Выходит на свободу Вольфганг Губер, основатель Социалистического коллектива пациентов. Он лишён права на врачебную деятельность. (Впрочем, он создаст новую организацию, существующую и

поныне, «Фронт пациентов/Социалистический коллектив пациентов», ФП/СКП.)

Конец января, Штутгарт. Дирк Хофф, сделавший бомбы для РАФ в 1972-м по просьбе Хольгера Майнса, даёт показания, арестованный после показаний ряда рафовцев. Говорит, что работал на партизан, поскольку Майнс и Распе его запугали, угрожали оружием. Однако признаёт, что получал от них деньги. На суде предстаёт одним из главных свидетелей обвинения, наряду с Герхардом Мюллером. После краткого заключения Хофф будет отпущен.

Январь, ФРГ. Федеральный конституционный суд лишает подсудимых права оспаривать своё задержание на законных основаниях. Судьи категорически отрицают, что данный процесс – политический, однако многие депутаты допускают это.

Март, Дюссельдорф. Начинается суд над членами «Социалистического коллектива пациентов» и красноармейцами, арестованными при штурме стокгольмского посольства.

Февраль-апрель, Штутгарт. Суд доказывает причастность РАФ ко взрывам штаба армии США в Гейдельберге и полицейских офисов Аугсбурга и Мюнхена.

«Мёртвые коридоры», куда Майнхоф попала первой, сказываются на состоянии узницы. Бессвязная речь сменяется беспричинным истерическим смехом, или она многими днями молчит, не причёсываясь, не умываясь, ни на что не реагируя. Адвокаты подозревают, что Майнхоф дают психотропные вещества.

Эксперты оглашают определение терроризма, данное министром внутренних дел: «Основная цель терроризма – убить побольше людей. Очевидно, террористы желают вселить в сердца людей всего мира ужас и страх». Баадер отвечает: «Я бы сказал, это очень точное определение политики

Израиля относительно палестинского освободительного движения, это очень точное определение политики США во Вьетнаме… И именно немой ужас пытается вселить в сердца людей прокуратура ФРГ, строя в тюрьмах новые мёртвые коридоры». Майнхоф добавляет: «Терроризм – это разрушение таких объектов, как дамбы, каналы, больницы, электростанции. С 1965 года США систематически бомбили в северном Вьетнаме именно такие объекты. Терроризм действует среди всеобщего страха. Городская герилья, ведущаяся нами, напротив, устрашает только государственную машину» (т. е. Майнхоф, как и Баадер, обвиняет капитализм в терроризме, используя именно официальное определение терроризма).

Ответы партизан цитируются на собраниях, в клубах, молодёжных кафе. Дело в том, что согласно определению государственного терроризма, сами же США – государство террористическое, вкупе со своими сателлитами ФРГ и Израилем. Штаммхаймский процесс начинает напоминать нацистский суд над Георгием Димитровым, из подсудимого превратившегося в обвинителя. Димитровым выступает Майнхоф, на роли Тойво Антикайнена и Никоса Белояниса годятся Баадер и Энслин.

Итак, по принципу Бланки, процитированному курсивом в «Концепции»: «*...бороться в любых условиях*», РАФ продолжает герилью и в положении подсудимых, даже наращивая свою популярность. Теперь полностью проясняется смысл слов Баадера: «Нас нельзя остановить, нас можно только убить». Он не сказал «арестовать», «засудить». Он сказал «убить».

На большинство слушаний ответчики не приходят, поскольку судьи откровенно пренебрегают нормами суда.

Ирмгард Мёллер приговорена к 4,5 лет тюрьмы, Герхард Мюллер к 10 годам. За пособничество обвинению его отпустят через 6,5 лет, тюрьмы обычной, не строгого режима (впрочем, там он подвергнется остракизму со

стороны заключённых). В дальнейшем включат в программу защиты свидетелей и снабдят новыми документами. Он отбудет в США. Счастья там не обретёт – но об этом ниже.

12 марта, Дюссельдорф. Дело писателя Петера-Пауля Захля, приговорённого к 6 месяцам тюрьмы условно за публикацию в своей газете «Агит 883» плаката Хольгера Майнса и призыва Майнхоф к созданию РАФ, а в 1974-м к 4 годам за ранение полицейского, пересмотрено. Он приговорён к 15 годам за попытку убийства. Судья добавляет, что Захль «охвачен глубокой ненавистью к нашей политической системе». В последнем слове Захль говорит о «фашизме западногерманского общества» и проводимой им «полицейской политике».

Март-апрель, Штутгарт. С 10 марта по 10 апреля Ульрика Майнхоф вновь исключена из процесса.

Без ведома Майнхоф её новый адвокат Аксель Азолла просит главу судей Принцинга облегчения режима заключения Майнхоф, поскольку уже опасается за её жизнь. Принцинг отказывает в просьбе.

Интересно послушать записи диспутов на Штаммхаймском процессе. Особенно – не знающим немецкого языка. Не зная языка, получаешь возможность слышать, как он звучит. Слышишь музыку голосов, не отвлекаясь на смысл говоримого. Зная язык, думаешь над значением произносимых слов. А тут – музыка, симфонический оркестр, где инструменты спорят друг с другом, перебивают друг друга. Ты слушаешь симфонию. Штаммхаймская симфония написана в лучших традициях немецкой (богатейшей в мире) симфонической музыки. Голоса судей, сквозь которые пробивается голос Майнхоф (легко отличимый, как единственный женский). Его обрывают, он начинает, зачинает вновь, усиливаясь, но от этого не грубея, лейтмотивом симфонии, постепенно пробивающимся сквозь хор инструментов и переплетение музыкальных тем.

Немецкий язык часто называют грубым, лающим – тут именно этот голос отличается от всех отсутствием сего недостатка. Поразительно, но по одной лишь интонации и тембру голосов видно, кто прав и кто лжёт, и что это судилище. Штаммхаймская симфония примечательна и тем, что символизирует всю холодную войну левых и правых, где – особенно в СМИ – политически правых больше, и манера диспутов та же. Свора псов, облаивающих затравленного, обложенного восставшего. Львицу. Ибо, согласно Ницше, дух из верблюда становится львом и, наконец, дитятей. Ницше так и сделал, правда, на дитятю вышла пародия в виде идиота. Карл Майнхоф, двоюродный дед Ульрики, остался верблюдом, именно филологическим, как ранний Ницше, к концу жизни прицепив к горбу нацистский партийный билет. Ульрика, латентный классик филологии, остаётся на втором этапе. Верблюдов с дитятями буржуазное общество научилось переваривать, львов не может – по определению. Львов затравливают. Сворой Судей. Сворой Спецслужб. СС. Эсэсовцами.

4 мая, Штутгарт. 106 день слушаний в Штаммхайме. Адвокаты требуют новых свидетелей: президента США Ричарда Никсона, министра обороны США Мелвина Лейрда, его заместителя Даниэля Джеймса, командующего вооружёнными силами США в Индокитае Крейтона Абрамса, федерального канцлера Людвига Эрхарда, федерального министра Густава Хайнемана, министра иностранных дел Вальтера Шееля, Генри Киссинджера, Вилли Брандта, Гельмута Шмидта, Уолтера Ши и др. Адвокаты планируют доказать причастность США к массовым убийствам в Юго-Восточной Азии. А значит, «американские мишени» красноармейцев – законные мишени, ибо в соответствии с международным правом существует право на сопротивление, а ведение США войны во Вьетнаме и антиконституционная поддержка ФРГ этой войны противоречат международному праву.

Суд отклоняет их требования на том основании, что слушания этих свидетелей не имеют отношения к уголовной оценке деяний подсудимых.

После долгого перерыва на суде по просьбе адвокатов на 15 минут появляется Ульрика Майнхоф – в последний раз, как и последний раз вообще на публике. Стоит рядом с Баадером, Энслин и Распе. Заявив, что участие ФРГ во Вьетнамской войне стало одной из причин радикализации партизан, требует предоставить им права военнопленных.

(После первоначального отказа Майнхоф согласилась с предложением адвоката Акселя Азоллы подать заявку на получение статуса военнопленного в соответствии с нормами международного права. Добавляя, что не надеется на принятие заявки и смягчение приговора, но надеется публично разъяснить свои политические мотивы и лучше подготовиться к чтению других дел.)

(Из последних выступлений Майнхоф:

– Фрау Майнхоф, у вас есть возможность высказаться, пока сенат решает, можете ли вы остаться.

– Да, я хочу сказать, что мы не забудем, что вы тут творите. И вам не удастся провести свой процесс с фальшивыми свидетелями и всеми этими полицейскими оцеплениями. В следующий раз мы не будем готовы к диалогу, потому-что вы пытали нас три с половиной года. Вам это с рук не сойдёт.

– Фрау Майнхоф исключается из дальнейшего участия в заседании. Она мешает судебному процессу и будет продолжать это делать, потому-что она не реагирует на замечания. Уведите фрау Майнхоф. Это невозможно... Что вы вытворяете, это самый настоящий фашизм!... Распе, вам слова не давали. Разве микрофон включён? Я прошу увести обвиняемую.)

Согласно воспоминаниям очевидцев, собранным историком Ютой Дитфурт, в мае 1976-го Майнхоф была спокойна. Получив возможность получасовых встреч с заключёнными товарищами, обсуждала с ними

политические и философские тексты. Один из охранников Штаммхайма вспоминал, что временами они даже смеялись.

7 мая, Шпрендлинген (округ Оффенбах). Офицер полиции Фриц Зиппель застрелен неизвестным партизаном.

9 мая, Штутгарт. В немецкий праздник, День Матери, в 09:20 Министерство юстиции Баден-Вюртемберга сообщает, что Ульрика Майнхоф покончила с собой. В 09:34 информационное агентство DPA объявляет о «самоубийстве через повешение».

Однако тогда же объявляется, что первое посмертное обследование тела проведено – профессором Йоахимом Раушке – после 09:25, а это далеко не минутное дело. То есть первое объявление о самоубийстве сделано ещё до осмотра погибшей.

С 11:45 до 12:45 в больнице Штутгарта проводится официальное вскрытие тела судебными медиками, тем же Раушке и Хансом Йоахимом Маллахом. Вывод: «смерть в результате удушения без постороннего воздействия». Адвокаты Майнхоф не допущены к наблюдению за экспертизой.

10 мая, Штутгарт. Вновь объявлено о самоубийстве Майнхоф. По официальной версии, Майнхоф повесилась на самодельной верёвке.

Газеты подробно излагают предполагаемые мысли Майнхоф перед смертью: «поняла свою ошибку», «осознала бесполезность борьбы», «смирилась со смертью».

Между тем Гудрун Энслин свидетельствует, что накануне смерти Майнхоф обсуждала с ней дальнейшую тактику защиты на суде.

11 мая, Штутгарт. По просьбе адвокатов РАФ и сестры Майнхоф, Винке Цицлаф, проведена посмертная экспертиза. Однако многие жизненно важные органы и части ткани уже удалены, что мешает определить, были ли следы борьбы, сопротивления. Председатель экспертной комиссии Вернер Янссен

сообщает: самоубийство – наиболее вероятная причина смерти, но для окончательного вывода нужен доступ к отчёту о первом вскрытии. Доступа Янссен не получает.

Сторонников Майнхоф тревожит, какие люди выбраны властями для проведения вскрытия. Ханс Маллах – бывший член нацистской партии, с 1942-го (номер билета 9.154.986), эсэсовец. (В 1977-м он незаконно сделает посмертные маски партизан.) Профессор Раушке год назад совершил вскрытие тела Зигфрида Хауснера и уже обвинялся в том, что проигнорировал рану на голове, дабы фальсифицировать причину смерти. Поспешные пресс-релизы после смерти Майнхоф почти дословно совпадают с опубликованными в апреле 1972-го, когда ошибочно сообщалось, что Майнхоф покончила с собой.

Ситуация та же, что с убийствами Бенно Онезорга и Петры Шельм – официальных версий несколько, и они не сходятся. Власти путаются с датой смерти (даже в официальных документах), называя то 8 мая, то 9. Майнхоф объявлена повесившейся на вбитом в потолок крюке, но выясняется, что это невозможно из-за 4-метровой высоты. Тогда версия меняется: заявляется, что Майнхоф повесилась на форточке. Верёвка, предъявленная следствию, оказывается неспособной выдержать вес человека. Она объявлена сделанной из носовых платков, потом – из полос разорванного полотенца. Прилив крови к голове и повреждения шейных позвонков отсутствуют. Все знающие Майнхоф утверждают, что она не покончила бы с собой без предсмертной записки. Наконец, повешение должны были заметить сразу – камеру проверяли каждые 15 минут, и дважды в сутки обыскивали.

Тюремщики говорят, что Майнхоф перед смертью рассорилась с соратниками. Красноармейцы заявляют, что это чушь.

К тому же для западных левых 8-9 мая – дни праздничные, революционер не покончит с собой в эти дни. (Победа над Гитлером на Западе празднуется 8

мая, а западные левые празднуют и 9-го.) Этот аргумент уже приводился в статьях Александра Тарасова, здесь же добавим: революционер знаменитый, знающий, что на него смотрят единомышленники со всего мира, понимающий, что его биография будет ими изучаться, тем более не выберет такую дату, дабы не омрачать праздник гибелью культового героя.

Власти отказываются провести тест гистамина, дабы определить, была ли Майнхоф ещё жива, повисая в петле.

Впрочем, вся гнусность случившегося всплывёт только в августе.

Убитая Ульрика Майнхоф

12 мая, Штутгарт. Камера Майнхоф отремонтирована. Установить по каким-либо следам, что произошло, уже нельзя.

Середина мая, ФРГ. Заключённые партизаны безуспешно требуют независимого расследования обстоятельств гибели Майнхоф.

Бригитта Монхаупт переведена в Штаммхайм.

15 мая, Европа. Ульрика Мария Майнхоф похоронена на протестантском кладбище Святой Троицы района Мариендорф Западного Берлина. Самоубийц там не хоронят, но священники не сочли её самоубийцей. За гробом идут 4 500 студентов в чёрных масках, с чёрно-красными знамёнами, многие со сжатыми в рот-фронтовском приветствии кулаками. Они несут траурную ленту с эмблемой РАФ, надпись гласит: «Товарищ Ульрика, революция отомстит за тебя».

Первым с надгробной речью выступает Клаус Вагенбах (возможно, участник освобождения Андреаса Баадера).

Погребальной церемонией руководит пастор и профессор Гельмут Голвицен, отпевавший Бенно Онезорга. Голвицен называет Майнхоф «самой значительной женщиной в нашей политике после Розы Люксембург».

Рената Римек не приходит на похороны и не пускает на них детей Майнхоф. Последних она будет в дальнейшем всячески настраивать против матери. С одной из них это удастся на славу.

В тот же день по всей ФРГ проходят демонстрации памяти Ульрики Майнхоф.

В Гамбурге, Бремене, Ганновере, Кёльне, Киле, Любеке и Дортмунде демонстрации перерастают в бои с полицией.

Во Франкфурте-на-Майне взорвана бомба на военной базе США.

В тот же день проходят демонстрации солидарности в Лондоне, Барселоне, Вене, Инсбруке, Брюсселе, Антверпене, Париже, Гренобле, Лионе, Милане,

Турине, Риме, Флоренции, Венеции, Генуе, Берне, Женеве, Гааге, Амстердаме и Белграде.

Во Франции, Испании и Италии правительственные и коммерческие представительства ФРГ подвергаются вооружённым атакам.

Начинает проясняться, что «железный путь» («Моби Дик») Майнхоф не прерван. Дальнейшие события покажут, что Баадер несколько недооценивал возможности РАФ, и особенно Майнхоф, говоря: «Нас нельзя остановить, нас можно только убить».

(В результате в 2000-х появится песня-клип турецких леворадикалов о Майнхоф под названием: «Меня не убьёте!».)

«Иногда я думаю, что она (Майнхоф – Л.) была вся – одно только сердце, и ещё она была исключительно последовательна в своих действиях. Быть последовательным – значит, быть логичным и идти до конца. Она до конца – прошла» (http://colonelcassad.livejournal.com/1248300.html).

Похороны Ульрики Майнхоф

10 июня, ФРГ. Дело об обстоятельствах смерти Ульрики Майнхоф закрыто.

28 июня, Штутгарт. 121 день слушаний. Адвокаты представляют 5 свидетелей в доказательство того, что США совершают международные преступления во Вьетнаме, пользуясь территорией ФРГ и пособничеством западногерманских властей. Суд отклоняет свидетелей.

27 июня – 4 июля, Энтеббе (Уганда). Пассажирский самолёт «Эйр Франс», следующий из Тель-Авива в Париж, с 250 пассажирами, угнан и приземляется в Энтеббе. Среди похитителей – Карлос и Бригитта Кульман (под псевдонимом «Халима»). Командир – Вильфрид Бёзе.

Угонщики требуют освобождения 53 политзаключённых различных стран, в том числе 40 палестинцев из тюрем Израиля, Кении, Франции и Швейцарии, и 6 членов РАФ и «Движения 2 июня» – Яна-Карла Распе, Ингрид Шуберт, Вернера Хоппа, Фрица Тойфеля, Ральфа Райндерса и Инги Ветт.

Прежде чем немцы отреагировали, боевики соглашаются отпустить пассажиров-неевреев, и остаётся ок. 100 заложников (не только граждан Израиля). 4 июля израильский спецназ штурмует самолёт и освобождает заложников. Большинство угонщиков погибает.

Среди погибших и 29-летняя Бригитта Кульман. По образованию была педагогом. Любимое увлечение – писать стихи.

Итак, хотя Кульман не удалось вызволить Майнхоф или других красноармейцев, но свою – невольную – вину пред Майнхоф она искупила жизнью. Похоронена в Уганде (поначалу Кульман спутали с Габриэлой Крочер-Тидеман). В итоговой декларации РАФ Бригитта Кульман будет упомянута с благодарностью и уважением.

Убит также израильский полковник Джонатан Нетаньяху.

7 июля, Западный Берлин. Красноармейка Моника Берберих сбегает из тюрьмы Лертер вместе с членами «Движения 2 июня» Ингой Ветт, Габриэлой Роллник и Юлианой Пламбек. Подавив сопротивление 2 тюремных служащих, они перебрались через стену и скрылись.

8 июля, Штутгарт. 124 заседание на Штаммхаймском процессе. Герхард Мюллер, арестованный вместе с Майнхоф и сломленный пыткой бессоницей, свидетельствует против соратников. Он детально описывает структуру РАФ.

21 июля, Западный Берлин, Афины. Моника Берберих схвачена в Берлине. Бежавшие вместе с ней Инга Ветт, Габриэла Роллник и Юлиана Пламбек перебираются в Багдад. В дальнейшем Ветт проведёт 3 месяца в палестинском тренировочном лагере под псевдонимом Интиссар.

Рольф Похл арестован в Афинах, и вновь при попытке купить оружие. ФРГ грозит Греции экономическими санкциями, если Похла не выдадут до октября. 1 октября его экстрадируют в ФРГ. (Любопытно, что его греческий адвокат по процессу об экстрадиции позднее станет министром юстиции Греции, а судья первой инстанции, отклонивший экстрадицию – президентом Греции.)

22 июля, Штутгарт. Заключённая красноармейка Бригитта Монхаупт доставлена в Штаммхайм как свидетель. Монхаупт заявляет, что будет отвечать только своим адвокатам, добавляя: «отношения между нами и судом, судебной системой и федеральным прокурором – это состояние войны» (Питер Бакер Шут, диссертация «Штаммхайм»).

Этот львиный рык уже выдаёт стиль поведения «железной Бригитты» (прозвище появится в ближайшем будущем). Через несколько месяцев она освободится – и спецслужбы не раз куснут себе локти, что не убили её вместе с Майнхоф.

Бригитта Монхаупт

28 июля, Штутгарт. 131 день слушаний в Штаммхайме. Красноармеец Клаус Юншке свидетельствует против предателя Мюллера. Конечно, он не собирается ограничивать ведение герильи словами, только потому, что сидит на скамье подсудимых. Вскочив, Юншке перепрыгивает через стол, прорывается к

председательствующему судье Принцингу, валит его на пол и с возгласом: «Это тебе за Ульрику, свинья!» пытается его задушить. (Это ему припомнят год спустя, приговорив к пожизненному заключению за убийство полицейского в Кайзерслаутерне, хотя не доказано, что Юншке вообще был там во время убийства.) Высвобожденный Принцинг сдавленным голосом твердит, что Юншке нужно прописать седативные препараты.

Начало августа, ФРГ. По инициативе адвоката Отто Шили создана международная комиссия по расследованию обстоятельств смерти Майнхоф.

Из доклада комиссии:

«По просьбе международной комиссии по расследованию, её член, нейропсихиатр д-р Майер из Майена говорит о фактах касаемо смерти Ульрики Майнхоф. Он подготовил доклад в связи с имеющимися отчётами и фотографиями вскрытия.

“Моя задача – изложить факты о смерти фрау Ульрики Майнхоф и сделать выводы, насколько это возможно. [...]

Материал, имеющийся у нас – это отчёт о вскрытии профессоров Маллаха и Раушке и отчёт проф. Янссена. Ряд результатов микроскопических и др. исследований ещё не обнародован. В результате фактический материал неполон, и выводы ещё нельзя сделать полностью.

[...]

Все три доклада выводят, что Ульрика Майнхоф покончила жизнь самоубийством через повешение. В обзоре Маллаха-Раушке сказано: «...фрау Майнхоф встала на стул, накрытый матрацем, под окном, дважды обвязалась под подбородком полоской от полотенца и шагнула со стула вперёд, чтобы повиснуть на оконной раме, а вскоре после этого потеряла сознание и умерла в результате удушения».

Нужно отметить: фрау Майнхоф не могла шагнуть в пустое пространство, так как стул стоял перед ней, мешая это сделать. Она не висела свободно на оконной раме, поскольку левая нога была на стуле. Кроме того, этот отчёт основан на совершенно ложных фактах”.

Майер подробно излагает ошибочность данных Раушке сведений о длине полотенца, необходимого для данного повешения, о расхождении между приводимыми – по официальной версии – и необходимыми цифрами. Расхождение в отдельных случаях достигает 100 % – 34 и 68 см.

Далее говорит эксперт профессор Пфайер, директор Института исследований мозга Тюбингенского университета: «...это удушение – другая причина смерти не может быть установлена. Решающими критериями для всех экспертов являются положение повязки, её длина и следы удушения. Янссен, Маллах и Раушке заявили, что фрау Майнхоф была ещё жива при повешении, но доказательств этого нет. [...] Несомненное доказательство того, что Ульрика Майнхоф была ещё жива при повешении, не предоставлено. С другой стороны, можно утверждать, что её в этот момент уже не было в живых».

Далее Пфайер объясняет, что при рассмотрении дела и цифр, приводимых в отчётах о вскрытии, о длине полотенца и петли, данная петля не могла удержать голову человека. «Любой может легко убедиться, что из петли этого диаметра можно легко вытащить голову. Применение подобных петель широко распространено в медицине и не представляет никакой опасности. Чтобы висеть в ней, вы должны прижимать подбородок к груди, ибо в противном случае петля не удержит тело. Но держать подбородок в таком положении можно, лишь пока человек пребывает в сознании. С потерей сознания мышцы ослабевают, и человек выпадет из петли. Голова подастся назад, петля подтолкнёт голову за подбородок вверх. Фиксация петли будет уже невозможна». «Даже труп не будет висеть в таком состоянии часами». Пфайер

поясняет, что и сами инценировавшие самоубийство сомневались насчёт «стабильности повешения», т. е. удержится ли тело в петле. «Так или иначе, они добились большей устойчивости, поставив левую ногу трупа на стул перед ней. У окоченевшего трупа вытянутая нога выглядит как деревянная палка, поддерживающая вес. [...] Кроме того, плечи трупа сдвинуты вперёд, в качестве противовеса. Левую ногу положили на стул только в состоянии явного окоченения, и потому нога осталась в данном положении».

Далее Пфайер говорит об обстоятельствах касаемо лампочки в камере Майнхоф. В Штаммхайме в 22 ч. лампочки и люминесцентные лампы выкручиваются и уносятся тюремщиками. Но в камере Майнхоф лампочка осталась. Только вот с уничтоженными отпечатками пальцев. «Факт, что лампочка была завинчена, несовместим с версией самоубийства».

«Следы отпечатков пальцев на лампочке стёрты, а сохранившиеся фрагменты не идентифицируются с отпечатками пальцев Ульрики Майнхоф.

Этот результат, указывающий на присутствие третьих лиц в камере Ульрики Майнхоф в ночь с 8 на 9 мая, не был доведён ВКА до сведения прокуратуры до 25 июля».

Сотрудник пенитенциарной службы Ренате Фреде при первом допросе в ВКА 9 мая сказала: «В соответствии с режимом Штаммхайма, в 10 часов вечера я забрала неоновые трубки и лампочки из камер фрау Энслин и фрау Майнхоф». 11 мая её допрашивают снова, притом без указания прокуратуры, и теперь она говорит: «Я ошибочно заявила на первом допросе, что открыла камеру Майнхоф для получения лампочки. Это было не так. Я не открывала двери камеры».

Далее поясняется, что никто не может уверенно говорить о желании Майнхоф покончить с собой, даже наблюдавшие её, это непредсказуемо и не всегда определяется наблюдением. «Однако, проблема с Ульрикой Майнхоф в

другом. Не в том, были ли у неё суицидальные мотивы, но почему она не написала прощальное письмо. Отсутствие прощального письма является решающим фактором. Оно противоречит всему, что мы знаем о ней. Она не отказалась от своих убеждений, знала, что у неё есть последователи, и не могла уйти без объяснительного слова. Точно так же она оставила бы сообщение сестре, которой говорила ранее: “Если ты услышишь, что я убила себя, можешь быть уверена, что это убийство!”». «Слышанное нами о её поведении в последние дни не говорит в пользу профессора (официальной версии – Л.)». «Нет никаких признаков того, что Ульрика Майнхоф страдала болезнью, характеризующейся серьёзными нарушениями сознания».

Выясняется также, что полотно полотенца, якобы использованного для повешения, нельзя прикрепить к оконной решётке без подходящих инструментов.

«Решётка имеет квадраты 9мм/9мм – невозможно вытащить такую полосу через решётку без инструментов. Невозможно было найти подходящий инструмент, например, пинцет. [...]

Пинцет необходим, чтобы потянуть закрученную полосу обратно через решётку».

Далее подробно разъясняется, что полоса от полотенца не оторвана от полотенца Майнхоф, что ясно из сравнения ширины полос и полотенца.

«В камере фрау Майнхоф были найдены ножницы и нож для столовых приборов как единственные режущие инструменты. Уголовное расследование не обнаружило на обоих ни одного текстильного волокна».

«Наличие стула (в камере Манйхоф – Л.) впервые появляется у Раушке, в судебно-медицинском отчёте и отчёте КРИПО (ВКА – Л.)». Далее показывается, что, согласно одним отчётам, матрац в камере был, согласно

другим – нет. «Стул должен был сразу же опрокинуться при предполагаемых рефлекторных движениях...».

«Ульрика Майнхоф всегда спала на одеяле из верблюжьей шерсти, на котором было вышито имя “Андреас Баадер”. Это одеяло отсутствовало при осмотре камеры. В соответствии с документами, оно не конфисковано следователями государственной безопасности. Оно не должно было оказаться вне тюрьмы».

«Из записей показаний Гудрун Энслин известно, что вечером Ульрика Майнхоф была в выцветших джинсах и красной блузке, когда же её нашли повешенной, на ней были чёрные вельветовые брюки и серая хлопковая блузка с длинными рукавами. Почему следствие не смогло определить, где одежда, бывшая на Ульрике Майнхоф вечером?».

«Из краткого изложения перечисленных и задокументированных противоречий, фактов и указаний, как медицинского, так и криминалистического характера, следует исключить самоубийство как причину смерти. Логическим следствием компиляции этих фактов должно стать расследование убийства».

Независимая британская экспертиза также отказывается считать самоубийство доказанным. Более того, всплывает факт изнасилования – до или после смерти.

Из доклада английских врачей от 13 августа:

«9 мая 1976 года мир узнал, что Ульрика Майнхоф “совершила самоубийство” [...].

С тех пор стало известно множество фактов, серьёзно ставящих под сомнение официальное представление дела. Эти факты ставят важные вопросы не только для политически убеждённых людей, но и для всех обеспокоенных гражданскими свободами.

Неужели Ульрика Майнхоф действительно умерла вследствие самоубийства? Или из-за сердечной недостаточности, возникшей в результате давления, оказанного на её шею другим человеком? Учинено ли сексуальное насилие над Ульрикой Майнхоф, до или после её смерти?

Совершено два вскрытия тела Ульрики Майнхоф. [...]

Оба отчёта поступили к нам. Мы считаем важным, чтобы результаты достигли максимально широкой известности. Выводы глубоко тревожат, как в том, что они говорят, так и в том, что оставляют неизвестным.

Рассматривая это дело, мы хотим избежать обычных манипуляций и искажений (в конечном счёте, преднамеренных) фактического материала, того мрачного разгула, что характеризует столь многие церкви и политические группы. Политика Ульрики Майнхоф не была нашей. Но не это нас беспокоит. [...]

В официальном докладе о вскрытии упоминается, что тело Ульрики Майнхоф было найдено, когда она ещё опиралась левой пяткой на стул, на который она якобы взобралась. Иными словами, “падения” тела с заметной высоты не произошло. Если бы это было самоубийство, то смерть должна была наступить от асфиксии. [...]. Одной из важнейших характеристик удушающей асфикции является предотвращение возврата крови из головы. [...].

Оба вскрытия показывают, что такого кровотечения не обнаружено.

И не обнаружены набухание глаз и вспухание языка, и цианоз (посинение) лица, как это обычно бывает при удушье.

На шее не было кровоподтёков от “скрученного полотенца”, на котором заключённая якобы повесилась. Эти результаты как минимум необычны для смерти от асфиксии. С другой стороны, они вписываются в версию смерти от давления на сонную артерию, могущего привести к остановке сердца.

Есть и другие беспокоющие факты. Результаты обоих вкрытий говорят о кровоизлиянии во внешние половые органы и синяках на ягодицах. Оба вскрытия упоминают синяк на левой ягодице, покрытый свёрнутой кровью. [...]. Рассмотрение трусов заключённой во время первого вскрытия показало подозрительные пятна. Химический анализ на наличие спермы дал положительный результат».

18 августа, Бонн. В уголовный кодекс добавлена статья 129a, согласно которой преступлением считается само членство в «террористической организации». Введён принцип «коллективной ответственности» – каждый член организации отвечает за все поступки товарищей, даже если только что вступил в их ряды и вообще не знает о многих их акциях. Раньше так относились только к Майнхоф как руководителю РАФ, теперь это относится ко всем подпольщикам. В дальнейшем это положение будет использоваться – и используется поныне – только против ультралевых, но не ультраправых.

Август, Гамбург. В суд Гамбурга доставлен Кей-Вернер Аллнах. За 2 года тюрьмы у него начался рак кишечника. Аллнах отказывается свидетельствовать против товарищей.

Октябрь, ФРГ. Рольф Хайслер, один из освобождённых в 1975-м «Движением 2 июня», возвращается в ФРГ из Южного Йемена.

30 ноября, шоссе в 444 км от Буцбаха. Арестованы Зигфрид Хааг, бывший партнёр адвоката Клауса Круассана, и Роланд Майер. Хааг ушёл в подполье после ареста Баадера, Майнхоф и Энслин, чтобы освободить их. В бумагах Хаага и Майера найдены описания планируемых акций.

13 декабря, Вена. Вальтрауд Боок, Сабина Шмитц и Балтрад Бук, товарищи Хаага, арестованы после неудачного налёта на банк.

1976, ФРГ, Южный Йемен. В РАФ вступает Зиглинда Хофман, 31 года, из бывших членов «Социалистического коллектива пациентов», ранее бывшая

сиделкой, ухаживаюшей за стариками и инвалидами. В этом же году Хофман проходит боевую подготовку в лагере Народного фронта освобождения Палестины.

Освобождена Кармен Кролл, арестованная в 1972-м и едва не убитая огромной дозой эфира. Она переедет в Италию, где станет медсестрой.

1977

Январь, Штутгарт. Ирмгард Мёллер переведена в тюрьму Штаммхайм, где находятся Андреас Баадер, Гудрун Энслин, Ян-Карл Распе, Ингрид Шуберт и Бригитта Монхаупт.

5 января, граница ФРГ со Швейцарией. Перестрелка Кристиана Клара с полицией. Промахиваются обе стороны.

10 января, Штутгарт. 171 день слушаний в Штаммхайме. Адвокат Отто Шили представляет информацию, согласно которой Верховный судья Теодор Принцинг противозаконно передавал копии судебных процессов судье апелляционного суда Альбрехту Майеру. Более того – Майер, в свою очередь, также незаконно передавал прессе следственные материалы с целью дискредитации РАФ. Адвокат Кинзель просит приостановить судебное разбирательство до выяснения этого вопроса. Просьба отклонена. Кинзель в знак протеста покидает зал суда.

25 января, Штутгарт. Председательствующий на процессе красноармейцев Теодор Принцинг отстранён от процесса после 84 обращений адвокатов. Его заменяет судья Эберхард Фот.

8 февраля, Штутгарт. 27-летняя Бригитта Монхаупт выходит из тюрьмы. Она сразу переходит на нелегальное положение, начав борьбу за освобождение соратников. В 1977-1982 гг. «железная Бригитта» руководит 2 поколением РАФ.

Бригитта Монхаупт

Февраль, Гамбург. Кей-Вернер Аллнах осуждён за членство в РАФ.

Журнал «Шпигель» раскрывает в ходе журналистского расследования, что Федеральная служба разведки и Федеральное ведомство по охране конституции прослушивали квартиру топ-менеджера в сфере атомной энергетики Клауса Трабе, поскольку он контактировал с людьми, «близкими к кругу преступников, применявших насилие».

Разгорается скандал. Снова встаёт вопрос о прослушивании камер красноармейцев.

Начало 1977, ФРГ. В университетских городках закрывают ряд книжных магазинов за продажу «литературы, поддерживающей криминальные элементы» (фактически: левой литературы).

16 марта, Штутгарт. Власти признаются: 7 камер красноармейцев дважды прослушивались – во время захвата стокгольмского посольства и в 1976-м. (После суда станет известно: камеры красноармейцев были напичканы микрофонами, прослушивались даже комнаты для бесед с адвокатами.)

Март, Франкфурт-на-Майне. Выходит в свет изобличающая западногерманское общество книга «Путешествие (роман-эссе)» Бернварда Веспера, супруга Энслин, оставшегося ей верным после её ухода к Баадеру, пытавшегося облегчить подпольную жизнь Энслин и покончившего с собой в 1971-м.

29 марта, Штутгарт. Гудрун Энслин, Андреас Баадер и Ян-Карл Распе появляются на суде в последний раз. Манфред Кинзель, назначенный судом адвокат Энслин, цитирует подслушанные фразы красноармейцев в камерах.

Начало голодовки партизан, с требованием «обращения, отвечающего минимальным гарантиям Женевской конвенции 1949 года, в особенности статьям 3, 4, 13, 17 и 130» (Заявление о голодовке).

Ян-Карл Распе

Распе называет Генерального прокурора ФРГ Зигфрида Бубака организатором убийства Майнхоф: «Это чёткое, холодно продуманное убийство – так, как убили Хольгера Майнса, как убили Зигфрида Хауснера. Если бы Ульрика решила умереть, если бы она видела в этом единственную возможность сохранить свою революционную волю от медленного разрушения в агонии изоляции, она бы сообщила это нам или, в крайнем случае, Андреасу: таковы были их отношения... Всё время, как я наблюдал отношения между Андреасом и Ульрикой, а это почти семь лет, их отличали нежность, чувство достоинства и определённость. И я считаю, что именно благодаря такому характеру отношений Ульрика продержалась восемь месяцев в ”мёртвом тракте”. Это были отношения, которые могли бы развиться между братом и сестрой, объединёнными общей целью… Разговор о “противоречиях”, “отчуждении” между Ульрикой и Андреасом, Ульрикой и нами, заведённый, чтобы этим примитивным и грязным приёмом превратить убийство Ульрики в акт психологической войны против нас – в этом весь Бубак и его глупость. Ни одна из этих попыток до сих пор не доказывала ничего, кроме факта, что нынешняя власть в ФРГ – фашистская».

Эта речь решает судьбу Бубака.

Ульрика Майнхоф, Андреас Баадер

Да, я хочу сказать, что мы не забудем, что вы тут творите. [...] Вам это с рук не сойдёт.

Ульрика Майнхоф

7 апреля, Карлсруэ. Начало контрнаступления РАФ. Красноармейцы называют его «Наступление – 77».

Генеральный прокурор генерал Зигфрид Бубак, член нацистской партии с 1940 г., «воплощение постфашистского полицейского государства Федеративной республики» (Гудрун Энслин), и его телохранители Вольфганг Гебель и Георг Вюрстер расстреляны партизанами «Коммандо им. Ульрики Майнхоф». Когда «мерседес» прокурора, едущего на работу, начинает останавливаться на красный сигнал светофора, к нему с правой стороны подъезжает мотоцикл Suzuki 750 GS с водителем и пассажиром в защитных шлемах. Пассажир производит 15 выстрелов из пистолета-пулемёта. Автомобиль, прокатившись несколько метров, врезается в ограждение. Приехавшая полиция поначалу полагает, что произошла обычная авария.

Участники акции – Кристиан Клар, Кнут Фолькертс и Гюнтер Зонненберг, предположительно также Верена Беккер и Штефан Вишневски; организатор – Бригитта Монхаупт. В этот день она находится в Амстердаме, где узнаёт об успехе операции по телефону.

Сами партизаны назвали эту акцию «операция Маргарин» – в то время был популярен бренд маргарина под названием SB, а это инициалы Зигфрида Бубака.

9 апреля, Франкфурт-на-Майне. В офис Немецкого агентства печати приходит заявление «Коммандо им. Ульрики Майнхоф»: «Это – за Ульрику Майнхоф». Чуть позже: «Бубак нёс прямую ответственность за убийства Хольгера Майнса, Зигфрида Хауснера и Ульрики Майнхоф. Мы не допустим, чтобы наших бойцов убивали в западногерманских тюрьмах. Прокуратура не видит иного способа остановить борьбу среди арестантов, кроме их уничтожения. Мы не допустим, чтобы прокуратура и федеральная служба безопасности мстили пойманным товарищам за акции, совершаемые нами на свободе. Мы не допустим, чтобы прокуратура использовала четвёртую

голодовку заключённых, требующих выполнения элементарных прав человека, для убийства Андреаса, Гудрун и Яна».

21 апреля, Штутгарт. Последний день для предъявления доказательств на суде над командирами РАФ.

28 апреля, Штутгарт. Гудрун Энслин, Андреас Берндт Баадер и Ян-Карл Распе приговорены к пожизненному заключению за 4 совместно совершённых убийства, 27 убийств, явившихся результатом нападений, 34 покушения на убийство, грабежи, поджоги и создание преступной организации, подрывавшей общественную безопасность.

После почти 2 лет, 192 дней чтения доказательств и 15 млн долларов, потраченных на процесс, дело закончено. Штаммхаймский процесс стал одним из самых долгих и дорогих в истории послевоенной Германии. Объём обвинительного заключения составил 354 стр., файлов процесса – ок. 50 000 стр. Прокуратура вызвала 997 свидетелей (в том числе мать Баадера, сестру и родителей Энслин, бывшего мужа Майнхоф Клауса Рёля, родственников Распе и Майнса). Задействованы 80 экспертов и 1 переводчик, представлены тысячи вещественных доказательств.

Единственный представитель прессы, проследивший весь процесс – Ульф Г. Штубергер (он же был первым журналистом на месте убийства генпрокурора Бубака).

Энслин подчёркивает в последнем слове, что командование РАФ не раскаивается в вооружённой борьбе с неофашизмом: «Если мы о чём и жалеем в действиях РАФ-72, так это о несоответствии между нашими головами и руками и B-52». (B-52 – бомбардировщики США, убившие ок. миллиона мирных жителей Индокитая ковровыми бомбардировками.)

Гудрун Энслин

Адвокаты настаивают на необходимости пересмотра дела.

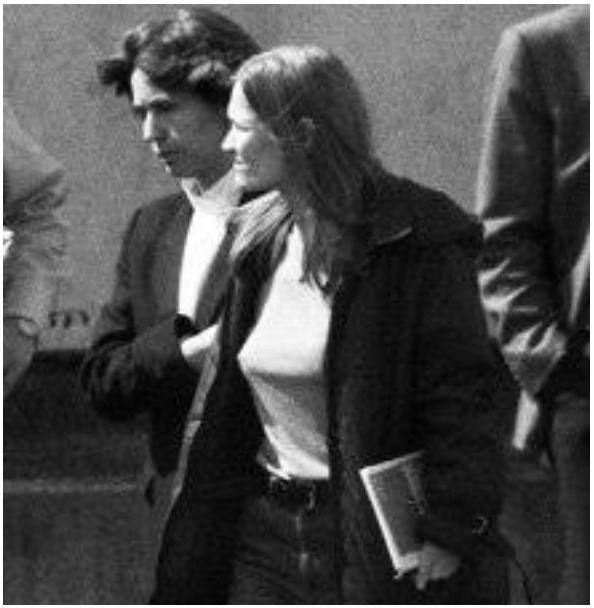
30 апреля, Штутгарт. Узникам Штаммхайма наконец обещают, что дадут им возможность временами встречаться в общем помещении. Протесты организации «Международная амнистия», сотен французских, английских, бельгийских и американских теологов, судей, адвокатов и профессоров юриспруденции против «режима мёртвых коридоров» возымели действие.

Апрель, Штутгарт, Багдад. Заключённые партизаны временами пытаются прокричать что-нибудь друг другу, главным образом по ночам. Но крики почти неразборчивы, поскольку гулко раздаются в коридоре. Надзиратели, прознав об этом, прибивают к дверям матрацы из пенорезины.

Общаться наедине нельзя даже с врачом. Когда у Ингрид Мёллер неожиданно распухает горло, она требует приватной беседы с врачом, подозревая отравление тюремной пищей. Но получает отказ, даже если это будет тюремный врач.

Со 2 апреля до мая рафовцы проводят голодовку, пытаясь добиться признания их статуса военнопленных и совместного содержания.

Бригитта Монхаупт и Петер-Юрген Боок в Багдаде ведут переговоры с Вади Хаддадом (1927-1978), сооснователем и одним из наиболее леворадикальных представителей Народного фронта освобождения Палестины.



Бригитта Монхаупт

3 мая, Зинген. Арест Верены Беккер (перешедшей в РАФ из «Движения 2 июня» в 1975-м, псевдоним «Сола») и Гюнтера Фридриха Зонненберга. Двое полицейских ведут их к своей машине. Партизаны выхватывают оружие и вступают в перестрелку. Им удаётся бежать, захватив проезжающую машину. За ними мчатся полицейские. Партизаны, выехав на тупиковую улицу, бросают

автомобиль и пытаются убежать. После возобновлённой перестрелки они вновь схвачены. Ранены Зонненберг (в затылок), Беккер (в бедро) и оба полицейских, в частности Вольфганг Зелигер. В машине красноармейцев найден пистолет-пулемёт.

Власти отказывают Зонненбергу в лечении и помещают в «систему мёртвых коридоров». 4 недели Зонненберг проводит в коме. Он полупарализован, потерял дар речи и заболел эпилепсией. Адвокаты не могут добиться освобождения Зонненберга по состоянию здоровья. Тогда они требуют дать ему сокамерника, чтобы он учился говорить, слыша чью-то речь, наконец, чтобы кто-то был рядом во время припадков эпилепсии. Тюремщики ограничиваются тем, что ставят в его камере телевизор. 23-летний Гюнтер Зонненберг, человек «фантастической силы воли» (оценка Александра Тарасова, в чьих устах эти слова дорогого стоят), в условиях тотальной изоляции и с посттравматической эпилепсией долгими тренировками вновь обретает дар речи, самостоятельно учиться ходить, одеваться, есть, пить, говорить и писать. При этом участвует во всех коллективных голодовках, требуя перевода в обычную камеру. Адвокаты показывают его судьям, дабы он самостоятельно рассказал о своём состоянии. «Отлично, – заявляет судья, – он научился говорить. Значит, опасаться нечего».

Май, Штутгарт. Тюрьма Штаммхайм готовится принять осуждённых красноармейцев. Их решено изолировать от других заключённых в отдельном крыле. 7 этаж срочно реконструирован. На волю попадает записка: «Существует чёткий план нашего убийства. Сдаться мы не можем. Поторопитесь. Больше сказать нечего».

25 апреля – май, ФРГ. 25 апреля в студенческой газете Гёттингенского университета опубликован некролог на смерть генпрокурора Зигфрида Бубака объёмом ок. 3 страниц, озаглавленный «Отрыжка». Автор представляется

«городским индейцем» и подписывается «Мескалеро», по имени индейского племени апачей. (В 2001-м выяснится, что это был 30-летний литературовед Клаус Хюльброк.) Казнь Бубака в некрологе названа «ненамеренной служебной помощью правосудию». Далее: «Стратегия ликвидации – это стратегия правящих кругов. Почему мы должны её копировать?». О Бубаке сказано: «Я знаю, что он сыграл важную роль в преследовании, криминализации и пытках левых». «Я не могу и не хочу скрывать тайную радость» (от казни Бубака). Далее выражается опасение, что «левые, так поступающие, будут названы такими же убийцами, как Бубак».

СМИ цитируют и критикуют «тайную радость» автора, но не публикуют 2 часть статьи, содержащую частичный отказ от насилия, порицание людей, берущих на себя ответственность решать, какие лица являются «подходящими жертвами». Т. е. СМИ сами же выставляют текст не просто левым, а леворадикальным, хотя текст содержит и критику РАФ. Ирмгард Мёллер вспомнит в 2002-м в интервью О. Тольмайну о впечатлении рафовцев от некролога: «В политическом плане мы считали его скорее злым. Это напоминало какое-то вымученное веселье, когда “Мескалеро” назвал свой текст “Отрыжка”. Или такие формулировки: левые должны “развивать такие понятия насилия и вооружённой борьбы, которые наполнены радостью и причастными к этому массами” – в такой ситуации и при такой теме это было неуместно. Но мы, конечно, также отметили, что текст совершенно по-иному был воспринят сторонниками государства, а именно как солидаризация с нами, и вызвал почти уже реакционную истерию. Кроме того, очень показательным было поведение леволиберальной буржуазной общественности. Некоторые из профессоров, опубликовавших текст, чтобы его все могли прочитать, быстро покаялись, когда им стали угрожать дисциплинарными мерами».

29 апреля организация Христианско-демократических студентов подаёт против Мескалеро (Хюльброка) заявление с обвинением в уголовном преступлении. Подаёт его и президент ландтага Нижней Саксонии Хайнц Мюллер. Вместе с сотрудниками гёттингенской газеты и всеми перепечатавшими статью набирается более 140 обвиняемых, в частности 13 преподавателей Гёттингенского университета и 35 их коллег по всей ФРГ.

Студенческая газета Гёттингена и многие десятки лиц оштрафованы. В Аугсбурге 29-летний мужчина за распространение некролога приговорён к 6 месяцам тюрьмы. Преподавателям ВУЗов, издавшим статью в виде брошюры, угрожают дисциплинарными мерами взыскания и осуждают за разжигание розни и призывы к насилию (хотя статья Мескалеро именно против насилия). При этом сам некролог почти никто не читал – но им почти все возмущаются. (Очевидно, формула «я не читал, но скажу» не является левой или специфически советской – западногерманские научные сотрудники повели себя также, как и рабочие и колхозники СССР, поносившие Пастернака.)

Ряд профессоров, др. членов университета и адвокатов публикуют 2 версию брошюры, дополненную предисловием. 48 издателей, в том числе 17 из Бремена, 14 из Западного Берлина и 10 из Ольденбурга, критикуют реакцию государства и общества и требуют «публичного обсуждения всей статьи» (т. е. именно всей): «Этот некролог вызвал репрессии: его распространение преследуется руководством судебной системы, полиции университетов; в средствах массовой информации, даже в буржуазно-либеральных газетах, этот некролог объявлен ”больным”, моделью “голого фашизма” (во “Франкфуртском обозрении”). Полный текст нигде не опубликован; напротив, главное намерение статьи – отказ от насилия – скрывается».

Студенты публикуют копии брошюры в студенческих газетах. Им приходиться расплачиваться штрафами и проблемами с руководством университетов.

Нижнесаксонский министр науки Эдуард Пестель предлагает профессорам Нижней Сакосии подписать заявление о раскаянии: «В связи с расследованием нижнесаксонского правительства об издании документа “Некролог на смерть Бубака” я заявляю: При любых обстоятельствах я отвергаю убийство или любое применение насилия в нашем свободном демократическом правовом государстве. Поэтому я осуждаю террористические действия и любые попытки оправдать их. Я сознаю, что я как должностное лицо возлагаю на себя долг верности государству. Этот долг требует большего, чем просто формально правильное, но рассудительное, внутренне отчуждённое отношение к государству и конституции... Соблюдая все нормы, я осуждаю автора и содержание так называемого “Некролога на смерть Бубака”».

Профессор Петер Брюкнер (когда-то приютивший на ночь Майнхоф), несмотря на ожесточённые нападки на него, не подписывает заявление. В октябре в связи с этим Брюкнера отстранят от его должности. Это постановление отменят через 4 года, в октябре 1981-го.

В мае в журнале «Революционный горн» леворадикальная группа «Революционные ячейки» одобряет казнь Бубака: «Бубак убран в нужный момент. Миф о неприкосновенности полицейского государства пошатнулся».

Весна, Штутгарт, Дюссельдорф. 27-летний Вилли-Петер Штоль, давний симпатизант партизан, поселяется в штутгартской коммуне, где в подпольной типографии печатает листовки и брошюры РАФ. Той же весной вступает в РАФ. Живёт на конспиративной квартире в Дюссельдорфе.

Штоль – друг Кристиана Клара. О нём также все отзываются как о добром, мягком и чувствительном человеке. Он также с юности поборник социализма.

Как и Майнхоф с Энслин, он начал с пацифизма и вырос в религиозной (протестантской) и буржуазной семье. Порвал с родителями.

2 июня, ФРГ. Красноармеец Клаус Юншке – на основании ложных показаний Герхарда Мюллера (сломавшегося под пыткой бессонницей) – приговорён к пожизненному заключению за убийство полицейского в Кайзерслаутерне в декабре 1971-го, хотя неизвестно, был ли он вообще в Кайзерслаутерне в это время. Суд мстит ему за нападение годом раньше на суде на председателя суда Принцинга.

Манфред Грасхоф также приговорён к пожизненному заключению за убийство полицейского при аресте, его месть за Петру Шельм.

Вольфганг Грундман осуждён на 4 года тюрьмы.

Конец июня, Штутгарт. В Штаммхайме собраны главные заключённые – Энслин, Баадер, Распе, Шуберт и Малер, позже – приговорённая к пожизненному заключению Верена Беккер.

1 июля, Франкфурт-на-Майне. Кнут Фолькертс и Вилли-Петер Штоль совершают налёт на оружейный магазин «Рольф Фишлейн» возле Центрального вокзала. Когда торговец поворачивается спиной к Штолю, Штоль наносит ему удары по затылку молотком из твёрдого пластика. Тот теряет сознание. Партизаны похищают 3 пистолета и 15 револьверов. (Это по официальным данным – в интервью 2007 г. Фолькертс будет отрицать своё участие в этой акции.)

20 июля, ФРГ. Лутц Тауфер, Бернхард-Мария Райснер, Карл-Хайнц Дельво и Ханна-Элиза Краббе, участники захвата стокгольмского посольства, осуждены каждый на 2 пожизненных заключения.

30 июля, Оберурзел (под Франкфуртом-на-Майне). Бригитта Монхаупт, Кристиан Клар и Сюзанна Альбрехт пытаются похитить Юргена Понто, президента Дрезден-банка, одного из 3 крупнейших банков ФРГ по балансовой

сумме и численности персонала. Дрезден-банк активно сотрудничал с нацистами ещё с двадцатых годов, когда мало кто верил в приход последних к власти. 3 февраля 1926-го установил сотрудничество лично с Геббельсом. В годы Второй мировой поглотил множество польских, чешских и болгарских банков. Поражение Гитлера ему не помешало, ибо капитализма в Западной Германии никто не отменял. Сам Понто в Великую Отечественную воевал в центральной и южной России как истребитель танков.

Банкиру не к спеху принимать гостей – семья собирается в поездку в Южную Америку. Чемоданы упакованы, и даже опущены жалюзи в гостиной. Но партизаны уже приготовили для него, как для заложника, другую квартиру, гораздо ближе, в Хаттерсхайме-на-Майне. А отказать им неудобно – одна из красноармейцев, 26-летняя Сюзанна Альбрехт, дочь друга Понто, Ганса-Христиана Альбрехта, и крёстная дочь Понто (соответственно дочь Понто – крёстная дочь отца Сюзанны). Я не одна, дядя Юрген, говорит Альбрехт, со мной друзья, у входа. Понто осведомляется у шофёра, как они выглядят. «Довольно хорошо», отвечает тот (это будет вспоминать жена Понто, Игнес фон Хюльсен, в автобиографии 1991-го). Монхаупт и Клар – в костюмах и галстуках.

Пока банкир ищёт вазу для букета роз в руках Альбрехт, Клар направляет на него пистолет. Понто сопротивляется (ударил Клара и попытался отнять у него оружие), получает 5 пуль от Монхаупт и Клара и умирает через 2 часа в университетской клинике Франкфурта-на-Майне.

Сюзанна Альбрехт

Сюзанна Альбрехт не только дочь крупного буржуа и потомок двух дворянских родов по материнской линии, но и бывшая подруга Карла-Хайнца Дельво, участника штурма стокгольмского посольства, сказавшая ему в 1974-м после смерти Хольгера Майнса: «Нельзя допустить, чтобы продолжали погибать заключённые». Марксизмом заинтересовалась в Гамбургском университете, на факультете социологии. Сняла вместе с 6 сквоттерами левой ориентации квартиру без душа и ванны. Прежнюю жизнь вспоминала так: «Меня тошнит от свинины, икры и копчёного лосося». Выдавала красноармейцам деньги на поддельные документы. Наконец, вступила в РАФ весной этого года.

«Я пошла в революцию потому, что мне наконец стало невыносимо стыдно обжираться черной икрой, когда полмира голодает», скажет она позже на суде.

Готовясь к похищению, рафовцы наблюдали за Понто, устроившись в квартире неподалёку, арендованной под вымышленным именем Адельхайд Шульц. В планировании операции участвовала и Зиглинда Хофман.

Зиглинда Хофман

В заявлении РАФ касаемо данной акции (вопреки обычной практике партизан, подписанном лично Альбрехт) говорится: «В ситуации, когда прокуратура и органы государственной безопасности решили учинить расправу над заключёнными, нет смысла делать длинные заявления. В отношении Понто и выстрелов, настигших его в Оберурзеле, мы заявляем, что нам не совсем понятно, почему такие типы, разжигающие войны в “третьем мире” и уничтожающие целые народы, теряют самообладание перед лицом насилия, когда оно входит в их собственный дом». Красноармейцы требуют «немедленного освобождения всех политзаключённых ФРГ», в противном случае обещая продолжить атаки на «других членов эксплуататорского класса».

Жена и водитель Понто не могут опознать Монхаупт и Клара по фотографиям красноармейцев, имеющихся у полиции. Альбрехт сразу объявлена в розыск, и в этот же день Монхаупт переправляет её на конспиративную квартиру в Гамбурге. В октябре туда вломится полиция, но Альбрехт там уже не будет.

Немецкая буржуазия в панике. «Промышленники перешли на полулегальное положение. Полиция обеспечивала их круглосуточную охрану. Им рекомендовали свести к минимуму пребывание вне дома или офиса. Встречаться с ними могли только те, кого они хорошо знали и кому могли безусловно доверять» (историк Ханс Гросс).

Начало августа, Sensbechtal. Похороны Юргена Понто. Семья Понто вежливо дистанцируется от Альбрехтов, коим ужасно неловко за свою блудную дочь, впавшую в радикальный антифашизм. Игнес сообщает им, что их семьям лучше переживать каждой своё горе по отдельности. (В ближайшее время Игнес с сыном и дочерью переедут в США. Дочь, Коринна, помирится с Юлией

Альбрехт, сестрой партизанки, только через треть века, а сын Штефан до сих пор не разговаривает с Альбрехтами.)

Присутствуют многие крупные немецкие буржуа. Например, Ганс-Мартин Шлейер. 16-летним, в 1931-м, примкнул к нацистам, как член их молодёжной организации. Эсэсовец (членский билет № 227014) с 18 лет. В 1937-м вступил в нацистскую партию; написал донос на ректора Гейдельбергского университета доктора Метца и отправил старого профессора в концлагерь. За ним – ещё десятки преподавателей, служащих и студентов. В 1939-м занялся «чисткой» – «ариизацией» и «нацификацией» – австрийского Инсбрукского университета, позже – Пражского университета. В 1941-м 26-летний Шлейер возглавил канцелярию президиума «Центрального союза промышленности Богемии и Моравии», руководя чешской промышленностью в интересах военной экономики Германии. Строил секретные объекты при помощи рабского труда политзаключённых военнопленных, подлежавших дальнейшей «утилизации». Уничтожил десятки тысяч человек – мирных граждан Чехии, советских, польских и югославских военнопленных, минимум 18 000 восточноевропейских евреев (минимальная цифра из приводящихся в литературе). На краткое время жизнь Шлейера попортило поражение вермахта в 1945-м – он попал было во французский лагерь для военнопленных. Впрочем, через 3 года оккупационные власти спохватились, что Шлейер против капитализма никогда не выступал, и французский офицер принёс ему – при освобождении – свои извинения. К началу денацификации в ФРГ Шлейер вопреки всем правилам уже имел заграничный паспорт. В день слушания его дела по денацификации Шлейер звонит из-за рубежа и сообщает, что не приедет, поскольку у него дела. Комиссию по денацификации так поразило, что крупному эсэсовцу выдала паспорт французская секретная служба, что дело по разбирательству касаемо Шлейера быстро свёрнуто.

Чехословакия требует его выдачи, заочно приговорив к смерти, на что правительство ФРГ неизменно отвечает, что Шлейер «слишком ценный кадр для промышленности страны».

Ныне Шлейер, «ценный кадр» – председатель Федерального объединения германских промышленников, председатель Федерального объединения западногерманских союзов работодателей (их 800), член правления Дрезден-банка и наблюдательных советов ряда корпораций. Сделал блестящую партийную карьеру – на сей раз не в нацистской партии, а в Христианско-демократическом союзе (вот такие «христиане», вот такие «демократы»). Впрочем, слово «демократия» (демо-кратия, народо-властие) Шлейер понимает весьма своеобразно, в духе капитализма: «Если федеральному правительству удастся добиться для рабочих права на участие в управлении предприятиями, если оно к тому же попытается установить контроль за капиталовложениями, это наверняка будет означать конец демократии» (то есть чем больше народ правит, тем меньше народовластия). В ХДС состоит и вся его семья. Мультимиллионер. Давит профсоюзы всеми доступными способами, обвиняя их в «коллективистских тенденциях». С 1963-го имеет репутацию лучшего борца с рабочими, устроив локаут 300 000 бастовавших металлистов земли Баден-Вюртемберг, в качестве председателя объединения металлопромышленников.

Лучшие друзья Шлейера – член правления ультраправых организаций «Германский фонд» и «Восточная Пруссия» Гейнц Бурнелейт и глава Христианско-социального союза известный реваншист Франц-Йозеф Штраус (последний в 1978-1988, до смерти, будет премьер-министром Баварии. По мнению коллег по партии, «босс боссов» (как принято называть Шлейера) планирует вскорости получить портфель министра.

В 1935-м Шлейер потребовал от сотоварищей более жёсткого отношения к евреям. Теперь из книг он предпочитает издания об Израиле. Наладил в Израиле прочные контакты с правыми националистами. Организует кампании в поддержку их лидеров и наставляет их по вопросам стратегии и оккупационной политики в Палестине.

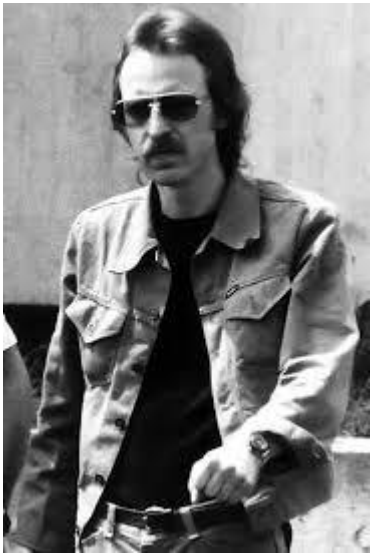
Ганс-Мартин Шлейер

Шлейер любит говорить, что склонен «защищать свои интересы скорее с наступательных, а не оборонительных позиций». Но сейчас он подавлен, как и вся буржуазия ФРГ – наступают уже не фашисты, а красноармейцы, как в 1945-м. И если советская Красная Армия доверяла США, а те реабилитировали фашистов на Нюрнбергском процессе, то немецкие красноармейцы уже не доверяют гринго, собственноручно отстреливая фашистов.

И Шлейер уныло замечает: «следующая жертва наверняка находится в этом зале». Впрочем, за себя он относительно спокоен – ещё в конце июня, на курорте Мерсбург, ему позвонил федеральный министр внутренних дел Вернер Майнхофер и сообщил, что государство берёт Шлейера под охрану. Его квартиры в Кёльне, Штутгарте и Меерсбурге охраняются полицией, сам он ездит в бронированных автомобилях в окружении полиции.

25 августа, Карлсруэ. Монхаупт, Клар и Боок приносят пусковую установку для ракеты в квартиру напротив Федеральной прокуратуры в Карлсруэ. Выстрел не удаётся – детонатор не срабатывает.

(В суде в 1981-м Боок скажет, что наблюдал за работниками офиса, изменил свои взгляды и вывел из строя таймер, предотвратив взрыв. Суд не поверит ему. В тюрьме он напишет воспоминания, где дистанцируется от РАФ, но не заслужит доверия властей. Вышло, как с Родевальдом, выдавшим Майнхоф, – от левых ушёл, но к правым прибиться не смог.)



Петер-Юрген Боок

Лето, ФРГ. Вновь выдан ордер на арест Элизабет фон Дюк, на основании её членства в РАФ. Ей удаётся скрыться.

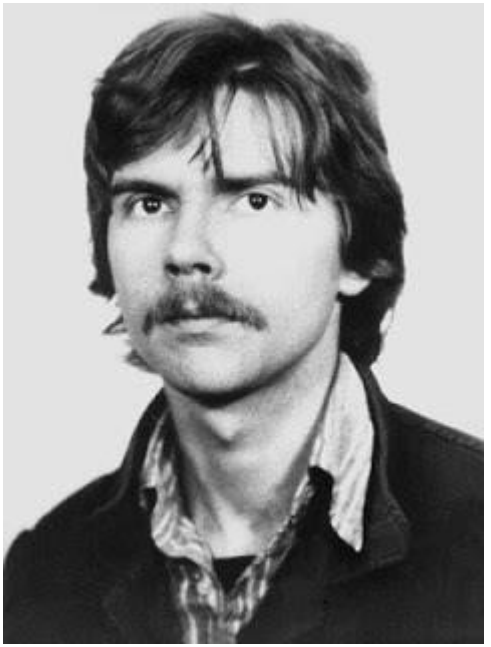
5 сентября, Кёльн, Штутгарт. Продолжение «Наступления – 77» и первый день названного позже «Немецкой осенью».

Эсэсовец, союзник израильских властей и крупный бизнесмен Ганс-Мартин Шлейер, напророчивший месяц назад, что следующая жертва присутствует на похоронах Понто, мчится в чёрном «мерседесе», рядом с шофёром сидит сотрудник службы безопасности. Ещё 2 полицейских следуют за ними в машине земельного ведомства уголовной полиции. После очередного поворота машины вынуждены остановиться. Дорогу блокировали жёлтый «мерседес», вставший поперёк улицы, и детская коляска у тротуара. Автомобиль Шлейера резко тормозит. Машина сопровождения сзади не успевает остановиться и врезается в него. Из стоявшего с левой стороны улицы микроавтобуса «фольксваген» выскакивает «Коммандо им. Зигфрида Хауснера» – 5 красноармейцев в масках, вооружённые 2 дробовиками, 2 полуавтоматическими винтовками и автоматом Калашникова.

Полицейский Рональд Пилер выскакивает из машины и трижды стреляет из пистолета, другой охранник, Хельмут Ульмер, производит 8 выстрелов из автомата. Оба промахиваются, и каждый расплачивается как минимум 3 смертельными ранениями. Третий охранник, Марчич, также приказывает долго жить. Водителя, Рейнхольда Брендле, одарили по-царски – в него всажено 60 пуль. Примерно за 1,5 минуты произведено минимум 119 выстрелов. Шлейера выхватили из автомобиля, втолкнули в автобус и умчали. Некий таксист, свидетель произошедшего, мчится было за партизанами, но из-за красного сигнала светофора прекращает преследование. В 17:36 прибывают 2 патрульные машины. Срочно перекрыты все улицы в радиусе 20 км, но безрезультатно.

Согласно воспоминаниям Петера Боока, Вилли-Петер Штоль заметил полицейского под прикрытием автомобиля, прыгнул на капот «мерседеса» и расстрелял полицейского сверху. Это явилось очень важным фактором в успехе

операции – одни партизаны в тот момент расстреляли все патроны из магазина, другие не видели цель из-за автомобиля.



Вилли-Петер Штоль

Остальные участники акции – Штефан Вишневски, Зиглинда Хофман и организатор – Бригитта Монхаупт. Железная Бригитта не одну неделю лично прослеживала маршруты Шлейера. Участником планирования была и Адельхайд Шульц. (Любопытно, что Шульц для слежки за Шлейером арендовала под вымышленным именем квартиру в том самом Университетском центре Кёльна, где проходили съёмки фильма по повести Бёлля, порождённой деятельностью РАФ.) Поначалу операция разрабатывалась с участием Рольфа

Хайслера, настойчиво предлагавшего попробовать похитить Шлейера без убийства охраны, что было сочтено практически неосуществимым. Кончилось тем, что Монхаупт вывела экс-супруга из состава «Коммандо им. Зигфрида Хауснера».

В январе на телевидении Шлейер ответил журналистам на вопрос, как он относится к своему эсэсовскому прошлому: «горжусь им». Есть версия, что эта фраза и решила его судьбу.

Поздним вечером в тюрьму Штаммхайм прибывает наряд полиции и сотрудники прокуратуры. Андреас Баадер, Гудрун Энслин, Ян-Карл Распе и Ирмгард Мёллер должны раздеться догола, их одежда тщательно обыскана, после чего они заперты в пустых камерах. (Ингрид Шуберт 18 августа была переведена в мюнхенскую тюрьму Штадельхайм.)

6 сентября, ФРГ. Письмо «Федеральному правительству» оставлено в почтовом ящике протестантского декана города Висбадена. В конверте фотография Шлейера с подписью: «Боевики Зигфрида Хауснера взяли в заложники президента Ассоциации предпринимателей и Федерации немецкой промышленности», и требование освободить 11 красноармейцев – Энслин, Баадера, Распе, Шуберт, Мёллер, Беккер, Хоппа, Дельво, Ханну-Элизу Краббе, Бернхарда Росснера и Гюнтера Зонненберга (помещённого в тюрьму тяжелораненным), выдать им по 100 000 марок и позволить улететь в выбранную ими страну. Освобождённых должен сопровождать в полёте известный 85-летний пастор Мартин Нимёллер (принявший сан после прихода к власти Гитлера и возглавивший движение церковного сопротивления нацизму).

Ещё в конверте записка от Шлейера: «Мне сказали, что если преследование РАФ продолжится, моя жизнь будет в опасности. Мне грозит смерть, если требования не выполнят. Но решение всё же не за мной».

Белый микроавтобус «фольксваген», использованный похитителями, найден вечером в гараже стоянки Вернер Вег многоквартирного кёльнского дома. В автобусе ещё одно письмо, с угрозой казнить заложника в случае невыполнения требований партизан.

В свете этих событий канцлер ФРГ Гельмут Шмидт создаёт и лично возглавляет «Кризисный комитет».

Более 100 политзаключённых по всей стране лишаются возможности общаться друг с другом и с внешним миром.

Следственный судья Верховного федерального суда Кун отдаёт распоряжение, исключающее защитников из «запрета на контакты», поскольку считает незаконным пресечение контактов адвокатов с подзащитными. Аналогично распоряжается и Высший земельный суд Франкфурта. Однако, узнав об адвокате, всё же не пропущенном в тюрьму, Кун признаёт, что не может осуществить своё распоряжение – он, судья, не может с группой судебных чиновников принять меры против тюремщиков.

(Закон о «запрете на контакты» действует до сих пор. Всего 4 депутата бундестага проголосовали против него, и никто из них нынче не депутат.)

6-7 сентября, ФРГ. Караульные посты во всех тюрьмах, где содержатся красноармейцы, усилены военно-полицейскими патрулями. Обысканы конторы всех адвокатов, когда-либо участвовавших в процессах над РАФ. В правительственный квартал Бонна введены бронетранспортёры и вооружённые пулемётами части федеральной пограничной охраны. Предприняты дополнительные меры по охране ряда политиков.

7 сентября, Либлар. Партизанам отправлено сообщение Хорста Герольда, главы Федерального ведомства криминальной полиции (ВКА). Он хочет убедиться, что Шлейер жив. Партизаны отправляют ему кассету с записью голоса Шлейера. Они перевозят нациста в квартиру в Либларе, в 30 километрах

от Кёльна, арендованную 21 июля Моникой Хелбинг, ни разу не «засвеченной» полицией, под именем Аннероза Лотман-Бюхлер.

Эту квартиру вычисляет рядовой полицейский Фердинанд Шмитт. Он замечает все признаки конспиративных жилищ РАФ – квартира в многоэтажном доме (в данном случае 15-этажном), возле шоссе, с подземной автостоянкой с прямым лифтом, аренда несколько раз оплачена авансом. Шмитт выясняет, что ещё 17 июля квартиру арендовала молодая женщина (а рафовцы молоды), а выплачивая 800 марок, вытащила из кошелька пухлую пачку купюр по 50, 100 и 500 марок, и сразу же позаботилась о смене замка и ключей. Шмитт идёт в квартиру. Звонит. «Ценный кадр для промышленности страны», надо думать, рад был бы ответить, но находился в запертом шкафу. С внутренней стороны двери не дыша стоит Боок, с пистолетом наизготовку. Потоптавшись, полицейский уходит. Докладывает начальству. Но неправильно оформленное донесение не рассматривается вовремя, затерявшись в коридорах бюрократии.

8 сентября, Висбаден. ВКА снова обращается к партизанам через СМИ. Те, памятуя историю с Лоренцом, требуют посредника для переговоров.

Хотя суды предписывают предоставление адвокатам доступа к арестованным подзащитным, по распоряжению из Бонна адокатов к ним не пропускают, как и любых представителей общественности. Утром СМИ сообщают о выходе запрета на распространение информации. Многие газеты и радиостанции подчиняются контролю и не печатают сообщения похитителей Шлеера, доставляемые им напрямую, а передают в ВКА на экспертизу.

10 сентября, Женева. Государственный адвокат ФРГ Денис Пейот заявляет на пресс-конференции, что нанят швейцарцами как посредник. Через 2 месяца ему заплатят 200 000 франков. Партизаны требуют, чтобы один из

заключённых товарищей сказал по телевизору, что идут приготовления к отлёту. Пейот передаёт Бонну эти требования.

12 сентября, Висбаден и Штутгарт. Власти решают не уступать. На этом особенно настаивает «полицейский-компьютер» Хорст Герольд. Во-первых, напоминает он, из 5 партизан, освобождённых в обмен на Лоренца, 4 вернулись в герилью. Во-вторых, капитуляция перед РАФ дискредитирует правительство, ему придётся подать в отставку, усугубив хаос в стране. В-третьих, Шлейером можно пожертвовать – уж очень это одиозная личность. (Тут надо добавить: Герольд, как и канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, бывший офицер вермахта. А вермахт недолюбливал СС – армия Гитлера, убивая людей, и сама рисковала жизнью, а эсэсовцы убивали почти только безоружных (в том числе 200 000 своих же немцев) и жили на войне припеваючи, а в случае ранения получали медпомощь вне очереди. При этом, будучи довольно невежественны в военном деле, постоянно вмешивались в дела армии.)

13 сентября, ФРГ. Газета «Вельт» требует создания против партизан «охотничьих команд», не подверженных «сомнительным бюрократическим влияниям». «Мы не можем только реагировать, мы должны разыскивать террористов и наносить им упреждающие удары…». Фактически предлагается создание неонацистских групп образца латиноамериканских «эскадронов смерти», например, бразильских «Коммандос охоты на коммунистов» и колумбийских парамилитарес. (Кстати, убийство Карлуса Маригеллы, чья книга о герилье стала учебником рафовцев, организовал полицейский палач Сержио Флеури – он и был создателем в конце шестидесятых «эскадронов смерти», иррегулярных формирований для внесудебных расправ с применением пыток.)

Та же газета публикует предложение министра внутренних дел Баварии Альфреда Зайдля – возродить смертную казнь вопреки Конституции: «Вопросы

о применении смертной казни как меры наказания не должны рассматриваться Конституцией. Они должны регулироваться уголовным законом…».

Член ВКА Альфред Клаус – тот самый «семейный бык», что с 1971-го повадился в гости в семьи партизан, – приезжает в Штаммхайм опросить заключённых, согласны ли они лететь самолётом, и куда именно. Предполагается, что их интересуют Вьетнам, Алжир и Ливия. Клаус выдаёт партизанам бланки на подпись. «Да, я согласна лететь самолётом, – отвечает Ирмгард Мёллер, – но при условии, что потом правительство ФРГ не потребует сразу же нашей выдачи».

После ухода Клауса Мёллер пытается обсудить с товарищами, куда лучше лететь. Единственный способ для этого – кричать что есть силы, что она и делает. Ей кричат в ответ. Заслышав крики из камер, надзиратели в тот же день ужесточают звукоизоляцию – перед дверями камер установлены фанерные листы с пенопластовым покрытием. Баадер и Мёллер переведены в другие камеры, поближе к посту надзирателей.

14 сентября, ФРГ. Вестфальский премьер-министр Кюн на страницах газеты «Мир» прозрачно намекает: партизаны должны понимать, что судьба командиров РАФ зависит от жизни заложника. То есть пытается превратить самих заключённых красноармейцев в заложников правительства.

Эта тема широко обсуждается по стране. «Франкфуртер альгемайне цайтунг» пишет: «Нельзя ли было сделать что-нибудь с удручающим неравенством шансов на выживание между членами банды с одной стороны и их преследователями и заложниками, с другой?». Шпрингеровская «Бильд» откровеннее: «За каждого заложника нужно расстрелять двух террористов». В «Панораме» Христианско-демократический союз предлагает восстановление смертной казни. Историк Голо Манн утверждает, что «каждого террориста,

содержащегося под надёжной охраной, нужно превратить в заложника». Эту идею обсуждает и кризисный штаб.

13-21 сентября, Висбаден. ВКА, через Дениса Пейота, тянет время, пытаясь вычислить местонахождение Шлейера. Партизаны проявляют нетерпение.

16 сентября, ФРГ. Немецкая конфессия епископов и совет Евангелической церкви Германии – католики и протестанты – публикуют совместное открытое письмо, выражая поддержку властям в деле спасения гитлеровца.

16-19 сентября, Гаага (Нидерланды). Шлейер содержится партизанами в квартире дома в района Стевинстрат (Схевенинген). Голландская полиция подозревает неладное и устанавливает наблюдение за домом через дорогу, но врывается в него слишком поздно, когда заложник уже увезён.

Ночь на 20 сентября, Брюссель (Бельгия). Шлейер доставлен в квартиру в районе Волюв-Сен-Пьер.

Примерно в это же время, через 14 дней охраны Шлейера Петером-Юргеном Бооком, которому это поручено, рафовцы застают его в неподобающем положении – Боок сидит рядом со спящим Шлейером, с пистолетом в руке, но... тоже спит. Бригитта Монхаупт отстраняет его от обязанностей охранника, поручая их Ангелике Шпайтель. (Знай красноармейцы, по какой причине вздремнул Боок, он подвёргся бы ещё более суровому разносу, но это случится позже.)

Ангелика Шпайтель

22 сентября, Утрехт (Нидерланды). Перестрелка в баре с полицией 2 красноармейцев. Кнут Фолькертс арестован. При аресте Фолькертс убивает полицейского Ари Краненбурга и ранит полицейского Лендерта Петерса. Элизабет фон Дюк удаётся убежать. Некоторое время полиция принимает скрывшуюся за Монхаупт.

Полиция предлагает Фолькертсу миллион марок и документы гражданина США, если он укажет местонахождение Шлейера, в противном случае угрожая застрелить его. Фолькертс отказывается. Его не убьют, но приговорят, ещё в Утрехте, к 20 годам тюрьмы, через год перевезут в ФРГ.

25 сентября, Висбаден. ВКА, выигрывая время, сообщает партизанам, что Алжир, Ливия и Южный Йемен отказались принимать заключённых (вряд ли переговоры вообще проводились) и они ждут ответ из Вьетнама.

27 сентября, Штутгарт. Альфред Клаус летит в Штаммхайм по просьбе Яна-Карла Распе. Распе вручает Клаусу записку: если названные

красноармейцами страны не примут их, есть Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау и Эфиопия. Оттягивая время, власти для большей правдоподобности ставят условие: заключённые должны обещать не возвращаться в ФРГ. Энслин, Баадер и Распе соглашаются.

28 сентября, ФРГ. Кристиана Эскес, арестованная в 1974-м, приговорена к 7 годам тюрьмы.

29 сентября, Штутгарт. Альфред Клаус посещает узников Штаммхайма.

30 сентября, Париж, Штутгарт. Арестованы адвокаты Клаус Круассан (в Париже) и его коллега Арндт Мюллер (в Штутгарте).

Сентябрь, ФРГ, Нидерланды, Дания. Принят закон, позволяющий судьям запрещать контакты между осуждёнными и кем-либо ещё. Обычно западногерманские законы обсуждают много месяцев, прежде чем примут. Этот приняли за неделю.

177 преподавателей ВУЗов составляют обращение против ограничения «свободы прессы». Однако в результате давления на них властей большинство из них отзывают свои подписи.

Тысячи полицейских прослушивают телефоны всей страны, чтобы перехватить разговоры похитителей. Это самая известная телефонная «прослушка» в истории Германии.

Тысячи тайных агентов и осведомителей проверяют все подсобные строения, все бюро по аренде квартир и машин и договора на приобретение легковых автомобилей. В поле зрения ВКА попадает каждый человек 20-35 лет, воспользовавшийся в последнее время арендными бюро или купивший легковой автомобиль. На вокзалах, аэропортах и перекрёстках главных дорог встают усиленные полицейские блокпосты.

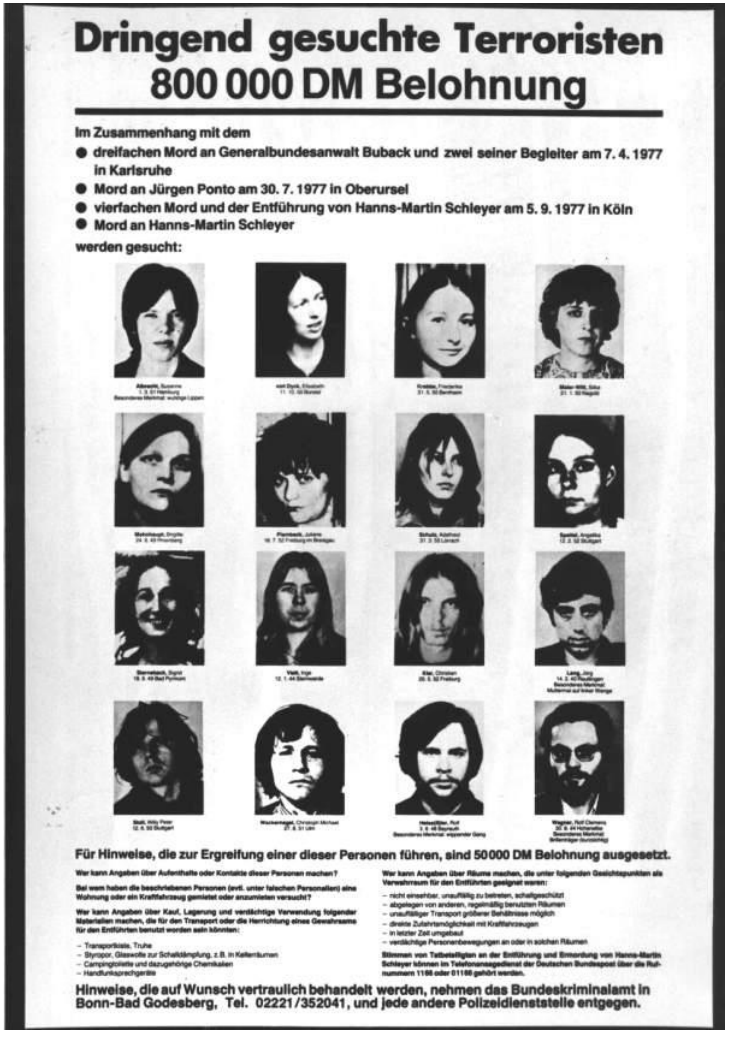
Подтверждая, что похищенный жив, в ВКА периодически поступают записи голоса Шлейера, зачитывающего газетные новости. Эти послания

изучаются криминалистами. Прослушивая одну из плёнок, эксперты ошибочно предполагают, что Шлейер удерживается на морском судне вблизи Нидерландов, приняв неясные звуки за шум морского прибоя и звуковые сигналы морских судов. Международное расследование, проведённое ФРГ, Нидерландами и Данией, не даёт результатов.

Полиция и жандармерия переходят на усиленный режим работы. Установлено, что большинство телефонных звонков, сделанных партизанами, исходит из телефонных будок возле кёльнского вокзала, но это ничего не даёт. В отчаянии полиция даже обращается к знаменитому экстрасенсу – по указанию шарлатана прочёсывают громадный кёльнский район, где «необычно взбудоражен астрал». Прохожие постоянно вызывают полицию, подозревая друг друга, особенно если видят группу молодых людей.

Среди немецкой буржуазии разгорается паника, грозящая политическим кризисом. Ни один директор крупной компании, известный бизнесмен или политик не чувствует себя в безопасности. Бизнес требует от силовых структур надёжной защиты, но никто в стране предоставить её не может. Ощутимо проявляется мощный потенциал, заложенный в маленьких мобильных партизанских группах.

Награда за любой донос на партизан возрастает до 800 000 марок (820-850 тысяч нынешних евро).



Dringend gesuchte Terroristen
800 000 DM Belohnung

Im Zusammenhang mit dem

- **dreifachen Mord an Generalbundesanwalt Buback und zwei seiner Begleiter am 7. 4. 1977 in Karlsruhe**
- **Mord an Jürgen Ponto am 30. 7. 1977 in Oberursel**
- **vierfachen Mord und der Entführung von Hanns-Martin Schleyer am 5. 9. 1977 in Köln**
- **Mord an Hanns-Martin Schleyer**

werden gesucht:

Für Hinweise, die zur Ergreifung einer dieser Personen führen, sind 50000 DM Belohnung ausgesetzt.

Wer kann Angaben über Aufenthalte oder Kontakte dieser Personen machen?

Bei wem haben die beschriebenen Personen (evtl. unter falschen Personalien) eine Wohnung oder ein Kraftfahrzeug gemietet oder anzumieten versucht?

Wer kann Angaben über Kauf, Lagerung und verdächtige Verwendung folgender Materialien machen, die für den Transport oder die Herrichtung eines Gewahrsams für den Entführten benutzt worden sein könnten:

- Transportkiste, Truhe
- Styropor, Glaswolle zur Schalldämpfung, z.B. in Kellerräumen
- Campingtoilette und dazugehörige Chemikalien
- Handfunksprechgeräte

Wer kann Angaben über Räume machen, die unter folgenden Gesichtspunkten als Verwahrraum für den Entführten geeignet waren:

- nicht einsehbar, unauffällig zu betreten, schalldämpfend
- abgelegen von anderen, regelmäßig benutzten Räumen
- unauffälliger Transport größerer Behältnisse möglich
- direkte Zufahrtsmöglichkeit mit Kraftfahrzeugen
- in letzter Zeit umgebaut
- verdächtige Personenbewegungen an oder in solchen Räumen

Stimmen von Tatbeteiligten an der Entführung und Ermordung von Hanns-Martin Schleyer können im Telefonansagedienst der Deutschen Bundespost über die Rufnummern 1188 oder 01188 gehört werden.

Hinweise, die auf Wunsch vertraulich behandelt werden, nehmen das Bundeskriminalamt in Bonn-Bad Godesberg, Tel. 02221/352041, und jede andere Polizeidienststelle entgegen.

Розыскной плакат 1977 г.

1 октября, Бонн. Вступает в силу Федеральный закон 66/1977 – «Закон об изменении введения к закону о судопроизводстве», разработанный федеральным министром юстиции Гансом-Йохеном Фогелем. В 7 параграфах говорится об изоляции заключённых, являющейся беспрецедентной в истории ФРГ. Ни один закон не принимался в ФРГ столь поспешно.

2-7 октября, Штутгарт. Юридическая фирма Клауса Круассана, Арндта Мюллера и Армина Неверлы опечатана после обыска. Мюллер и Неверла обвинены в предполагаемой контрабанде оружия в Штаммхайм. Их приговорят к нескольким годам тюрьмы.

8 октября, Париж. В газете публикуется письмо Шлейера к правительству ФРГ с призывом немедленно принять решение. К письму приложена фотография Шлейера, держащего табличку с надписью «31 день в плену».

Шлейер в плену

8-11 октября, Женева, Штутгарт. Пейот получает письмо от Шлейера с фотографией. Альфред Клаус постоянно летает в Штаммхайм.

Сентябрь – начало октября, Штутгарт. Медкомиссия, обследовав узников Штаммхайма, заявляет, что глубокая депрессия Яна-Карла Распе не исключает самоубийство, и примерно таково же состояние остальных. Это заключение вызывает протест партизан, подозревающих, что готовится их убийство под видом самоубийств.

7 октября, Штутгарт. Андреас Баадер пишет заявление в Верховный суд Штутгарта: «Суммируя все меры, принятые против нас за последние шесть недель, и несколько замечаний сотрудников, можно сделать единственный вывод: администрация тюрьмы или представители органов государственной безопасности, которые – как говорит один сотрудник – теперь постоянно находятся на седьмом этаже, надеются спровоцировать одно или несколько самоубийств, во всяком случае, они убедительно дают это понять. Или пытаются хотя бы сделать наши самоубийства правдоподобными. На это я заявляю: ни у кого из нас – это стало ясно из нескольких слов, которыми мы смогли обменяться за две недели через дверь, и из дискуссии, ведущейся уже много лет – нет никакого желания убить себя. Если же нас – снова по словам сотрудника – здесь “найдут мёртвыми”, значит, мы будем убиты в доброй традиции юридических и политических мер нашего судопроизводства».

Андреас Баадер спит в камере Штаммхайма. 1976 г.

Начало октября, Багдад. Монхаупт и Боок вновь ведут переговоры с Вади Хаддадом.

13 октября, Пальма де Мальорка (Балеарские острова, автономное сообщество Испании). Самолёт «Ландсхут», Боинг-737 компании «Люфтганза», летящий во Франкфурт-на-Майне, похищает палестинская «Коммандо им. мученицы Халим*ы*» (Халимой для палестинцев была погибшая Бригитта Кульман) – Набил Харб, Зухейла Андравес Сайех (женщина), Надия Шехадах Дуибес и Зохар Акахи. Самолёт направляется в Рим. Почти все пассажиры – из ФРГ. На борту 91 заложник, включая 5 членов экипажа, и 2 трупа в цинковых гробах.

Налётчики через римских диспетчеров требуют «отпустить наших товарищей в немецких тюрьмах».

Поставщиком оружия для «Коммандо им. мученицы Халимы» послужила Моника Хаас из Франкфурта-на-Майне, из рафовцев, обучавшихся в Йемене.

Группа спезназовцев GSG-9 направляется за самолётом. Угонщики требуют лететь в Персидский залив.

14 октября, Бахрейн, ФРГ, Турция. Палестинцы требуют освобождения ещё 2 товарищей и 15 млн долларов США. Заправившись в Бахрейне горючим, «Ландсхут» летит в Дубай.

Семья Шлейера на свой страх и риск связывается с РАФ, пытаясь выкупить его за 15 млн долларов. Условлено передать деньги во франкфуртском отеле «Интерконтиненталь». Но это уже известно полиции, и её сотрудник срывает переговоры, предав огласке предстоящую сделку. В результате в назначенный срок в гостиницу прибывают куча репортёров и полиция, но не партизаны.

В Бонне срочно собирается кабинет министров.

Сын Шлейера, Ганс-Эберхард, обращается в федеральный Конституционный суд с просьбой принять временное распоряжение, могущее заставить правительство выполнить условия РАФ. В Карлсруэ первый сенат федерального Конституционного суда отклоняет просьбу, тем самым одобрив тактику правительства не идти на соглашение с РАФ.

(Ганс-Эберхард очень привязан к отцу и в восторге от его биографии. Состоит в тех же молодёжных организациях, что когда-то и отец, по примеру последнего занялся фехтованием и горд, что в результате этого также имеет шрамы на лице.)

Вечером «Ландсхут» прибывает в Анкару. Примерно в 17:30 турецкие власти заявляют, что согласны выполнить требования палестинцев, если правительство ФРГ поступит аналогично.

15 октября, Франкфурт-на-Майне, Штутгарт. Клаус летит в Штаммхайм поговорить с заключёнными. Андреас Баадер подаёт письменную

просьбу о встрече со статс-секретарём Шулером из ведомства федерального канцлера.

16 октября, Аден (южный Йемен, столица НДРЙ). «Ландсхут» садится на взлётно-посадочную полосу. Рядом – танки, пытавшиеся предотвратить посадку.

14-17 октября, ФРГ. РАФ дезинформирует власти сообщением, что она контролирует угнавших «Ландсхут».

Пресса публикует истерические требования «простых немцев» казнить заключённых партизан. Люди верят самым вздорным слухам. Всерьёз обсуждается газетная заметка, что РАФ завладела атомной бомбой, которую угрожает взорвать на днях.

Многих впечатляет обращение бортпроводницы «Ландсхута» 23-летней Габи Дильман 17 октября: «Я хочу сказать правительству Германии, что это их вина, что мы умрём – а мы умрём, я знаю, что они это сделают, это, как мы говорим по-немецки, “миссия самоубийства”, они не дорожат своей жизнью, и жизнью других людей. И правительство Германии тоже равнодушно к нашим жизням. Мы сейчас умрём. Я хорошо знаю, что такое терпение, но страх силён, и мы хотим, чтобы вы знали, что немецкое правительство не существует, не помогает нам остаться в живых. Оно могло бы это сделать. Мы больше не понимаем этот мир. Где важнее оставить в тюрьме несколько человек, чем спасти 91 жизнь. Это, наверное, последнее моё сообщение. Меня зовут Габи Дильман, и я просто хочу поговорить, хочу рассказать своим родителям и моему другу – его зовут Рюдегер фон Лутзау – что я буду как можно храбрее. Скажите моему другу, что я его очень любила, и свою семью тоже. Большое вам спасибо, и если есть возможность, я прошу попробовать нам помочь. Подумайте о детях, подумайте о женщинах. Почему бы не помочь нам? Я этого не понимаю, действительно не понимаю. Я надеюсь, вы сможете жить со своей

совестью всю оставшуюся жизнь. Мы постараемся быть смелыми, насколько возможно, но это непросто. Ради бога, если есть шанс, помогите нам. Времени осталось немного».

Тем не менее правительство ФРГ решает штурмовать самолёт, рискнув жизнью пассажиров, дабы не освобождать партизан.

17 октября, Могадишо (Сомали), Штутгарт. Вновь заправившийся «Ландсхут» вылетает в Могадишо. Похитители требуют отправить туда же узников Штаммхайма, угрожая взорвать самолёт.

Вечером представители ФРГ дезинформируют палестинцев, что красноармейцы отправлены в Сомали.

В 23:50 немецкий спецназ штурмует «Ландсхут». Погибают 3 из 4 похитителей, Зухейла Андравес тяжела ранена. Бортпроводница Габи Дильман ранена в ногу, пассажиры не пострадали.

О случившемся написано много. Из романа Смит Уилбур «Свирепая несправедливость»:

« – И вот мы с вами должны видеть в ужасной реальности то, что обсуждали только как отвлечённую теорию… – Паркер поднёс к сигаре тонкую восковую свечу и дважды затянулся, прежде чем продолжать: – теорию о моральном оправдании подобных действий.

– Мы снова разойдёмся, сэр – прервал его Питер. – Морального оправдания у таких действий нет.

– Правда? – спросил Паркер, качая головой. – А как же немецкие офицеры, убитые на улицах Парижа бойцами Сопротивления?

– Это была война! – воскликнул Питер.

– Может быть, группа, захватившая 070 («Ландсхут» – Л.), тоже считает, что ведёт войну…

– С невинными жертвами?

– “Хагана” (еврейская вооружённая националистическая организация времён оккупации Палестины Великобританией – Л.) тоже приносила в жертву невинных, хотя сражалась за правое дело.

– Я англичанин, доктор Паркер: вы не можете ждать, что я буду потворствовать убийству английских женщин и детей, – Питер напрягся в своём кресле.

– Конечно – согласился Паркер. – Поэтому не будем говорить о мау-мау в Кении (революционная организация 1950-х, добивалась изгнания европейцев – Л.) и современной Ирландии, но как же Французская революция или распространение католицизма при помощи ужасных преследований и пыток, когда-либо придуманных людьми? Были ли эти действия морально оправданными?

– Я назвал бы их понятными, но достойными осуждения. Терроризм в любой форме не может быть морально оправдан. – Питер сознательно использовал это слово и увидел, как слегка приподнялись густые брови Паркера.

– Есть терроризм сверху и есть – снизу. – Паркер подхватил это слово и использовал его подчёркнуто. – Если вы определите терроризм как крайнее физическое или психологическое принуждение, направленное на подчинение других людей воле террориста: существует террор закона – страх перед виселицей, террор религии – страх перед адом, родительский террор – страх порки. Оправданно ли всё это морально и больше, чем стремления слабых, бедных, политически угнетённых, бессильных жертв несправедливого общества? Если мы хотим задушить крик их протеста…

Питер неловко передвинулся в кресле.

– Протест, выходящий за рамки закона…

– Законы составляют люди, почти всегда богатые и могущественные, законы изменяются людьми, обычно после военных действий. Женское суфражистское движение, кампания за гражданские права в этой стране… – Паркер смолк и усмехнулся. – Простите, Питер. Я иногда увлекаюсь».

Согласно отчёту федерального правительства, в этот день состоялся разговор Баадера со статс-секретарём Шулером из ведомства федерального канцлера, о чём Баадер подал письменное прошение позавчера. «Андреас мог тогда сделать за нас это заявление перед ведомством федерального канцлера: сказать, что мы не вернёмся в ФРГ, если нас освободят, если только ситуация здесь не изменится кардинальным образом» (Ирмгард Мёллер, интервью О. Тольмайну).

Поздним вечером Мёллер, ещё не зная о взятии штурмом «Ландсхута», ложится на пол, на живот, и кричит Распе, чья камера на нижнем этаже. Просто кричит: «Э-эй». Чуть позже засыпает.

Ночь на 18 октября, Штутгарт. В Германии эту ночь называют «ночь смерти в тюрьме Штаммхайм».

Вот официальная версия. Ян-Карл Распе узнал об удачном штурме самолёта, слушая контрабандный радиоприёмник, и сообщил это товарищам. Они решились на самоубийство. Между 23:00 и 7:00 Андреас Баадер вынимает из тайника в камере пистолет и стреляет в стену и подушку, создавая видимость борьбы. Затем стреляется в голову. Распе тоже стреляется – у него тоже тайник с пистолетом. Гудрун Энслин мастерит виселицу из куска кабеля и вешается. Ирмгард Мёллер наносит себе 4 удара ножом, прошедшие в нескольких миллиметрах от сердца.

Заключённые найдены утром. Баадер и Энслин мертвы уже несколько часов. Распе умирает в больнице. Мёллер спасена в той же больнице.

Многих смущает, что левша Баадер застрелился правой рукой (в которой найден пистолет). Смущает и то, что застрелился он странным способом – в затылок. Странно, что выстрел, как показала экспертиза, произведён с расстояния в 40 см – на затылке (ране и волосах) не осталось ожога и следов пороховых газов, если же дело в глушителе, то непонятно, куда он подевался – а пистолет был длиной в 17 см, Баадеру пришлось бы завести руку на полуметр за затылок и сделать прицельный выстрел вслепую (притом правой рукой, неактивной). При этом произведено целых 3 выстрела.

В «системе мёртвых коридоров» невозможно договориться о коллективном самоубийстве, тем более вчетвером. А с момента похищения Шлейера узников изолировали друг от друга особенно тщательно. Странно и то, откуда взялись пистолеты в постоянно обыскиваемых камерах, менявшихся каждые 2 недели, плюс патроны, запас взрывчатки, «пригодный для производства мины средней мощности или нескольких гранат» (!), а у Распе – ещё и аппарат Морзе (вдобавок непонятно, на кой ляд ему это было в тюрьме). Стены Штаммхайма возведены из особого, сверхпрочного бетона, не поддающегося сверлению, и непонятно, как Баадер и Распе оборудовали в них «тайники» (да ещё постоянно продалбливали новые тайники в сменяемых камерах и перетаскивали в них оружие, патроны и взрывчатку). Трудно поверить и в то, что оружие пронесли адвокаты – камеры проверялись каждые четверть часа и обыскивались дважды в день. Крайне тщательно обыскивались и сами защитники перед входом в Штаммхайм: «Адвокаты ставили портфели с делами, вынимали содержимое карманов пиджаков и брюк, пиджаки снимали и передавали их одному из сотрудников. Сотрудники осматривали пиджаки и всё тело, включая половые органы, сгибали снятые ботинки и проверяли их металлоискателем, проверяли всё содержимое карманов (напр., развинчивали ручки, ощупывали сигареты), после этого – или между делом – адвокаты

предъявляли сопроводительные бумаги и папки-скоросшиватели одному из сотрудников, поднимавшему папки за тыльную сторону и перелистывавшему их, папки проверялись металлоискателем. К тому же содержимое обычных папок тоже сшивали в тонких тюремных папках» (голландский адвокат Пит Баккер Шут, докторская диссертация «Штаммхайм», 1986 г.).

То есть спрятать что-либо можно было только в анальном проходе – но пусть сторонники версии самоубийства попробуют вдеть себе в зад 17-сантиметровый пистолет («а если не могут, пусть засунут туда версию о самоубийствах», добавляю я в устных разговорах. Но в книге это прозвучало бы грубо, потому не знаю, сказать ли здесь об этом).

Откуда Энслин нашла электрокабель, чтобы повеситься, нет никакого объяснения властей (по сей день). Как Энслин взобралась наверх, тоже не объяснено, ни властями, ни биографами (повтор ситуации с Майнхоф). Необъяснённым осталось и происхождение гематом, синяков и кровоподтёков на теле Энслин. Половина из них – на затылке, коленях, правой груди, бедре и запястьях – могли быть вызваны только борьбой, а не ушибами в результате предсмертных конвульсий. (Майнхоф: «...мы не позволяем просто так себя арестовывать». И вешать.) Когда Энслин вынимали из петли, электрокабель от проигрывателя сразу лопнул, хотя при соскакивании со стула должен был выдержать гораздо бо́льшую нагрузку (опять Майнхоф, чья верёвка также не выдерживала вес человека). Непонятно, каким образом Энслин вообще дотянулась до петли – четверо служащих, войдя в камеру, обнаружили стул лежащим слишком далеко от окна, чтобы быть использованным при самоубийстве. И, опять же как с Майнхоф, не проведён стандартный тест на гистамин, позволяющий определить с высокой точностью, был ли человек ещё жив, повисая в петле – хотя это совершенно рутинный тест, делаемый во всех случаях смерти через повешение.

Распе к началу действия «запретов на контакты» находился в камере 718, а 4 октября его перевели в камеру 716, куда красноармейцев не помещали после весеннего капитального ремонта. Но по заключению следственной комиссии, там находился тайник с оружием. Этот самый тайник, несмотря на тщательный обыск, также не был обнаружен.

В докладах чиновников различаются сведения о марках пистолетов, из коих произведены выстрелы.

На оружии, из которого якобы застрелился Распе, вообще нет отпечатков пальцев.

Камеры видеонаблюдения в коридоре той ночью не работают (как выяснится позднее, именно и только той ночью). Большинство охранников сменены за несколько дней до этого.

Наконец, непредставимо, чтобы Мёллер, хрупкая девушка, вдобавок истощённая тюремным режимом особой строгости и голодовками, четырежды всадила себе в грудь, близко от сердца, тупой столовый нож из мягкого сплава с закругленным концом, который трудно всадить в себя хотя бы один раз даже мужчине-атлету. (Кстати, гораздо легче полоснуть по сонной артерии.) А нож проник в грудь на целых 7 см.

(Если вспомнить революционеров, пытавшихся заколоться, Гракха Бабёфа и О.-А. Дарте, плюс Карла Занда, то они, истыкав себе грудь, столь глубоких ран нанести не смогли, и выжили при гораздо более примитивной медпомощи (1797-1820 гг.), при том что были мужчинами молодого и среднего возраста, и не истощёнными голодовкой, и прибегли к настоящим кинжалам, а не столовым ножам из мягкого сплава с закруглённым концом. Вспоминается и Сальватор Альенде, за 4 года до «ночи смерти в Штаммхайме» объявленный застрелившимся, при этом получив то ли 13, то ли 17 пулевых ранений.

Антикоммунисты постоянно приписывают противникам небывалые физические подвиги.)

«В какой-то момент я проснулась от странного шума, который так и не смогла распознать. Достаточно сильного. На выстрел он не был похож, скорее напоминал падение шкафа или что-то вроде этого. Затем у меня вдруг потемнело в глазах, и очнулась я уже лежащей на полу коридора, а вокруг стояли какие-то люди и проверяли мои зрачки. Затем услышала голос: “Баадер и Энслин мертвы”. После этого всё вновь померкло» (интервью Мёллер журналу «Шпигель», 1994 г.). «Я не видела никаких документов об этой трагедии, не смогла по независящим от меня причинам дать показания специальной комиссии по расследованию этих событий. Даже к финальному отчёту комиссии я не имею доступа». «Одно из ранений Гудрун вообще никто и никогда не исследовал». «Я не думаю, что здесь замешана тюремная охрана, прибежавшая в наш отсек сразу после происшествия и поднявшая тревогу. Гибель Баадера, Энслин и Распе плюс мои ранения – дело рук “группы специального назначения”, проникшей в здание через отдельный вход даже без ведома администрации тюрьмы» (всё там же). «И было известно, что сотрудникам тюрьмы в таком деле не вполне доверяли. Время от времени у кого-нибудь развязывался язык, и он рассказывал о нас какие-нибудь нелепые истории для “Бунте”, “Квика” или “Штерна” (самых популярных тонких иллюстрированных журналах ФРГ 1970-х – Л.)» (Мёллер, интервью О. Тольмайну).

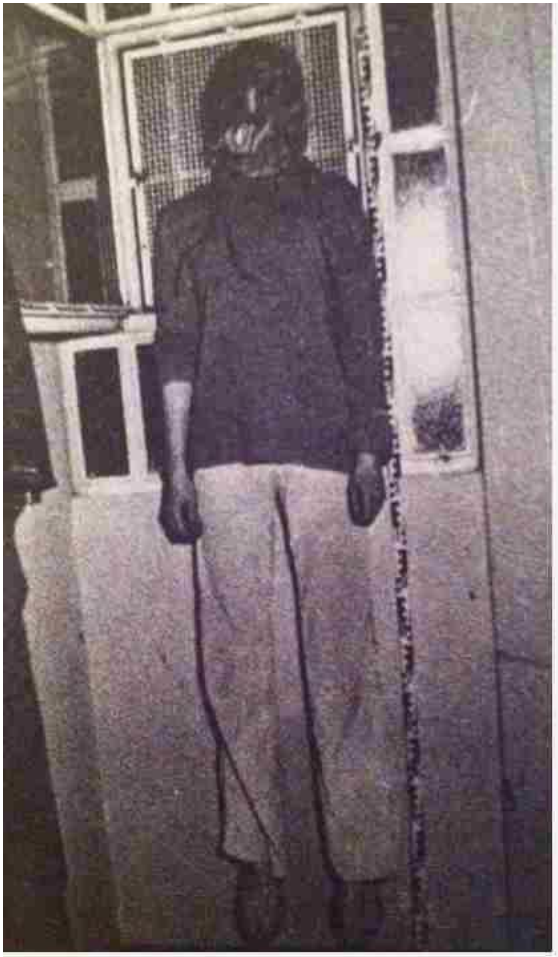
«Тут всё просто: у тюремных властей 70-х в ФРГ *не было* опыта фабрикации коллективных самоубийств политических заключённых – и в результате сделали они всё *очень топорно*» (Александр Тарасов, «Партизан-антифашистов…»).

Добавим слова французского революционера Жан-Марка Руйяна, главы организации «Аксьон директ»: «Мы были арестованы не в 70-х годах, а ближе к концу активной фазы герильи. Совершенно ясно, что в противном случае мы бы разделили судьбу первого поколения РАФ. Если бы какая-либо группа вооружённого сопротивления попыталась нас освободить и попытка не увенчалась успехом, правительство уничтожило бы нас не моргнув глазом» (интервью организации «Роте Хильфе» («Красная помощь»), «Наше дело против их дел»).

«В ту ночь проявилась действительная суть существовавших отношений» (Мёллер, интервью Тольмайну).

Undated photographs of R.A.F. leaders
Andreas Baader (left),
Jan-Carl Raspe and Gudrun Ensslin (below)

Андреас Баадер, Ян-Карл Распе и Гудрун Энслин



EXCLUSIVE: Gudrun Ensslin found hanging in her cell

Повешенная Гудрун Энслин

Убитые Андреас Баадер и Гудрун Энслин

19 октября, ФРГ, Франция. Ирмгард Мёллер приходит в себя в реанимационном отделе больницы Тюбингена. Вокруг полицейские, рядом с её койкой прокурор. Мёллер вскрывают грудную клетку и дренажем откачивают выделения из раны и кровь, заполнившую лёгкие.

Ирмгард Мёллер

Редакция левой французской газеты «Либерасьон» верхнеэльзасского города Мюльгаузена и немецкая полиция в Штутгарте получают письмо:

«Через сорок три дня мы положили конец жалкому и коррумпированному существованию Ганса-Мартина Шлейера. Герр Шмидт (канцлер Гельмут Шмидт – Л.), дабы удержаться у власти, с самого начала спекулировал жизнью Шлейера. Он может забрать труп в зелёном “Ауди 100” с номерами города Бад-Хомбург рядом с магазином мужских шляп Чарльза Пегуи в Мюлузе (Франция – Л.).

В сравнении с нашей болью и яростью, после бойни в Могадишо и тюрьме Штаммхайм, его смерть незначительна. Андреас, Гудрун, Ян, Имгард… Мы вовсе не удивлены фашистской драмой, организованной империалистами, желающими уничтожить освободительное движение. Мы никогда не забудем Шмидту и поддерживающим его империалистам пролитую кровь. Борьба только началась… Коммандо Зигфрида Хауснера».

Опасаясь, что автомобиль со Шлейером заминирован, над ним долго работали французские подрывники. Первая информация в прессе сообщает, что Шлейера якобы задушили струной от рояля, но на следующий день следует опровержение. «Босса боссов» казнили 3 выстрелами в затылок с близкого расстояния, видимо, в лесу – на его лице и во рту нашли сосновые иглы.

20-25 октября, ФРГ. СМИ публикуют список 16 подозреваемых в казни фашиста – Бригитта Монхаупт, Вилли-Петер Штоль, Кристиан Клар, Ханна-Элиза Краббе, Фредерик Краббе, Сильке Майер-Витт, Адельхайд Шульц, Ангелика Шпайтель, Зигфрид Штернебек, Рольф Клеменс Вагнер, Сюзанна Альбрехт, Кристоф Вакернагель, бывший адвокат партизан Йорг Ланг, Элизабет фон Дюк, Юлиана Пламбек и Инга Ветт.

25 октября, Штутгарт. Ганс-Мартин Шлейер, эсэсовский палач, христианин-демократ и крупный буржуй ФРГ, похоронен – на государственном уровне – в университетской церкви Штутгарта. Президент Вальтер Шеель произносит речь.

«…Если мы обратимся к нашим чувствам, то слова, приходящие на ум, будут те, что уже не раз высказывались в последние дни. Это ярость, возмущение, отвращение! Эти слова лишь малое проявление испытываемого нами сейчас. Язык бессилен перед произошедшим в эти дни. Я хотел бы добавить слово: стыд. В нашем обществе происходят позорные вещи, которые не выдерживает сознание, их хочется забыть как самое страшное зло, на которое способен человек. Я стыжусь за злость этих молодых, заблуждающихся людей. Они сами, пожалуй, не могут испытывать большего стыда. Имеется хоть что-нибудь, что эти молодые люди уважают, что свято им? Они смеются над такими словами. Они гордятся, что убивали, что могут отнимать, вымогать, что лично для себя упразднили понятие совести. Они свободны от какого-либо препятствия, от любого табу. Они свалили все достижения двухтысячелетней культуры на мусор. Они свободны от них. Но какая страшная гримаса свободы там смотрит на нас? Это свобода злости, свобода разрушения. Они хотят разрушения, хаоса, страха, всё это значит – террор. Глубокая ненависть к миру и самим себе лежит в основе всего этого. Они – не только враги демократии, они – враги любого человеческого устоя. Эта вражда – неприкрытое варварство. Эти молодые заблуждающиеся люди грозят не только демократическим свободам. Они – враги каждой человеческой цивилизации. Отдельные государства начинают понимать это. Они в испуге начинают понимать, что удару подвергается не отдельная государственная политическая система, а любой государственный порядок. Это наиболее отчётливо стало заметно, когда правительства Советского Союза и Германской Демократической Республики предлагали нам помощь в эти тяжёлые дни (и они называли себя коммунистами… – Л.). Борьба против терроризма – борьба цивилизации против разрушающего любой порядок варварства… Если этот огонь не задушить своевременно, он распространится по всему миру…»

«От имени всех немцев я прошу прощения у семьи Шлейера», добавляет президент.

«…именно те, кто любят говорить о морали, с моралью не в ладах (они, собственно, потому о морали постоянно и говорят)» (Александр Тарасов, «Капитализм ведёт к фашизму…»).

Кое в чём президент прав: правительства СССР и ГДР солидаризировались с ФРГ, ибо «в испуге начали понимать, что удару подвергается не отдельная государственная политическая система, а любой государственный порядок». То есть начали понимать, что рафовцы – Че Космодемьянские (ЧК, чекисты), то есть *коммунисты*, а коммунизм – *безгосударственное* общественное устройство, без чинуш в кабинетах. Бюрократам из ЦК КПСС такие перспективы не понравились.

27 октября, Штутгарт. Андреас Берндт Баадер, Гудрун Энслин и Ян-Карл Распе похоронены на кладбище Дорнхальден. Многие горожане против этого. Но бургомистр Манфред Роммель настоял на этом кладбище: «Нет перворазрядных и второразрядных кладбищ. Вся вражда должна прекратиться после смерти».

Отец Роммеля, знаменитый фельдмаршал Эрих Роммель, покончил с собой в 1944-м. И его сыну не нравятся разговоры о том, что самоубийц рядом с остальными хоронить нельзя (командиров РАФ объявили самоубийцами). «Может, моего отца тоже прикажете вырыть из могилы?!», раздражённо спрашивает он подчинённых.

Кроме того, как и в случае с Майнхоф, церковь не приняла версию самоубийства, в частности, её отринул епископ Вюртембергский. Изложить причины этого он отказался, сославшись на тайну исповеди.

Красноармейцы похоронены в виде пирамиды – слева Баадер, справа Распе, Энслин посередине, в вершине пирамиды, под маленькой каменной

плитой с «сердечком». Над гробами, по решению мэрии – специальное покрытие, защита от вандализма.

Похороны антифашистов проходят не на государственном уровне, как фашиста Шлейера. Но на них не 200 пришедших, а несколько тысяч. И столько же полицейских – автоматчиков и пулемётчиков.

Фрагмент 23 главы «Моби Дика» приводился дважды: при описании характера Энслин и её ареста, когда цитата дополнилась двумя фразами. Последняя фраза абзаца претворилась в жизнь Энслин (и её соратников) только сейчас, приведём и её:

«Ты начинаешь различать проблески смертоносной, непереносимой истины, той истины, что всякая глубокая, серьёзная мысль есть всего лишь бесстрашная попытка нашей души держаться открытого моря независимости, в то время как все свирепые ветры земли и неба стремятся выбросить её на предательский, рабский берег.

Но лишь в бескрайнем водном просторе пребывает высочайшая истина, безбрежная, нескончаемая, как бог, и потому лучше погибнуть в ревушей бесконечности, чем быть с позором выброшенным на берег, пусть даже он сулит спасение. Ибо жалок, как червь, тот, кто выползает обратно на сушу. О грозные ужасы! Возможно ли, чтобы тщетны оказались все муки? Мужайся, мужайся, Балкингтон! Будь твёрд, о мрачный полубог! Ты канул в океан, взметнувши к небу брызги, и вместе с ними ввысь, к небесам, прянул столб твоего апофеоза!»

Похороны Гудрун Энслин, Андреаса Баадера и Ян-Карла Распе

Октябрь, ФРГ. Правительственная компания против изготовления нелегальных печатных изданий и многочисленных листовок (особенно против западноберлинского издания «Инфобуг») – аресты и судебные процессы против авторов, наборщиков и распространителей левых печатных изданий, чуть позже – против печатающих «агитки».

Штутгарт, 27 октября 1977 г. Симпатизанты РАФ, протестующие против убийства красноармейцев в Штаммхайме

18 октября – 12 ноября, Мюнхен. Ингрид Шуберт, участница освобождения Андреаса Баадера, отбыла бо́льшую часть тюремного срока, до выхода на свободу остаётся 6 лет. Утром 18 октября, через несколько часов после «ночи смерти в Штаммхайме», её неожиданно насильно подвергают гинекологическому обследованию. После этого её, в тюрьме Штадельхайм, проверяют каждые полчаса как «склонную к самоубийству». Между тем Шуберт пишет письма к Ирмгард Мёллер, пишет, что надеется на встречу с товарищами. (В январе 1978-го их опубликует еженедельник «Информационная служба по распространению незамеченных новостей».) Мёллер, пребывая в «мёртвом тракте» Штаммхайма, сможет прочесть их лишь намного позднее.

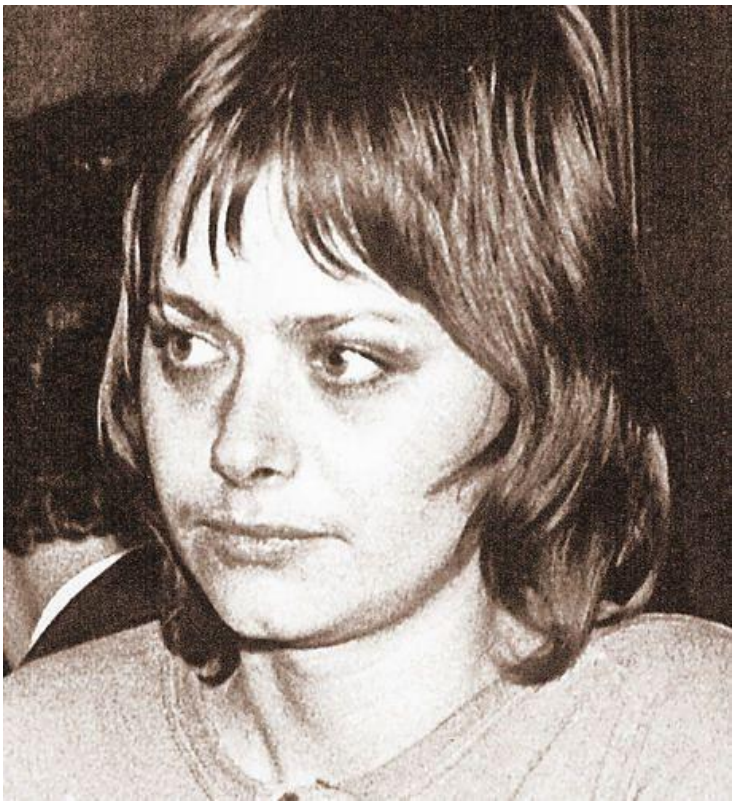
За несколько дней до 12 ноября Шуберт переводят в другую камеру.

12 ноября, за 2 недели до своего 33-летия, Ингрид Шуберт найдена повешенной на оконной раме одиночной камеры. Объявлено о самоубийстве.

«Её смерть выпала из публичной дискуссии, потому что она умерла не в Штаммхайме и потому что, несмотря на всю необычность, не было никого, кто продолжил бы расследовать обстоятельства её смерти» (Мёллер, интервью Тольмайну).

Шуберт получила медицинское образование, окончив Свободный университет Западного Берлина в марте 1970-го. Была у преподавателей на отличном счету. В РАФ носила псевдонимы «Ирина» и «Нина» (Мёллер до сих пор называет её Ниной).

Отец Шуберт переживёт её на 15 лет – как бывший член гитлеровской партии, и не из последних, проблем с законом он не имеет.



Ингрид Шуберт

19 октября – ок. 20 ноября, Тюбинген, Гогенасперг. В реанимации тюбингенской больницы инструкторша по лечебной гимнастике заново учит Ирмгард Мёллер дышать. Только через день после госпитализации её адвокат смогла пробиться к ней и сообщить о гибели Баадера, Энслин и Распе. «В тюрьме мы никогда не чувствовали себя в безопасности. Это было одной из причин, почему мы не хотели, чтобы нас разделяли: так мы могли защищать

друг друга. Но знать, что такое может случиться, это всё же совсем другое, нежели в действительности потом пережить это. Тогда я должна была одна справляться с этим. Это была тотальная, оглушительная боль, сильнее страха, что на меня вновь совершат покушение» (Мёллер, интервью Тольмайну).

Адвокатесса пытается обсудить с врачами и медсёстрами, как можно нанести себе такие удары ножом, но все отмалчиваются.

Рядом с Мёллер постоянно сидят 2-3 полицейских, под окном патруль автоматчиков. Через 5-6 дней Мёллер на вертолёте перевозят в тюремную больницу в Гогенасперге, на месяц. В другом отделении больницы находится Гюнтер Зонненберг, но общаться у них нет возможности. Мёллер ещё не может ходить. (Дышать, кашлять, смеяться и лежать на боку ей будет больно ещё годы.) Прямо у кровати постоянно сидят несколько надзирателей, ведя неусыпное наблюдение. Перед приходом адвоката каждый раз проводится обыск, в частности, ощупываются волосы. После в кресле-каталке Мёллер везут в камеру для свиданий.

Рентгеновских снимков Мёллер так и не увидит. (Через несколько лет их захочет посмотреть тюремный врач в Любеке и затребует их у тюремной больницы Гогенасперга и лазарета Штаммхайма, но снимки ему не выдадут.)

28 ноября, Штутгарт. Начинается суд над Вереной Беккер. Через месяц её приговорят к пожизненному заключению за покушение на убийство.

Верена Беккер

Ноябрь, Палестина, Франция, ФРГ. Ингрид Зипман, живущая в тренировочном лагере Народного фронта освобождения Палестины, по предложению палестинцев готовится к участию с «Движением 2 июня» в похищении астрийского текстильного промышленника Вальтера Пальмерса. Впрочем, вместо неё в проведение операции вовлекут Габриэлу Крочер-Тидеман. (Пальмерса похитят 9 ноября и освободят 13 числа после 100 часов плена, за 2 млн долларов.)

Адвокат Клаус Круассан выдан Францией ФРГ. Обвинён в поддержке РАФ – Круассан не верит в самоубийства в Штаммхайме и требует расследования обстоятельств трагедии. Во Франции он опубликовал новые

факты об убийстве командиров РАФ, он же член «Международной следственной комиссии», признавшей смерть Ульрики Майнхоф убийством.

В ФРГ его приговорят к 2,5 годам тюрьмы с последующим 4-летним «запретом на профессию».

Вторая половина осени, Европа. Убийства в Штаммхайме вызывают волну протестов.

В Италии гремит более 20 взрывов на западногерманских предприятиях. В Риме марш молодёжи на посольство ФРГ оборачивается многочасовой битвой. Ранены 4 полицейских, арестовано 25 демонстрантов.

Во Франции сожжены 2 автосалона ФРГ и множество автомобилей западногерманских фирм. В Лиможе уничтожена станция техобслуживания «Мерседес-Бенц», на уцелевшей стене начертано: «Возмездие». В Тулузе разрушен бумагоделательный комбинат ФРГ. Мощный взрыв в Версале на фабрике, принадлежащей ФРГ.

В Греции леворадикалы пытаются подорвать крупное западногерманское предприятие в предместье Афин. В перестрелке ранены 2 полицейских.

Надпись на плакате: «Андеас Баадер, Гудрун Энслин и Ян-Карл Распе убиты в Штаммхайме»

Осень, ФРГ. Назначена награда в 100 000 марок за донос на красноармейцев. (Марка была дороже нынешнего евро.) По всей стране расклеены плакаты с надписями «100 000 марок» и портретами 19 партизан. Уже в первые дни поступает 15 000 доносов. В земле Северный Рейн – Вестфалия в первый же день арестовано 80 человек (не задержано, а именно арестовано). Все они отпущены, оказавшись невиновными, но в большинстве уволены с работы как «потенциальные симпатизанты» – для увольнения достаточно не только симпатизировать партизанам, но и иметь потенциальную склонность к тому, чтобы начать симпатизировать.

Слова Бернварда Веспера о ФРГ как «обществе доносчиков» становятся ещё истинней, чем при его жизни.

Сыну Энслин и Веспера, 10-летнему Феликсу, сверстники сообщают, что его мать в тюрьме (т. е. она ещё была жива). «Я ответил: вы с ума сошли, моя мама дома на кухне» (Ф. Энслин, интервью «Шпигелю», 2011 г.). Мальчик разумеет приёмную мать. Он действительно ничего не знает и не верит вестям.

Христианско-демократический союз требует арестовывать говорящих и пишущих не «банда Баадера-Майнхоф», а «РАФ» или «группа Баадера-Майнхоф». Доносы и аресты по этому поводу охватывают всю страну. Десятки тысяч людей задержаны по подозрению в «причастности» в ходе осуществления «чрезвычайных мер по борьбе с терроризмом». У задержанных берут отпечатки пальцев, пробы крови, волос, их фотографируют и заводят на них досье. С заподозренными в симпатиях к партизанам перестают здороваться, знакомые при встрече переходят на другую сторону улицы.

«Одни всем сердцем за героя, другие всегда на стороне полиции» (Элиас Канетти, «Ослепление»).

Молодые люди опасаются собираться втроём-вчетвером, ибо рискуют быть арестованными (полицию могут вызвать и прохожие).

Христианско-демократический союз срочно издаёт новый «Молот ведьм», книгу «Терроризм в Федеративной Республике», согласно которой можно репрессировать полстраны. В «пособники терроризма» записаны даже министр внутренних дел Майхофер и федеральный канцлер Гельмут Шмидт.

Рок-музыка почти официально объявляется музыкой симпатизантов РАФ (рок изначально был связан с левым движением), «музыкой, пропагандирующей наркотический бред», музыкой «насилия», «упадка и разрушения». Можно уверенно предположить: будь деятельность РАФ ещё активней, рок вконец бы запретили.

(Впрочем, не имею сведений, насколько рафовцы любили рок. Члены «Коммуны 1» и «Движения 2 июня» рок слушали, англоязычный (оригинальный немецкий рок тогда ещё не сформировался). Ральф Райндерс, перешедший в РАФ из «Движения...», 17-летним как поклонник «Роллинг Стоунз» был участником беспорядков в театре Вальдбюне в 1965-м.)

В молодёжные центры и кафе, в помещения органов студенческого самоуправления и многоэтажные здания без адреса съезжаются оперативные группы полиции и прокуроры. Фильмы и спектакли, в коих можно усмотреть хоть малейшую симпатию к революционной борьбе, изъяты из программ, по той же причине убираются пьесы из репертуаров театров.

Цензура доходит до нелепости, на уровне монархий XIX в. В СССР такого не было даже во время Великой Отечественной, хотя тогда под угрозой было само существование государства, а у РАФ нет сил для уничтожения ФРГ. Например, запрещены две пьесы «Антигона» – Бертольда Брехта (1947-го) и Софокла. Пьеса Брехта – антифашистская, то есть власти фактически признаются, что не доверяют вообще всем антифашистам (интересно, понимали ли сами цензоры, насколько символичен и *саморазоблачителен* для них этот запрет?). Запрет античной «Антигоны» стал анекдотичным по трусости и тупости властей – в сочинении древнего грека усмотрены симпатия к бунту молодёжи против репрессивного законодательства, «восхваление террористов» (софокловская Антигона, замурованная в тюрьме, повесилась, что сочтено параллелью к «мёртвому тракту», в котором погибли командиры РАФ), наконец, в финале трагедии хор призывает казнить царя Креонта – это власти сочли и вовсе возмутительным.

(Любопытно: российские правые 2000-х, возможно, и не зная о РАФ, становятся на сторону фашистской цензуры времён «немецкой осени», касаемо Антигоны. Вот, например, рассуждение об «Антигоне» знаменитого

французского драматурга Жана Ануя, написанной в 1942-м: «Правда, в последние годы ставить “Антигону” именно Ануя всё сложнее и сложнее. Время нещадно переставляет акценты в классике XX века – и в диалоге жестокого, заботящегося о порядке в государстве правителя Креонта и принципиальной Антигоны (как бы режиссёры и актёры не старались доказать обратное) правота как-то само собой склоняется на сторону отягощённого ответственностью царя, а упёртая диссидентка Антигона выглядит в лучшем случае дурочкой, а в худшем – пособницей террориста». https://revolution.allbest.ru/culture/00613846_0.html Удивительно – здесь даже не обошлось без слова «терроризм»...

Возобновлена травля Генриха Бёлля, отказавшегося поверить в самоубийства командиров РАФ. Газеты сравнивают Бёлля с Геббельсом, пишут, что «Бёлль опаснее Баадера-Майнхоф». Чтобы надавить на нобелевского лауреата, полиция и СМИ принимаются за его сына Раймунда, скульптора. У Раймунда проводят обыск, вместе с женой подвергают допросам.

Версию самоубийства отмели и другие известные писатели – Петер Вайс, Вольф-Дитрих Шнурре, Петер Шютце, председатель Союза писателей ФРГ Ханс-Магнус Энценсбергер, Гюнтер Вальраф, Макс фон дер Грюн etc.

По всей стране проходят демонстрации студентов.

Ноябрь-декабрь, ФРГ. В «Движении 2 июня» назревает раскол. Одни партизаны – «популистская фракция» – предлагают дистанцироваться от рафовцев, особенно после похищения «Ландсхута», другие, «антиимпериалистическая фракция» – наоборот, всё больше ориентируются на РАФ.

Конец ноября – декабрь, Штутгарт. Ок. 20 ноября Ирмгард Мёллер переводят обратно в Штаммхайм. В новой камере нет двери, только решётка. Мёллер тут же объявляет голодовку. Через несколько дней дверь

устанавливают, но с большим отверстием в середине. Тюремный столяр сооружает помост – на нём надзиратели сидят на стульях и непрерывно наблюдают за лежащей на матрасе красноармейкой. Наконец решётку занавешивают чёрным платком. Его приподнимают каждые 3 минуты, потом 5 минут, наконец, 10. (В тюрьмах РФ особо строгого режима, где сидят главным образом здоровенные мужланы, подобная проверка проводится раз в 15 минут.) «Обращение, применявшееся ко мне, было направлено на то, чтобы я потеряла рассудок. [...] Для них лучше всего, конечно, было бы выставить меня сумасшедшей. Ведь это должно было доказать: только сумасшедшие идут в РАФ и поднимают оружие против Системы» (Мёллер, интервью Тольмайну). Стригут Мёллер под надзором 3 тюремщиков, стоящих вплотную к ней – вдруг она захочет вырвать ножницы. Перед выходом из камеры – ко врачу, для прогулки (на крыше) – и по возвращении нужно раздеваться догола. (В той же ситуации пребывают и др. узники из партизан – о постоянном раздевании по любому поводу будет вспоминать Ральф Райндерс.)

В декабре Мёллер вызывают для дачи показаний перед парламентской следственной комиссией, как выжившую в «ночь смерти в Штаммхайме». Но Мёллер очень слаба, к тому же объявила голодовку, требуя перевода к заключённым товарищам. В начале месяца её навещает представитель следственной комиссии и говорит, что она обязана дать показания – при закрытых дверях – примерно к 8 декабря. «Я не буду этого делать», отвечает Мёллер, лёжа на матрасе на полу. Через несколько дней ей предлагают дать показания в январе.

20 декабря, Поррентру (Швейцария). Габриэла Крочер-Тидеман и Кристиан Меллер арестованы при попытке подпольно пересечь границу ФРГ. При аресте они ранят 2 таможенников (один останется парализованным). Крочер-Тидеман приговорят к 15 годам тюрьмы. Поскольку в Швейцарии нет

женской тюрьмы строгого режима, специально для Крочер-Тидеман оборудуют крыло тюрьмы Хиндельбанк в кантоне Берн.

1977, ФРГ. Выходит на свободу Ирэн Гёргенс, освобождавшая Баадера вместе с Ингрид Шуберт.

Согласно Монике Хелбинг, Фредерик Краббе уехал в Багдад вместе с Элизабетой фон Дюк.

В конце года Верена Беккер приговорена к пожизненному заключению.

Скульптор Раймунд Бёлль, сын Генриха Бёлля, эмигрирует в Швейцарию, в связи с кампанией, развязанной против него СМИ. Его поносят как симпатизанта красноармейцев, мстя его отцу за неверие в самоубийства командиров РАФ. Газеты концерна «Шпрингер» выставляют его «соучастником Баадера-Майнхоф». Обвиняют в том, что он плохой скульптор, плохо учился, не знает немецкий язык, создаёт «символы агресии» (газета «Бильд»), его скульптуры «паталогические». Чёрный юмор: сравнивая Генриха Бёлля с Геббельсом, при поношении творчества Раймунда газетчики постоянно сбиваются на геббельсовскую терминологию.

(Раймунд Бёлль скончается в 1982-м году от рака, 35-летним.)

1971-1978

Вся эта история была где-то на грани здравого смысла, и, если бы я не пережил всего этого сам и этого не могли бы подтвердить непредвзятые свидетели, я счёл бы всё это по меньшей мере выдумкой или плодом болезненной фантазии.

Дитрих Киттнер, «Когда-то был человеком…»

7 000 граждан уволены с работы как политически неблагонадёжные, 3 миллиона – 8-10 % совершеннолетних – прошли «проверку на благонадёжность». Именно в 1970-х, в связи с РАФ, власти ФРГ изобретают термин «сочувствующий». Сочувствующий не активист, не состоит в какой-либо организации, даже самой мирной, но «сочувствует» тем, кто неугоден властям, и в этом его вина.

Избивая демонстрантов, полицейские приговаривают: «Таких, как вы, фюрер топил в болоте», «Гитлер знал, как поступать с такими, как вы» (Дитрих Киттнер, «Когда-то был человеком…»). Книга Киттнера названа так потому, что в апреле 1975-го один из полицейских при разгоне демонстрации слезоточивым газом крикнул ему (в мегафон, хотя стоял в полуметре): «Господин Киттнер, несколько лет назад вы были человеком, сейчас вы всего лишь демонстрант!» «Это нечто большее, чем случайно сорвавшаяся с языка неудачная фраза» (там же).

Полиция проводит «расстрельные облавы» – партизан убивают при задержании, даже если их можно арестовать. Но главным образом полиция расстреливает в общественных местах всех кажущихся подозрительными, на 96 % – случайных прохожих. В полицейских рапортах причины убийств объясняются однотипными фразами: «показался мне подозрительным»,

«недостаточно быстро поднял руки вверх», «подозрительно держал руки в карманах», «можно было предполагать, что собирается выхватить пистолет», «подозрительно оглядывался по сторонам», «не сразу обернулся на оклик».

Таким образом убито 145 человек. Партизан среди них оказалось то ли 5, то ли 7 человек.

Все полицейские-убийцы оправданы. К ним и оправдавшим их судьям приставлена охрана.

Наиболее известен случай с полуслепым юношей Клаусом. В него выстрелил полицейский у крупнейшего универмага в Кёльне, «Кауфхофа», где Клаус гулял с друзьями, держась за щёку (зуб болел). Обернувшиеся друзья увидели полицейских с автоматами, подбегающих к лежащему в крови Клаусу. «Что вы делаете?!», закричала девушка рядом. «Он прятал лицо руками!», крикнул один из полицейских. «Посмотрите, – Клаус указал на свои толстые очки, – какой из меня террорист?!». «Типичный», ухмыльнулся полицейский и добил его вторым выстрелом.

Семья и друзья убитого 5 лет борются за осуждение полицейского. В результате их увольняют с работы как «симпатизантов РАФ», за ними устанавливают слежку, проводят у них обыски, некоторые из них получают инфаркты в ходе этих событий.

«“Расстрельные облавы” были не “полицейской истерией” – они были санкционированы сверху. Западногерманское государство просто *не умело* вести себя по-другому. Государство – это аппарат, аппарат – это люди, а люди были *те же самые*, что при Гитлере» (Александр Тарасов, «Вьетнам близко…»). «Ах, люди, люди! Что за люди!» («Моби Дик», XXIV, «В защиту»).

(В 1981-1989 гг. в СССР будут разыскивать и найдут серийного убийцу Чикатило. Попутно милиция раскроет 1 062 преступления: 95 убийств, 140 случаев нанесения тяжких телесных повреждений, 245 изнасилований и 582

мелких преступления. Невинно репрессированных – за 9 лет – будет 10 человек, из них расстреляют только одного (вора-педофила, возможно, и убийцу). При этом у советского правительства будет больше повода для «полицейской истерии», ибо разыскиваемый будет куда опаснее для общества, чем РАФ: только в 1980-х он убъёт – с изнасилованием, пытками и глумлением над трупами – ок. 50 человек, часто детей, а РАФ за 27 лет своей истории – 33 или 34 совершеннолетних человека, без пыток.

Серийный убийца, из-за которого в СССР осудят больше всего невинных людей – Михасевич. Из-за него репрессируют (за 14 лет всей этой истории, в 1971-1985 гг.) 14 человек, из коих погибнет только один. Остальным, выпустив из тюрьмы, государство даст квартиры. При поисках преступника попутно милиция раскроет 221 преступление, в том числе 27 убийств, 17 случаев нанесения тяжких телесных повреждений, 14 грабежей и разбоев, 93 кражи, арестует 479 преступников и найдёт 186 пропавших без вести. При этом опять таки у властей будет больше повода для истерии: за 14 лет данный преступник убьёт – с изнасилованием – то ли 36, то ли 43 человека, то есть больше, чем РАФ за 27 лет. Кроме того, за 14 ошибочно осуждённых понесут ответственность ок. 200 сотрудников МВД – один покончит с собой до суда, остальных накажут тюремными сроками, понижением в званиях и должностях, выговорами, увольнением из правоохранительных органов и исключением из КПСС.

Западногерманская полиция, убив за 8 лет ок. полутора сотен случайных людей (сплошь молодых, среди них минимум одного несовершеннолетнего (17-летний Ричард Эппл)), не предоставила ничего даже отдалённо похожего на вышеприведённые списки попутно раскрытых преступлений. Из виновных силовиков накажут только одного, да и то сами партизаны (об этом ниже)).

Служащие банков, на которых наставляют оружие красноармейцы-экспроприаторы, больше опасаются не их, а полиции – «террористы» никого не тронут, если не сопротивляться, зато велик риск погибнуть от шальной пули прибывшей полиции. После случая, когда в начале 1970-х некий уголовник Роммельмайер взял заложницей служащую мюнхенского банка и её застрелила примчавшаяся полиция, с этим не спорит никто.

Страх, въевшийся в людей, останется на десятилетия. В 2007-м Ганс-Кристиан Штройбель вспомнит в интервью: «Встречаясь с нынешними молодыми людьми, я часто получаю вопросы – что тогда происходило и кто были эти люди (рафовцы – Л.), почему они это сделали? Меня приглашают к разговору на эту тему в школы, молодёжные клубы и университеты, и я всякий раз убеждаюсь в том, что этот период – огромная дыра в мировом восприятии молодых. Они рассказывают мне, что их учителя и преподаватели избегают разговора на эту тему, и у меня складывается впечатление, что этот страх педагогов тоже одно из последствий осени 1977-го года. Педагоги и профессора боятся темы, боятся произнести неверное слово или высказать неверную мысль, считая, что это приведёт к неприятностям и повредит карьере».

В 1972-м, чтобы отметить 175-летие Генриха Гейне, власти Дюссельдорфа закупают 20 000 экземпляров его книг в ГДР – в ФРГ, в 3,5 раза превосходившей ГДР по населению, нужного количества не нашлось. Левые и еврейские организации, уже десятилетиями борющиеся за то, чтобы назвать Дюссельдорфский университет именем Гейне, вновь терпят неудачу, что неудивительно – Гейне был коммунистом, другом Маркса, его запрещал сам Гитлер. (Большими тиражами Гейне не издают до сих пор, полного собрания сочинений не было ещё к началу 2000-х (не уточнил, есть ли сейчас)). «Захолустье – и мелкотравчатое к тому же» (Майнхоф).

В 1976-м, в год убийства Майнхоф, 1 июля в Клингенберг-на-Майне погибает 23-летняя Анна-Элизабет Михель (более известная как Аннелиза Михель), после проведения над ней обрядов экзорцизма, изгнания дьявола. У девушки диагностировали височную эпилепсию, но она и её родители решили, что в неё вселился нечистый, и обратились к священнику, 10 месяцев изгонявшему из несчастной демонов. В результате Михель, оставленная без воды и пищи, умерла от истощения и обезвоживания. «Вашингтон Пост» в 2005-м напишет о детстве Михель: «Пока другие дети её возраста бунтовали против власти и экспериментировали с сексом (намёк на левую молодёжь, ушедшую в РАФ – Л.), она, пытаясь искупить грехи наркоманов и сбившихся с пути истинного священников, спала на голом полу посреди зимы». (Видимо, такая молодёжь устраивает янки больше рафовской.) Мать Михель в том же 2005-м заявит в интервью, что не жалеет о проведённом экзорцизме, ибо её дочь была одержима и умерла во искупление чужих грехов.

В середине семидесятых Фрицу Родевальду, выдавшему Майнхоф, удаётся устроиться на работу в Ганноверский университет, что вызывает бурное недовольство студентов. С другой стороны, его по-прежнему не любят правые, и руководство Христианско-демократического союза во главе с Эрнстом Альбрехтом подаёт в суд на Родевальда, требуя отстранить его от работы в университете и вообще от государственной службы. Дело закрывают после того, как адвокат Родевальда напоминает о его заслугах в борьбе с партизанами – Родевальд выдал главу РАФ, ему предлагали Орден за заслуги. Тем не менее несколько позже полиция целый день допрашивает его, подозревая, что он член РАФ.

1978-1993

По признанию тогдашних полицейских и современных исследователей, РАФ стала значительно опытнее, действует профессионально.

Брюс Хоффман, исследователь подпольных группировок из Джорджстаунского университета США, отмечает: «Сообщения прессы, обвинительные акты, показания в зале суда и судебные протоколы тщательно просматриваются на предмет информации о тактике и методах борьбы правоохранительных сил, затем принимающейся во внимание оставшимися членами группы. Третье поколение Фракции Красной Армии, появившееся в конце 1980-х годов, классический пример подобного явления. По словам высокопоставленного немецкого чиновника, члены группы постоянно изучали "каждое судебное дело, направленное против них, чтобы выявить слабые стороны группы". Узнав на суде из свидетельских показаний сотрудников правоохранительных органов о методах борьбы с террористами (иногда наводящие вопросы об этом задавали благожелательно настроенные адвокаты), последние смогли впоследствии предпринять необходимые контрмеры, чтобы избежать обнаружения. Например, узнав, что немецкая полиция снимала отпечатки пальцев с обратной стороны унитазных сидений и внутренних поверхностей холодильников, члены Фракции Красной Армии стали наносить на пальцы специальную мазь, после высыхания препятствующую перенесению отпечатка пальца на поверхность и таким образом затрудняющую установление личности. Представитель немецкого департамента федеральных расследований за несколько месяцев до появления одностороннего объявления о прекращении огня Фракцией Красной Армии в 1992 году (в 1993-м – Л.) выказал недовольство тем, что "третье поколение многое извлекло из ошибок своих предшественников – о работе полиции, […] они действуют более осторожно"» («Внутренний терроризм»).

(«Третьим поколением» Хоффман и немецкие чиновники называют четвёртое и пятое. Буржуазные авторы не учитывают, что многие командиры, ещё будучи живы, находились в тюрьмах, не ведя общественную деятельность. По их логике, в РАФ было даже не 3, а только 2 поколения, учитывая, что до конца её истории авторитет «железной Бригитты» оставался неоспорим даже в положении заключённой. Фактически было 5 поколений РАФ – с новым руководством, почти полностью сменившимися кадрами и новой тактикой.)

Суд не может установить, кто именно участвовал в той или иной акции, красноармейцев осуждают только благодаря принципу коллективной ответственности (не распространяемому на правых радикалов). Примерно половина членов 3-5 поколений РАФ до сих пор неизвестны по именам.

1978

16 января, Штаммхайм. Ирмгард Мёллер, как выжившая в «ночь смерти в Штаммхайме», даёт показания перед парламентской следственной комиссией. В зале ок. 200 мест, и все заняты. Множество журналистов. Мёллер впервые удаётся публично рассказать о случившемся в ночь на 18 октября. Документацию следственной комиссии она так и не получит. Не получит даже протокола своих показаний.

27-29 января, Западный Берлин. В Техническом университете состоялся конгресс Tunix, вызванный расколом в левой среде, спровоцированным наступлением репрессивно-пропагандистского аппарата на левое движение. Леворадикалы стремятся выработать новую тактику в условиях, изменившихся в связи с массовой демобилизацией активистов, напуганных давлением государства. Название Tunix: игра слов «Tue nichts», «не делай ничего [из навязываемого]» – с одной стороны, не вписывайся в официальную политику, парламентский спектакль, с другой, не замыкайся в личной жизни.

6 февраля, Саксония. Управление по защите Конституции Нижней Саксонии с помощью GSG 9 (подразделение спецназа ФРГ, созданное в 1973-м) взрывом проделывает дыру в стене тюрьмы в Целле. Тем самым симулируется попытка побега красноармейца Зигурда Дебуса. После этого Дебус изолируется от остальных заключённых.

Эта махинация властей станет известной только в 1986-м.

6 – 20 марта, Штутгарт. Начинается новый процесс против Ирмгард Мёллер, окружным судом Гейдельберга в бункере Штаммхайма для судебных заседаний. Председателем процесса назначен судья, ранее отказавшийся начать процесс против нациста, пытавшего и убивавшего югославских партизан, зато дело против красноармейки он ведёт с большим рвением.

Каждый раз перед доставкой в суд Мёллер раздевают догола с применением силы и обыскивают охранники-мужчины.

Только лишь назначено первое слушание, как процесс срывается: по распоряжению полиции перед заседанием должны раздеваться догола не только Мёллер, но и адвокаты, а они не идут на это. Коллегии адвокатов солидаризуются с коллегами, отказавшимися от раздевания. Тогда на втором слушании Мёллер препоручают 2 незнакомым ей адвокатам, отобранным судом. Те – по собственной инициативе – стараются только отягчить приговор. Мёллер практически не участвует в процессе, только дважды вручает заявление и отстранена от всего остального.

Мёллер использует процесс как возможность рассказать об убийствах в «ночь смерти в Штаммхайме». Но ландтаг земли Баден-Вюртемберг для выяснения обстоятельств смертей назначает следственную комиссию, основывающейся в важных вопросах – например, как оружие попало в камеры – только на «гарантированных данных» прокуратуры. Опрошены 79 свидетелей и экспертов, причём членов кризисного штаба нельзя спрашивать о проведённых

беседах и принятых решениях. Какой целью руководствовалась следственная комиссия, видно из того, что она не спросила ни одного свидетеля, прослушивались ли в 1977-м камеры заключённых. Комиссия выпускает заключительный отчёт с обоснованием версии самоубийства, не дождавшись хотя бы результатов технико-криминалистической экспертизы.

16 марта в результате жестокого обращения Мёллер получает сосудистый коллапс и отправлена в больницу. Медэксперт констатирует повреждения внутренних органов и предупреждает о возможности летального исхода.

20 марта Мёллер признана неспособной участвовать в процессе. Но суд вызывает её и отдает распоряжение о применении мер принуждения. Её доставляют в суд в инвалидной коляске.

28 марта, ГДР. В Восточном Берлине умирает союзник РАФ, леворадикальный сооснователь Народного фронта освобождения Палестины Вади Хаддад, возможно, от лейкемии. По др. версии, его убили агенты израильской спецслужбы Моссад, использовав отравленные шоколадные конфеты.

Март, ФРГ, Италия. РАФ помогает итальянским «Красным бригадам» подготовить похищение председателя Совета министров Италии Альдо Моро.

(РАФ помогала кадрами, информацией, деньгами и инфраструктурой «Красным бригадам», латиноамериканским партизанам и палестинцам.)

Начало 1978, Бонн. Принят новый пакет законов – адвокат и подзащитный должны общаться через стеклянную перегородку, расширен список причин отзыва адвоката, облегчён порядок обыска квартир, введены контрольные пункты для проверки личностей. В дальнейшем это значительно упростило представление доказательств в уголовных процессах.

Апрель, Западный Берлин. 10 апреля начинается суд над членами «Движения 2 июня» Фрицем Тойфелем, Ральфом Райндерсом, Рональдом

Фричем, Андреасом Фогелем, Тилем Майером и Геральдом Клёппером. Разражаются споры по поводу адвокатов по назначению, больше смахивающих на помощников прокуроров. Лжеадвокаты вынуждены отстраниться от процесса: одному партизаны простреливают ногу, второй случайно остаётся в живых, обнаружив бомбу под своим автомобилем.

26 апреля, Штутгарт. Гюнтер Зонненберг, болеющий посттравматической эпилепсией и самостоятельно вновь научившийся говорить в одиночной камере, приговорён к 2 пожизненным срокам заключения.

11 мая, Загреб (Югославия), Париж. Бригитта Монхаупт, Зиглинда Хофман, Рольф Клеменс Вагнер и Петер-Юрген Боок арестованы в аэропорту Загреба. Проведено медобследование арестованных, выявившее отсутствие у Боока рака – значил, он врал товарищам, что наркотики нужны ему как обезболивающее, а между тем на Ближнем Востоке, доставая ему наркотики, 3 партизан стали жертвами облав. Это сильный удар по его репутации в РАФ. (Ещё 1 поколение РАФ отбраковало Боока за наркотики, но в середине семидесятых ему удалось обмануть красноармейцев благодаря меньшему знакомству с ним 2 поколения и примкнуть к ним.) Теперь ясно, отчего он заснул при охране Шлейера в прошлом году.

Власти Югославии предлагают ФРГ обменять арестованных на 8 усташских боевиков, бежавших в ФРГ. Немцы отказываются от сделки, и рафовцы отпущены. Они отправляются в Южный Йемен.

В Париже арестован Штефан Вишневски.

27 мая, Западный Берлин. 2 партизанки (одна из них Инга Ветт) проникают в тюрьму Моабит, предъявив удостоверения адвокатов. Выхватив пистолеты, они требуют вывести заключённых Тиля Майера и Андреаса Фогеля, членов «Движения 2 июня». Единственный нерастерявшийся охранник выхватил оружие и загнал в камеру Фогеля. Женщины и Майер, ранив в ногу

одного из охранников, вынуждают остальных открыть ворота. Все трое выходят на улицу и растворяются в закоулках перед носом нескольких прошедших мимо полицейских патрулей.

29 мая, ФРГ. Телерадиокомпания ARD (крупнейшая в стране, наряду с телекомпанией ЦДФ) транслирует фильм Фолькера Шлёндорфа и Маргареты фон Тротты «Потерянная честь Катарины Блюм...» по повести Генриха Бёлля. На Бёлля вновь ополчается пресса Шпингера в лице журналиста Энно фон Лёвенстерна, обвиняя его в «несомненном поощрении РАФ», ибо «В его книге с одобрением изображено убийство».

Май, ФРГ. Монхаупт, Хофман, Вагнер и Боок возвращаются с Ближнего Востока.

Бригитта Монхаупт

6 июня, ФРГ. Федеральный министр внутренних дел Вернер Майхофер вынужден подать в отставку. Причиной служат выяснившиеся ещё в марте промахи полиции при розыске похитителей Шлейера. Например, 7 сентября 1977-го – через 2 дня после похищения – в окружное полицейское управление Бергхайма поступило донесение о квартире № 104 на улице Цун Реннграбен 8 города Либлар. В ней до 13 сентября содержался Шлейер. Не затеряйся донесение в служебных коридорах, Шлейер был бы вызволен. Да и многие другие деловые бумаги, как оказалось, бесследно пропадали в дебрях полицейской бюрократии.

Наконец, выясняется, что полицейские больше усердствуют в расстреле случайных прохожих и арестах «симпатизирующих», действительных и мнимых, чем в борьбе с самими партизанами. (Неудивительно – партизаны тоже были вооружены и частенько давали сдачи.)

21 июня, Болгария. В аэропорту Бургаса болгарскими спецслужбами арестованы члены «Движения 2 июня» Тиль Майер, Габриэла Роллник, Гудрун Штюрмер и Ангелика Годер. Их выдадут ФРГ.

Видимо, партизаны надеялись, что болгарские власти ближе к революционерам, чем советские – но ошиблись.

22 августа, ФРГ. В прессу попадает сообщение о грубых промахах работников сыска. Например, Вилли-Петер Штоль, Кристиан Клар и Адельхайд Шульц арендовали вертолёт и фотографировали определённые районы с воздуха. Наблюдение-то за ними велось, только силовики не подозревали, что это красноармейцы. Когда же поняли, было уже поздно. В оправдание своих подчинённых «комиссар-компьютер» Хорст Герольд заявляет: что было делать, партизаны изменили свою внешность. Кроме того, при дополнительной проверке оказалось, что партизаны в фальшивых удостоверениях личности

указали адрес, по которому действительно проживали некоторое время. Действительно, столь коварный трюк (родившийся вместе с удостоверением личности) бедные спецслужбы никак не могли предусмотреть…

6 сентября, Дюссельдорф. Вилли-Петер Штоль обедает в китайском ресторане «Шанхай». Одна из посетительниц узнаёт его и вызывает полицию. Один из 2 прибывших полицейских целится в партизана из-за укрытия, другой подходит и кричит «руки вверх». Штоль выхватывает пистолет, но полицейские открывают огонь раньше. Получив 4 ранения, Штоль скончался через 17 минут.

При обыске подпольной квартиры Штоля, кроме обычного инвентаря подпольщика (парики, пистолеты, номера машин, план города и радиостанция), полиция обнаружила в прикроватной тумбочке 2 мягкие детские игрушки – мышку и зелёного бегемота.

15 сентября, Лондон. Арестована Астрид Проль, с документами на имя Анны Путтик. Примерно год она будет находиться в английской тюрьме, пока британские и западногерманские юристы будут бороться за право судить красноармейку.

24 сентября, лес под Дортмундом. Ангелика Шпайтель, Михаэль Кноль и Вернер Лотце перестреливаются с полицией. Шпайтель арестована. Кноль погибает. Лотце, застрелившему офицера Ханса-Вильгельма Хансена, удаётся скрыться.

6 октября, Париж. Премьера – на Парижском кинофестивале – фильма «Нож в голове» режиссёра Райнхарда Хауфа (сценарий Петера Шнайдера), снятого под впечатлением «немецкой осени», а также «расстрельных облав» в целом.

Во время облавы в молодёжном центре полиция, выискивающая леворадикалов, тяжело ранит в голову 35-летнего биогенетика Бертольда Хофмана – он пришёл сюда, чтобы проводить домой супругу, работающую

здесь. Впавший в кому Хофман очнётся с потерей памяти, дара речи и значительной части двигательных навыков. Полиция и СМИ называют его террористом, использующим профессию генетика для маскировки, утверждают, будто он ранил полицейского ножом. Друзья и родственники Хофмана возражают, что он образец учёного, живущего «в башне из слоновой кости», оторванного от окружающего мира. В свою очередь, левая общественность говорит о нём как о мученике и жертве государственного произвола. Сам раненый стремится лишь восстановить память, ибо из-за амнезии потерял себя как личность, и заодно с помощью расспросов пытается выяснить действительные причины конфликта с полицией. Хофман устанавливает, что нанесённая полицейскому Шуригу рана, якобы «опасная для жизни», всего лишь безвредная царапина на животе. Он ставит себя на место Шурига, точнее, меняется с ним ролями, в финале фильма целясь в него из пистолета и – вновь обретая дар речи – говоря с улыбкой: «Я – это ты».

«Очень убедительная, драматургически смелая попытка показать сомнительность новых полицейских постановлений» («Немецкая энциклопедия международного кино»).

В 1980-м фильм получит премию Национального совета кинокритиков США.

Октябрь, ФРГ. Выходит коллективный публицистический фильм «Германия осенью», о реакции общества и государства на похищение Шлейера и самолёта «Ландсхут». Название фильма и породило вошедший в историю Германии термин «Немецкая осень». Режиссёры-постановщики: Ганс-Петер Клоос, Райнер Вернер Фасбиндер, Фолькер Шлёндорф, Максимилиан Майнка, Эдгар Рейтц, Катя Рюпе, Петер Шуберт, Бернхард Синкел и Александр Клюге. Редакторы фильма – Клюге и Беата Майнка-Желлингауз.

Фасбиндер, классик немецкого киноматографа, собирался эмигрировать в США, о чём заявил в интервью «Шпигелю» в июле 1977-го – после отклонения ряда его сценариев и проектов, а также обвинений в антисемитизме – но данный проект изменил его планы. 30-минутный фильм Фасбиндера снят под впечатлением от освобождения заложников и убийства Шлейера и командиров РАФ в Штаммхайме.

По инициативе министра внутренних дел Баварии Альфреда Зайдля (в сентябре 1977-го предлагавшего ввести смертную казнь) принят «закон о задачах полиции», разрешающий «прицельную стрельбу» по демонстрантам (как уточняется, по детям тоже), если полицейским покажется, что демонстранты «враждебны Конституции».

Мюнхенский бюллетень «Демократическая информационная служба» уже разоблачал гитлеровское прошлое Зайдля, военного преступника. На следующий день после принятия закона 20 автоматчиков, без ордера на обыск и санкции прокурора, врываются в редакцию бюллетеня, выбив двери, ломают мебель и конфискуют материалы о Зайдле. Теперь ясно, ради чего Зайдль «протолкнул» новый закон.

Издатель бюллетеня Хейнц Якоби решает эмигрировать.

В том же Мюнхене учителя собирались проводить демонстрацию в защиту учителя Герхарда Биттервольфа, уволенного за желание ознакомить учеников с Заключительным актом Хельсинкского Совещания (хотя правительство ФРГ его подписало). Но, напуганные вышеописанным налётом, отменяют демонстрацию. Руководительница акции Хайдрун Миллер кричит молодым коллегам: «Вы не помните времена Гитлера, а я помню! Это серьёзно! Нас всех перестреляют!» Один из молодых отвечает: «Сейчас не времена Гитлера! У нас демократия!» «Идиоты! – вопит Миллер. – Сумасшедшие террористы умнее вас! В Германии нет разницы между нацизмом и демократией!»

(Миллер тоже малость ошибалась. Ей казалось, что «нет разницы» именно в ФРГ. Между тем в мае 1970-го в США расстреляли демонстрации студентов в Кенте и Джексоне против вторжения в Камбоджу. Это предвидела 28-летняя Майнхоф: «…оппозиционные массы в будущем могут быть и вовсе расстреляны…» («Человеческое достоинство», 1962 г.).)

1 ноября, Керкраде (Голландия). Рольф Хайслер и Адельхайд Шульц перестреливаются с 4 таможенниками. 2 офицера погибают – Дионисий де Йонг скончался на месте, Йоханнес Гоманс умрёт 14 ноября.

Декабрь, Бремен. 4-тысячная антиправительственная демонстрация школьников скандирует: «РАФ права! Вы – фашисты! РАФ права! Вы – фашисты!»

1978, ФРГ, Швейцария. Арестована Кристина Куби. Её приговорят к пожизненному заключению за покушение на убийство – она ранила полицейского.

РАФ планирует похитить живущего в Швейцарии гражданина ФРГ, оружейного фабриканта Дитера Бюрле, владельца компании OC Oerlicon, немало заработавшего на торговле с режимом апартеида в ЮАР. Маскируясь под легкоатлетов и досужих гуляк, красноармейцы разведали местожительство и образ жизни Бюрле. Но операция отменена в результате трудностей с инфраструктурой.

Бомми Бауман, вышедший из РАФ в 1975-м, даёт интервью, осуждая прошлогодний захват самолёта «Ландсхут» как «безумие».

Несмотря на отчаянное сопротивление меньшинства депутатов, принят «закон об облавах», резко расширяющий полномочия полиции. Теперь для заключения под стражу не требуется обоснованного подозрения (впрочем, и раньше обоснование часто фабриковалось задним числом). Засадить в камеру можно любого, даже если ему нечего инкриминировать. При наличии тотальной

изоляции (юридически разрешённой только в ФРГ), арестованный – на законном основании – может исчезнуть на неопределённое время.

По просьбе адвокатов Ульрики Майнхоф и Международного комитета политзаключённых создана международная комиссия по расследованию обстоятельств смерти Майнхоф. Комиссия пытается ознакомиться с докладом о первом вскрытии, но власти ФРГ отказывают в этом. Комиссия публикует доклад, где говорится: «первоначальное заявление, что Майнхоф совершила самоубийство, не имело оснований, поскольку результаты расследования сходятся на том, что она была мертва в момент повешения, и есть тревожные признаки, свидетельствующие о внешнем участии в её смерти».

27-летняя Юта Герта Армгард фон Дитфурт, в будущем известный социолог, левый общественный деятель, историк и журналист, автор книги о Майнхоф, в судебном порядке требует убрать из её имени дворянскую приставку «фон», поскольку с 18 лет терпеть не может дворян. (Дитфурд наследница 2 известных военно-дворянских родов, фон Дитфурт и фон Равен.) Ей отказывают в этом. (В 2013-м она сведёт счёты с роднёй, опубликовав книгу «Барон, евреи и нацисты – путешествие в семейную историю», жёстко раскритиковав жизнь и деятельность своих предков, как милитаристов, антисемитов и пособников нацизма. «Среди многих сотен родственников я обнаружила лишь одного, не ненавидевшего евреев и социал-демократов».)

Сыну Гудрун Энслин в этом году исполнится 11 лет. Ещё 10-летним Феликс играется в каменоломне и, найдя капсулу с соляной кислотой (возможно, от огнетушителя), бьёт по ней молотком. Взрыв приводит к сильному ожогу лица, навсегда изменившегося. Приёмные родители и родственники призывают полицию расследовать это дело, называя это нападением РАФ (бредовое предположение: покушаться на 10-летнего сына своего же героя).

1979-1998

28 марта 1978 – 8 января 1979, Франкфурт-на-Майне, Кёльн. Проходит третий международный Трибунал Рассела, по вопросу о положении прав человека в ФРГ (во Франкфурте-на-Майне 28 марта-4 апреля 1978-го и Кёльне 3-8 января 1979-го). Присяжные заседатели: писатель Ингеборга Дрюиц, теолог Хельмут Гольвицер, пастор Мартин Нимёллер (коего РАФ желала видеть сопровождающим освобождённых красноармейцев) и норвежский математик и общественный деятель Йохан Галтунг.

В свете «Немецкой осени» 1977-го Трибунал вызывает большой общественный интерес. В частности, Трибунал выясняет факты ограничения свободы слова и печати и прав защиты в уголовном судопроизводстве. (В кулуарах обсуждается также, противоречат ли правам человека условия содержания заключённых партизан.) Впрочем, Трибунал обсуждает лишь ограниченное количество вопросов. Например, не затронуты обращение с заключёнными партизанами и гибель Ульрики Майнхоф.

Трибунал осуждает ФРГ за «запрет на профессии» в отношении коммунистов, цензурные положения в уголовном кодексе и общественной жизни, за препятствование работе адвокатов в уголовном процессе и практику Федерального ведомства по охране конституции.

Члены Трибунала выводят, что соблюдение прав человека в ФРГ следует рассматривать критически и впредь наблюдать независимым органом. В результате этого решения в 1980-м будет создан поныне действующий Комитет по основным правам и демократии.

19 марта 1979, Дармшдадт. Налёт на банк – Элизабет фон Дюк, Вернер Лотце, Кристиан Клар и Адельхайд Шульц экспроприируют 49 000 марок.

17 апреля 1979, Нюрнберг. Налёт на банк – фон Дюк, Шульц, Лотце и Рольф Хайслер экспроприируют 200 000 марок.

4 мая 1979, Нюрнберг. 28-летняя Элизабет фон Дюк убита полицией при аресте, в квартире, некоторое время уже находившейся под наблюдением. Полиция заявляет, что в ответ на требование поднять руки вверх она схватилась за пистолет большого калибра. Пистолет найден на её теле. Но вскрытие показывает, что красноармейка убита выстрелом в спину.

До ухода в подполье фон Дюк была медсестрой. Вместе с Клаусом Юншке (познакомились в 1971-м) участвовала в благотворительной деятельности в меннонитской церкви.

13 мая 1979, Франция. Премьера на Каннском кинофестивале, в конкурсной программе «Особый взгляд», второго фильма Райнера Фассбиндера, снятого под впечатлением от деятельности РАФ – «Третье поколение (комедия в шести частях об общественных играх, полная напряжения, возбуждения и логики, жестокости и безумия, похожая на сказки, рассказываемые детям, чтобы помочь им вынести жизнь до самой смерти)», о леворадикальной группе, похищающей крупного бизнесмена. Сценаристом и оператором выступил сам Фассбиндер.

Большинство критиков Франции и США оценивают фильм как самый захватывающий на фестивале, западногерманская пресса чаще и резче прежнего называет режиссёра симпатизантом РАФ. (Сам Фассбиндер, за год до смерти, в списке своих фильмов (их более 40) поставит «Третье поколение» на 4 место).

9 июня 1979, Франкфурт-на-Майне. Арестован Рольф Хайслер, 15-тым из «списка 24» самых опасных партизан. Он тяжело ранен в голову (остался жив, за секунду до выстрела почуяв неладное и подняв к голове портфель с газетами, изменивший направление полёта пули).

25 июня 1979, Монс (Бельгия). Неудачное покушение на главнокомандующего Европейского командования армии США, верховного командующего силами НАТО в Европе генерала США Александра Хейга. Взрыв происходит на пути кортежа Хейга, направляющегося в штаб-квартиру НАТО. Хейг остаётся невредим – бомба взорвалась слишком поздно. Ранены 3 охранника Хейга, ехавшие в машине сопровождения. Участники акции – Бригитта Монхаупт, Зиглинда Хофман, Сюзанна Альбрехт, Вернер Лотце, Рольф Клеменс Вагнер.

Хейг, ветеран Корейской и Вьетнамской войн, постоянно предлагает правительству США произвести в Европе «предупредительный ядерный выстрел». Позже, будучи госсекретарём, будет повторять, что «есть вещи поважнее, чем мир».

25 сентября 1979. Гельмут Пол освобождён после 5,5 лет заключения. Он тут же возвращается в подполье.

19 ноября 1979, Швейцария. В 8:15 утра, сразу после открытия филиала банка Volksbank, в него входят Рольф Клеменс Вагнер, Петер-Юрген Боок, Хеннинг Беер и Кристиан Клар. Боок контролирует вход, Клар успокаивает кассирш (поначалу думавших, что идёт тренировка спецслужб) демонстрацией «кольта» 45-го калибра, Беер и Вагнер облегчают кассы. Операция заняла 50 секунд. Экспроприировав 473 000 швейцарских марок (по др. сведениям – 548 065 франков 50 раппен), партизаны уезжают на велосипедах. Их преследуют 3 банковских служащих. Один из них, Луис Фавр, останавливает автомобиль сотрудника ведомства социальной опеки Гари Холя. Тот включается в погоню. Рафовцы стреляют, разбивая ветровое стекло автомобиля. Фавр выскакивает из автомобиля и бежит за ними. Партизаны, не доходя до Главного вокзала, сворачивают в переулок. Почтовый служащий Клеменс

Клинглер тоже было включается в погоню, но партизаны охлаждают его пыл выстрелами, после чего скрываются в торговом пассаже.

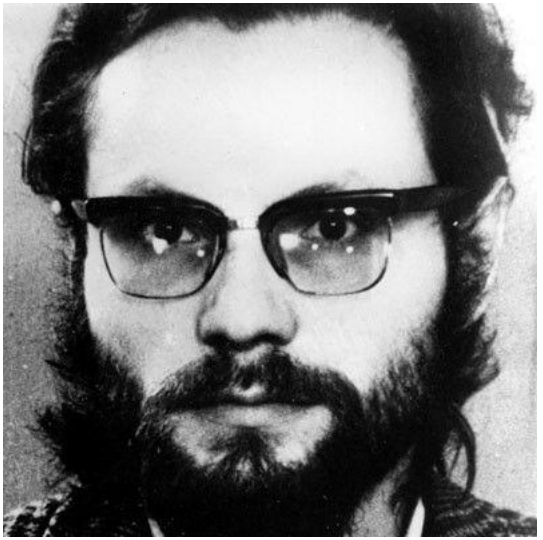
Прохожие указывают полицейскому Бернхарду Пфистеру, куда скрылись налётчики. Пфистер нагоняет последних и вступает в перестрелку. Он тяжело ранен, прохожая Эдит Клетценхендлер погибает от шальной пули (неизвестно, с чьей стороны, и потому убитыми РАФ объявляются то 33, то 34 человека). Боок, Беер и Клар бегут к северному порталу вокзала, где угоняют автомобиль. Полицейский Вернер Бодеман перестреливается с ними. Им удаётся уйти.

С частью добычи партизаны уезжают на конспиративную квартиру во Фрибуре, где их поджидает Зильке Майер-Витт. В тот же день перезжают на квартиру в Лозанне.

Вагнер бежит в другую сторону. Полицейский Ремо Галанти прочёсывает толпу на трамвайной остановке и проходит было мимо Вагнера, изображающего зеваку, но прохожие указывают на него полицейскому. Галанти с пистолетом наизготовку поручает одному из прохожих взять у него наручники и заковать Вагнера, что тот охотно и делает.

«Мы не можем нести ответственность за то, что швейцарское общество рождает людей, из-за отсутствия собственной идентичности фанатично идентифицирующих себя с чужим, анонимным финансовым капиталом», скажет Вагнер на суде в следующем году.

«Народ, отягощённый предрассудками, окружённый разными табу, затянутый в корсет иллюзий так, что уже не способен ни верно оценивать свои выгоды и преимущества, ни трезво осознавать свои интересы» (Майнхоф, «Захолустье – и мелкотравчатое к тому же»).



Рольф-Клеменс Вагнер

Конец 1970-х, ФРГ. Министр внутренних дел Нижней Саксонии Рёттгер Грос отвечает на упрёки общественности по поводу его пассивности в борьбе против участившихся нацистских выступлений, что неонацистов не следует переоценивать – это тихие сумасшедшие. Ещё никто не понимает, что власти сами стимулируют этот процесс.

1979, ФРГ. Ирмгард Мёллер при повторном рассмотрении дела приговорена к пожизненному заключению за соучастие в убийстве 3 военных США. Перед этим переведена в тюрьму Любека, вновь в полную изоляцию и под постоянный надзор. Благодаря сопротивлению политзаключённых, давлению женских организаций, протестам правозащитников и групп солидарности с военнопленными условия заключения Мёллер со временем несколько смягчатся.

Маргрит Шиллер, арестованная в 1974-м, выходит на свободу.

Выходит на пенсию детектив Альфред Клаус, прозванный партизанами «семейным быком» за расспросы их родственников, а коллегами с иронией – «главным идеологом РАФ», как задумавшийся о причинах сего явления. Будет продолжать интересоваться РАФ и содействовать её исследователям Штефану Аусту и Буцу Петерсу (наряду с Петером Баккером Шутом – самым читаемым авторам по теме немецких леворадикалов). Доживёт до 2008-го, до без малого 90 лет. Впрочем, «семейного быка», как и «комиссара-компьютера» Хорста Герольда, вспоминают только в связи с РАФ.

Газета «Бильд» оштрафована на 25 000 марок за оскорбления – в статьях об убийстве главы Дрезден-банка Юргена Понто – студентки Элеоноры Пеньенген, названной «девушкой-террористкой», хотя обвинений против неё не выдвигалось. Приговор наделывает много шума, ибо этот случай очень похож на сюжет повести Генриха Бёлля «Потерянная честь Катарины Блюм...». Теперь вдвойне очевидно, что Бёлль объективно отобразил моральный облик СМИ.

«Потерянная честь…» написана в традициях строгого реализма – но теперь уже жизнь подражает сочинению Бёлля. Прямо по Оскару Уайльду.

3 января 1980, Западный Берлин. Похороны Руди Дучке на кладбище св. Анны района Далем. В похоронной процессии ок. 6 000 человек. Теолог Мартин Нимёллер уступает Дучке место своей могилы, поскольку нет других свободных мест.

22 февраля 1980, ФРГ. Астрид Проль, арестованная в 1978-м в Лондоне и наконец таки выданная властям ФРГ, приговорена к 5,5 годам тюрьмы за подделку документов и ограбления банков и инкассаторских машин. Но выясняется, что с учётом времени, проведённого ею в тюрьмах Великобритании и ФРГ, срок её заключения закончился.

Март 1980, Западный Берлин. Не менее 12 членов «Движения 2 июня» переходит в РАФ.

5 мая 1980, Париж. Во время подпольной встречи, на которой идут переговоры о вступлении «Движения 2 июня» в РАФ, арестованы 4 партизанки из «Движения» – Ингрид Барабасс, Регина Никола, Карола Магг и Карин Камп, а также Зиглинда Хофман из РАФ.

Барабасс вскоре удастся освободится, хотя ненадолго. Хофман в 1982-м будет осуждена на 15 лет тюрьмы, в 1995-м – приговорена к пожизненному сроку. Власти характеризуют Хофман как «важную фигуру второго поколения РАФ».

Инга Ветт вступает в РАФ.

Инга Ветт, 1970-е гг.

2 июня 1980, ФРГ. «Движение 2 июня» самороспускается, большинство его членов присоединяются к РАФ. Из декларации о самороспуске, зачитанной позже Габриэлой Ролник на суде (согласно Инге Ветт, написанной Юлианой Пламбек): «Мы распускаем «Движение 2 июня» как организацию и продолжаем антиимпериалистическую борьбу в РАФ – как РАФ. «Движение...» было альтернативой РАФ [...] Это привело к разделению, конкуренции и дезориентации среди левых, препятствуя революционному процессу».

Заключённые в тюрьме Моабит члены «Движения…» Клаус Виман и Рональд Фритч осуждают это решение, заявляя, что «Движение...» нельзя распустить как «мелкобуржуазный клуб садоводов».

25 июля, 1980, недалеко от Битигхайм-Биссингена. Партизаны Вольфганг Беер (27 лет) и Юлиана Пламбек (28 лет) погибают в автокатастрофе. Многие вспоминают слова Беера: «Если с тобой “беседуют” в БВФ (Ведомство по охране конституции – Л.) потому, что ты против ядерных испытаний, если тебя постоянно оскорбляют бывшие фашисты и называют “коммунистом” за то, что ты стоишь в антиядерном пикете, если пастор на вопрос “почему это?” шепчет, озираясь: “Я тебе этого не говорил, но коммунисты тоже против ядерной бомбы” – начинаешь думать: почему бы в самом деле не стать коммунистом, раз уж и так тебя все им считают».

В автомобиле партизан обнаружены поддельные документы и несколько единиц оружия, одно из которых использовалось при похищении Шлейера.

31 июля 1980, Штутгарт. Кнут Фолькертс, в 1977-м не предавший товарищей за миллион марок и приговорённый к 20 годам тюрьмы, приговаривается к 2 пожизненным заключениям за содействие убийству генпрокурора Бубака.

Август 1980, Франция, ГДР. На собрании в Париже 9 рафовцев – Сюзанна Альбрехт, Зигрид Штернебек, Моника Хелбинг, Вольфганг Беер, Ральф Кристиан Фридрих, Вернер Лотце, Кристина Дюмляйн плюс 2 неидентифицированных мною – заявляют Бригитте Монхаупт о своём желании прекратить вооружённую борьбу. «Железный путь» («Моби Дик») не всем по плечу. Монхаупт думает, где подыскать для них безопасное место, ибо все они находятся в международном розыске. Рассматриваются Мозамбик и Ангола (на всякий случай Монхаупт даже засаживает их за самоучитель португальского языка), но связей с ними у РАФ не налажено. Инга Ветт предлагает вариант с ГДР – летом 1978-го она установила связь с полковником Харри Далем (Даль начальник отделения Штази по борьбе с терроризмом). Власти ГДР после разговора с Ветт в Восточном Берлине соглашаются выдать желающим новые документы с гражданством ГДР при условии невозвращения к вооружённой борьбе и прерывания контактов с красноармейцами ФРГ.

Начиная с 18 августа (по октябрь, если не дольше) вышедшие из РАФ перебираются в Восточную Германию, с придуманными биографиями, в качестве рядовых обывателей. Теперь это экс-партизаны.

(Пишут порой, что руководство РАФ тиранило партизан, угрожало желающим покинуть Фракцию. Это несерьёзно – ренегат при желании мог сдать полиции остальных. Солдаты поневоле бывают только в правительственных войсках, партизан – доброволец по определению. «То, что у нас будто бы есть “офицеры и солдаты”, что кто-то у кого-то в “крепостной зависимости”, что расставшиеся с нами товарищи должны нас бояться, что мы с винтовкой наперевес получаем доступ в квартиры или достаём паспорта, что мы осуществляли “групповой террор” – всё это просто грязь» (Майнхоф, «Концепция...»). Кто хотел, тот уходил – Беата Шторм, Марианна Херцог,

Петер Хоман, Хорст Малер, Бомми Бауман, Петер-Юрген Боок, и переехавшие в ГДР.

«Все люди, участвующие в революции, должны заботиться друг о друге, должны относиться друг к другу с любовью» (Майнхоф, «Городская герилья и классовая борьба», 1972 г.).

Тем более интересно, что вышеописанный случай произошёл в период командования Монхаупт. Позднее Альбрехт и Майер-Витт будут жаловаться, что «железная Бригитта» общалась посредством обрывистых фраз в стиле военных приказов, а слыша контраргументы, могла повысить голос. Что ж, тем не менее желающие осмелились заявить ей о желании уйти, задав задачку по устройству своего будущего, а Ветт удалось убедить её принять вариант с ГДР вместо Африки. Что уж говорить о периоде до и после командования Монхаупт.)

13 октября 1980, ФРГ. Освобождён Фриц Тойфель, провёдший в тюрьме без приговора 1 638 дней (примерно 4,5 года). На процессе он заявил, что больше не участник герильи, и осудил действия РАФ и захваты самолётов. Однако до конца жизни (в 2010-м) Тойфель не осуждает вооружённую борьбу в целом, хотя считает невозможным создать в ФРГ «второй фронт» борьбы с империализмом.

1980, ФРГ. Адвокат красноармейцев Ганс-Кристиан Штройбель приговорён к 10 месяцам тюрьмы условно за «поддержку преступной организации». Доказательством вины выступает, например, то, что во время голодовки заключённых он собрал пресс-конференцию. Перевёл на их счёт 50 марок, на сигареты. Вместе с др. адвокатами организовал систему обмена информацией, чтобы 10 обвиняемых и 10-12 адвокатов эффективнее готовились к защите.

Освобождён Хорст Малер, в 1974-м вышедший из РАФ. (Адвокатом его был Герхард Шрёдер, будущий канцлер Германии.)

Петер-Юрген Боок, опозорившийся в мае 1978-го, когда выяснилось, что он не болен раком, а просто наркоман, порывает с РАФ.

Рольф Клеменс Вагнер приговорён к пожизненному заключению. Впоследствии к этому добавят ещё 12 лет.

За последние несколько лет на счету неонацистов накопилось 17 убийств, более 200 раненых, 1 533 нападения и тысячи хулиганских выходок. За 2-3 года они убили лишь в 2 раза меньше людей, чем РАФ за 27 лет своей истории, и ранили вдвое больше. При этом их жертвы провинились не в массовых убийствах во Второй мировой и Вьетнамской войнах, а в «неправильных» национальности и цвете кожи. Тут невольно вспомнишь, что год-два назад власти призывали не переоценивать неонацистов, назвав их тихими сумасшедшими.

22 января 1981, Гамбург. Петер-Юрген Боок, вышедший из РАФ в прошлом году, арестован и начинает сотрудничать с обвинением – он и без того уже пал в глазах красноармейцев как наркоман.

Февраль 1981, Лондон. Бомми Бауман арестован в Лондоне. Через полгода в Западном Берлине его приговорят к 5 годам и 2 месяцам тюрьмы.

Февраль – 16 апреля 1981, ФРГ. 68 заключённых красноармейцев проводят восьмую коллективную голодовку РАФ, требуя совместного содержания. Власти отказываются, потом требуют взамен публичного раскаяния. Голодовка прервана со смертью Зигурда Дебуса – во время принуждения к приёму пищи он получил кровоизлияние в мозг.

Верно отметил Тарасов: красноармейцы догадались, что властям того и надобно – чтобы они все умерли с голоду («Вьетнам близко...»).

11 мая 1981, Франфурт-на-Майне. Казнён министр экономики федеральной земли Гессен – Хайнц Герберт Карри.

31 августа 1981, Рамштайн. Нападение на штаб-квартиру ВВС США «Коммандо им. Зигурда Дебуса» – Гельмута Пола, Ингрид Якоб Майер и Хеннинга Беера. 18 военнослужащих (по др. сведениям – 14) тяжело ранены.

Август 1981, Париж. Инга Ветт на мотоцикле уходит от 2 полицейских. После долгой погони партизанка бросает мотоцикл и бежит. Полицейский Франкис Виольо (Вайолот?) достаёт оружие, но выстрел Ветт опережает его. Полицейский получает травму 7 шейного позвонка. Он умрёт от последствий ранения (страдал параплегией) в 2000-м, в 54 года.

Инга Ветт

15 сентября 1981, ФРГ. Покушение «Коммандо им. Гудрун Энслин» – Бригитты Монхаупт, Кристиана Клара, Ингрид Якоб Майер (или Адельхайд Шульц) и Хеннинга Беера (или Гельмута Пола) – на командующего Сухопутными силами в Европе генерала США Фредерика Джеймса Крёзена, ветерана Корейской и Вьетнамской войн.

Ранним утром Крёзен и его жена Ровена направляются в Гейдельберг по автобану № 37 посреди долины реки Некар. 2 недели назад полиция предупредила Крёзена, что он, возможно, включён РАФ в список жертв, отчего он и сменил свой прежний автомобиль на бронированный.

Красноармейцы расположились на склоне холма, под руинами старого гейдельбергского замка. Отсюда, метрах в 70 от шоссе, открывается хороший вид на дорогу и преключающийся вручную светофор. Поодаль от товарищей находится Шульц (или Майер). Увидев приближающийся генеральский «мерседес», она переключает светофор на красный свет.

Водитель (немецкий полицейский) снимает ногу с педали тормоза. Автомобиль двинулся вперед. Он проезжает примерно метр от линии остановки, когда в 7:17 Клар стреляет из противотанкового гранатомета РПГ-7. Автомобиль проехал немного дальше места, где, по предположениям рафовцев, должен был остановиться. Снаряд взрывается в салоне машины, но вместо того чтобы попасть в ту часть, где сидели гринго, отлетает вправо и вылетает через место, где автомобильное крыло. Часть бронированной крышки багажника прижимает к заднему окну. Заднее сиденье принимает на себя осколки, частично защитив Крёзенов от взрыва. Клар снова стреляет, но промахивается – снаряд разорвался позади автомобиля.

Ранено 4 человека, среди них и генерал.

Бригитта Монхаупт

25 сентября 1981, ФРГ. Выходит фильм режиссёра Маргареты фон Тротты «Свинцовые времена», по её же сценарию, о Христиане Энслин, пытающейся добиться объективного расследования обстоятельств гибели Гудрун. Благодаря этому фильму фон Тротта становится первым немецким режиссёром, удостоенным «Золотого льва» Венецианского кинофестиваля (плюс победа на Чикагском международном кинофестивале).

«Пять лет я занимаюсь этим, – скажет Христиана в 1982-м, – но до сих пор не представляю, что произошло… Хотела бы знать, но не знаю».

Афиша фильма «Свинцовые времена» 1981 г.

Сами партизаны критично воспринимают фильм, и особенно саму Христиану. «Разрыв (рафовцев – Л.) с проводившей расследование левой группой, последовавший после долгой совместной работы, был, в сущности, разрывом с Христианой Энслин. Причиной стало её участие в работе над фильмом “Свинцовые времена”. Хотя в тюрьме я могла посмотреть только

фрагменты фильма, но прочитала сценарий и критику. Для меня этот фильм – оргия самовыражения Христианы Энслин, для которой было важно изобразить себя жертвой Гудрун и нас, то есть РАФ. Эта критика исходила не только от меня, но и от людей из группы расследования, и поэтому больше не стало основы для совместной работы. Конечно, я должна была предвидеть, что Христиана Энслин будет использовать результаты этого расследования смерти Гудрун, Яна и Андреаса только для самовыражения», «От Гудрун я знала кое-что о её отношениях с сестрой. У них были серьёзные разногласия; и прочитанное потом в сценарии я восприняла как бесцеремонный навет на Гудрун и нас. И то, как изображён Андреас, только подтверждает клише, с помощью которых в семидесятые годы против нас настраивали людей и травили нас. Мы – банда аполитичных хулиганов, хлопающих дверями, распахивающих шкафы, кладущих ноги на стол, а она – политически мыслящая, чуткая и страдающая личность, жертвующая собой ради сестры, жертвой которой она, собственно, и является, в жизни и после её смерти» (Ирмгард Мёллер, интервью О. Тольмайну).

15 сентября 1982, Бохум. Налёт на филиал сберегательной кассы.

16-17 сентября 1982, Западный Бейрут. 38-летняя Ингрид Зипман погибает – как член женской бригады Народного фронта за освобождение Палестины – в результате резни, устроенной в лагерях палестинских беженцев С*а*бра и Шат*и*ла боевиками ливанской фалангистской партии Катаиб, союзника Израиля. (Во всяком случае, израильтяне, разрыв могилы и найдя тело блондинки, заявили с уверенностью в 95 %, что это Зипман – и наверняка не ошиблись, ибо сведений о ней с тех пор нет.) В итоговой декларации РАФ Зипман будет упомянута как достойная благодарности и уважения.

26 октября 1982, окрестности Гейзенштамма. Два грибника обнаруживают в лесистой местности тайник РАФ с оружием и поддельными

документами. Даже без учёта дальнейших арестов это тяжёлый удар для РАФ, потерявшей бо́льшую часть оружия и документов.

10 ноября 1982, ФРГ. Рольф Хайслер приговорён к 2 пожизненным срокам плюс 15 лет.

11 ноября 1982, окрестности Гейзенштамма. Бригитта Монхаупт и Адельхайд Шульц арестованы 9 спецназовцами в лесу около склада оружия РАФ.

Арест Бригитты Монхаупт

16 ноября 1982, Сахсенвальд. Арестован Кристиан Клар.

Арест Кристиана Клара

Декабрь 1982, ФРГ. Писатель Петер-Пауль Захль, опубликовавший в 1970-м плакат Хольгера Майнса, пребывая в тюрьме с 1974-го за ранение полицейского, называет себя политзаключённым и принимает участие в коллективных голодовках рафовцев, а также продолжает литературную работу. В феврале 1980-го получил литературную премию города Бремена за роман «Счастливые», написанный в тюрьме. Ему разрешили покинуть тюрьму по поводу церемонии награждения. Это породило бурные споры, называемые прессой «политически-культурным скандалом».

В ноябре 1980-го и апреле 1981-го суд отклонил ходатайства о его помиловании, подписанные среди прочих Генрихом Бёллем и Эрнесто Карденалем (классиком латиноамериканской поэзии, министром культуры Никарагуа в 1979-1987 гг.). В феврале 1982-го Захля отпустили на премьеру его драмы «Иоганн Георг Элсер» (о плотнике Георге Элсере (1903-1945)

пытавшимся убить Гитлера и казнённым в концлагере Дахау), также написанной в тюрьме.

(Учитывая, что Гитлер был законно избранным главой государства, выходит, что Эслер был террористом – но власти ФРГ не запрещают пьесу, невольно признавая, что пользуются двойными стандартами.)

Теперь, наконец, Захль условно-досрочно освобождён после отбытия 2/3 тюремного срока.

1982, ФРГ, ГДР. Инга Ветт, зная, что полиция вышла на её след, оседает в ГДР. Получает документы на имя Евы Марии Зоммер и поселяется в Дрездене, где получает образование фотографа. (В 1987-м власти ФРГ прознают о ней и потребуют выдачи, после чего Ветт с документами на имя Евы Шнелл устроится воспитателем в лагере школьных каникул комбината тяжёлого машиностроения им. Эрнста Тельмана в Магдебурге.)

Скончался 60-летний профессор психологии Петер Брюкнер, симпатизант РАФ, предоставлявший приют Ульрике Майнхоф, несколько раз отстраняемый от преподавания по политическим причинам. Одна из его последних работ – книга «Ульрика Мария Майнхоф», в которой Брюкнер пытается объяснить феномен левой герильи в ФРГ, исходя из исторической ситуации, отвергая криминологический и индивидуальный подходы.

Выходит на свободу 35-летняя Бригитта Асдонк, арестованная в 1970-м. Часть 12-летнего заключения её содержали в звуконепроницаемой, очень холодной камере, дабы принудить дать показания, но безуспешно. В дальнейшем читала доклады о своём участии в РАФ, участвовала в антирасистских и интернационалистических акциях. Не дистанцировалась от РАФ. Требовала освобождения заключённых партизан с момента своего освобождения и до выхода на свободу последнего узника. В настоящее время живёт в Берлине.

Нач. 1980-х, ФРГ, Франция. РАФ налаживает связь с французской леворадикальной организацией «Аксьон директ» («Прямое действие»), основанной в 1979-м Жан-Марком Руйяном. Общая цель – единый антиимпериалистический фронт в странах метрополии.

В частности, совместно с «Аксьон директ» атакована военная база США во Франкфурте-на-Майне.

РАФ снабжает французов номерами автомобилей – некоторое время немецкие номера не настораживают французскую полицию.

«Аксьон директ» посредничает при восстановлении контактов между РАФ и итальянской революционной организацией «Красные бригады», после ареста руководителя «Красных бригад» Марио Моретти. Встреча проходит в Париже. Связные – Жан-Марк Руйян и его супруга Натали Менигон из «Аксьон директ».

15 марта 1984, Вюрцбург. В результате налёта на банк экспроприировано 171 000 марок.

2 июля 1984, Франкфурт-на-Майне. Арестованы Гельмут Пол (37-летний, на данный момент самый старший среди рафовцев), Штефан Фрей, Эрнст-Фолькер Штауб, Барбара Эрнст, Ингрид Якоб Майер и Кристиана Эскес, недавно освободившаяся после 7-летнего заключения.

Лето 1984, Висбаден. Вольфганг Грамс, математик, 31 год, и 28-летняя Биргит Хогефельд вступают в РАФ.

Грамс, вышедший из тюрьмы в 1980-м – один из 32 активистов «Комитета по борьбе с пытками», захвативших гамбургский офис организации «Международная амнистия» незадолго до гибели Хольгера Майнса в 1974-м, после чего половина из них вступила в РАФ.

Хогефельд в детстве мечтала стать музыкантом или органным мастером. В юности избрала юриспруденцию, дабы стать адвокатом партизан, наподобие Отто Шили. Работала в центре социальной помощи турецким подросткам.

Вокруг них формируется новая команда. У новичков нет оружия, нет денег, наконец, у большинства из них нет опыта подпольного образа жизни. «Но мы были настроены идти таким путём» (Ева Хауле, открытое письмо из тюрьмы, 1993 г.). Там же о Вольфганге Грамсе: «Без него и без его упорства, с коим он взялся за практические проблемы и решил их, ничего бы не вышло».

Наверняка спецслужбы не предполагали, что именно теперь РАФ выйдет на самый высокий уровень профессионализма; возможно, этого не предполагало и само новое поколение РАФ. Но вышло именно так.

Вольфганг Грамс

Биргит Хогефельд

5 ноября 1984, ФРГ. РАФ удаётся похитить 2 винтовки, 22 пистолета и 2 800 патронов.

4 декабря 1984, Штутгарт. Объявление голодовки Бригиттой Монхаупт в Штаммхайме во время судебного разбирательства по её делу.

18 декабря 1984, Обераммергау (Бавария). Налёт «Коммандо им. Распе» на офицерскую школу НАТО. Запланированный взрыв не удаётся по техническим причинам.

1984, ФРГ, Франция. РАФ публикует манифесты и осуществляет взрывы и покушения совместно с «Революционными ячейками» и их женским крылом «Красная Заря».

После разгрома ячейки РАФ во Франкфурте-на-Майне Вольфганг Грамс и Роланд Майер едут во Францию для перенятия опыта «Аксьон директ».

15 января 1985, Париж. Представители РАФ и «Аксьон директ» принимают соглашение о более тесном сотрудничестве. Составлено совместное коммюнике. Опубликован совместный программный документ «Основные задачи коммунистической герильи в Европе».

25 января 1985, Ля Селль-Сен-Клу, Франция. «Аксьон директ» (в частности, Натали Менигон) совместно с «Коммандо им. Элизабет фон Дюк» казнит директора по международным делам в Генеральной делегации по вооружению, генерального инженера Вооружённого корпуса Франции Рене Одр*а*на. Одран руководил продажей оружия (в частности, Ираку во время ирано-иракской войны). Он расстрелян вечером, перед своим домом, 8 выстрелами.

1 февраля 1985, Гаутинг. 2 партизанами (мужчинами) – «Коммандо им. О'Хара» – расстрелян в своём доме председатель правления Союза машино- и турбиностроения Эрнст Циммерман. Его концерн изготавливал детали танков и боевых самолётов.

4 декабря 1984 – 5 февраля 1985, ФРГ. Девятая коллективная голодовка почти всех заключённых партизан (39 человек), требующих совместного содержания для возможности общения. Объявлена от имени всех Бригиттой Монхаупт. Власти подозревают, что она остаётся главным авторитетом РАФ. (Как позднее будет вспоминать Сюзанна Альбрехт, главная черта железной Бригитты – «абсолютное доминирование» в любой компании.)

13 марта 1985, ФРГ. Адельхайд Шульц приговорена к 3 пожизненным заключениям. В 1994-м её присудят к четвёртому пожизненному сроку.

2 апреля 1985, Штутгарт. В Штаммхайме вынесен приговор Бригитте Монхаупт. Она признана виновной в причастности к убийствам Генерального

прокурора Бубака (нациста с 1940-го, казнённого за Майнхоф) с 2 телохранителями, президента Дрезденского банка Понто, похищению и убийству эсэсовца-промышленника Шлейера с 3 полицейскими и шофёром, покушению на командующего Сухопутными силами в Европе генерала США Крёзена.

Монхаупт приговорена к 5 пожизненным заключениям плюс 15 лет.

За вычетом смертных приговоров, на данный момент это беспрецедентно суровый приговор в истории германского права.

(4 года назад Гермина Брауншайнер, надзирательница концлагерей Майданек и Равенсбрюк, осуждена за убийство 80 человек, соучастие в убийстве 102 детей и содействие в смерти 1 000 человек. В Майданеке узники прозвали её «Топчущей кобылой» и «Кобылой из Майданека» – любила убивать ударами сапогов, обитых сталью. Брауншайнер приговорили к 1 пожизненному заключению, а не к 5 – как нацистка, против капитализма она ничего не имеет. Через 15 лет Кобылу освободят.)

Пресса возмущённо пишет о «бескомпромиссной радикальности», продемонстрированной Монхаупт на судебном процессе. Судья Гюнтер Гребе называет Монхаупт «самой опасной и порочной женщиной Германии». «Меня пугал тот потенциал ненависти и презрения к людям, который был в ней выражен», вспомнит он позднее.

Выслушав приговор, железная Бригитта заявляет, что РАФ продолжит борьбу.

Бригитта Монхаупт

Не раннее мая, в 1985, Штутгарт. Рекорд судьи Гребе очень быстро побит (может, сам побил) – Кристиан Клар, в соответствии с принципом коллективной ответственности, признан виновным во всех акциях партизан начиная с 1977-го, и приговорён к 6 пожизненным заключениям плюс 15 лет.

4 июля 1985, Франкфурт-на-Майне. Вновь арестована Ингрид Барабасс. Ей вменяется в вину, что в 1980-м она была замечена в Париже незадолго до убийства Рене Одрана.

3 июня 1985, ФРГ. Нападение на инкассаторскую машину. Инкассатор ранен. Экспроприировано 157 700 марок.

7-9 августа 1985, Висбаден, Франкфурт-на-Майне. Солдат США Эдвард Пименталь, специалист по обслуживанию крылатых ракет, вот уже 3 месяца как завсегдатай бара «Западный салон». 7 числа он знакомится там с Биргит Хогефельд и уславливается о свидании. В 23:30 следующего дня его удаётся выманить в городской лес Висбадена (к Хогефельд прибавилась Ева Хауле, и с ними мужчина), и между полуночью и 3 ч. ночи Пименталь получает пулю (в затылок или шею).

9 августа «Коммандо им. Джорджа Джексона» в сотрудничестве с «Аксьон директ», с помощью идентификационной карты Пименталя, паркует автомобиль на авиабазе США Рейн-Майн со 126 кг взрывчатки. Взрыв прогремел в 7:19 утра. Погибли солдат США Франк Скортон и гражданский служащий армии США Бекки Бристоль, ранено более 30 человек (по др. сведениям – 23, или 11). Материальный ущерб – 1 млн марок.

13 августа международное информационное агентство «Рейтерс» получит письмо от РАФ и «Аксьон директ» со взятием ими на себя ответственности за акцию. К письму будет приложено удостоверение Пименталя.

Убийство Пименталя раскритикуют многие левые – это первый человек, убитый рафовцами не случайно и при этом не высокий чин в политике, армии или бизнесе и не доносчик или провокатор, а также не объект мщения за личную вину и не убитый в перестрелке. Споры об этом разгорятся и среди самих партизан. В января 1986-го РАФ назовёт этот случай «политической ошибкой», позже об этом скажут сами Хауле (в 1994-м) и Хогефельд (в 1996-м).

(Сводная сестра Пименталя, Кэтлин Пекеньо, будет ездить в Германию в 2000-х, пообщается с рядом бывших рафовцев, в том числе с Хогефельд, для понимания произошедшего. В этих целях она приступит к изучению немецкого. Выводы Пекеньо будут весьма неожиданны для большинства гринго – но об этом ниже.)

1985, Куба, ФРГ. Маргрит Шиллер, освобождённая в 1979-м, опасаясь повторного ареста, выезжает на Кубу и получает политическое убежище. Там же выходит замуж за джазмена и рожает близнецов. (В 1993-м она уедет с семьёй в Уругвай, Монтевидео, в 2003-м вернётся в Берлин. В 2011-м издаст книгу мемуаров о жизни в Латинской Америке.)

Партизаны Йоханнес Тимм, давний друг Кристиана Клара и Вилли-Петера Штоля, и Клаудия Ваннерсдорфер пытаются заложить самостоятельно сделанное взрывное устройство в Ассоциации по развитию воздушной и космической промышленности в Штутгарте. Бомба взрывается преждевременно. 29-летний Тимм погибает, Ваннерсдорфер тяжело ранена (её дальнейшая судьба мне неизвестна).

Скончался Генрих Теодор Бёлль. В последнем романе, вышедшем при его жизни, в этом же году, Бёлль сделал тот же вывод, что РАФ: ФРГ – фашистское государство («Лучше умереть в Никарагуа, чем жить здесь» («Женщины на фоне речного пейзажа»)).

9 июля 1986, (Страслах, близ Мюнхена). «Коммандо им. Мары Кагол» взорван член правления концерна «Сименс» – одного из крупнейших в мире в области электроники и электротехники – Карл-Хайнц Бекуртс, вместе со своим шофёром Экхардом Гропплером. Предположительно в акции участвовал Хорст Людвиг Майер.

(Мара (Маргерита) Кагол (1945-1975) – соосновательница итальянских «Красных бригад», погибшая в перестрелке с полицией 4 июня 1975-го, притом её сознательно добили, хотя могли взять живой. В детстве, как и Майнхоф, помогала неимущим в округе, с евангельских позиций.)

После катастрофы на Чернобыльской АЭС в ФРГ ещё более усилилось антиядерное движение. Бекуртс был одним из главных лиц в сфере ядерной

энергетики, а также военных исследований, связанных с нейтронной физикой (в ней Бекуртс был одним из главных специалистов в ФРГ).

25 июля 1986, Имменштадт. Взрыв на заводе «Dornier».

2 августа 1986, Рюссельхайм. Арест 3 партизан, среди них Ева Хауле.

10 октября 1986, пригород Бонна. «Коммандо им. Ингрид Шуберт» (из 2 красноармейцев) казнён главный виновник убийств случайных прохожих в «расстрельных облавах» – руководитель политического департамента МИД ФРГ, директор Департамента полиции, претендент в статс-секретари Герольд фон Браунмель.

Около 9 ч. вечера, входя в свой дом, он получил 2 пули в туловище от одного рафовца и третью – в голову – от второго. Письмо с объяснением случившегося отправлено РАФ в посольство Чехословакии, рядом с которым и жил Браунмель.

1986, ФРГ, Швейцария. Клаус Юншке, приговорённый к пожизненному заключению в 1977-м, пишет открытое письмо красноармейцам с призывом отказаться от вооружённой борьбы. «...редко чья храбрость устоит против длительных размышлений, не перемежаемых действием...» («Моби Дик», XLVI, «Догадки»). Позже это поможет ему получить помилование, первым из рафовцев.

Становится известным, что в 1978-м с одобрения премьер-министра земли Нижняя Саксония Эрнста Альбрехта ведомство по охране конституции совместно с «антитеррористической группой» GSG 9 взрывом проделало дыру в стене тюрьмы в Целле, для симуляции попытки побега Зигурдом Дебусом.

Дело в том, что незадолго до взрыва Альбрехт заявлял: есть доказательства, что в тюрьмах планируются многие преступления, в частности убийства. Однако предъявить доказательства отказался. Взрыв в тюрьме и должен был послужить доказательством.

Теперь Альбрехт заявляет: эта операция (оплаченная налогоплательщиками) служила цели внедрить в ряды рафовцев 2 доверенных лиц (осужденных уголовников), с чьей помощью предполагалось предотвращать преступления. В газетах появятся сообщения о свидетелях, рассказывающих, как подобные «доверенные лица» – уголовники на государственной службе – склоняли партизан к организации побегов и убийству директора тюрьмы в Целле, предлагая оружие и взрывчатку. В ФРГ станет известно о множестве подобных провокаций. В результате разразившегося скандала создаётся следственный комитет в парламенте Нижней Саксонии. Министр внутренних дел Нижней Саксонии Ульрих Хассельман, представитель Христианско-демократического союза, вынужден подать в отставку.

36-летняя Габриэла Крочер-Тидеман, с 1977-го находящаяся в швейцарской тюрьме, и журналист из Цюриха Ян Матиас Моргенталер, редактор левой еженедельной газеты, уже год как хотят пожениться. Власти встревожены – в случае брака Крочер-Тидеман получит швейцарское гражданство. В таком случае, по тогдашнему законодательству, её не смогли бы депортировать в ФРГ. А швейцарские власти планируют избавиться от революционерки, которую считают опасной. И городской совет Цюриха не регистрирует брак на том основании, что Моргенталер не сможет жить с заключённой, и, следовательно, брак будет фиктивным. (Обычно браки с заключёнными нигде не воспрещаются.)

Выходит на экраны фильм «Штаммхайм» (режиссёр Райнхард Хауф (в 1978-м снявший «Нож в голове»), сценарист Штефан Ост), о судебном процессе над красноармейцами в 1975-1977 гг. Главные герои – Майнхоф, Баадер, Энслин и Распе. Авторы фильма оставляют открытым вопрос о причинах гибели заключённых в «ночь смерти в Штаммхайме», но касаемо Майнхоф не осмеливаются выйти за рамки предписанного властями.

В том же году фильм получает «Золотого медведя» Берлинского международного кинофестиваля. Показ фильма проходит в присутствии полиции. Председатель жюри, «кинозвезда» Джина Лоллобриджида крайне возмущена – с антирафовских позиций – и публично дистанцируется от фильма. (Так, в отношении РАФ, она будет действовать и в 2000-х, требуя рисовать партизан исключительно чёрными красками, без каких-либо полутонов.) Она – фашистка.

«Фильм ... вносит важный вклад в понимание насилия по политическим мотивам и провоцирует борьбу с табу, наложенным на до сих пор неразрешённую главу истории Германии» («Немецкая энциклопедия международного кино»).

Премьера – на Венецианском кинофестивале – фильма «Путешествие» швейцарского оперного, театрального и кинорежиссёра Маркуса Имхоофа, снятого в июле-сентябре 1985-го, экранизация одноимённой книги Бернварда Веспера, супруга Гудрун Энслин, покончившего с собой в 1971-м. Главные герои, под вымышленными именами – сам Веспер, Энслин, отец Веспера (нацистский поэт), Андреас Баадер и сын Энслин и Веспера, Феликс, названный Флорианом. Фильм посвящён «Флориану», то есть Феликсу.

1987, Франция, Швейцария. Арестованы руководители «Аксьон директ», что положило конец деятельности организации. РАФ теряет союзника.

Габриэла Крочер-Тидеман депортирована в ФРГ. Ей остаётся отбыть в заключении – в тюрьме Кёльн-Оссендорф – оставшиеся 5 лет из 15, к которым она приговорена в Швейцарии.

Призыв на демонстрацию, посвящённую десятилетию со времени убийства рафовцев в Штаммхайме. 1987 г.

20 сентября 1988, Бонн. Неудачное покушение на госсекретаря Федерального министерства финансов.

1988, Италия. «Красные бригады» самораспускаются, что прекращает взаимопомощь между ними и РАФ.

1989, ФРГ. В начале года госсекретарь Министерства юстиции (будущий министр юстиции, в 1991-1992-м, и министр иностранных дел в 1993-1998-м) Клаус Кинкель в рамках т. н. «инициативы Кинкеля» посещает заключённую Бригитту Монхаупт. Позже он назовёт характер железной Бригитты «упрямым и трудным».

Введён запрет, грозящий штрафом, на ношение одежды, скрывающей лицо (против демонстрантов).

30 ноября 1989, Бад-Гамбург. Ранним утром «Коммандо им. Вольфганга Беера» взорван в бронированном «мерседес-бенце» один из самых охраняемых людей Германии – член совета директоров «Дойче банка» с 1971-го, фактически его руководитель с 1988-го, 59-летний Альфред Херрхаузен, из стратегов западногерманской экономики, активист гитлерюгенда в школьные годы. Он ехал в свой офис во Франкфурте-на-Майне. Шофёр ранен осколками в голову и руку. 20-килограммовая бомба, снабжённая оптическим бесконтактным датчиком с установленной задержкой, была спрятана в сумке седла детского велосипеда, на обочине дороги.

Телохранители из машины сопровождения не предпринимают действий по оказанию первой помощи, опасаясь новых взрывов. Херрхаузен умирает через несколько минут от потери крови. Возможно, немедленно оказанная помощь спасла бы его, и поведение телохранителей порицается многими.

В заявлении РАФ, сделанном через 2 дня, говорится, что «Дойче банк» находился на «переднем крае фашистской структуры капитала, против которого оправдана любая форма сопротивления».

Это случается через несколько недель после падения Берлинской стены, прервав эйфорию правых, поспешивших посчитать РАФ оставшейся в прошлом.

Казнь Херрхаузена поныне остаётся одним из самых загадочных убийств в истории послевоенной Германии.

Необычна техническая точность акции. Понятное дело, что красноармейцы неделями тщательно отслеживали и документировали маршруты жертвы. Но, предположительно, они ещё и замаскировались строителями: под асфальтовой поверхностью дороги проложен тонкий кабель, соединённый с велосипедом, начинённым бомбой. Никто ничего не заметил, хотя дело происходило рядом с оживлённой улицей Таунус-Терме.

Далее начинается несколько романтическая и одновременно комичная история. Некая монахиня Нуна заявляет, что сдавала 4 партизанам квартиру недалеко от места казни и даже знает двоих по имени – Кристофа Зайдлера и Андреану Клумп. Эксперты ВКА обнаруживают в её квартире следы взрывчатых веществ. Теперь сестра Нуна предстаёт весьма надёжным свидетелем. Выданы ордеры на арест Клумп и Зайдлера.

Но следствие протянется долгие годы и закончился провалом для федеральной прокуратуры. Вскоре становится известно, что монахиня зависима от наркотиков и неоднократно лежала в психиатрической лечебнице. В телеинтервью Нуна отказывается от своих показаний, заявляя, что они сделаны по настоянию следователей. Кроме того, недоказуемо, что следы взрывчатых веществ в квартире Нуны идентичны следам взрывчатки, использованной «Коммандо им. Вольфганга Беера».

Десятилетие займут споры экспертов – один психиатр скажет, что Нуна вменяема, второй – что она бредит. Следствие до конца будет цепляться за монахиню (больше не за кого), пока в 1999-м новая комиссия не составит 92-страничный отчёт с выводом: Нуна страдает от «шизоаффективного психоза».

27 июля 1990, Бонн. Покушение «Коммандо им. Хозе Мануэля Севильяно» на госсекретаря Федерального министерства внутренних дел Ханса Нойзеля. Нойзель легко ранен.

(Хосе Мануэль Севильяно Мартин.

Партийная кличка "Севи". Боец ГРАПО. Родился в 1959 г. в андалузском городке Марчена, в семье сельских пролетариев. Был членом профсоюза сельскохозяйственных рабочих, затем вступил также в левый Культурный комитет Марчены и Антинатовский комитет Марчены.

В 1985 году ушел в подполье. Участвовал в боевых операциях леворадикалов (вооруженные нападения на фашистов, жандармов, экспроприации банка и склада оружия). В 1986-м арестован, в 1988-м приговорен к 26 годам заключения.

30 ноября 1989 года вместе с 60 политзаключенными начал голодовку, протестуя против пыток в испанских тюрьмах. Трижды переводился из тюрьмы в тюрьму с целью усиления изоляции, был переведен на принудительное кормление. После 176 дней голодовки, 25 мая 1990 года умер в тюрьме.

После известия о его смерти в 17 испанских городах прошли манифестации протеста, перешедшие в ожесточенные схватки с полицией. В Памплоне в ходе такого столкновения застрелили демонстранта Эдуардо Альбениса. В городах Витория, Эрнани и Рентерия бойцы ГРАПО совершили вооруженные нападения на правительственные учреждения. В Марчену, родной город Хосе Мануэля, ввели отряды гражданской гвардии, чтобы сорвать массовые похороны Севильяно, но не удалось: похороны превратились в мощную демонстрацию протеста.

(Сведения о Севильяно даны мне Александром Тарасовым.))

13 февраля 1991, Бонн. «Коммандо им. Чиро Ризатто» – в знак протеста против действий НАТО в Ираке – по посольству США выпущено 250 пуль из

автоматического оружия. В здание попадает ок. 60 пуль. Среди участников акции предположительно Даниэлла Клетте.

1 апреля 1991, окраина Дюссельдорфа. В 11:30 вечера председатель берлинского Попечительского ведомства Детлев Карстен Роведдер вошёл в кабинет своего дома, освещённый лишь стоявшей на письменном столе лампой с лампочкой в 25 ватт. Вторая лампочка только что перегорела. Когда Роведдер собрался войти в смежную комнату – спальню – его спина оказалась обращённой к окну, и он (ростом 189 см) виднелся снаружи как неясный силуэт. Выстрелом из винтовки ему разорвало трахею и аорту. Его жена Хергард (4 дня назад безуспешно просившая полицию об усилении охраны), услышав шум, решила, что взорвалась лампочка, вкручиваемая мужем, и встала с постели посмотреть, не нужна ли помощь. Когда она вошла в кабинет, 2 пуля ранила её в левую руку (вероятно, стрелок решил, что Роведдер жив и встал на ноги). 3 пуля угодила в книжный шкаф.

Через 3 минуты полиция начинает широкомасштабную операцию поиска по всему городу, но не находит ни стрелявшего, ни оружие. На месте, откуда стреляли, найдены 2 бинокля, 3 гильзы, 3 окурка, пластиковый стул, полотенце и письмо от РАФ, подписанное «Коммандо им. Ульриха Весселя» (того самого сына миллионера, что погиб при штурме стокгольмского посольства).

Это последняя казнь, осуществлённая РАФ.

Роведдер был доверенным лицом правительства, ответственным за программу приватизации государственной собственности ГДР, 8 000 промышленных предприятий. Словом, немецкий Чубайс.

Сообщение РАФ касаемо данной казни:

«1 апреля 1991 года наша команда имени Ульриха Весселя расстреляла шефа берлинского политического ведомства Детлева Карстена Роведдера.

Роведдер выполнял ключевые функции в политике и экономике в течение 20 лет. Уже тогда Роведдер был одним из сидящих за начальственными столами преступников, готовых ежедневно ходить по горам трупов ради интересов прибыли и власти, планирующих нищету и смерть миллионов людей.

Вершиной его карьеры должна была стать должность боннского наместника в Восточном Берлине. Бывшая ГДР со времени её аннексии фактически превратилась в колонию ФРГ – все центры политических, хозяйственных и военных решений находятся в руках западногерманских концернов. Согласно их планам, экономика ГДР и все её социальные структуры, от системы здравоохранения до детсадов, должны быть методично разрушены. Это делается для того, чтобы капитал мог беспрепятственно развернуться на пустом месте, спокойно действовать по собственным жестоким законам и манипулировать людьми, лишёнными корней. Таков был план, и попечительское ведомство и должно было организовать весь этот развал. Для осуществления этого бесчеловечного плана правительство ФРГ выбрало Роведдера – лучшую кандидатуру оно вряд ли нашло бы, учитывая его жестокость и непомерные амбиции.

Деятельность этого попечительского совета означала не только закрытие сотен предприятий и потерю рабочих мест. В ходе процесса приватизации жителям страны навязывалась структура общества, необходимая капиталу для поддержания своего господства. Всеобщая погоня за прибылью как норма жизни, подчинение общественных интересов требованиям капитала означали не только нищету миллионов безработных, но и нищету в умах и сердцах людей.

Для стратегов капитала, подобных Роведдеру, речь шла о создании условий для наступления капитала на души людей. Необходимо было создать надлом в душе, ощущение одиночества и неприкаянности, что изолировало бы людей друг от друга, воздвигло бы между ними непреодолимые преграды.

“Система свободного рыночного хозяйства” обещает каждому призрачный шанс обрести место в Великой Германии – стране всобщего благостояния, и обрести счастье в потребительском угаре. Но люди, охваченные страстью к приобретению, неизбежно оболваниваются и отупляются. Надёжное место в этой системе уготовано лишь готовым продаваться безо всяких условий, притом делающим это лучше других. Здесь важны только локти, эгоизм, преуспеяние, а не человек, жизнь, природа.

Приемлющий капиталистические ценности должен приспособиться жить в условиях разобщённости. Разобщённость – вот ядро империалистического господства, необходимое условие для манипуляции умами людей. Ведь изолированные и лишённые контактов друг с другом люди никогда не смогут даже представить себе, что возможна иная, более справедливая действительность, никогда не поверят в возможность ниспровергнуть существующую систему.

Интенсификация производства, подчиняющая всю экономику нуждам конкуренции и мирового рынка, сейчас развивается в Восточных землях гораздо быстрее, чем в самой ФРГ. Производству, связанному с новейшими технологиями, требуется всё меньшее количество людей. В конкуретной борьбе человека и машины всегда проигрывает человек, и в результате миллионы людей остаются без работы. Такова реальная основа “общества двух третей”, где минимум треть населения остаётся лишней. Вся эта огромная масса безработных или перебивающихся случайными неквалифицированными заработками должна безропотно принимать все прелести капиталистического общества – нищету, несправедливость и лживую буржуазную мораль – как естественные законы.

Системе нужны в первую очередь люди, полностью поддерживающие её ценности, занимающие в ней привилегированное положение, работая с

новейшими технологиями или занимаясь организационной деятельностью. Таковы ”Яппи” – смысл жизни которых сводится к одной фразе: “Родился, чтобы торговать”. В соответствии с их нуждами перестраиваются целые города, превращаясь в нагромождение магазинов шикарного шмотья, забегаловок вроде “МакДональдс” и кварталов с роскошными безумно дорогими квартирами. Этот корумпированный слой: бонзы – хозяева жизни, и их прихлебатели “яппи” – единственные, кто извлекает пользу из всего этого дерьма, насаждаемого Бонном в Восточной Германии.

Для массы униженных и оскорблённых такой путь развития означает лишь разрушение привычного образа жизни. Они должны быть заточены в бетонные гетто, построенные для изоляции человека.

С момента распада ГДР совершенно открыто разжигаются расизм и угнетение женщин. Фашистские группы усиливаются, почти ежедневно происходят жестокие нападения на иммигрантов и левых активистов. При закрытии предприятий первыми увольняют женщин. Число детсадов сокращается, а у женщин собираются отнять ещё и право на аборт. Расизм и женское бесправие необходимы германскому империалистическому государству как дополнительный клапан, дабы недовольство и раздражение людей обратилось против не Системы, а стоящих ниже их в общественной иерархии.

Наша акция против одного из творцов “Великой Германии” наносит удар в самое сердце этого реакционного процесса. Обнищание, нужда и массовая безработица сами по себе не приведут к мобилизации масс против стоящих у власти.

Все, кто борется за достойную жизнь и свободу от государства, должны стать единой силой. Именно сейчас, когда империализм наносит один удар за

другим, пытаясь навязать народам новый мировой порядок, революционное движение должно быть в состоянии проникнуть повсюду.

Мы видим чёткий путь преобразований. В процессе серии вооружённых акций мы сформируем контрвласть, способную противостоять империалистической системе и в длительной борьбе привести к освобождению человечества.

Революционное движение должно стать реальным фактором, совместными усилиями мы должны блокировать важнейшие жизненные процессы государства и осуществлять реальные изменения в интересах людей. Для нашей организации это значит одно – мы и в дальнейшем намерены отвечать на атаки государства. Мы хотим объединиться с другими революционными группами, определить фазы борьбы и цели для совместных акций.

Революционное движение должно открыть реальную и понятную перспективу для людей, стать притягательным для всех, кому понятен угнетательский характер Системы. Должен возникнуть зародыш нового общества, в котором люди начнут жить без господства, на основе самоопределения. Строить новое общество на основе самоопределения означает не повторять сотни раз, что существует уйма проблем, а уже сегодня пытаться найти их решение. Вся ответственность за то, каким путём пойдёт завтра процесс преобразований, лежит на каждом из нас, и мы не должны избегать этой ответственности.

Всякий решившийся на это, обратившийся к реальным проблемам, сумеет преодолеть навязанное капитализмом чувство отчаяния и постепенно найдёт верное решение.

Против прыжка империалистического зверя мы готовим наш удар – создание революционной контрвласти!»

РАФ неслучайно называла объединение Германии колонизацией ГДР. Многие люди лишились своих жилищ. Дело в том, что многие восточные немцы жили в домах, полуразрушенных во время войны (Западная Германия пострадала куда меньше Восточной). Хозяева домов восстановили их, собрали по камешку. Но после падения берлинской стены родственники с Запада заявили, что имеют долю в этих домах. Выплачивай. Нет денег – продай дом и выплати долю.

Кроме того, с Запада хлынули не слишком успешные там немцы, захватив все высокооплачиваемые посты в бывшей ГДР. Они считались «благонадёжными». (В Лейпциге и поныне 70 % администрации составляют «вэсси».) Вся власть в бывшей республике попала в руки новой – колониальной – администрации.

Приведённые ниже цитаты есть и в Рунете.

Бывший дипломат Петер Штеглих: «СССР бросил ГДР просто так, даже не оставив никакого договора между собственниками ФРГ и ГДР. Умные, государственные люди предвидели конфликты из-за собственности и аншлюс Германии вместо объединения двух Германий на равных правах. Но есть высказывание Горбачёва: пусть немцы сами разбираются. Это означало: сильный берёт, что хочет. А сильными были западные немцы. Началась колонизация ГДР. Отстранив от власти местных патриотов, очернив их и унизив, западные колонизаторы приступили к полной приватизации государственных активов ГДР. [...] ГДР была самой успешной страной Варшавского договора. Сначала надо было показать будущим жертвам жест великодушия, установим курс восточной марки на западную для граждан ГДР один к одному. Об этом кричали все западногерманские газеты. Но оказалось, что обменять можно только 4 000 марок. Свыше этого обмен шёл по курсу две восточные марки на одну западную. Все госпредприятия ГДР и малый бизнес

могли обменивать счета только из расчёта два к одному. Следовательно, они разом потеряли половину своего капитала. При этом их долги пересчитывались по курсу 1:1. Подобные меры привели к уничтожению промышленности ГДР. Осенью 1990-го объём промышленности в ГДР снизился более чем вдвое! Теперь западные “братья” могли снисходительно говорить о нежизнеспособности социалистической промышленности и её немедленной приватизации “на честных и открытых условиях”. И 85 % всей промышленности страны попало в руки западных немцев, которые активно вели её к банкротству, чтобы не дать шанс конкурентам. 10 % досталось иностранцам. И только 5 % смогли купить истинные хозяева земли, восточные немцы».

Бывший гендиректор металлургического завода города Айзенхюттеншдадт профессор Карл Деринг, на вопрос «Вас ограбили?»:

«Конечно. Вся собственность попала в западные руки. И мы не забываем, кто нас продал. Горбачёв. Да, были демонстрации за свободу передвижения, но никто не требовал, чтобы ГДР исчезла с карты мира. Я это подчёркиваю. Для этого была нужна соответствующая позиция Горбачёва, человека, не выдержавшего экзамен истории. Этой “славы” у него никто не отнимет. Что в результате? Восточные немцы гораздо беднее западных. Множество исследований показывает, что мы немцы “второго класса”.

Что было важно западным промышленникам? Новый рынок под боком, куда можно сваливать свои товары. Они так увлеклись, уничтожая нашу промышленность, что наконец обнаружили: безработные не могут покупать их товары! Если не сохранить хотя бы остатки промышленности на Востоке, люди просто убегут на Запад в поисках работы, и земли опустеют. Вот тогда мне удалось спасти хотя бы часть нашего завода благодаря русским. Мы увеличили экспорт в Россию, продавали для вашей автопромышленности, для

сельскохозяйственных машин. Потом наши акции захотел купить Череповецкий металлургический комбинат, один из крупнейших в России, но западным политикам эта идея не понравилась».

Ещё один результат объединения-колонизации – катастрофическое падение рождаемости в бывшей ГДР, значительно большее, чем в западных районах, с массовой стерилизацией женщин. Дальнейшее вымирание немцев – это, точнее сказать, вымирание восточных немцев по вине западных.

Начало 1992, ФРГ. Федеральный министр юстиции Клаус Кинкель предлагает освободить заключённых партизан с условием, что РАФ прервёт дальнейшую деятельность, заявляя: «Государство должно, при необходимости, быть готовым к примирению». РАФ косвенно соглашается, говоря о нежелании «эскалации». Карл-Хайнц Дельво, Лутц Тауфер и ряд др. заключённых красноармейцев согласны на это, Бригитта Монхаупт (заключённая с 1982-го) – против. «Железная Бригитта» остаётся железной. Кристиан Клар также сторонник бескомпромиссности.

Бригитта Монхаупт

Дискуссии на эту тему вносят серьёзный разлад в РАФ. (Как и в РККА периода «чисток» конца 1930-х, раскол происходит через 20 лет после создания Красной армии.)

10 апреля 1992, ФРГ. Декларация нескольких заключённых красноармейцев призывает расформировать РАФ, считая необходимым сменить тактику в результате произошедших в мире изменений.

Начало 1992, ФРГ. Журналисты Герхард Вишневский, Вольфганг Ландгребер и Эккехард Зикер в телепередаче на канале ARD выражают сомнения в том, что РАФ продолжает существовать.

27 марта 1993, Гессиан-Вайтерштадт. Многие считают РАФ распущенной. «Коммандо им. Катарины Хаммершмидт» развеивает эти надежды взрывом (более 200 кг взрывчатки) в нововыстроенной женской тюрьме за неск. дней до её открытия. 3 части здания и административное крыло полностью уничтожены, остальная часть объекта сильно повреждена. Ущерб – 130 млн марок. (Тюрьму удастся ввести в эксплуатацию только в 1997 г.) Жертв нет – перед взрывом партизаны вынесли на дорогу предупреждающий знак: «Ожидается взрыв. Смертельно опасно».

Это последняя крупная акция РАФ.

Налёт красноармейцев – среди них Даниэлла Клетте, Буркхард Гарвег и Эрнст Фолькер Штауб – на местное управление по исполнению наказаний.

27 июня 1993, Мекленбург. Вольфганг Грамс и Биргит Хогефельд, руководители 4 поколения РАФ, настигнуты полицией на вокзале Бад Кляйнен. В операции по захвату задействовано более 100 человек. В перестрелке 1 полицейский – Михаэль Невжелла – погиб и 2 ранены. Хогефельд арестована. Грамс убит выстрелом в лицо. Официальное расследование объявляет его самоубийцей, но свидетели заявляют, что он убит полицией. В результате

скандала вокруг этого случая федеральный министр внутренних дел Рудольф Сайтерс выходит в отставку.

28 октября 1993, ФРГ. Федеральный министр юстиции Клаус Кинкель добивается от большинства заключённых и освобождённых красноармейцев согласия на отказ от убийств. «...редко чья храбрость устоит против длительных размышлений, не перемежаемых действием...» («Моби Дик», XLVI, «Догадки»). Но Бригитта Монхаупт и есть тот редкий случай, и выступает против любых уступок. Данный компромисс приводит к её своего рода уходу с поста командира РАФ – во всяком случае, так расценивают власти письмо железной Бригитты, опубликованное социал-демократической газетой «Франкфуртское обозрение». Письмо не случайно называется «Конец сплочённости заключённых и РАФ» – РАФ расколота этим решением, как заключённые, так и пребывающие в подполье.

20 апреля 1998. 8-страничное письмо РАФ агентству Рейтер, посланное из Хемница, сообщает, что РАФ саморасформирована. Красноармейцы пишут, что вследствие радикальных изменений в Европе и всём мире нужна разработка новой тактики.

Письмо завершают имена 26 погибших рафовцев и слова Розы Люксембург, опубликованные ею за день до гибели в газете «Красный флаг»: «Революция говорит – я была, я есть, я буду продолжаться».

«Это не капитуляция, а принципиально новая ориентация в новой ситуации. Вооружённая борьба по старым схемам противоречит характеру этой ситуации», заявлял ещё раньше заключённый красноармеец Лутц Тауфер («Они хотят нас сломить»).

Несколько партизан остаётся в подполье, решив продолжить вооружённую борьбу. Кроме того, ряд леворадикалов в т. н. Геттингенской прокламации

«EinSatz» настаивает на продолжении борьбы против «капиталистического варварства».

Имена большинства представителей 5 поколения РАФ неизвестны. Как и их планы.

Постлюдия к хронике. Репрессированные антифашисты на фоне здравствующих фашистов (1987-2018)

От этого не застрахованы занимающиеся тем же, чем и мы, как и от того, что фараоны пытают товарищей, что кто-нибудь может не выдержать террора, организованного Системой против действительно борющихся с ней. У свиней не было бы власти, не будь у них средств.

Ульрика Майнхоф, «Концепция городской герильи», глава 1

Мы непоколебимы. Да, это было нелегко, но всё-таки возможно.

Карл-Хайнц Дельво, «Они хотят нас сломить»

К одному или нескольким пожизненным заключениям приговорили 26 рафовцев, столько же, сколько из них погибло.

Февраль 1987, ФРГ. В феврале условно освобождён Зигфрид Хааг, арестованный в 1976 г.

Октябрь 1987, Штутгарт. Демонстрация, посвящённая 10-летию «ночи смерти в Штаммхайме» – убийству Андреаса Баадера, Гудрун Энслин и Яна-Карла Распе.

1987, ФРГ. Освобождена Вальтрауд Боок (Ливальд), арестованная в 1976-м при налёте на Венский банк и приговорённая в 1977-м к 12,5 годам тюрьмы. Она супруга Петера-Юргена Боока, покинувшего РАФ из-за употребления наркотиков, и в тюрьме окончательно дистанцировавшегося от партизан.

Хорст Малер, самый известный из немногих деградантов РАФ, в 1974-м вышедший из РАФ и освобождённый в 1980-м, получает разрешение от Верховного суда на возобновление юридической практики.

По поведению Малера в начале истории РАФ заметно, что он видел себя главой организации. Когда быстро выяснилось, что главный авторитет Фракции – Майнхоф, он и стал терять интерес к делу. Насмотревшись на псевдолевых, могу уверенно сказать, к какой их категории относился Малер – он мыслил какую-либо деятельность только с собою во главе. Если некто считает себя лучшим кандидатом в руководители, ничего плохого в этом нет – он, может, и прав. Плохо, когда его только это и интересует.

В дальнейшем Малер политически всё более правеет. 12 августа 2000-го становится членом и юридическим консультантом ультраправой Национал-демократической партии Германии, небезосновательно считаемой многими правопреемницей гитлеровской партии.

Вначале пытается сохранить связь со своей прежней деятельностью, говоря интервьюерам, что идёт прежним путём: раньше боролся за права народов третьего мира, теперь – за права немцев. Забывая добавить, что теперь борется за один из угнетающих народов, а раньше боролся за угнетаемых, называя себя с другими красноармейцами пятой колонной третьего мира. Пишет о «третьем пути», в отличие от правого и левого движений. Третьим путём называет борьбу за немецкий народ против приезжих, «инородцев», при этом обеляет националистов тридцатых, мельком сетуя на перегибы нацистов в деле укрепления Германии. Антиамериканская составляющая в его идеологии сохранилась, но раньше США критиковались им с антифашистских позиций, теперь – с позиций немецкого фашизма, конкурирующего с североамериканским.

В октябре 2000-го публикует брошюру с призывом запретить еврейские общины в Германии, изгонять всех просящих политического убежища и уволить с работы всех иностранцев. Не позже 2001-го сближается с известным неонацистом Кристианом Уорхом. В сентябре 2002-го раздаёт журналистам свою статью, где называет ненависть к евреям «безошибочным признаком неповреждённой духовной имунной системы». В ноябре 2003-го основывает антиконституционную «Ассоциацию для реабилитации осуждённых за холокост» (запрещена в 2008-м). В дальнейшем называет холокост «величайшей ложью в истории». В 2004-м попадает в тюрьму на 9 месяцев, за антисемитские заявления. Женится на адвокате Сильвии Штольц, также правой экстремистке и отрицательнице холокоста. Не позже 2006-го начинает отдавать нацистские приветствия, «зиговать»; 23 ноября 2007-го прославляет нацизм в письме бургомистру Эберсберга.

Власти не спешат с репрессиями: Малер стал нацистом, а значит, капитализму не опасен – и если в 1970-х его разыскивали, как антифашиста, то теперь, чтобы попасть в тюрьму, ему приходится... самому подавать на себя в суд. Он это делает постоянно, подчёркивая, что отрицает холокост (в ФРГ это подсудно). В 2009-м приговаривается к 12 годам тюрьмы. В 2017-м, временно освобождённый по болезни (ампутировали ногу), пытается укрыться в Венгрии, но выдан венгерскими властями Германии и возвращён в тюрьму. (В 1996-м после 15 лет тюрьмы освободили, тоже одноногой, вышеупоминавшуюся надзирательницу концлагерей «Кобылу из Майданека». Среди нацистов и неонацистов сложилась традиция – терять ногу для освобождения.)

В семидесятых походивший на лучших представителей репрессированных в СССР 1927-1985 гг. – репрессированных за близость к Ленину, за идею мировой революции, в 2000-х Малер отправляется в тюрьму уже как гораздо более типичный представитель советских политзаключённых – как фашистский

националист. Бывший Валерием Саблиным и Александром Тарасовым опустился до гумилёвых и солженицыных. Человек, когда-то репрессированный за борьбу с нацистами, под конец жизни репрессирован за пропаганду нацизма. Анекдотичная вышла биография.

Есть, конечно, и другие люди, из известных левых перешедшие в правые – Кон-Бендит, Льоса, но до «зигования» последние всё же не дошли. Малер – из тех редких случаев, когда известный человек не просто деградирует, а скатывается именно к тому, с чем боролся. Скажем, если некто боролся с алкоголизацией страны и стал наркоманом, это ещё полбеды – хуже, если он сопьётся: с учётом прежней его деятельности это вдвойне позорно и просто смешно. Малер стал в один ряд с Оруэллом, Набоковым и Борисом Стругацким. Оруэлл проклинал тоталитарный диктат государства над людьми и кончил тем, что добровольно стал бескорыстным стукачом, помогая властям строить ту самую антиутопию, что сделала его знаменитым. Набоков, когда ещё писал по-русски, изобразил пошляка, предлагающего писателю сюжет о сексе с сексапильной несовершеннолетней, на что писатель только презрительно фыркает, и кончил тем, что сам же и написал подобный роман, именно этим сделав себе карьеру. Б. Стругацкий написал в соавторстве «Хищные вещи века», заклеймив духовную и умственную деградацию людей на Западе, и в конце жизни признал, что ему начало нравиться общество, описанное в романе. Так вышло и с Малером.

«Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно» (Лермонтов).

Ещё комично, что из рафовцев в антисемитизм впал именно единственный хотя бы частично еврей, на 1/8 (евреем был прадед Малера, брат классика музыки Густава Малера).

Впрочем, как говорил Данте, «взгляни – и мимо».

1988. Моника Берберих, бывшая в 1970-м секретаршей и подругой Малера, писавшая на стенах тюрьмы в 1974-м, что вышедший из РАФ Малер смешон, освобождена после 18-летнего заключения. Приговорённая, как и Бригитта Асдонк, к 12 годам тюрьмы за освобождение Баадера, она получила дополнительный срок после побега в 1976-м и ареста через 2 недели. Как и Асдонк, Берберих не дистанцируется от РАФ. В интервью 1995-го назовёт ФРГ «фашистским государством». Нынче живёт во Франкфурте-на-Майне, известна как автор леворадикальных публикаций, в том числе в соавторстве с Райнером Реке и Ирэн Розенкоттер.

Петер-Юрген Боок, со скандалом вышедший из РАФ из-за наркотиков, подаёт прошение о помиловании. Федеральный президент Ричард фон Вайцзеккер побеседовав с ним в следственном изоляторе, впоследствии отказывает в помиловании из-за сомнений в раскаянии Боока.

От левых отбился, к правым прибиться не смог.

Февраль-март 1989, ФРГ. Десятая коллективная голодовка заключённых партизан, 47 человек.

Март 1989. После 17 лет тюрьмы выходит на свободу Манфред Грасхоф, гражданский муж Петры Шельм, первого погибшего рафовца. Ещё в тюрьме, в 1984-м, он женился на враче Доротее Риддер, также ранее побывавшей в тюрьме как помощница партизан, подруге Астрид Проль.

Устраивается техником в берлинский театр Grips. В 2005-м 59-летний Грасхоф становится актёром – партизан, убивший полицейского, успешно справляется с ролью полицейского.

Интервью Грасхоф почти не даёт, но однажды обвинит Штефана Ауста, автора книг о РАФ, в том, что тот делает деньги на памяти о Фракции. Кстати – ещё в тюрьме Грасхоф отказался дать интервью Аусту, после чего Ауст,

ничтоже сумняшеся, подкупил помощницу адвоката Грасхофа и незаконно ознакомился с судебным делом красноармейца.

23 июня 1989. Умер 86-летний эсэсовец Вернер Бест, известный как «палач Дании», организатор карательных отрядов в Польше, похваленный Гитлером за «крепкие кулаки», кавалер кольца «мёртвая голова» и почётной сабли рейхсфюрера СС. Он был амнистирован после 3-летнего заключения «по состоянию здоровья», и вот, наконец, через 38 лет после освобождения, здоровье действительно его подвело.

30 ноября 1989. В день казни партизанами Альфреда Херрхаузена выходит на свободу Верена Беккер из тюрьмы Виллих, после 13-летнего заключения. Уголовное дело, заведённое на Беккер в связи с казнью генпрокурора Бубака, закрыли закрыто в 1980-м за недостаточностью улик, но суд приговорил её к пожизненному заключению за членство в РАФ и вооружённое сопротивление при аресте. Она помилована президентом Рихардом фон Вайцзеккером. Но репрессии её ещё не миновали.

1972-1990, Кёльн. В январе 1972-го вышел «Указ о радикалах», о запрете на профессии, де-факто осуществляемый только против левых. С того времени до конца восьмидесятых 3,5 млн соискателей на работу в государственных структурах проверены на благонадёжность, при этом выдано более 100 000 «запретов на профессии», «беруфсферботен» (в Рунете об этом есть статья Гюнтера Хоффмана «”Указ о радикалах” 1972 г., и не только»).

Плакат левых, против запретов на профессию

Февраль 1990. Гюнтер Грасс признаёт в статье «Писать после Освенцима», напечатанной еженедельником «Цайт»: «Мы все, молодые тогда поэты пятидесятых годов – назову Петера Рюмкорфа, Ганса Магнуса Энценсбергера, Ингеборг Бахман – кто отчётливо, кто весьма расплывчато сознавали, что мы хоть и не как преступники, но как находившиеся в лагере преступников, принадлежим к поколению Освенцима».

Последние слова впервые произнесены Энслин 23 года назад. Теперь их повторяет тот самый Грасс, что тогда ещё отметил «врождённую ненависть к компромиссам» у Энслин. В этом разница – он и иже с ним всё «сознавали», но пошли на тот самый компромисс.

Июнь 1990, ГДР. 9 бывших рафовцев, жившие в ГДР с 1980-го – Сюзанна Альбрехт, Зигрид Штернебек, Инга Ветт, Моника Хелбинг, Вольфганг Беер, Ральф Кристиан Фридрих, Вернер Лотце, Кристина Дюмляйн плюс неидентифицированный мною – экстрадированы в ФРГ (ещё до объединения Германии). Дюмляйн за истечением срока давности обвинений не предъявлено, остальные получат тюремные сроки.

Сюзанна Альбрехт

Альбрехт в 1980-м получила документы на имя Ингрид Егер (якобы дочь мелкого немецкого коммерсанта, родившаяся в Мадриде, вся семья кроме неё перебралась в Канаду), и работала лаборанткой в Высшей инженерно-

строительной школе города Коттбус. Через несколько лет экстерном закончила Лейпцигский университет как преподаватель английского языка. В середине 1980-х, замужем за физиком Клаусом Беккером, переехала в СССР, где Беккер получает место в Институте ядерных исследований в городе Дубна. 17-мая 1990-го представитель ФРГ Ханс Бенц приезжает в СССР и (невыясненным мною образом) убеждает семью Беккер вернуться в ГДР. 3 июня они возвращаются, и 6 числа Сюзанну арестовывают в Восточном Берлине. (Вскоре после ареста она подаст на развод, Клаус вернётся в СССР и на судебный процесс не приедет.)

Ветт арестована в Магдебурге в подъезде своего дома по доносу соседки и экстрадирована после месяца пребывания в тюрьме. Холбинг арестована 14 июня во Франкфурте-на-Майне. Штернебек – 15 июня в Шведте.

Некоторые арестованные – например, Альбрехт, Штернебек, Лотце (не Инга Ветт) – ради смягчения приговоров пойдут на сделку с прокуратурой, озвучивая выгодные властям версии, в качестве «главных свидетелей прокуратуры». В дальнейшем будут неоднократно уличаться постфактум в оглашении на суде под видом свидетельских показаний данных, незаконно полученных оперативным путём, и даже просто домыслов обвинения.

«...из всех орудий, какими пользуются под луной, чаще всего приходят в негодность люди» («Моби Дик», XLVI, «Догадки»).

(Часто рафовцев называют агентами Штази, Министерства госбезопасности ГДР. Но связь РАФ с ГДР была минимальна. Правительства стран Варшавского договора были ревизионисткими, оппортунистическими (и скатились к капитализму). Революционеры всего мира были против именно таких «левых», предавших революцию, и не любили власти СССР и ГДР (Руди Дучке и Ян-Карл Распе эмигрировали в ФРГ именно из ГДР). Советская пресса называла западных революционеров «левыми» только в кавычках, выставляя их

анархистами или преступниками, а порою, как рафовцев... агентами ЦРУ. А в середине 1980-х в СССР вышел роман о рафовцах – члена КПСС с 1945-го – столь клеветнический, что до этого не опускалась половина журналистов «Шпрингера».

Буржуазные журналисты объясняли популярность «Конкрет» «восточноберлинскими деньгами». Но после объединения Германии архивы Штази показали обратное: обеспокоенные успехом «экстремистского левацкого журнала», критиковавшего псевдокоммунистов СССР и ГДР, власти ГДР начали кампанию против «Конкрета», называя его «анархическим».

«ГДР действительно финансировала журнал «Конкрет», где работала Майнхоф. Однако финансирование закончилось, когда Клаус Рёль, муж Майнхоф, выпустил статьи, показавшиеся ГДР недостаточно дружественными» (Штефан Ауст, бывший сотрудник «Конкрета», «Комплекс Баадера-Майнхоф»). Он же: «Штази закрывала глаза на транзитные перемещения рафовцев, но ни о какой другой помощи и речи идти не могло. Это было время разрядки, и риск поддержки подполья, действующего на территории другой страны (к тому же соседней – Л.), был слишком высок. Разговоры об обучении Кристиана Клара – полное заблуждение. Клар участвовал в покушении на американского генерала Крёзена. Рафовцы выстрелили в автомобиль генерала из гранатомёта, но не умели обращаться с гранатомётом, и генерал почти не пострадал. Потом Клар приехал в ГДР, а Штази интересовало, как выглядит покушение с гранатомётом на чиновника, выполненное непрофессионалами, чтобы защититься от подобного. Клару дали гранатомёт на полигоне и попросили показать, как стреляли в американца. О происшедшем составили доклад, и после объединения Германии пробные стрельбы пытались представить обучением Клара. Но это полная ерунда. Что Штази делала, так это предоставляла убежище подпольщикам, выходящим из игры. Рафовцы бежали в ГДР, получали новые

паспорта, работу, и рассказывали Штази о происходящем в левом движении. Но этим сотрудничество исчёрпывалось».

Один из немногих агентов Штази, входивших в окружение РАФ – Клаус Круассан, получивший 2,5 года тюрьмы за «превышение адвокатских полномочий», ставший в 1981-м внештатным осведомителем Штази. Круассан даже завербовал свою помощницу, супругу депутата Европарламента Бригитту Хайнрих, но это – один из единичных контактов Штази с симпатизантом РАФ.

Более того, деятельность РАФ повредила ГДР – из-за тотального полицейского контроля и шпиономании, охватившей ФРГ во времена РАФ, агенты Штази проваливались один за другим.)

14 сентября 1990, Берлин. Из тюрьмы Моабит после 15 лет заключения выходит Ральф Райндерс. Как гражданину Нидерландов, одно время ему угрожают депортацией.

В 1995-м Райндерс в соавторстве с Рональдом Фричем издаст книгу «Движение 2 июня». На демонстрациях левых в Берлине в 2007-м и 2008-м (ежегодных демонстрациях «революционного майского дня») жёстко высмеивает фашистов, казнённых рафовцами. Под аплодисменты членов движения Антифа Райндерс оправдывает казнь Бубака и Шлейера. Христианско-демократический союз крайне недоволен и заявляет, что надо бы проследить связи между бывшими «террористами» и современными левыми.

1990, Кёльн. Габриэлу Крочер-Тидеман, с 1977-го находившуюся в швейцарской тюрьме, а с 1987-го в западногерманской, судят за убийство 2 полицейских при захвате заложников ОПЕК в Вене в 1975-м. Свидетели узнали обвиняемую на видеосъёмке как участника захвата, но им не были показаны фотографии других женщин, дабы проверить, укажут ли они именно на Крочер-Тидеман, поэтому их показания не могут быть использованы в суде. Хотя

боевики не были в перчатках, на месте происшествия не обнаружено ни одного отпечатка их пальцев.

Кроме того, суд Кёльна не берёт на себя обязательств обеспечить безопасность многочисленных свидетелей из-за рубежа. Последние, опасаясь знаменитого Карлоса (Ильича Рамиреса Санчеса), руководившего той операцией, отказываются давать показания – Карлос ещё на свободе. Способов принудить их нет. Многие кёльнские юристы тоже опасаются вооружённых акций и настаивают на закрытии дела.

Опасения не беспочвенны. В октябре 1983-го посольство ФРГ в Джидде (Саудовская Аравия) получило письмо, подписанное «Карлос», с угрозой казнить министра внутренних дел Фридриха Циммермана в случае нового осуждения Габриэлы. На письме обнаружен отпечаток пальца Карлоса. Неизвестно, когда именно он попал на бумагу, но власти ФРГ сильно встревожены.

22 мая Крочер-Тидеман оправдана за отсутствием доказательств. Но из-под стражи освобождена только в 1991-м.

В 1992-м Крочер-Тидеман заболела раком, перенесла 5 операций и скончалась 7 октября 1995-го в возрасте 44 лет.

Апрель 1992, ФРГ. Красноармеец Берндт Резнер, находящийся в тюрьме 17 лет, серьёзно болен. Но федеральный прокурор заявляет, что Резнер должен оставаться в заключении вплоть до пересмотра его дела.

Примерно в то же время один из высоких судейских чинов заявляет по поводу заключённого партизана Али Янсена: «хотя для него очень болезненно переносить наказание из-за мучающих его приступов астмы, из этого вовсе не следует, что результатом должно стать какое-либо изменение приговора».

15 мая 1992. После 15-летнего заключения условно-досрочно освобождён Гюнтер Зонненберг, помещённый в тюрьму тяжелораненным и самостоятельно

заново научившийся говорить, писать и ходить. Дело против Зонненберга касаемо убийства Бубака прекращено по состоянию здоровья. Зонненбергу помогло то, что в конце восьмидесятых его история стала известна общественности, вызвав волну международных протестов.

В дальнейшем Зонненберг проживает во Франкфурте-на-Майне. В декабре-январе 2007-2008 гг. прокуратура попытается выведать у него подробности казни Бубака, но безуспешно.

Май-июнь 1992, ФРГ. Нескольким видным «легальным левым» – Розите Тимм, Томасу Эберману и Герману Гремлице – удаётся побеседовать с заключёнными Карл-Хайнцем Дельво, Кнутом Фолькертсом и Лутцом Тауфером («Они хотят нас сломить»).

«Люди должны драться за возможность сопротивляться». «Независимо оттого, является ли Система сегодня более стабильной или нет, каждый, кто не хочет прожить свою жизнь зря в этом обществе, должен отказаться от соглашения с Системой и развивать собственное социальное сознание, должен жить и бороться так, чтобы это социальное сознание стало саморазвивающейся реальностью, разрушительной для Системы». «Когда находишься здесь, в тюрьме особого режима, начинаешь понимать, что всё здесь имеет целью уничтожить тебя – уничтожить как человеческое существо. И ты должен что-то противопоставить всему этому: ты должен утвердить себя как личность. Только тогда ты сможешь преодолеть это всё» (всё – Дельво). «Мы прошли через исключительно жёсткие ситуации и в тюрьме, и на воле. Но даже сейчас, стоя лицом к лицу с очень сложной ситуацией переходного периода, мы не говорим о том, что мы “побеждены”» (Лутц Тауфер).

1992. Инга Ветт приговорена к 13 годам лишения свободы.

24 февраля Моника Холбинг приговорена к 7 годам заключения. Впрочем, она так активно сотрудничает со следствием, что освободится уже в 1995-м. 22

июня Зиглинда Штернебек приговорена к 8,5 годам тюрьмы. Нынче обе ренегатки живут под другими именами.

Умирает Франц Генрих Шуберт, отец красноармейки Ингрид, повешенной в 1977-м в тюрьме Штадельхайм. Поскольку антифашистов он не освобождал, а был видным членом нацистской партии, вступившим в неё ещё в 1926-м, то помереть ему удаётся на свободе, и своей смертью, и не в 33 года, а в 90.

Рената Римек, бывшая воспитательница Майнхоф, пытавшая вернуть её в лоно обуржуазившейся церкви, издаёт автобиографию «Я человек для себя», где уверяет, что в нацистской партии никогда не состояла. (Видимо, всё больше людей начинает это подозревать, раз уж она решилась об этом писать.)

1993. После 16 лет заключения помилован приговорённый к пожизненному заключению Клаус Юншке (муж Кристины Энслин). Юншке помогло написание в 1986-м открытого письма партизанам с призывом сложить оружие. Несколько лет на свободе он заново учится говорить. В дальнейшем подвизается в научной литературе. В 1997-м вошёл в консультативный совет тюрьмы Оссендорф в Кёльне, куда поначалу была заключена Ульрика Майнхоф.

1976-1994, Пассау. В 1976-м 16-летняя школьница баварского городка Анна Элизабет Росмус слышит на уроке, что во времена третьего рейха горожане очень не любили нацистов и противодействовали им, как могли. Анна загорается идеей написать об этом доклад. Учительница тему одобряет, отец — директор школы — тоже. Анна записывает воспоминания нескольких людей, в том числе известных в городе. Одни утверждают, что при нацистах город жил как всегда, почти нетронутый политикой. Другие рассказывают, как неодобряли решения партии нацистов и даже саботировали их. Интервью вышли на загляденье. Девочка решает оттенить их выдержками из городской прессы нацистского периода.

Листая подшивки, Анна замечает – там постоянно упоминаются знакомые фамилии. По всем материалам выходит, что большинство уважаемых сейчас горожан активно поддерживали нацизм и участвовали в отсылке в конлагерь ок. 400 своих соседей.

Рассказы горожан и реальные исторические свидетельства очень контрастно смотрелись рядом в докладе «Мой родной город во времена Третьего рейха». Доклад получил приз, но соседи с Анной перестали здороваться.

В 1980-м, участвуя в литературно-историческом конкурсе «Будни Третьего рейха», Росмус возвращается к теме. Принимается снова опрашивать горожан. Некоторые сразу указывают ей на дверь. Другие держатся настороженно, их речи выглядят самооправданием. Росмус не дают работать с архивами. Её избегают. От неё прячут старые фотографии, газеты. Начинают поступать анонимные угрозы. Росмус подаёт на администрацию города в суд, добиваясь доступа к архивам, в частности, документам бургомистра Пассау, бывшего члена НСДАП. Понадобилось 3 года, чтобы получить разрешение суда.

Росмус выясняет, что вокруг города администрацией было построено несколько концлагерей — для евреев, военнопленных и политически левых немцев. Командовали в них не приезжие нацисты, а горожане. В эти лагеря сдавали соседей члены уважаемых семей Пассау.

Несмотря на отчаянное сопротивление властей города и семей, связанных с нацизмом, в 1983-м Росмус публикует книгу «Сопротивление и репрессии: случай Пассау. 1933-1939». За первой книгой последовала вторая. Угрозы, получаемые Росмус, теряют расплывчатость и обещают смерть, если она не остановится и не покинет город. В 1990-м Михаэль Верховен снимает о Росмус художественный фильм «Гадкая девчонка». После этого её жизнь в Пассау

становится невыносимой. Страдают и две её дочери. После ряда открытых нападений Росмус в 1994-м эмигрирует в США.

(Любопытно – в Пассау провёл часть детства Гитлер. Чуть не утонул в реке, но был спасён соседским мальчишкой. Позже спаситель стал католическим священником. Этот факт установлен именно Росмус.)

С тех пор Росмус опубликовала множество статей и исследований. Подняла темы изнасилования и инцеста в семьях штурмовиков и эсэсовцев, за что её невзлюбили в ФРГ ещё больше.

1 декабря 1994. После 22,5 лет тюрьмы освобождена Ирмгард Мария Элизабет Мёллер, единственный красноармеец, выживший в «ночь смерти» в Штаммхайме, из-за плохого здоровья, как не представляющая угрозы обществу. На момент освобождения она старейший политзаключённый Германии и провела в тюрьме больше времени, чем любая женщина в ФРГ.

Ирмгард Мёллер выходит на свободу

Журналисты «Шпигеля» спрашивают, не жалеет ли Мёллер, что 24-летней ушла в подполье, отказавшись от спокойной жизни. «Нет, и никогда не жалела». (Примечательно, что через 3 года другой коммунист-подпольщик, Наталья

Магнат из НКПСС, на этот вопрос ответит так же, почти дословно (интервью Т. Титовой).) На вопрос об атаке на гейдельбергскую штаб-квартиру армии США: «…эта атака была абсолютно справедливой и оправданной», «Мы стремились показать американским генералам, что им не удастся уйти от ответа, отсидеться в спокойной Европе». «…то, что мы совершили – ничто по сравнению с теми геноцидом и зверствами, решения о которых принимались в том же Гейдельберге». Об атаках на госаппарат и деловой мир ФРГ: «У меня нет ни малейшего сомнения, что атаки были вполне оправданными». «Вооружённая борьба на территории ФРГ была вполне оправданным откликом на социальные условия».

«Положить конец Системе, уничтожить её – справедливо и просто необходимо, поскольку она буквально ежедневно убивает множество людей, которые могли бы жить в мире и благополучии».

Мёллер добавляет, что на подпольное положение не перейдёт, но продолжит участие в Сопротивлении, а в «парламентские игрища» ввязываться не собирается.

1994, ФРГ, Италия. Рассекречен телеспектакль «Бамбула», запрещённый в мае 1970-го, и показан под названием «Бамбула. Уход – уход за кем?».

Ныне пьеса Майнхоф признана в Германии важным документом о системе образования и молодёжи 1940-1970-х. (Правда, в немецкой википедии на странице обсуждения статьи об «авторитарном образовании» вокруг этого кипят страсти.)

Распечатан т. н. «шкаф стыда», опечатанный шкаф, хранившийся за решётчатой дверью военной прокуратурой Рима, в палаццо Чези. В нём были «временно архивированы» свидетельства о 2 274 преступлениях нацистов. Дело в том, что в 1956-м министр иностранных дел Италии Гаэтано Мартино и итальянский министр обороны Паоло Эмилио Тавиани решили, что суд над

нацистами осложнит положение ФРГ, интегрирующейся в НАТО (в НАТО ФРГ вступила 6 мая 1955-го).

В 1998-м военный суд Италии признает сокрытие документов противозаконным.

16 октября 1995. 43-летний Кнут Детлеф Фолькертс выходит на свободу после 18 лет тюрьмы.

1995. В 1995-м Карл-Хайнц Дельво выходит на свободу после 20-летнего заключения. (Впоследствии Дельво вступил в брак с известной партизанкой Габриэлой Ролник.)

Середина 1990-х. Алоиз Бруннер, ближайший коллега Адольфа Эйхмана (одного из главных организаторов холокоста), отправивший в лагеря смерти сотни тысяч человек, был сотрудником БНД до 1954-го и скрылся от правосудия с помощью начальника БНД Райнхарда Гелена (тоже бывшего крупного эсэсовца), снабдившего его поддельным сирийским паспортом. Ныне здравствующий Бруннер заявляет в интервью журналу Stern, что «горд тем, что очищал Европу от еврейской нечисти, и с радостью повторил бы всё снова».

15 ноября 1994 – осень 1996, Франкфурт-на-Майне. Суд над Биргит Хогефельд. 21 июля 1995-го она произносит речь об истории РАФ.

«…мы, живущие в богатых странах, строим своё благополучие на нищете и страданиях “третьего мира»: ради нашего благосостояния бесчисленное множество людей умирает от голода или вполне излечимых болезней, даже маленькие дети вынуждены работать в условиях жесточайшей эксплуатации, грабежу и разрушению подвергаются целые регионы – и большинству это представляется нормальным». «Сообщения и кинохроника из Вьетнама, напалмовые бомбы и химическое оружие, бомбардировки плотин, очевидное желание уничтожить вьетнамский народ заставили многих вспомнить об Освенциме… {…} Фотография сожженного напалмом голого малыша,

обошедшая тогда весь мир, стала для меня призывом к активному действию. В тяжёлых ситуациях я вспоминала эту фотографию, и она помогала мне в принятии важных и трудных решений».

«Переворот происходит только тогда, когда есть много людей, чувствующих и понимающих необходимость коренных изменений общества, готовых бороться за эти изменения и организующих эту борьбу. Простое перенесение теории партизанской войны из Латинской Америки на здешнюю реальность было ошибкой: общественная ситуация здесь непохожа на латиноамериканскую и воспринимается совсем по-другому», «Осознавая необходимость появления здесь политической силы, призванной вмешаться в ход событий и помешать дальнейшему ухудшению ситуации, мы сделали ставку на эскалацию вооружённой борьбы: мы считали, что для организационной работы сейчас не время, ибо положение вещей требует немедленных активных действий». «Именно этому учит наша история и история “Фронта” (так часто называли РАФ её члены – Л.): воинственность и эскалация вооружённых акций сами по себе никогда не смогут заменить организационной работы, направленной на укрепление политической силы и расширение сферы её действий. Они могут быть лишь подспорьем в политической борьбе, повышающим её эффективность» (Хогефельд).

Хогефельд приговорена к пожизненному заключению.

Биргит Хогефельд на суде

1996. После 21 года тюрьмы выходят на свободу Ханна-Элиза Краббе и Лутц Тауфер. С 1999-го Тауфер живёт со своей сестрой в Бразилии.

Сюзанна Альбрехт условно-досрочно освобождена после 6 лет тюрьмы. За сотрудничество со следствием она отбыла в заключении только половину своего срока. Далее преподаёт немецкий язык в школе для детей-иммигрантов, под вымышленным именем. В 2007-м кто-то из руководства школы узнает Альбрехт. Христианско-демократический союз поднимет скандал, мол, террористы учат детей. Родители учеников помогут Альбрехт остаться, заявив, что им нравится её работа с детьми, и она любит детей.

Рушатся обвинения полусумасшедшей наркоманки монахини касаемо казни Херрхаузена в 1989-м: обвиняемый ею Кристоф Зайдлер сам предстаёт перед властями и заявляет, что никогда не состоял в РАФ, а во время убийства был в Ливане. После однодневного допроса Зайдлер освобожден.

Январь 1997. После 7-летнего заключения условно-досрочно освобождена 53-летняя Инга Ветт, приговорённая к 13 годам тюрьмы. Она останется левым активистом (в том числе как автор ряда книг), и её ещё ждут неприятности.

4 апреля 1997. Умирает 92-летняя Герта Элерт, надзирательница концлагерей Равенсбрюк, Майданек, Освенцим и Берген-Бельзен. Характеристика, данная ей узницей-немкой Халиной Нелькен: «...страдающая ожирением, неспешная, злая характером и абсолютно мастерски владеющая хлыстом». На Бельзенском процессе приговорена англичанами к 15 годам тюрьмы, освободилась через 7,5 года.

1997. Герта Гертруда Боте, надзирательница концлагерей Равенсбрюк и Штуттгоф, имевшая прозвище «Штуттгофская садистка», приговорённая англичанами на Бельзенском процессе к 10 годам тюрьмы, освободилась через 6 лет. Теперь Боте заявляет в интервью, что не считает ошибкой свою деятельность во время войны. (В 2004-м интервью покажут в документальном сериале «Холокост».)

Петер Хоман, покинувший партизан в Иордании и сказавший в интервью 1971-го, что ему никто не угрожал, разражается новой версией в том же «Шпигеле» – он сбежал из Иордании, потому что партизаны хотели его убить.

Штефан Ауст, когда-то сотрудник Майнхоф в «Конкрете», вместе с Хоманом выкравший детей Майнхоф и передавший их Рёлю, ныне – с 1994-го – главредактор «Шпигеля». Буржуй (коннозаводчик). Надо полагать, новая версия Хомана ему нравится.

Гамбургский Институт социологических исследований организовал передвижную выставку «Преступления вермахта», состоящую из примерно 1 000 фотографий, запечатлевших казни и пытки советских граждан солдатами и офицерами вермахта, не эсэсовцами, т. е. людьми, считающимися не палачами, а обычными солдатами, мобилизованными правительством. В первые же 3 дня выставку посещает ок. 100 000 человек.

60-летняя известная журналистка Аннегрит Айхгорн, дочь нацистского офицера, падает на выставке в обморок. Через несколько дней Айхгорн даёт

интервью подруге, вышедшее под заголовком «Мой отец – военный преступник» в газете «Зюддойче Цайтунг». В дальнейшем выступает против всех служивших в вермахте как военных преступников. Ответом явилась травля со стороны знакомых и родственников, приведшая к самоубийству Айхгорн в 2005-м. Общество учуяло в ней потенциального рафовца – и затравило её.

Аннегрит Айхгорн (1936-2005)

13 марта 1998, Гамбург. Пробыв в тюрьме 17 лет, помилован Петер-Юрген Боок, лгавший партизанам, что наркотики ему нужны как обезболивающее, и в 1980-м выбывший из РАФ. Участия в очернительстве рафовцев не прекращает. В дальнейшем переезжает в Италию.

Май 1998. Гельмут Пол, находящийся в тюрьме с июля 1984-го и приговорённый к пожизненному заключению, освобождён после перенесённого инсульта. После освобождения продолжит одобрять действия РАФ. Скончается 12 августа 2014 г.

Октябрь 1998. Тяжелобольная Адельхайд Шульц освобождена после 16-летнего заключения. Помилована будет только 26 февраля 2002-го федеральным президентом Йоханнесом Рау. В дальнейшем проживает во Франкфурте-на-Майне.

1 марта 1999. Условно-досрочно освобождён Штефан Вишневски, пробывший в тюрьме 21 год.

30 июля 1999, Дуйсбург. 3 не вышедших из подполья партизан, в масках, с гранатомётом и автоматами, нападают на инкассаторскую машину и экспроприируют более миллиона марок. Отъехав на несколько километров, сбрасывают мотоциклетные шлемы. Сотрудники Федерального ведомства по уголовным делам находят волос в одном из шлемов. По анализу частиц ДНК установлено, что это волос Даниэллы Клетте. Предполагается, что в налёте участвовал и Эрнст Фолькер Штауб.

15 сентября 1999, Вена. В перестрелке с полицией погибает 43-летний партизан Хорст-Людвиг Майер, бывшая с ним Андреана Клумп ранена и арестована. Полицию вызвал прохожий, узнавший Майера, сфотографировавший его на улице и побежавший в полицию (активность некоторых доносчиков достойна изумления).

Майер ушёл в подполье в 1984-м со своей тогдашней супругой Барбарой.

Андреана Клумп – одна из обвинённых полусумасшедшей наркоманкой монахиней в казни Херрхаузена в 1989-м. Доказать это не удаётся, а сама Клумп вообще отрицает своё членство в РАФ, хотя признаётся, что прошла «полувоенную подготовку» с Народным фронтом освобождения Палестины.

Хорст-Людвиг Майер

Андреана Клумп

1999. Зиглинда Хофман освобождена условно-досрочно после 19-летнего заключения, поскольку достоверность ряда обвинений против неё так и не удалось подтвердить.

Зиглинда Хофман после освобождения

В 1977-м 24-летняя Зухейла Андравес из палестинской «Коммандо им. мученицы Халимы» (Бригитты Кульман) была тяжело ранена при штурме израильтянами самолёта «Ландсхут», похищенного палестинцами для освобождения рафовцев. В 1978-м приговорена к 20 годам тюрьмы, через полгода депортирована в Ирак (Андравес не лечили в тюрьме, и власти Сомали опасались в случае её смерти возмездия со стороны Народного фронта

освобождения Палестины). В 1991-м передана для лечения в Норвегию, где получила политическое убежище. В 1994 по требованию ФРГ арестована, выдана ФРГ и – вопреки действующему в ФРГ принципу римского права «дважды за одно не судят» – в 1996-м осуждена на 12 лет за участие в похищении самолёта. Будучи при смерти, передана в норвежскую тюрьму. Теперь, ввиду невозможности получения полноценного лечения в тюрьме, освобождена из-под стражи. Ныне живёт в Осло с мужем, известным палестинским учёным, писателем и правозащитником Ахм*а*дом Аб*у* Мат*а*ром и их дочерью.

Умер 88-летний издатель Ганс Рёсснер, эсэсовец, из руководителей гитлеровского Главного имперского управления безопасности, после войны неплохо заработавший на издании антифашистских книг еврейки Ханны Арендт. В тюрьме пребывал сразу после войны, но куда меньше рафовцев.

В документальном фильме «Я не тот, кто я…» Штефана и Маттиаса Бруннеров приведены выдержки из фильма 1967 г. «По подписке» с Гудрун Энслин в главной женской роли, до сих пор считавшегося утерянным. (Не выяснил, являются ли Бруннеры родственниками Ленхарда Бруннера, сыгравшего в «По подписке» главную мужскую роль.)

Выходит в свет автобиографическая книга Маргрит Шиллер.

1990-е, Рязань. Рассказ о произошедшем опубликует – в 2011-м – его главная участница, Марта Клейхе, в одном из ЖЖ Рунета.

«Я тогда училась в школе, была отличницей и прочее бла-бла-бла… А жила в Рязани, городе-побратиме Мюнстера. И с этим «побратимством» носились как с писанной торбой, вылизывая зады западникам и выпрашивая у них бабла.

И собственно таскали детей. Школьников вроде меня… Меня особенно, потому что у меня немецкие имя-фамилия. Моего мнения – что я, например, считала себя (и до сих пор считаю) русской, никто не спрашивал.

А я уже не совсем ребёнком была. Познакомилась с товарищами, которые продававали «Лимонку» на площади Победы. Вот из этой газеты я и вычитала про легендарную RAF. Прилежная ученица, я нашла ещё ворох разной информации. Да и интернет был развит уже, так что читала.

И вот очередное торжественное мероприятие. Я стою с кислой рожей, когда меня в очередной раз представили как «немку», и медленно обдумываю подлянку. Тут собственно и подворачивается повод.

– Марта, а на кого из знаменитых немок ты бы хотела быть похожей?

(Ага, дитю пятнадцать лет, а такой вопрос, по-моему, на уровне десятилетнего.)

Слышу, как представителю немцев переводят, и выдаю:

– Я бы очень хотела быть похожей на Бригитту Монхаупт (и дублирую по-немецки).

Наши придурки не сразу смекнули, но по тому, как у дойчей перекашивает лица, догадываются, что что-то не то.

Я поворачиваюсь и выхожу с гордо поднятой головой.

А потом мне сказали, что глава мюнстерской делегации был родственником то ли Бубаку, то ли Понти, то ли Шлееру... какому-то из этих сволочей в общем» («Хочу быть Бригиттой Монхаупт!»).

Бригитта Монхаупт

(Готовое литературное произведение. Марта – немка с русским национальным самосознанием. РАФ составляли немцы, назвавшиеся красноармейцами в честь Красной Армии, состоявшей главным образом из русских. Окружает Марту «поколение Освенцима» – с ним и боролась РАФ. Глава немецкой делегации родственник одного из фашистов, казнённых партизанами. Притом именно железной Бригиттой, на которую равняется Марта. А место действия – город-побратим Мюнстера, где училась Майнхоф.)

Ноябрь 2000. Выдан ордер на арест Даниэллы Клетте и Эрнста Фолькера Штаубе по подозрению в формировании новой подпольной организации.

2000. Бригитта Монхаупт, как проведшая в тюрьме 18 лет, может освободиться с условием просьбы о помиловании и отказе от прошлого. Что, разумеется, противоречило бы амплуа «железной Бригитты». А Монхаупт себе не противоречит.

25 октября 2001. Рольф Хайслер (бывший муж Монхаупт) освобождён с испытательным сроком после 21 года тюрьмы.

2001. В возрасте 84 лет скончался публицист и крупный промышленник Гейнц Бурнелейт, бывший во Второй мировой судьёй военного трибунала на Восточном фронте. Репрессирован не был, а стал директором Торгово-промышленной палаты в Штутгарте, позднее – топ-менеджером концерна «Даймлер-Бенц», членом правлений «Германского фонда» и реваншистского землячества «Восточная Пруссия». Финансировал ультраправые группы.

На запрос депутата Урсулы Йельпке относительно роли нацистов в создании спецслужб ФРГ правительство отвечает: ВКА не имеет нацистского прошлого, поскольку создана в 1951 г. То обстоятельство, что создана она эсэсовцами, власти не уточняют.

Полковник в отставке Дитер Шенк, уволенный из Федеральной службы криминальной полиции в 1989-м, получил формальное разрешение министра внутренних дел Отто Шили (бывшего адвоката рафовцев) работать в архивах ВКА. Но ещё долгие годы будет безуспешно пытаться в них попасть. Ибо ВКА помнит, что его интересует нацистское прошлое её сотрудников (боровшихся с РАФ) – за это его и уволили. В доступе к архивам ему неизменно отказывают на том основании, что это нарушит последнюю волю создателя ВКА Пауля Дикопфа, офицера-эсэсовца, при Гитлере занимавшегося депортацией «расово неполноценных». Впрочем, информации у Шенка немало, как у бывшего офицера спецслужб, что поможет ему издать книгу на эту тему.

«Из 47 высших руководителей ВКА по состоянию на 1959 год 45 имели коричневое прошлое (95,75 % – Л.). Половина руководителей ВКА были преступниками в криминологическом смысле этого слова. Я пишу “в криминологическом смысле”, поскольку ни один из них не осуждён немецким судом, что является моральной катастрофой. Треть руководителей ВКА были

сотрудниками гестапо. Пятнадцать руководителей ВКА лично участвовали в уничтожении мирного населения. Некоторые руководители ВКА лично участвовали в расстрелах женщин и детей. Пятеро были “убийцами за письменным столом” – чиновниками, подписывавшими приказы об отправлении в лагеря смерти бессчётных гомосексуалистов, цыган и “асоциальных элементов”. Двое руководителей ВКА были членами полевых судов и судов СС. Лишь двое из руководителей ВКА осуждены за свои преступления – и в обоих случаях это были иностранные суды. Например, один из руководителей ВКА Тео Зэвеке лично расстреливал заложников в Милане и был заочно приговорён в Италии после войны к пожизненному заключению. Но Германия не выдала его итальянцам, он умер почётным пенсионером. Невероятно, но факт: отдельные руководящие сотрудники нацистской полиции прямо наследовали свои должности в структурах новой федеральной полиции. Так, руководитель следственной службы имперской полиции Курт Аменд стал руководителем департамента следственных мероприятий в ВКА, начальник архива отпечатков пальцев Хайнц Дрешер стал руководить архивом отпечатков пальцев ВКА, то же касалось руководителя отдела улик имперской полиции Рудольфа Маллоига и руководителя отдела спецсредств имперской полиции Генриха Беккера» (Дитер Шенке, «Слепые на правый глаз. Коричневое прошлое ВКА»).

31 октября 2002, Мюнхен. Умирает Антон Маллот, инспектор СС и надзиратель концлагеря Терезиенштадт в 1940-1945 гг. Среди заключённых имел кличку «прекрасный Тони». Лично забил до смерти не менее 100 узников. В Чехословакии заочно приговорён к смерти в 1948-м. Поначалу прекрасный Тони жил в Италии, в 1988-м переехал в ФРГ, под опёку дочери Гиммлера, в замужестве Бурвиц, посвятившей жизнь жизнеустройству нацистов. Гиммлер-Бурвиц устраивает эсэсовца в дом престарелых в Пуллахе, на окраине Мюнхена.

25 мая 2000 г., через 55 лет после падения нацистского режима, власти наконец арестовывают Маллота, и 30 мая 2001-го окружным судом Мюнхена он присуждён к пожизненному заключению. Однако через год Маллот освобождён по состоянию здоровья, и умер на свободе через 10 дней, немного не дотянув до 91 дня рождения.

(Гиммлер-Бурвиц уже десятилетиями помогает нацистам избегать судебных преследований, устраиваться на доходные места и получать социальные пособия. Правда, в 1994-м ассоциация помощи нацистам, соруководителем которой она была, закрыта властями, но фрау Гиммлер вместе с мужем Бурвицем, также неонацистом, продолжает свою деятельность, публично нахваливая отца).

8 ноября 2002. В еженедельнике «Шпигель» выходит – возможно, к 25-летию «Немецкой осени» – статья «Мозг Террора». Речь о мозге Ульрики Майнхоф.

Становится известным, что мозг Майнхоф не предан захоронению. После вскрытия в 1976-м он находился у профессора Дж. Пфайффера. Позже, сохранённый в формалине, был передан в психиатрическую клинику Магдебургского университета и хранился в шкафу невропатолога доктора Бернхарда Богертса, сделавшего себе имя в исследовании биологической шизофрении (в 1998-м Богертс получил премию Крэпелина «за исследование нейробиологических источников шизофрении»). Хранился незаконно. Тем не менее Богертс приступил к исследованию мозга, продолжая работу над проектом Пфайффера.

Цель у Пфайффера и Богертса одна: убедить общество, что операция, перенесённая Майнхоф в 1962-м, повредила головной мозг и привела к «паталогической степени агрессивности». Эта кампания развязана 30 лет назад – такой приём против Майнхоф использовал еженедельник «Стерн» в 1972-м,

ещё до её ареста, а в «Бильде» говорилось об этом на первой полосе сразу после её гибели – с целью объявить вооружённое сопротивление империализму и неонацизму паталогическим явлением.

Богертс клевещет умело – сперва располагает к себе публику как к человеку объективному, признавая, что левый экстремизм не является результатом болезни головного мозга. Но далее сравнивает Майнхоф с серийным убийцей Эрнстом Августом Вагнером, имевшим повреждения мозга и в 1913 г. убившим более 10 человек. Не уточняя, что Вагнер был болен с рождения и речь тут идёт о другой части мозга. Уточнять ни к чему: цель – криминализировать и «патологизировать» политического противника.

Точнее, антифашистского противника. Ибо учителем Богертса был не кто иной, как Эрнст Рюдин – нацист, в былые времена выступавший против «неприятного интернационализма еврейского народа». А случай с серийным убийцей, приведённый Богертсом, был предметом исследования психиатра Роберта Гауппа, в 1920-м предлагавшим «уничтожать недостойных жизни» и позже финансируемого для своих экспериментов нацистами.

Многие считают неэтичным творимое с останками Майнхоф. Её дочь Беттина Рёль подаёт на Богертса в суд и выигрывает дело (не могу точно сказать, является ли это единственным верным шагом в жизни Беттины, но по отношению к матери – да, это единственный её порядочный поступок). Исследование мозга прекращено.

Но дело сделано. Тираж тогдашнего «Шпигеля» – миллионный. Обыватель не склонен анализировать прочтённое, да и не всегда достаточно умён для этого, и в сознание многих внедрена мысль о сумасшествии Майнхоф.

Главредактором тогдашнего «Шпигеля» был Штефан Ауст, бывший сотрудник «Конкрета», автор исследования «Комплекс Баадера-Майнхоф».

Моральный облик Ауста окончательно выявится через 6 лет. (Впрочем, мы уже упоминали, как он подкупил помощницу адвоката Манфреда Грасхофа.)

Символично, что в эти же годы подобная кампания проводится в России, против Космодемьянской. Две известнейшие антифашистки мира объявляются сумасшедшими. Притом именно шизофрениками: «шизофрения» – единственный термин психиатрии, известный обывателю, ставший обозначением сумасшествия вообще (отсюда русские просторечия «шиза», «шизик»).

19 декабря 2002. Мозг Майнхоф кремирован, останки захоронены вместе с её телом.

2002. На депутатский запрос о роли нацистов в создании послевоенной службы внешней разведки правительство даёт столь же краткий, сколь и нелепый ответ: организация, созданная генералом Геленом (из высших чинов гестапо), не была немецкой.

(«Коричневая» история немецких спецслужб остаётся одной из самых табуированных тем в немецком обществе. Большинство документов касаемо создания БНД до сих пор носит в Германии гриф «секретно», и для изучения её создания немецкие историки вынуждены пользоваться документами библиотеки конгресса США.)

9 декабря 2003. После 24 лет тюрьмы освобождён Рольф Клеменс Вагнер, по состоянию здоровья.

Рольф Клеменс Вагнер

Рольф Клеменс Вагнер после освобождения

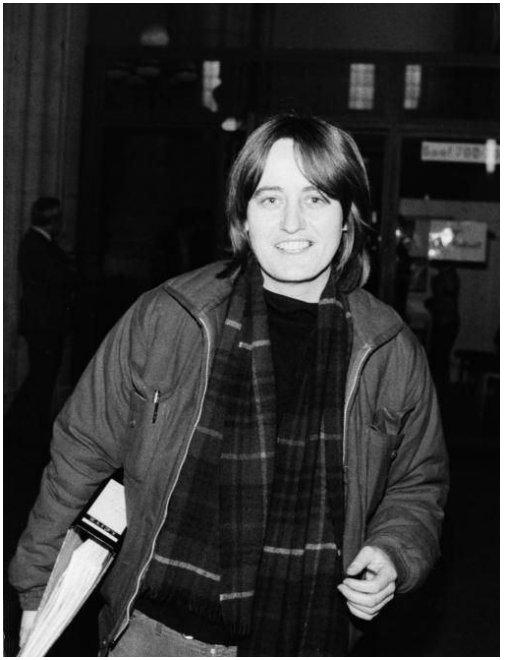
В октябре 2007-го Вагнер заявит: «Оглядываясь назад, даже сегодня видишь правильность многих наших решений. Возьмите, например, решение похитить Ганса-Мартина Шлейера. Он, с его эсэсовским прошлым, действовал как эсэсовец и на своём тогдашнем посту председателя Федерального объединения работодателей. Его мы выбрали не случайно». Антифашистское заявление Вагнера вызывает бурю возмущения в правительственных кругах. Руперт Шлоз, бывший федеральный министр обороны, требует, чтобы Вагнер был «обвинён в речи, поощряющей преступность».

Вагнер скончался в 2014 г.

2004. Ханс-Йоахим Кляйн, бывший шофёр Сартра, взявшийся за оружие под впечатлением фотографии погибшего Хольгера Майнса, приговорён к 9 годам тюрьмы.

Андреана Клумп приговорена к 12 годам лишения свободы за покушение на убийство в одной из акций РАФ.

Астрид Проль отказано во въезде в США как бывшему «террористу», хотя она освобождена уже лет 20 назад и всё это время вполне успешно работает фотографом и редактором ряда журналов, в частности «Шпигеля». А приехать в США она хотела на похороны матери.



Астрид Проль

Учитель реальной школы Михаэль Csaszkoczy (не представляю, как произносить фамилию) отстранён от системы образования за членство в Антифашистской инициативе Гейдельберга, которое ведомство по охране конституции посчитало «враждебным». Для его возвращения на работу потребуется вмешательство 2 судебных инстанций, и 3 года он проведёт безработным.

Министр иностранных дел Йошка Фишер называет «полным бредом» сообщение мюнхенского еженедельника «Фокус» – на основании воспоминаний Маргрит Шиллер – о том, что в 1973-м он укрывал Шиллер в своей квартире во Франкфурте-на-Майне. Прокурор Фолькер Райт заявляет в телевыступлении,

что «между утверждениями господина Фишера, сделанными на процессе, и утверждениями Маргрит Шиллер есть противоречия. Может, нужно развеять эти противоречия». Несколько позднее Фишер признаёт, что партизанка могла какое-то время жить с ним в одном доме, но не в одной квартире. Потом министр признаёт, что мог встречаться с Шиллер на кухне и даже спорить с ней о политике. Наконец Фишер допускает, что мог выпивать с Шиллер в пивных, просто он не упомнит, с кем пил, с кем нет, мало ли что было. Молодость, дурость...

Умер Отто Кум, последний в истории генерал СС, с начала 1944-го по январь 1945 г. командовавший эсэсовской дивизией "Prinz Eugen", сформированной для борьбы с партизанами на Балканах.

На Нюрнбергском процессе подтвердилась причастность дивизии к сожжению десятков сел и деревень, уничтожению мирного населения.

Репрессиям Кум никогда не подвергался.

Январь-февраль 2005, Берлин. 29 января в галерее Кунст-Верке (KW; проведшей первую Берлинскую биеннале в 1998-м) проходит выставка «По поводу террора: выставка Фракции Красной Армии», посвящённая влиянию РАФ на культуру.

Выставка становится сенсацией ещё за 1,5 месяца до открытия. Газета «Бильд», о «голом фашизме» которой писал Бёлль, опубликовала статью-донос ещё летом 2003-го, едва не погубив галерею. Мол, выставка реабилитирует «убийц» за счёт налогоплательщиков (Берлинский фонд культуры выделил на неё 100 000 марок.) Среди кураторов – соруководитель парламентской фракции «Зелёный бундестаг», драматург и режиссёр Феликс Энслин, 38-летний сын Гудрун. Феликс тщетно пытается урезонить разбушевавшихся правых. «Вы потеряли свою мать в РАФ. Не ошибаетесь ли вы, устраивая эту выставку?», спрашивает Феликса 5 января журналист «Шпигеля» Майкл Сонтхаймер. «Я не

рупор моей матери...», отвечает тот. Как и следовало ожидать от буржуазного журнала, именно эти слова становятся заголовком интервью.

Феликс Энслин на выставке, посвящённой РАФ, на фоне портрета Гудрун Энслин

Семьи фашистов, казнённых партизанами, подымают скандал. «Дискуссия была почти истеричной», отмечал «Шпигель» в том же интервью. Министр внутренних дел Отто Шили оспаривает правомерность полученной субсидии, и KW приходится отказаться от неё (Шили в семидесятых был адвокатом партизан, но деградировал, как Малер).

Директор KW Клаус Бизенбах эмигрирует, устроившись в нью-йоркский Музей современного искусства, но перед отъездом всё же реализует проект.

На выставе представлено 70 работ 50 художников. Среди них панно Йозефа Бойса «Дюрер, я лично проведу Баадера + Майнхоф через Documenta Y» (Бойс представил его ещё в 1972-м на кассельской выставке «Documenta»),

портрет Майнхоф работы Йоханнеса Карса, инсталляция Ульриха Бернхардта «Национальная эстетика» (в том «Эстетики» Гегеля вмонтирован монитор с кадрами похорон его праправнучки Энслин, Баадера и Распе), цикл картин Герхарда Рихтера, работы Ганса Ньеха, Микаэлы Мельян etc.

Выставка 2005 г. в Берлине, посвящённая РАФ

2005, Гессен. Школьному преподавателю Михаэлю Часкоси отказано в работе учителем, как члену антифашистской организации, находящейся, как и все антифашистские группы, под наблюдением спецслужбы BfV.

2006. Издана книга Петера Венсирского «Избиение во имя Господа» об эксплуатации и надругательствах над детьми в церковных и государственных детдомах ФРГ 1945-1970 гг. Евангелическая церковь Германии и Комитет по петициям Германского Бундестага публично сокрушаются о происходившем. Комитет по петициям выражает сожаление о «несправедливости и страданиях детей и подростков в различных детских садах (вот как, и в детсадах это творилось… – Л.) и детских домах старой Федеративной Республики периода 1945-1970 гг.».

Теперь уже никто не оспаривает, что рафовцы, «террористы», были правы, просто при разговоре об этом их пытаются не вспоминать.

Бригитте Монхаупт, находящейся в тюрьме 23 года, вновь предлагают свободу ценой раскаяния и принесения извинений родственникам казнённых нацистов и их пособников. Железная Бригитта категорически отказывается. «Меня заставить свернуть?» («Моби Дик»).

Ассоциация по игре в бочче (итальянская игра в мяч) отказывает в приёме Фрицу Родевальду, напоминая, что 34 года назад он выдал полиции Ульрику Майнхоф.

24 февраля 2007. Инга Ветт публикует в издании «Молодой мир» статью с оправданием всех действий РАФ как «сопротивление капитализму» и «классовую борьбу снизу».

25 марта 2007, Бавария. 57-летняя Бригитта Маргрет Ида Монхаупт, старейший политзаключённый Германии, освобождена условно-досрочно с испытательным сроком в 5 лет.

Из тюрьмы Айхах она выходит в необычное время: в ночь на 25 марта в неизвестный час. Освобождение, по мнению журналистов, больше напоминает детектив, нежели обычное мероприятие органов правосудия. После часа ночи перед тюрьмой паркуется белый микроавтобус Golf. Ворота тюрьмы открываются, выпустив едущий на большой скорости микроавтобус, в котором виднеется задрапированная в одеяло женщина. За ним мчатся на мотоциклах журналисты. Микроавтобус отъезжает с площади и подкатывает к садовой калитке, ведущей к служебной квартире директора тюрьмы Вольфганга Дойшеля. Партизанку проводят через сад, сажают в автомобиль, везут на отдалённую стоянку и пересаживают в другой автомобиль. Происходит это в момент перехода на летнее время, стрелки часов перепрыгивают с 2 ч. на 3. Железная Бригитта освобождена в несуществующий час.

Монхаупт провела в тюрьме 24,5 года. Первые несколько лет – в «системе мёртвых коридоров». (В общей сложности Монхаупт пробыла в заключении 29 лет и 2 месяца.)

Бригитта Монхаупт после второго освобождения

Учтено, что Монхаупт находилась в тюрьме больше любого нациста (большинство коих вообще в тюрьме не были), исключая Рудольфа Гесса. «Она

пересидела здесь всех остальных заключённых» (директор тюрьмы журналистам, в день освобождения). Представитель верховного суда Штутгарта Жозефина Кеблец подчёркивает, что Монхаупт не помилована, а освобождена по юридическим основаниям – по закону, преступника можно освободить после 24 лет заключения, независимо от совершённых преступлений, если установлено, что он не опасен для общества – и не вполне освобождена: «Срок осуждения продлён ещё на пять лет условно, и она должна будет находиться в контакте с назначенным судом наблюдателем, а также отмечаться в полиции».

Министр внутренних дел Баварии Гюнтер Бекштайн выражает недовольство: «С моей точки зрения, помогающий раскрытию преступлений устраняет опасность. Кто не делает этого, хотя несомненно обладает информацией, должен считаться по прежнему опасным».

Вдова нациста Шлейера, глава баварского правительства Эдмунд Штойбер и СМИ требуют, чтобы Монхаупт принесла извинения за убийства нацистов и их пособников, иначе освобождать её нельзя. Монхаупт, напротив, заявляет, что будет преследовать называющих её преступником. Партизанка добавляет, что будет преследовать изображающих её в кино в неправильном свете. Она также отказывается давать показания по делу других красноармейцев. Железная Бригитта в своём амплуа.

Пресса не упоминает, что казнённый Шлейер был крупным эсэсовцем и пополнял концлагеря, а после войны гордился на телевидении службой в СС. (То же происходит в нынешнем Рунете – из не менее 100 встреченных мною упоминаний Шлейера в 90-95% случаев он называется просто «промышленником»). «Сегодня на всём этом лишь висит ярлык: РАФ похищала занимавших высокие должности, чтобы освободить заключённых. И точка. Как будто безразлично, кого похищали: директора федеральной железной дороги, какого-нибудь банкира или именно Шлейера» (Ирмгард Мёллер, интервью О.

Тольмайну). Газеты и электронные издания пестрят заголовками образца «Монстр Германии», «Пощада к беспощадным».

(Подобные заголовки, вроде «Чудовище освобождено», «Жалость к безжалостной», «Свобода без раскаяния», «Самая опасная женщина Западной Германии вышла на свободу», появляются на эту тему и в российской прессе. «Не забыли журналисты с Первого канала бросить камень в сторону немецких кинорежиссёров, которые якобы создают в своих фильмах привлекательные для молодёжи образы левых и отталкивающий образ сил охраны порядка, слушая это, казалось, ещё чуть-чуть и журналист, как истинный патриот, похвалится: мол, у нас в стране в современных фильмах все герои правильные – духовность и истину они ищут в вере православной, а мужество и отвагу проявляют, доблестно защищая интересы Государства Российского в непокорной Чечне» (Михаил Ларинов, «С освобождением, Бригитта Монхаупт!»)).

80 % немцев недовольны освобождением столь видного антифашиста.

Ульф Г. Штурбергер, ровесник Монхаупт, единственный представитель прессы, проследивший весь Штаммхаймский процесс, в открытом письме предлагает ей сотрудничество в деле изучения истории РАФ. В 20-м веке Штурбергер написал 3 книги на эту тему, а в новом тысячелетии разводил ослов в Лотарингии и написал ещё 5 книг – об ослах. Железная Бригитта оставляет предложение экс-рафоведа ословеда без внимания.

Монхаупт устраивается на работу в Карлсруэ, в магазин автозапчастей, принадлежащий сыну её подруги. Циркулирует слух, что она устроилась воспитательницей в детском саду, но это ради сенсации – избаловали революционеров, маленьких детей им доверяют! Вряд ли Монхаупт удалось бы получить подобную работу. «Мирным» антифашистам трудно устроиться школьным учителем, антифашисту-радикалу не доверят и детский сад.

Любопытно, что освобождённая Монхаупт временно исчезла из поля зрения полиции, вызвав большой, хоть и недолгий, переполох в спецслужбах.

Позже Монхаупт получает приветственное послание от украинских левых, брошенных в тюрьмы:

«Поздравление Бригитты Монхаупт с освобождением.

Дорогая Бригитта!

Лишь недавно до нас дошла радостная весть о Вашем освобождении из тюрьмы.

Бойцы Rote Armee Fraction всегда служили для нас примером необычайной отваги, стойкости и мужества. […]

В нашей собственной борьбе мы стремимся руководствоваться теми же ценностями и идеалами, что и Вы, проведшая почти тридцать лет в условиях невероятно жестокого заключения.

[…] Коммунистическая революция восторжествует во всём мире. Иначе и быть не может. […]

Ваш подвиг навечно останется в памяти всего человечества. От всей души желаем Вам энергии и оптимизма, крепкого здоровья и такой же, как раньше, несгибаемой силы духа!».

Подписи: Илья Романов, Андрей Яковенко, Александр Герасимов, Игорь Данилов, Александр Смирнов, Наталья Кузьменко (все, кроме Кузьменко, – политзаключённые).

27 марта 2007. Леонора Готшальк-Зольгер, адвокат Герхарда Мюллера, арестованного вместе с Майнхоф, сломавшегося на допросах, став предателем, и после переехавшего в США, сообщает, что Мюллер покончил жизнь самоубийством. Власти ФРГ официально не подтверждают, но и не опровергают это заявление.

21 апреля 2007. Объявлено, что Верена Беккер свидетельствовала в 1980-х, что генпрокурора Зигфрида Бубака застрелил Штефан Вишневски. Сын Бубака, Майкл, настаивает на соучастии Беккер в этой акции.

17 (или 21) августа 2007. Досрочно освобождена Ева Сибилла Хауле-Фримпонг, проведшая в тюрьме 21 год. Суд не доказал её участия ни в одной акции, приговорив к пожизненному заключению только за членство в РАФ. Участвуя в дискуссии середины восьмидесятых о красноармейцах, Хауле несколько раз употребила слово «мы». Даже по мнению Федеральной службы криминальной полиции, это не означает её участия в акциях.

(Это не худший случай. В США ряд людей «отсидели» по 20-30 лет за то, что в шестидесятых, 16-летними, написали на школьной доске: «Долой классы сегодня – долой правящие классы завтра!» Это североамериканская практика «осуждения на неопределённый срок».)

2007. Подсчитано, что по ценам 2007-го РАФ нанесла ущерб буржуазии на 250 млн евро. В среднем по 9,26 млн евро в год за 27 лет деятельности красноармейцев.

Известный представитель пацифистского движения Рената Римек, помершая ещё в 2003-м, до конца жизни отрицала своё нацистское прошлое. Теперь же историк Ютта Дитфурд документально доказывает, что Римек, критиковавшая Майнхоф за «непацифистичность», подала прошение о вступлении в гитлеровскую партию 6 июля 1941-го и 3 октября того же года вступила в НСДАП (номер партбилета 8915151).

80-летний Карл-Хайнц Куррас, застреливший Бенно Онезорга на антишахской демонстрации 40 лет назад, заявляет в интервью «Шпигелю», что поступил правильно, и обвиняет безоружного пацифиста Онезорга в нападении на себя, добавляя: «Любой нападающий на меня уничтожается».

Апрель 2008. Федеральная прокуратура начинает новое дело против Верены Беккер по обвинению в убийстве генпрокурора Бубака. Анализ ДНК избавляет её от подозрений.

20 июля 2008, Берлин. Инга Ветт арестована за сопротивление полиции на демонстрации левых у Браденбургских ворот против бундесвера. Сохранилась фотография, где сопротивляющуюся маленькую 64-летнюю женщину хватают за руки 2 полицейских, каждый явно в 2-2,5 раза тяжелее её. Хорошее фото для девиза «партизаны не сдаются».

22 октября 2009-го Ветт оштрафуют на 225 евро.

Инга Ветт 20 июля 2008 г.

Декабрь 2007 – 7 августа 2008. 28 декабря 2007 г. Федеральный суд требует от Бригитты Монхаупт, Кристиана Клара (ещё заключённого) и Кнута Фолькертса свидетельствовать в новом процессе по делу об убийстве генпрокурора Бубака в 1977-м. Красноармейцы (Фолькертс через адвоката) отказываются. 7 августа Федеральный суд отменяет своё решение.

Ноябрь 2008, Швейцария. Швейцарец Морис Баво пытался убить Гитлера в 1938-м и был казнён в Германии. Власти Швейцарии расценили тогда поступок Баво как «деяние, достойное презрения» (Гитлер был тогда законным руководителем, всенародно избранным.) В 1950-х швейцарский суд пересмотрел дело Баво. Его не реабилитировали, как покушавшегося на государственного деятеля, но признали заслуживавшим только тюремного заключения. Правительство ФРГ выплатило семье Баво компенсацию в 40 000 швейцарских франков. Теперь же президент Швейцарии Паскаль Кушпен признаёт, что правительство Швейцарии должно было защищать Баво, добавив: «Баво заслуживает нашего признания... он предугадал, какие несчастья Гитлер может принести всему миру».

Бывший террористом окончательно стал героем, в том числе для Германии, на главу которой покушался, и Швейцарии, чьим гражданином был. РАФ, в отличие от Баво, на законную власть не покушалась, ибо с 1945-го гитлеровцы, противники РАФ, по международному законодательству считаются преступниками, их власть после войны была незаконной – но реабилитации рафовцев не происходит.

19 декабря 2008, Брухзаль. После 26 лет тюрьмы (первые 6 лет – в одиночной камере) освобождён 56-летний Кристиан Клар. Как и Бригитта Монхаупт, он пробыл в тюрьме больше любого нациста, исключая Рудольфа Гесса.

Кристиан Клар после освобождения

«Учитывая основы нашей борьбы – раскаянье не входит в нашу концепцию. Я уважаю чувства другой стороны, но не могу их разделить», заявляет Клар ещё в 2001-м. В январе 2006-го отправляет приветственное послание участникам берлинской конференции памяти Розы Люксембург, заявив в частности: «Пришло время нанести окончательный удар по планам капитала и открыть дверь в новое будущее». Это задержало его освобождение на 3 года.

В том же году, составляя прошение о помиловании, Клар не преминул добавить, что продолжает ненавидеть и презирать «гнилое капиталистическое государство ФРГ». Тогда президент Хорст Кёлер отклонил помилование. Претворилась в жизнь легенда о Галилее, якобы воскликнувшем: «И всё-таки она вертится!»

Президент федерального Ведомства по охране конституции Хайнц Фромм указал ещё 5 марта, что, на его взгляд, Клар не опасен для общества, хотя его заявления о необходимости борьбы с капитализмом нужно принять во внимание. За освобождение Клара выступали также экс-президент бундестага и представитель партии «зелёных» Антье Фольмер, заявившая, что освобождение Клара подведёт черту под целым периодом немецкой истории, и лидер фракции

«зелёных» в бундестаге Ренате Кюнаст, посчитавшая, что «либеральное правовое государство доказывает свою силу именно тем, как обращается с бывшими врагами». Вице-председатель бундестага, социал-демократ Вольфганг Тирзе ещё 2 года назад заявлял, что 24 лет тюрьмы (на тот момент было 24) достаточно для искупления вины.

Теперь же один из высоких полицейских чинов (имя не уточнил) возвращает президенту Хорсту Кёлеру свой Федеральный крест почёта, в знак протеста против освобождения красноармейца. Министр юстиции Баварии Йоахим Герман называет решение суда «не поддающимся объяснению извращением правосудия». Бывший министр юстиции Сабина Лойтхойзер-Шнарренбергер называет освобождение Клара «насмешкой над германской юстицией и чувством справедливости немцев». Ина Бекуртс, вдова члена правления концерна «Сименс» Карла-Хайнца Бекуртса, также возмущена – она и раньше говорила, что Клара можно отпустить только после раскаяния и дачи полной информации о его товарищах (кто состоял в «Коммандо им. Мары Кагол», казнившей Бекуртса в 1986-м, не выяснено, Клар никого не выдал).

Ещё при обсуждении вопроса об освобождении Клара руководитель театра «Берлинский ансамбль» Клаус Пайман, друг юности Клара, заявил, что готов взять его на работу техником сцены. После освобождения Клар устраивается в театр Паймана осветителем сцены.

2008, ФРГ. Даниэлла Клетте, Эрнст-Фолькер Штауб, Буркхард Гарвег и Фредерик Краббе – 4 последних рафовца, находящихся в розыске. О Фредерике Краббе, в отличие от остальных красноармейцев, больше ничего не будет слышно. Об этом, в частности, сообщит ВКА в 2012-м.

Штефану Аусту, главредактору «Шпигеля», приходится уйти из журнала – разразился скандал в связи с использованием его медиа-структур в личных целях (в частности, для развития своего коннозаводческого бизнеса). Моральная

нечистоплотность Ауста заставляет задуматься, насколько объективна его книга 1985-го «Комплекс Баадера-Майнхоф» (как уже упоминалось, в работе над ней он не брезговал подкупами). Бывшими рафовцами она характеризуется как «тенденциозная» и «очернительская».

Примерно 100 сочинений Генриха Бёлля ещё лежат неопубликованными в архивах Кёльна (наверняка до сих пор пылятся), хотя нобелевским лауреатом он стал ещё 36 лет назад (и вдобавок был почётным гражданином именно Кёльна). «Захолустье, и мелкотравчатое к тому же» (Майнхоф).

Американский психолог Ян Роббинс совместно с «Би-би-си» воссоздаёт эксперимент 1960-х канадского психолога Хеббса с сенсорной депривацией, которой подвергались рафовцы в Штаммхайме. 6 волонтёров поселены в звукоизолированных комнатах в бывшем атомном бомбоубежище. 48 часов оказалось достаточным для проявления подопытными тревоги, раздражения и признаков паранойи, заметно ухудшилась их мыслительная деятельность. Появились галлюцинации: гора из ракушек, змеи, зебры, комары, маленькие машины. Некоторым казалось, что комната взлетает, или вокруг летают боевые истребители.

21 июня 2009. В 91 год умирает Луиза Элена Элизабет Данц, надзирательница концлагерей Равенсбрюк, Майданек, Плашов, Освенцим и Мальхов. Отличалась садизмом, «мучения женщин доставляли ей удовольствие» (Симона Эрпель, «После эсэсовцев: надзиратели женского концетрационного лагеря Равенсбрюк»). В тюрьме провела 11 лет, да и то в Польше. Освобождена по состоянию здоровья в 1956-м, и через 53 года её здоровье действительно кончилось.

Тем самым Данц побивает рекорд вышеупоминавшегося Беста, «палача Дании», помершего через 38 лет после освобождения по состоянию здоровья.

Август 2009. Биргит Хогефельд, заключённая с 1993-го, получает разрешение ежедневно покидать тюрьму с условием, что будет ночевать в камере.

20 августа против Верены Беккер выдвинуты новые обвинения – объявлено, что молекулярно-генетическая экспертиза обнаружила ДНК Беккер (слюну) на почтовой марке конверта письма, в котором РАФ взяла на себя ответственность за казнь Зигфрида Бубака. Обыскана её квартира. Проанализировав личные записи Беккер, изъятые во время обыска, следователи предположили её причастность к убийству.

27 августа Беккер арестована и доставлена в Берлин. При этом ордер на арест выдан только 28 августа. Но согласно Федеральной судебной палате, отпечатки Беккер на письме не доказывают ее причастность к убийству.

11 ноября 2009. Федеральный суд отменяет ордер на арест Верены Беккер.

23 декабря 2009. Верена Беккер освобождена из предварительного заключения.

2009. Реабилитирована немецкая антифашистская организация «Красная капелла», работавшая на советскую разведку в 1941-1941 гг. Теперь её члены, молчавшие под пытками в гестапо ради поражения вермахта, через 67 лет после гибели, перестали считаться преступниками в ФРГ. Таким образом, власти ФРГ невольно – вновь, как и в 2008-м вместе со Швейцарией, сами того не поняв – реабилитируют РАФ: она также боролась с собственным государством, желая ему поражения в войне (Вьетнамской), притом велась эта война нацистскими методами, и ФРГ правили те же нацисты, что во времена «Красной капеллы».

Издана книга «Я целую тень» Фрица Родевальда, выдавшего Ульрику Майнхоф. Название книги связано не с преданным им революционером, а с благоверной автора, его коллегшей по доносу. Винкельвосс померла 3 декабря в результате несчастного случая в Дании, и книга написана вроде реквиема на

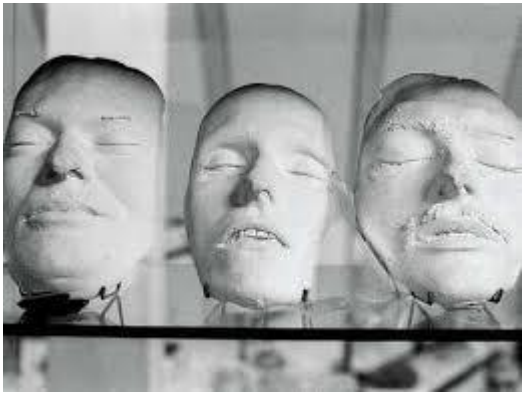
смерть доносчицы. Родевальд вспоминает обстоятельства ареста Майнхоф, дабы долго жаловаться, как дорого ему это обошлось – кошмары, паранойя, постоянный страх быть убитым. В частности, несчастный доносчик ужасно боялся, что партизаны подложат в его автомобиль взрывчатку. Дабы читатель окончательно разрыдался, лицезрея страдания предавшего попросившую приюта, описано, как он не раз порывался покончить с собой и спасся благодаря курсам терапии у психотерапевта. Что ж, случись самоубийство, библейская история реализовалась бы в точности – Иуда также вернул 30 серебреников (аналог Ордена за заслуги Родевальда) и после повесился. (Во времена Иуды не было психотерапевтов.)

Вскоре после издания «Воплей стукача о том, как он страдал» (такое название будет точнее), 18 августа, 70-летний Родевальд помирает.

8 апреля 2010, Берлин. Федеральная прокуратура предъявляет обвинительное заключение против Верены Беккер по делу об убийстве генпрокурора Бубака, в том, что в 1976-1977 гг. она постоянно выступала за покушение на него, а 6 апреля 1977-го (за день до казни Бубака) с двумя другими красноармейцами обследовала место планируемой акции в центре Карлсруэ.

Май 2010, Эсслинген. На вилле Меркель проводится выставка с посмертными масками, снятыми скульптором Герхардом Хэлбриттером с лиц убитых в «ночь смерти» в Штаммхайме – Гудрун Энслин, Андреаса Баадера и Ян-Карла Распе.

После смерти Хэлбриттера его дочь сбыла маски за 20 000 евро. Копии масок хранились в полицейской академии Фрайбурга, затем были уничтожены «по соображениям благочестия».



Посмертные маски Андреаса Баадера, Гудрун Энслин и Яна-Карла Распе

30 сентября 2010, Штутгарт. В Высшем областном суде открывается новое слушание по делу Верены Беккер, в связи с убийством генпрокурора Бубака. Процесс идёт за закрытыми дверями.

В ходе повторного процесса выясняется, что 11 апреля 1940 г. 20-летний Бубак подал просьбу о приеме в нацистскую партию, и 1 июля стал членом НСДАП. (Треть века это скрывалось от общественности. Лишь в 2007-м еженедельник «Шпигель» вскользь упомянул об этом.)

2005-2011, ФРГ, Нидерланды. 5 августа 2005 г. правительство Нидерландов требует выдачи Кнута Фолькертса для отбытия наказания за убийство полицейского в 1977-м (он провёл в тюрьме 18 лет, но из них только год в Нидерландах). Во многом это вызвано настояниями вдовы убитого полицейского. 31 мая 2006 г. суд в Гааге приговаривает Фолькертса к 20 годам тюремного заключения в Нидерландах.

16 июня 2011 г. земельный суд Гамбурга отклоняет требование Нидерландов по причинам несоразмерности наказания (выходит, что вкупе с предыдущим сроком Фолькертс пробудет в тюрьме 38 лет).

28 марта 2011, Штутгарт. Феликс Роберт Энслин, с осени 2009-го профессор художественного образования и эстетики Государственной академии изящных искусств Штутгарта, даёт интервью «Шпигелю» в своём кабинете, из окон которого почти виден (или виден) Штаммхайм, где удавили его мать.

Примечательно, что Феликс носит фамилию матери, а не отца, Бернварда Веспера (бывшего левым, но не радикальным, от кого Гудрун ушла к Баадеру), в отличие от матерененавистницы Беттины Рёль. Из этого можно сделать выводы, но интервьюеры Филипп Оемке и Мартин Вольф всё же пытаются выставить Феликса подобием Беттины.

Разговор заходит о фильме режиссёра Андреса Вейеля «Кто, если не мы», о Гудрун Энслин и Бернварде Весперe.

(В тексте интервью не уточнено, каким именно журналистом задан тот или иной вопрос.)

«Шпигель»: «Г-н Энслин, фильм “Кто, если не мы” показывает довольно трагическую историю любви ваших родителей. В нём также фигура маленького Феликса». Ф. Энслин: «...фильм показывает не только историю любви. Он также показывает жёсткую критику тем поколением своего происхождения (родителей-нацистов – Л.) и настоящего. Возможно, вам не стоит говорить о мелодраме». (Буржуазные СМИ любят сводить социальные конфликты к любовным историям, ещё лучше – просто к сексу. Феликс пресёк эту попытку.)

Ф. Энслин: «Когда я был подростком, я всегда слышал от людей, близких к Гудрун: твоя мать не хотела, чтобы ты был единственным ребёнком, кто её волнует, её волновали все дети».

«Шпигель»: «Вы чувствуете себя жертвой?». Ф. Энсслин: «Я сижу здесь живым, а не жертвой. Гудрун Энслин отказалась от материнства. Да. И мне из-за этого пришлось страдать. Но если кто-то решает подчинить всё единственной истине, а в случае с Гудрун это революция, тогда всё остальное просто видно

через эту линзу. То, что мы на это способны, даже если это приводит к неправильным последствиям, отличает нас от животных. Мы должны не просто биологически продолжать свой род».

Судя по ответной реплике, журналисты дёрнулись в креслах: «Ваши слова звучат как жестокая логика РАФ, не учитывавшей судьбу отдельных людей». Ф. Энслин: «Я не стану утверждать, что Гудрун была злой, ибо оставила своего ребёнка, чтобы возглавить вооружённую борьбу. Можно считать, что вооружённая борьба была неправильной, и жаль, что Гудрун отказалась от материнства. Но мнение, что женщины, отдавшиеся какому-то делу и потому не пожелавшие быть матерями, особенно злы, ошибочно».

«Шпигель» не унимается: «Вы искали способа, чтобы избавить свою мать от её вины?». Ф. Энслин: «Вы имеете в виду, что она оставила меня? Со временем я понял, что могу любовно, даже благодарно относиться к Гудрун Энслин, моей матери. Иначе я бы отказался от неё. Родители – это не только биологические существа. Родители – это ещё и рассказы, истории, дающие вам место в этом мире». Энслин воплотила в жизнь историю «Моби Дика». (Жить надо так, чтобы реализовать сюжеты любимых книг.)

2 апреля 2011. В русском разделе соц. сети Facebook цензура убирает эмблему РАФ, заявив: «Вы добавили фотографию, которая нарушает правила, изложенные в Условиях использования сайта, в связи с этим она была удалена. На Facebook запрещено размещение фотографий, оскорбляющих других пользователей, содержащих обнажённые части тела, изображающих употребление наркотиков, насилие или как-то иначе нарушающих правила, изложенные в Условиях использования сайта. Данные ограничения необходимы, для того чтобы Facebook оставался безопасным и надёжным пространством для общения для всех пользователей, в том числе, для детей».

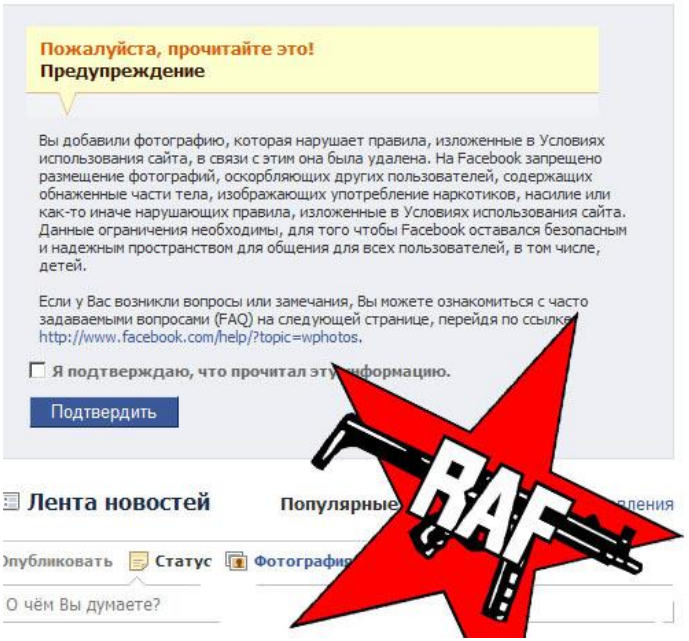
Пользователь отвечает:

«Я так понял, про RAF совсем ничего писать нельзя? А фильм «Комплекс Баадера-Майнхоф», номинированный на «Оскар» рекламировать можно? Или это тоже подрывной акт? Или символ RAF нельзя использовать в рекламе фильма про этот самый RAF?

При этом у нацистов в Facebook не возникает вообще никаких проблем. Их поганая свастика торчит на страницах самой популярной социальной сети в мире совершенно невозбранно».

Далее пользователь приводит ссылки на материалы в Facebook, пропагандирующие нацизм.

Администрация Facebook оставляет запрос без ответа. (В Рунете есть статья об этом, «Цензура на FACEBOOK: Красный – человек опасный».)



20 июня 2011. Биргит Хогефельд освобождена после 18 лет тюрьмы.

62-летней Бригитте Монхаупт предъявлены новые обвинения. С 12 августа 2010-го Федеральная прокуратура проводит новое расследование касаемо нападения на оружейный магазин в 1977-м. Согласно Федеральной прокуратуре, когда Кнут Фолькертс и Вилли Петер-Штоль были в магазине, снаружи их ждал человек в жёлтом «фиате» с открытыми дверями. Красноармейцы запрыгнули в автомобиль, умчавшийся на большой скорости. Прокуратура подозревает, что в «фиате» была Монхаупт.

Один из захваченных пистолетов изъяли через 1,5 месяца голландские полицейские у Фолькертса в Утрехте. 17 ноября 1977-го полиция нашла машину партизан. В ней обнаружена пепельница с окурками. Теперь, через 34 года после случившегося, с помощью новых технологий определены группы крови людей, выкуривших эти сигареты, но их личности точно не определены. Согласно анализу ДНК, 3 окурка могут принадлежать «Поппи» (один из псевдонимов железной Бригитты в РАФ).

Поскольку прокуратура считает данный налёт покушением на убийство, срок давности не действует. Но доказательств для обвинения оказывается недостаточно: неясно, оставила ли Монхаупт окурок в пепельнице «фиата» именно при нападении. Фолькертс, ныне бухгалтер, не комментирует этот вопрос до и во время судебного разбирательства. В 2007-м, однако, он сказал журналу «Шпигель», что не участвовал в этом налёте, пребывая тогда «в Германии, но далеко от Франкфурта».

14 сентября 2011, США. Кэтлин Пекеньо – сводная сестра солдата США Эдварда Пименталя, убитого РАФ и «Аксьон директ» с целью достать его документы. Того самого, чьё убийство раскритиковали многие левые, РАФ назвала в январе 1986-го «политической ошибкой», и о котором пожалели сами

участники акции Биргит Хогефельд и Ева Хауле. Позже, как уже отмечалось выше, Пекеньо посещала Германию, вступила в общение с бывшими рафовцами – в частности с Хогефельд – и для лучшего взаимопонимания начала учить немецкий. Теперь она пишет об этом в своём блоге (полностью прочитать можно здесь https://kathleenpequeno.com/edward-pimental-and-the-raf/).

Кэтлин Пекеньо озаглавила эту фотографию так: «Мой брат Эдди и я перед нашим многоквартирным домом, ок. 1972 г.»

«Да, я сестра Эдварда Пименталя. Мой брат убит Фракцией Красной армии (RAF) в августе 1985 года в результате нападения на авиабазу США в Рейн-Майне. Он был солдатом, чьё удостоверение личности RAF использовала для установки бомбы на базе, убившей двух других людей при взрыве.

Если вы были другом моего брата, не стесняйтесь послать мне сообщение. Мне всегда нравится слышать друзей Эдди – кажется, он встретил много друзей в армии. Многие из вас обращались ко мне на протяжении многих лет – спасибо за ваши добрые слова о моём брате и вашу заботу о нашей семье. Я знаю, вы по нему тоже скучаете.

Если вы были членом RAF, вы также можете мне написать. Уверяю, что я не ненавижу вас и не желаю вам зла. Если вы хотите поговорить со мной о своём опыте, или если я смогу чем-то помочь вам в деле мира и справедливости, свяжитесь со мной. Я начала часто ездить в Германию и практикую свой немецкий, поэтому мы можем даже встретиться, если вы заранее уведомите меня.

Вот статья, написанная мной вскоре после 11 сентября 2001 года, о том, что я узнала о бесполезности реагирования на насилие б*о*льшим насилием:

«Ранним утром мне позвонил близкий друг, чтобы рассказать о только что произошедшем в Нью-Йорке и Вашингтоне. Она хотела, чтобы я узнала это от близкого человека прежде, чем по радио, и по уважительной причине. Мой брат убит иностранными террористами в 1985 году, и эти события влияют на меня не так, как на большинство людей. Вы не можете понять, как. И не хотите знать.

[...] Поскольку я изо всех сил пыталась понять, что случилось (о причине гибели Пименталя – Л.), я постаралась побольше узнать о верованиях людей, убивших моего брата. И мой ответ на его убийство сформирован тем, что я узнала.

Теперь, когда я смогла выслушать убеждения террористов, вы тоже сможете это. И вы услышите: США совершили акты варварского насилия в отношении ни в чём не повинных гражданских лиц и должны быть наказаны. США состоят из людей, желающих убивать и умирать, чтобы разрушить наш образ жизни. У нас нет выбора, кроме как убить их, прежде чем они убьют нас.

Знакомо звучит? Когда мы, американцы, говорим это, то фактически повторяем слова террористов, и потому из моих уст эти слова вы не услышите.

Возможно, вы не понимаете, почему кто-то так говорит о США, и я тоже поняла не сразу. Мол, как это возможно? Америка, жестокая и разрушительная,

настолько неуважительно относящаяся к человеческой жизни, что единственный выход – убивать нас? Почему кто-то так думает?

Но, чем больше я узнавала о внешней политике США, тем больше я понимала это. Наша история включает в себя неоправданно длинный список нападений на мирных жителей других стран. Знаете ли вы, сколько стран мы бомбили за последние десять лет? Вот неполный список: Судан, Югославия, Ирак, Афганистан. Оказывается, наш опыт скорбящей семьи необычен для американцев, но гораздо более распространён для семей других стран. И основную часть времени США являются преступниками, а не жертвами.

[...]

Пожалуйста, если вы действительно в ужасе от произошедшего, не позволяйте расти количеству скорбящих семей. Противодействуйте военному ответу США и поддержите расследование внешней и военной политики США, стоящей за этим. Узнайте, кто эти скорбящие семьи в других странах, и передайте им свои соболезнования, а также семьям, разорённым на этой неделе. И позаботьтесь о том, чтобы все наши деньги и ресурсы шли на все эти семьи, а не на военную машину, создавшую эту трагедию».

(Пекеньо явно не подозревает, что события 11 сентября 2001-го устроены военными США. Впрочем, это не меняет сути её статьи, даже наоборот.)

С Биргит Хогефельд (возможно, и др. рафовцами) Пекеньо сохранит отношения и в дальнейшем, во всяком случае, после терактов в Париже 2015-го вступит в переписку на эту тему с Хогефельд.

Декабрь 2011, Санкт-Петербург. На VIII фестивале немецкого кино режиссёр-документалист Андрес Вайель представляет свой первый игровой фильм «Кто, если не мы». Даёт интервью. Российский журналист спрашивает, действительно ли в «ночь смерти в Штаммхайме» партизаны покончили с собой. Вайель поступает умело, пользуясь тем же приёмом, что психиатр

Богертс, ковырявшийся в мозге Майнхоф: сперва вызвать к себе доверие как к человеку объективному, сказав что-нибудь в пользу оппонента, и в конце излить клевету (люди хорошо запоминают именно последние слова). Он не заявляет сразу «да, это было самоубийство», но говорит, что всегда считал, что их убили, но потом тщательно изучил дело и понял, что ошибался. Таким образом вызывается доверие публики – мол, он беспристрастно во всём разобрался. При этом режиссёр не говорит, почему решил, что ошибался, какие факты обнаружил, откуда у Энслин взялся кабель, как он выдержал её вес и как она вообще дотянулась до петли с учётом расположения стула, почему не проведён тест гистамина, как левше Баадеру удалось занести руку с пистолетом на полметра назад и застрелиться вслепую рукой, почему в докладах чиновников различаются сведения о марках пистолетов, из коих произведены выстрелы, почему на оружии, из которого якобы застрелился Распе, вообще нет отпечатков пальцев, почему камеры видеонаблюдения в коридоре той ночью – кстати, именно и только той (об этом чуть ниже) – не работали, каким образом худенькая оголодавшая Мёллер четырежды всадила себе в область сердца на 7 см нож из мягкого сплава с закруглённым концом. Журналист ничего не уточняет.

Вайель говорит также о недопустимости насилия: «люди могут быть ранены или гибнут». Остался бы он пацифистом, будь убита его семья, а не славянские и вьетнамские дети сороковых и шестидесятых-семидесятых, он умалчивает. Журналист не уточняет и этого.

2011, Берлин. Выходит исследование историка Хельге Лемана «Ночь смерти в Штаммхайме», посвятившего 5 лет расследованию обстоятельств гибели Баадера, Энслин и Распе. Леман приходит к выводу о ложности официальной версии о самоубийствах. В частности, уточняет, что система

видеонаблюдения была отключена именно и только в ночь на 18 октября 1977-го.

Инга Ветт, уже оштрафованная в 2009-м, заявляет 8 января на Международной конференции Розы Люксембург в Берлине, что на повестке дня стоит «создание революционной коммунистической организации с секретными структурами». Для продвижения к коммунизму необходима «боевая практика».

Видный представитель Христианско-демократического союза Вольфганг Босбах называет это «призывом к насильственной борьбе с государством». СМИ вопят о «призыве к новой террористической группе». В ноябре районный суд Берлина приговаривает Ветт к штрафу в 1 200 евро за «одобрение уголовных преступлений».

Январь 2012. 5 лет назад Куррас, убивший Бенно Онезорга на антишахской демонстрации 1967 г., заявлял, что действовал в порядке самообороны, но теперь федеральная прокуратура окончательно выясняет, что это ложь. Выясняется также, что медиков, вскрывших тело Онезорга, заставили подделать свой отчёт. Однако под суд Куррас не попадает (умер в 2014-м).

17 марта 2012. В доме престарелых, не дожив 2 недель до 92 лет, скончался пособник нацистов Иван (Джон) Демьянюк, соучастник убийства 29 000 человек в концлагерях Треблинка и Собибор. 12 мая 2011 г. он был приговорён к 5 годам лишения свободы, но не помещён в тюрьму по возрасту и состоянию здоровья.

Май – июль 2012, Штутгарт. 14 мая Верена Беккер заявляет в Высшем областном суде о своей непричастности к убийству Бубака, напоминая, что в то время пребывала в Йемене, вернувшись в ФРГ на следующий день после акции. Свой набор хромосом на конверте она объясняет тем, что заклеивала письма. Беккер обращается и к сыну Бубака: «Во всех сообщениях и статьях, прочитанных мною, вы пишете, что хотите знать, кто убил вашего отца. На это

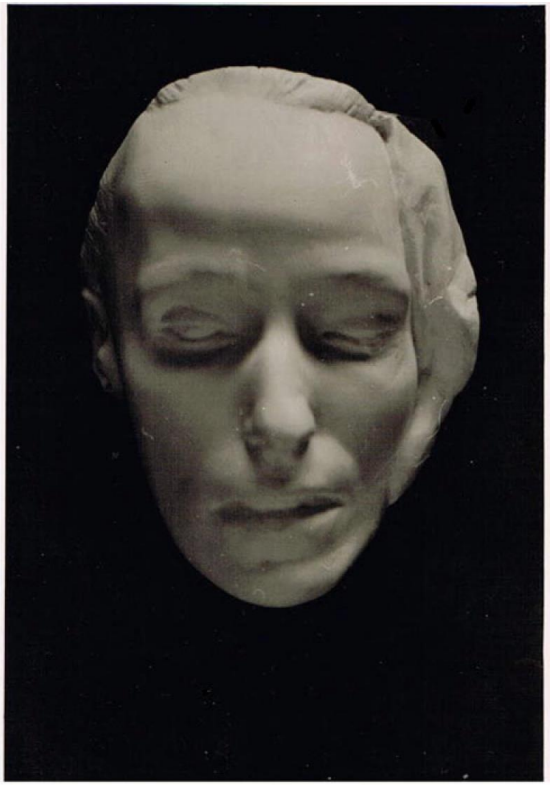
я не могу ответить, поскольку меня там не было. До моего ареста в мае 1977 года я никогда не была в Карлсруэ».

Адвокаты Вальтер Венедей и Ханс Вольфганг Эйлер требуют оправдания обвиняемой. Прокурор Вальтер Хемберг требует 4,5 лет заключения, утверждая, что Беккер способствовала организации убийства на расстоянии.

Бригитта Монхаупт, вызванная свидетелем, отказывается давать показания.

6 июля 60-летняя Беккер приговорена к 4 годам тюрьмы. Пересмотр дела в Федеральном суде не увенчался успехом. Из срока заключения вычтены 2,5 года, проведённые в тюрьме в результате более раннего приговора к пожизненному заключению, и 4 месяца досудебного содержания под стражей, итого остаётся 1 год 2 месяца тюрьмы.

Октябрь 2012, Штутгарт. Берлинский книготорговец Готфрид Энслин, брат Гудрун (младше её на 5,5 лет), ознакомившись с упоминавшейся книгой Хельге Лемана «Ночь смерти в Штаммхайме», вместе с ним 18 числа подаёт в прокуратуру Штутгарта запрос о расследовании обстоятельств гибели сестры, а также Баадера и Распе. «Прокуроры и полицейские, расследовавшие это дело в 1977 году, – заявляет Готфрид, – просто искали подтверждения гипотезе самоубийства, и я прошу наконец провести открытое расследование». «Мы не собираемся спекулировать на умышленном убийстве, – заявляет представитель истцов Арнольд Брус. – Мы намерены выложить на стол факты, подрывающие основы версии о самоубийстве». По его словам, после изучения архивных документов можно доказать, что «существующая до сегодняшнего дня официальная версия не соответствует произошедшим в Штаммхайме событиям».



Посмертная маска Энслин

19 октября об этом сообщает «Шпигель». Результатов обращение Энслина и Лемана не даёт. (Энслин скончается в следующем году, в 67 лет.)

Апрель 2013. По данным организации, наиболее авторитетной в деле розыска преступников холокоста – Центра Симона Визенталя, в ФРГ преспокойно живут: командир батальона СС Ганс Липшиц, виновный в массовых убийствах в Освенциме (бежал в США, в 1983-м депортирован в ФРГ

и вот уже 30 лет свободно в ней живёт); эсэсовец Серен Кам, разыскиваемый властями Дании за убийство редактора антифашистской газеты в 1943-м (в 2007-м власти ФРГ решили его экстрадировать, но земельный суд Баварии наложил вето); Альгимантас Дайлиде, сотрудник литовской полиции при нацистах (в 2006-м приговорён к 5 годам тюрьмы за выдачу евреев нацистам, но наказание не отбыл по состоянию здоровья).

Всем им уже ок. 100 лет.

20 июля 2013, Берлин. Традиционное для этого дня – годовщины покушения на Гитлера в 1944-м – приведение к присяге военнослужащих. Президент ФРГ Йоахим Гаук заявляет 500 новобранцам, что данное покушение учит: военнослужащие должны не безропотно исполнять приказы, а «отдавать приоритет своей совести».

Президент не понял, что в его лице ФРГ уже в третий раз, после 2008-го и 2009-го, реабилитировала РАФ – последняя не безропотно исполняла предписания властей, а «отдавала приоритет своей совести», притом боролась именно с гитлеровцами. К тому же состояла из гражданских лиц, никакой присягой не связанных. А что до «терроризма», так взорвавшие бомбу в ставке Гитлера именно теракт и осуществили.

11 октября 2013, Рим. В 100-летнем возрасте скончался офицер СС Эрих Прибке, соорганизатор и личный участник массового убийства гражданского населения в Ардеатинских пещерах в Риме 24 марта 1944 г. – 335 расстрелянных в возрасте 14-75 лет. Он же подозревается в участии в пытках политзаключённых и депортации от 6 до 7 тысяч евреев из Италии в Освенцим.

После войны епископ Алоис Худель в Ватикане снабдил Прибке фальшивой визой в Аргентину, где последний прожил полвека под своим настоящим именем. Был председателем попечительского общества немецкой школы в немецкой общине Барилоче. В 1952-м получил германский паспорт.

В 1994-м журналист США Сэм Дональдсон снял репортаж о Прибке. Тот сам рассказал обо всём, заявив, что жертвы были «террористами». Подтвердил, что он автор расстрельного списка.

Через 17 месяцев Прибке наконец экстрадировали в Италию. На суде он винил в случившемся итальянских «террористов», убивших 33 солдат эсэсовского полка (после чего эсэсовцы и расстреляли мирное население). Приказ о казни отдал Гитлер, что, согласно Прибке, делало её законной.

Только в марте 1998-го Прибке приговорили к пожизненному заключению. Однако из-за 85-летнего возраста содержали под домашним арестом. Там, дома, Прибке благополучно справил 100-летний юбилей.

Август-сентябрь 2014. Российские правоохранительные органы разыскивают в Подмосковье Даниэллу Клетте. Согласно немецким спецслужбам, партизанка, не вышедшая из подполья, уже 4 месяца пребывает в России. 1 сентября это сообщается в российских теленовостях.

Даниэлла Клетте

Ноябрь 2014. Федеральная прокуратура возобновляет расследование обстоятельств казни Бубака и его спутников в 1977-м.

2015. Ещё в 2005-м итальянский военный суд заочно признал виновным гражданина ФРГ, нациста Герхарда Зоммера, соучастника убийства 560 жителей итальянской деревни Санта-Анна-ди-Стаццема. После этого немецкие следователи 10 лет ведут расследование, но обвинение так и не предъявляют.

18 мая 2016. Полиция тиражирует через СМИ фотографии 3 бывших рафовцев, не вышедших из подполья, – Даниэллы Клетте 57-ти лет, Бургхардта Гарвега 47-ми лет и Эрнста-Фолькера Штауба 61 года. В частности, их подозревают в 6 экспроприациях, совершённых в 2015-м в Нижней Саксонии и Шлезвиг-Гольштейне.

25 июня 2016, Кремлинген. Налёт на инкассаторскую машину, в чём следствие подозревает тех же Клетте, Гарвега и Штауба.

Полиция проводит беседы с 4 000 автодилеров, объясняя, как распознавать в клиентах подпольщиков. За донос предлагается вознаграждение в 80 000 евро.

Май 2017. Кристиан Клар участвует в похоронах бывшего министра обороны ГДР Хайнца Кесслера, в 2003-2008 гг. отбывавшего срок в тюрьме. В начале Великой Отечественной Кесслер перешёл на сторону Красной армии и вёл по радио антифашистскую пропаганду среди немецких солдат. Известный политолог Клаус Шрёдер объясняет присутствие Клара на похоронах тем, что Клар по прежнему не признаёт ФРГ и, подобно Кесслеру, считает себя частью «марксистско-ленинского авангарда». Это не совсем так: РАФ-то была в авангарде, а правительство ГДР – нет. Но антифашистом Кесслер всё же был, и поступок Клара неудивителен.

17 октября 2017, Штутгарт. Объявлено о решении снести здание Высшего областного суда в Штаммхайме, где судили командование РАФ.

Аккурат на 40-летие «Немецкой осени» (а также 50-летие убийства Онезорга на антишахской демонстрации и 100-летие Октябрьской революции) власти заметают следы.

Август 2018. Из США, после нескольких недель димломатических переговоров, наконец таки экстрадирован известный нацист Яков Палий. С 2003-го у него не было американского гражданства, но он продолжал жить в двухэтажном доме в Нью-Йорке.

Осень 2018. Только сейчас начинается суд над Гансом Х. (так его называют в СМИ), охранником концлагеря Маутхаузен в 1944-1945 гг., причастным к гибели 36 223 заключённых.

Резюме

Мы принадлежим этому обществу лишь постольку, поскольку боремся с ним.

Из документов RAF середины 1980-х

Группа западногерманской интеллигенции обнаружила, что минимум 4,5 млн гитлеровских преступников остались безнаказанными и даже вновь пробрались во власть, и только каждый седьмой чиновник не гитлеровец. Они составили досье на 364 000 из них, но убедились, что правительство против гитлеровцев ничего не имеет, напротив, реставрирует нацистское законодательство и сотрудничает с США и Израилем, продолжающими традиции нацистов во Вьетнаме и Палестине. Тогда они начали самостоятельно карать преступников. За это власти объявили красноармейцев «террористами», убивали, пытали и продержали в тюрьмах дольше и в худших условиях, чем гитлеровцев (большинство коих вообще не репрессировали), поправ все нормы собственного законодательства, построив для командиров красноармейцев концлагерь, убив их там и выставив самоубийцами, убив в 7 раз больше людей, чем красноармейцы, пристрелив сотни случайных людей (за подозрительный вид и забавы ради), уволив с работы с «волчьим билетом» тысячи столь же случайных людей, и подвергнув арестам, поставив на грань увольнения, сотни тысяч людей, и в разгар борьбы установили более жёсткую цензуру, чем в СССР времён Великой Отечественной. Попутно выяснилось, что 80 % граждан ФРГ равнодушны к преступлениям гитлеровцев или их сторонники, а ещё очень любят доносить на соседей, знакомых и членов собственной семьи. (Справедливости ради добавим: таков весь протестантский регион.) Также выяснилось, что большинство именующихся левыми хоть и против фашизма, но не горит желанием бороться с ним, предпочитая «тусоваться» на митингах.

«…студентам удалось слегка прощупать демократию ФРГ. Демократия оказалась гнилой. Это открытие является безусловной заслугой студентов. Что мы и доводим до сведения общественности», писала Майнхоф о «коммунарах», забросавших пудингами вице-президента США («Напалм и пудинг»). История повторилась, но не как трагедия-фарс, а как трагикофарс, переросший в эпическую трагедию. Повторим слова Майнхоф, выделив курсивом изменения. *РАФ хорошенько* прощупала демократию *Запада*. Демократия оказалась *фашизмом*. Это открытие – безусловная заслуга *РАФ*. Что мы и доводим до сведения общественности.

«Хочешь наплакаться, сделай людям добро», гласит немецкая пословица. Хочешь наплакаться при капитализме – убивай фашистов.

Ульрика Майнхоф

О профессионализме РАФ

Прежде чем навсегда оставить голову кашалота, я хотел бы, чтобы вы, просто как разумный физиолог-любитель, обратили внимание на её вид спереди во всей его сжатости и собранности. Я прошу вас рассмотреть её только для того, чтобы вы составили себе правдивое и непреувеличенное мнение о той таранной силе, какая может быть в ней заключена.

Г. Мелвилл, «Моби Дик, или Белый кит», LXXVI, «Стенобитная машина»

Александр Тарасов отмечает в статье «Вьетнам близко…», что РАФ не «самое толковое» левое подполье послевоенной Западной Европы. Павел Ткачёв в статье об «Аксьон директ» пишет, что по сравнению с её самыми сложными операциями акции РАФ «любительские». Всё это так, но и не так.

В статье «Король двух гетто» о подпольной НКПСС (руководимой тем же Тарасовым и Натальей Магнат) я писал, что человека надо судить, учитывая обстоятельства, тогда познается ему цена. Плоды деятельности НКПСС мизерны, но НКПСС, с учётом обстоятельств, заслуживает восхищения. То же восхищение заслужила и Фракция Красной Армии.

assassinata Ulrike Meinhof
FEDERALE TEDESCA REPUBBLICA
ORDINE ESEGUITO
PAGHERETE CARO PAGHERETE TUTTO
assemblea alla Universita Statale
MERCOLEDI 12 MAGGIO ORE 18.
COMITATO INTERNAZIONALE PER LA DIFESA DEI DETENUTI POLITICI IN EUROPA (SEZ. ITALIANA) ELINPROP 10 MAGGIO 76

1. В отличие от «Красных бригад» и «Аксьон директ» (АД) РАФ не разгромлена, а самораспустилась. При этом властям пришлось долго уламывать их пойти на компромисс и отказаться от казней взамен на смягчение жизни заключённых красноармейцев.

2. РАФ сотрясала ФРГ немногим меньше, чем «Красные бригады» Италию, будучи минимум *в 40-100 раз* (смотря в какой период) малочисленнее. Наконец, РАФ не разгромлена, а самораспустилась.

3. АД возглавил Руйян, имевший 2-летний опыт подпольщика в Испании (в MIL, «Иберийском движении за освобождение»), плюс опыт руководителя GARI («Интернационалистических групп революционного действия»), и АД появилось как объединение 3 более-менее опытных групп.

4. АД начало борьбу в 1979-м, зная кое-что и из 9-летнего опыта немецких партизан. РАФ наряду с «Красными бригадами» была пионером европейской городской герильи, имея за плечами только 2 месяца тренировок по неподходящей программе (обучение *сельской* герилье). Никто из рафовцев до этого даже не служил в армии, даже не проходил начальную военную подготовку в вузах, и вообще не имел дела с оружием. «Мы учимся на практике» (Райндерс в 1975-м).

5. АД имело множество симпатизантов в самых разных кругах, вплоть до доверенных лиц высших эшелонов власти, и Ткачёв описывает это как достижение. Но РАФ действовала в стране, где абсолютное большинство людей старше 30 лет были сторонниками Гитлера, где 85 % чиновников вышли из нацистов, где антифашистов не было даже среди школьных учителей и воспитателей в детдомах, где эсэсовцем был даже издатель антифашистких книг Ханны Арендт, где основательница пацифисткой партии «Немецкий союз мира» Рената Римек вышла из нацистской партии, как и большинство родителей и родственников самих рафовцев. «…в этом отношении исходные условия были

иными, чем у левых в других странах» (Биргит Хогефельд). Симпатизанты РАФ были студентами и старшеклассниками. Люди 14-25 лет не имеют возможности выведывать государственные секреты в беседах с президентом и миновать полицейские кордоны, предъявляя приглашение президента на обед (такое случалось в истории АД). АД помогали люди «со связями». Но РАФ действовала в настолько фашистской стране, что подобных симпатизантов взять было неоткуда.

6. РАФ и сама состояла из молодых людей, в подавляющем большинстве младше 30 лет.

7. Вышеупомянутое обстоятельство облегчало розыск партизан – полиция сконцентрировалась на людях 18-35 лет.

8. АД действовало при Миттеране, изображавшим марксиста, что несколько связывало ему руки в борьбе с революционерами. Миттеран делал вид, что во Франции нет левой оппозиции, не объявляя открытой охоты на леворадикалов (в 1981-м даже была проведена амнистия для сторонников коммунизма и анархизма), французские силовики старались действовать незаметнее. Хотя АД действовало с 1979-го, только в 1985-м французские власти взялись за него всерьёз. Власти ФРГ объявили охоту на ведьм с первых дней истории РАФ, не стесняясь в средствах, имея богатый опыт службы при Гитлере, и вся страна писала доносы на любого мало-мальски подозрительного человека.

9. Волей обстоятельств командиры РАФ с момента её основания были известны властям, а Майнхоф и вовсе была знаменитостью, с растиражированной по всей стране внешностью, что сильно облегчало их поиски.

10. АД парализовал арест её руководителей. РАФ теряет 5 командиров зараз – Майнхоф, Баадера, Энслин, Распе и Майнса, и 88 % всего состава. После

этого она борется ещё более четверти века, проводя ещё более дерзкие операции, и именно теперь вся ФРГ «стоит на ушах». Тогда командование 1 поколения убивают в тюрьме, дабы авторитетов вообще не было в живых. В ответ РАФ переходит в контратаку, и только теперь власти «составили себе правдивое и непреувеличенное мнение о той таранной силе», что заключена в РАФ. Новый тяжёлый удар – арест Монхаупт и Клара, плюс потеря большей части оружия и документов. После этого РАФ действует ещё более мастерски, чем прежде, и большинство её акций остаются нераскрытыми.

11. Акции позднего периода РАФ (восьмидесятых и начала девяностых) по профессионализму никому не уступают. Из 22 дел позднего периода РАФ объяснены только 2 – в уличной перестрелке 1993-го, убийство и покушение на убийство Вольфганга Грамса. Остальные акции, с 9 убийствами и 29 ранеными, остались для спецслужб загадочными. «Для Федеральной прокуратуры и Федерального управления уголовной полиции это беспрецедентный позор», признал журнал «Шпигель» 18 апреля 2008 г. на сайте «Spiegel Online», на 10-летие роспуска РАФ.

12. Большинство арестованных рафовцев засудили благодаря фашистскому принципу коллективной ответственности, без доказательств их участия в акциях. Но и несмотря на это, многие представители 3-5 поколений РАФ неизвестны по именам.

Подытожим. РАФ дерзнула начать с нуля, без опыта, собственного и чужого, имея сторонниками одних подростков и полуподростков, без связей и должностей, в самой фашистской и самой «стукаческой» стране Европы (в обоих аспектах – на уровне США), «обществе доносчиков» (Бернвард Веспер), учась на ходу, на собственных промахах. Так вот. 90 % подпольных вооружённых групп громят в течение года, половину остальных – в первые 10 лет (Хоффман, «Терроризм изнутри»). То есть только 5 % держутся более 10

лет. РАФ продержалась 27 лет. Считая с похищения Баадера, рождения «Бригады Баадера-Майнхоф» – 28. И не до разгрома – до самороспуска.

Её история заняла то же время, что история РККА, Красной армии России-СССР, 1918-1946 гг. Период до прекращения казней – 1971-1991 гг. – сколько война первых красноармейцев мира, хуррамитов периода Бабека (бабекидов), 816-837 гг.

Впрочем, процитируем того же Тарасова: «Для крошечной организации, какой была РАФ первого поколения, без долгой специальной подготовки (кратковременное пребывание в лагере ФАТХ в Иордании в 1970 г. такой не назовёшь, да и учили там зачастую не тому, чему нужно – например, стрелять из гаубицы), без массовой базы, без многолетней традиции партизанской борьбы, без военной, финансовой и технической помощи извне, эти люди смогли сделать поразительно много» («Капитализм ведёт к фашизму…»). Тарасов говорит о 1 поколении потому, что его статья – о Майнхоф, дальнейшая история РАФ в ней не рассматривается. Но та же оценка заслужена всей РАФ.

Порой приходится слышать: власти легко разгромили бы РАФ в самом начале её деятельности, если бы не совершили ряд грубых ошибок; РАФ повезло, что спецслужбы часто ошибались. Оно конечно, но и РАФ добилась бы гораздо большего, не ошибись она ни разу. Кстати, тот же аргумент приводят критикующие красноармейцев в Великой Отечественной: нацисты победили бы, не совершай они ошибок. Правильно, но Красная армия тоже ошибалась, иначе победила бы ещё быстрее и с намного меньшими потерями. Таким оппонентам я отвечаю: я лучше всех играю в шахматы. А проигрываю потому, что делаю ошибки. Если бы никогда не ошибался, был бы чемпионом мира. Почему же вы не считаете меня лучшим шахматистом мира?

Брюс Хоффман приводит оценку РАФ её заклятым врагом, лидером современной ультраправой организации Германии Инго Хассельбахом: «…хотя

наши идеологии противоположны, мы уважаем их за фанатичность и сноровку» («Внутренний терроризм»).

Похвала, пускай сквозь зубы, от лютого врага – лучшая похвала.

Об отсутствии пацифистов

Нельзя бороться с преступностью методами Армии спасения.

Ульрика Майнхоф

Жабоподобные овцы,
как вы друг с другом грызётесь,
как вы друг друга морочите!
Братство царит средь волков,
в крепко сколоченных стаях.
Слава разбойникам!
Вы же,
когда вас хотят изнасиловать,
лениво ложитесь
на постель послушания.
Скуля,
вы по прежнему лжёте:
вам нравится быть растерзанными.
Нет, вы не измените мир.

Ганс Энценсбергер, «Защита волков от овец» (пер. Л. Гинзбург)

«– Да, – продолжил свою мысль лев, – поскольку мир – это непрестанная борьба противоположностей, то любовь к одной стороне всегда является ненавистью к другой. И если я буду любить добро, то непременно буду ненавидеть зло. А если же я перестану ненавидеть зло и бороться с ним и уничтожать его, то я буду своим бездействием способствовать тому, чтобы оно свершилось и являюсь его молчаливым пособником. И чем больше во мне любви к добру, тем больше во мне будет ненависти к злу. Поэтому насилие и кровопролитие есть не что-то носящее определённую окраску, а лишь нейтральное средство, способствующее распространению какой-либо силы, или,

если хочешь, качества. Тут нужно лишь уметь отличать кровь на руках врача от крови на руках палача.

– Да, лев, – ответил кот, – в этом я с тобой спорить не могу, тут ты абсолютно прав, насилие есть всего лишь средство, и приобретает оно окрас в зависимости от того, кто его использует и в каких руках оно находится. В метафизике борьбы двух противоположных сил убить кого-либо и посадить дерево являются действиями равного значения.

– Знаёшь, кот, – продолжил лев, – я много знаю о религиозных и разнообразных учениях, призывающих к пацифизму и к отказу от насилия. Духовные учителя пацифисты были либо слабоумными, либо простыми мошенниками и шарлатанами. Ибо пацифизм сам по себе не плох для идеального общества утопии, где царит только любовь и гармония, но существование такого общества по своей сути невозможно, ибо отсутствие борьбы непременно приведёт к застою и вырождению и последующей аннигиляции. Но на земле такие пацифистские учения могут привести лишь к одному: все самые низкие и подлые элементы будут множиться в несметных количествах, ведь на них не будет управы. Все воры, лицемеры и убийцы, без отсутствия страха наказания развернут свою деятельность до неимоверных масштабов, отсутствие страха наказания поощрит в них самые низкие качества их ничтожных душ. Пацифистские учения приведут лишь к одному – подлецов на земле станет настолько много, что от них не будет никакого спасения, а потом в конечном итоге, они сожрут сами себя и останется лищь один крысиный король, и тот со временем сдохнет от отсутствия пищи.

– Да, лев, теперь я понял, о чём ты говоришь – сказал кот, – пацифизм может принести уничтожение всего, ровно, как и насилие. Всё зависит от того, кто и ради чего предпринимает какое-либо действие и бездействие, а уже от

целей использование действия или отсутствие оного приобретает какой-либо окрас» (Михаил Шушарин, сказка «Кот и лев», 2008).

23-летний автор уловил многое. «...любовь к одной стороне всегда является ненавистью к другой. И если я буду любить добро, то непременно буду ненавидеть зло». Симпатизантами РАФ становились от любви к добру и ненависти ко злу. «И чем больше во мне любви к добру, тем больше во мне будет ненависти к злу». Если же любви к добру становилось ещё больше, то возрастала и ненависть, таковые вступали в саму РАФ. (Вспомним Райх-Раницкого, чей рассказ о холокосте прослезил Майнхоф.) «В метафизике борьбы двух противоположных сил убить кого-либо и посадить дерево являются действиями равного значения». Действия рафовцев раннего и зрелого периодов – когда они ходили на благотворительные работы, и когда стреляли – «действия равного значения», они делали одно и тоже. «А если же я перестану ненавидеть зло и бороться с ним и уничтожать его, то я буду своим бездействием способствовать тому, чтобы оно свершилось и явлюсь его молчаливым пособником». Не симпатизировавшие РАФ способствовали убийству миллионов индокитайцев, ранее – миллионов советских граждан, они «молчаливые пособники» Гитлера и Пентагона, они «поют в хоре с закрытым ртом». «Духовные учителя пацифисты были либо слабоумными, либо простыми мошенниками и шарлатанами». Таковы ненавистники РАФ. «...пацифистские учения могут привести лишь к одному: все самые низкие и подлые элементы будут множиться в несметных количествах, ведь на них не будет управы. Все воры, лицемеры и убийцы, без отсутствия страха наказания развернут свою деятельность до неимоверных масштабов, отсутствие страха наказания поощрит в них самые низкие качества их ничтожных душ». Поэтому неолибералы (неофашисты) – «воры, лицемеры и убийцы», «ничтожные души» – не против пропаганды пацифизма и сами любят выступать с пацифистических позиций.

«Совесть – палка, которой каждый готов бить своего ближнего, но отнюдь не самого себя» (Бальзак, «Утраченные иллюзии»). Добавим. Пацифизм – идея, которую каждый мечтает привить всем, за исключением своей семьи.

Пацифистов нет, не считая отдельных аномалий.

Изображающим пацифистов я всегда говорю – вы не против, если отомстят за *ваших* убитых детей. Далее происходит одно из двух: собеседник начинает лучше относится к организациям образца РАФ, или перестаёт со мной общаться и поносит на каждом углу. Он зол, что не смог меня провести, уверить в своём пацифизме, что с него сорвали маску. В обоих случаях выясняется, что он не пацифист. Что ж, «Не можешь жить по своему учению – не учи!» (Александр Тарасов).

«Когда я был подростком, я всегда слышал от людей, близких к Гудрун: твоя мать не хотела, чтобы ты был единственным ребёнком, кто её волнует, её волновали все дети» (Ф. Энслин, интервью «Шпигелю» 2011-го).

Пока в разговоре не перейдёшь на семью собеседника, неясно, кто перед тобой. Сразу переходите на его семью.

Характер клеветы на РАФ

Конечно, Система не уступит нам территорию, и нет никакого средства, и в том числе никакой клеветы, которой они не решились бы использовать против нас.

Ульрика Майнхоф, «Концепция городской герильи», глава 5

Мы предпочли бы ни с кем не вести обсуждения на столь вульгарном уровне.

там же, глава 1

Когда врёшь, клевещи побольше, что-нибудь да останется.

Итальянская пословица, Макиавелли, Геббельс

О левой герилье иносказательно, пусть даже невольно, сказано в «Моби Дике» (XXIV, «В защиту») – возможно, это удивило бы Мелвилла, но не Энслин. Более того: его слова более относятся к леворадикалах, нежели китобоям – сам того не ведая, Мелвил сказал не столько нужное ему, сколько нужное Энслин.

«Для начала повторю здесь, хотя это и совершенно излишне, тот общеизвестный факт, что люди не относят китобойный промысел к числу так называемых благородных профессий и считают его более низким занятием. Если человек, введённый в смешанное столичное общество, представится собравшимся, например, гарпунщиком, такая рекомендация вряд ли прибавит ему достоинств во всеобщем мнении; и если, не желая отставать от морских офицеров, он поставит на своей визитной карточке буквы К. и Ф. (Китобойная

Флотилия), подобный поступок сочтут в высшей степени самонадеянный и смешной.

Одной из основных причин, по которым люди отказывают нам, китобоям, в почитании, безусловно является распространённое мнение, будто китобойный промысел в лучшем случае – та же бойня, и будто мы, уподобляясь мясникам, окружены всевозможной скверной и грязью. Мы, конечно, мясники, это верно. Но ведь мясниками, и гораздо более кровавыми мясниками, были все воинственные полководцы, коих так восторженно почитает мир. Что же до обвинения в нечистоплотности, то очень скоро вы будете располагать данными, доселе почти неизвестными, на основании которых китобойное судно нужно торжественно поместить в ряд самых чистых принадлежностей нашей опрятной планеты.

Но признаем на время справедливость сего обвинения; что представляют собой скользкие, загрязнённые палубы китобойца в сравнении с чудовищными горами падали, загромождающими поля сражений, откуда возвращаются солдаты, дабы упиваться рукоплесканиями дам? Если же неизменная популярность солдатской профессии связана с представлением о грозящей опасности, то уверяю вас, что не один боевой ветеран, храбро маршировавший на штурм вражеской батареи, сразу же отпрянул бы в трепете при взмахе гигантского китового хвоста, от которого вихрями завивается воздух у него над головой. ...

...

Но это не всё, и даже не половина.

Я утверждаю, что ни один широко известный философ под страхом смерти не сумел бы назвать другое мирное дело рук человеческих, за последние шестьдесят лет оказавшее на земной шар в целом столь всемогущее воздействие, как славный и благородный китобойный промысел. Тем или иным

путём он породил явления, столь примечательные и чреватые целой цепью столь значительных последствий, что можно уподобить его той египетской женщине, чьи дочери появлялись на свет беременными прямо из чрева матери. Перечисление всех этих следствий – задача бесконечная и невыполнимая. Достаточно назвать несколько.

Вот уже много лет, как китобойный корабль первым выискивает по всему миру дальние, неведомые земли. Он открыл моря и архипелаги, не обозначенные на картах, он побывал там, где не плавали ни Кук, ни Ванкувер. Если теперь военные корабли Америки и Европы мирно заходят в некогда враждебные порты, пусть салютуют они из всех пушек в честь славного китобойца, указавшего туда дорогу и служившего первым переводчиком между ними и дикими туземцами. Пусть славят люди героев разведывательных экспедиций, всех этих Куков и Крузенштернов, – я утверждаю, что из Нантакета уходили в море десятки безымянных капитанов, таких же или ещё более великих, чем все эти Куки и Крузенштерны. Ибо, плохо вооружённые, они один на один сражались в кишащих акулами языческих водах и у неведомых, грозящих дикарскими копьями берегов с первобытными тайнами и ужасами, на которые Кук, со всеми своими пушками и мушкетами, не отважился бы поднять руку. Всё, что так любят расписывать старинные авторы, повествуя о плаваниях в Южных морях, для наших героев из Нантакета – лишь самые привычные, обыденные явления. И часто приключения, которым Ванкувер уделяет три главы, нашим морякам кажутся недостойными простого упоминания в вахтенном журнале. Ах, люди, люди! Что за люди!

...

Но если даже перед лицом всех этих фактов вы всё же станете утверждать, что с китовым промыслом не связаны никакие эстетические и благородные

ассоциации, я готов пятьдесят раз подряд метать с вами копья и берусь каждым копьём выбивать вас из седла, проломив ваш боевой шлем.

Вы скажете, что ни один знаменитый автор не писал о китах и не оставил описаний китобойного промысла.

Ни один знаменитый автор не писал о ките и о промысле? А кто же составил первое описание нашего Левиафана? Кто, как не сам могучий Иов? А кто создал первый отчёт о промысловом плавании? Не кто-нибудь, а сам Альфред Великий, собственным королевским пером записавший рассказ Охтхере, тогдашнего норвежского китобоя! А кто произнёс нам горячую хвалу в парламенте? Не кто иной, как Эдмунд Бёрк!

– Ну, может быть, это всё и так, но сами китобои – жалкие люди; в их жилах течёт не благородная кровь.

Не благородная кровь у них в жилах? В их жилах течёт кровь получше королевской. Бабкой Бенджамина Франклина была Мэри Моррел, в замужестве Мэри Фолджер, жена одного из первых поселенцев Нантакета, положившего начало длинному роду Фолджеров и гарпунщиков – всех кровных родичей великого Бенджамина, – и по сей день мечущих зазубренное железо с одного края земли на другой.

– Допустим; но все признают, что китобойный промысел – занятие малопочтенное.

Китобойный промысел малопочтенное занятие? Это царственное занятие! Ведь древними английскими законоустановлениями кит объявляется “королевской рыбой”.

– Ну, это только так говорится! А какая в ките может быть царственность, внушительность?

Какая внушительность и царственность в ките? Во время царственного триумфа, устроенного одному римскому полководцу при возвращении в

столицу мира, самым внушительным предметом всей торжественной процессии были китовые кости, привезённые с отдалённых сирийских берегов.

– Может и так, вам виднее, но что ни говорите, а подлинного величия в китах нет.

В китобоях нет подлинного величия? ... Я знал человека, забившего в своё время три с половиной сотни китов. Этот человек в моих глазах более достоин почитания, чем какой-нибудь великий капитан античности, похвалявшийся, что захватил такое же число городов-крепостей».

Плакат турецких леворадикалов

Достаточно поменять «китобойный промысел» на левую герилью, «китобоя» и «гарпунщика» на леворадикалов-боевиков. (Самое любопытное: «...дело рук человеческих, за последние шестьдесят лет оказавшее на земной шар в целом столь всемогущее воздействие, как славный и благородный китобойный промысел» – примерно столько лет, к написанию данного текста, и прошло с начала истории городской герильи, к которой относится РАФ.) Излишен аргумент о «благородной крови в жилах»: считающие себя благородными по крови – фашисты, сторонники теории о «сверхчеловеках» и «унтерменшах», им отвечать не стоит. Но интересно, что и тут Мелвилл прав – таких предков и родни, как у РАФ, и особенно Ульрики Майнхоф, очень хотелось бы любому контрреволюционеру...

Следующую, крохотную главу «Моби Дика» приведём полностью.

«В доказательство величия китобойного промысла бесмысленно было бы ссылаться на что-либо, помимо самых достоверных фактов. Но если адвокат, пустив в ход свои факты, умолчит о выводе, напрашивающимся самим собой и красноречиво подтверждающем точку зрения защиты, разве этот адвокат не будет достоин осуждения?» (XXV, «Постскриптум»).

Сделаем же этот вывод.

Правые называют РАФ террористической организацией. Террорист – борец с *законной* властью? Ну так Гитлер и Муссолини пришли к власти законным способом, победив на выборах (Муссолини даже дважды). «Око закона находится на лице господствующего класса» (Эрнст Блох). Покушавшиеся на Гитлера, и партизаны, повесившие Муссолини – чем не террористы?

К тому же власть в ФРГ не была законной, действуя в обход конституции и в нарушение международного права и собственного законодательства, а

большинство её чиновников были нацистскими преступниками, не понёсшими наказания. По собственному же законодательству 80-90% чиновников ФРГ 1960-1990-х (и спецслужб, и гражданских) заслуживали тюремные сроки, от нескольких лет до нескольких пожизненных, а по законам нюрнбергского трибунала 1945-го 1/3 или 1/2 чиновников 1960-1980-х подлежали повешению.

Наконец, существует понятие государственного терроризма, и по законодательству самих же США, боровшихся с РАФ, – они цитадель терроризма.

Кстати, выходит, Израиль государство террористическое – похитило в Аргентине и казнило нациста Эйхмана. Почему только евреи имеют право убить гитлеровца?

Израильские премьер-министры Менахем Бегин и Ицхак Шамир были террористами, разыскиваемыми британскими властями именно как «террористы», Великобритания предлагала 100 000 фунтов за донос на них. Почему только еврейский террорист может править государством?

«Террористы меняются. Бывший террористом вчера сегодня становится героем, а бывший героем вчера – сегодня уже террорист» (пакистанский англо-франко-арабо-фарсо-урдуязычный политолог Экб*а*ль Ахм*а*д, «Их терроризм и наш», выступление в Колорадском университете в Боулдере 12 октября 1998 г.).

Ну а гуманность леворадикалов сравнительно с националистами и тем более религиозниками признаёт даже антикоммунист из правительства США Брюс Хоффман: «…террористы левого толка всегда ограниченно применяли насилие. Их крестовый поход за социальной справедливостью был направлен против правительственных и коммерческих институтов либо отдельных лиц, по их мнению, олицетворявших капиталистическую эксплуатацию и социальные репрессии. Поэтому такие террористы всегда действовали осторожно, чтобы не отвратить потенциальных сторонников или возможную аудиторию.

Соответственно, насилие, творимое группами левого толка, всегда высокодифференцированно, избирательно и ограниченно. Отдельные лица, вроде состоятельных предпринимателей, как Ганс Мартин Шлейер (похищенный и позже убитый Фракцией Красной Армии в 1977 году), или горячих сторонников парламентаризма, как Альдо Моро (похищенный и убитый Красными бригадами), являясь средоточием идеологической враждебности террористов, были тщательно отобраны как мишени из-за их “символической” значимости» («Внутренний терроризм»).

Из книги-интервью Райндерса-Фрича (в начале вопрос интервьюера):

«*Херман*: Ствол в руках всегда подразумевает готовность при определённых обстоятельствах нажать на курок. Не было ли опасности, что такая готовность к насилию когда-нибудь сорвёт стопор? Это может быть в группе или в личных отношениях. Как вы такое переживали?

Райндерс: Мы говорили об этом довольно часто. Получилось так, что у нас в группе было несколько людей, получивших опыт с самого начала. Конкретный пример — история с RAF: Герд Мюллер, позднее на процессе сделанный главным свидетелем. В Гамбурге застрелили быка. Между Рольфом Похлом, Иной Зипман и мной был спор. Нас шокировало, что Мюллер по этому поводу выражал что-то наподобие радости или восторга. Ну хорошо, была стрельба, бык мёртв. Мы от этого не плачем, так как буйвол тоже стрелял и мог попасть в любого из нас. Но нет никакого основания радоваться и гордиться этим. Этот спор настолько тогда обострился, что мы ушли». (Любопытно – наибольшую жестокость проявил именно Мюллер, позднее ставший предателем.)

«Террористы на другой стороне. Террор есть слепое насилие. А мы никогда не использовали насилие неразборчиво» (Рональд Фрич).

«Мы должны по возможности избегать ненужных жертв» (Майнхоф, программный документ РАФ «Городская герилья и классовая борьба», 1972 г.).

«В уголовный кодекс специально внесена статья 129a, согласно которой наказуемо не только деяние, но и само членство в “террористической организации”. Большинство акций РАФ не раследованы – неизвестно, кто именно стрелял, кто похищал людей. Однако все арестованные члены РАФ, чья вина не доказана ни по одному факту преступления, осуждены как минимум на пять – десять лет: лишь за членство во фракции (вплоть до пожизненного, как Ева Хауле, амнистированная через 21 год – Л.). Такая ситуация сохраняется до сих пор – немецкая юстиция применяет статью 129a исключительно против левых радикалов, но не против неонацистов. Даже когда неонаци собираются в группы, охотясь на иностранцев, и факт создания таких групп доказан, вина каждого обвиняемого всё равно доказывается индивидуально, а против левых всегда применяется принцип коллективной ответственности» (интервью 2000-х гг. депутата бундестага Урсулы Йельпке, работавшей правозащитницей в Штаммхайме).

Без принципа коллективной ответственности не удалось бы репрессировать ни одного рафовца 3-5 поколений. Будь они гитлеровцами и убивай антифашистов, остались бы на свободе.

По статистике, собранной исследователем истории немецкой криминальной полиции Дитером Шенком, официальные органы Германии называют деятельность левых групп «левым *терроризмом*», а деятельность неонацистов – «правым *радикализмом*». Ведь «терроризм» – ругательное слово для всех, а «радикализм» – далеко не для всех. Количество сотрудников спецслужб, следящих за немецкими левыми, в разные годы превышало количество сотрудников, контролирующих неонацистов, в 3-10 раз.

То есть, если группа неонацистов забьёт эмигранта с криком «хайль Гитлер», это не террористы, это просто радикалы. И судить будут только убившего (если только удастся выяснить, кто именно убил). А левого, убившего гитлеровца со словами «Гитлер капут», заклеймят «левым *террористом*». И СМИ долго будут смаковать это словосочетание. А репрессируют не только убившего, но и всю его организацию, даже никого не убивавших.

«Основная причина такого положения в том, что фашизм представляет всего лишь одну из ступеней империализма в её самой жестокой, экстремальной форме, традиционный тормозной кран, за который капитал хватается всякий раз, когда ситуация уходит из-под контроля. С этой точки зрения можно спокойно говорить о единстве действий всех правых. Ультра своими террористическими акциями дают благословенную возможность другим “более умеренным” правым (“Посмотрите, ведь мы же являемся центром!”) заниматься наведением “правопорядка”, как они это именуют, то есть ликвидировать основные демократические свободы» (Дитрих Киттнер, «Когда-то был человеком…»).

Когда убили Онезорга на антишахской демонстрации, правая пресса писала: «Кто провоцирует террор, должен заранее смириться с жестокостью» – мы приводили эту цитату, говоря, что фраза двусмысленна, и обещая пояснить это позже. Так вот: это писалось в оправдание полиции – но борзописец не понял, что оправдал именно революционеров. Ведь он прав, правый борзописец. Спровоцировавший террор должен смириться с ответной жестокостью – только вот спровоцировали левый террор правые, правым террором (как белогвардейцы спровоцировали ЧК, первых Че Космодемьянских). Левый террор – порождение террора правого. «Революционное насилие – это всегда ответное насилие» (Александр Тарасов, «Капитализм ведёт к фашизму…»).

«Мы имеем дело со сращиванием террора общества потребления с прямым полицейским террором…» (Майнхоф, «Все говорят о погоде»). РАФ сражалась против двойного террора – буржуазного и правительственного.

«Логика властей состоит в том, чтобы подавлять людей. Мы же оборонялись, отстреливались… Мы брали социальную модель, навязываемую властями низам общества, и обращали её против самих властей» (Дельво, «Они хотят нас сломить»).

«Те, кто начинает защищаться, объявляются преступниками и террористами» (листовка «Движения 2 июня» по поводу похищения Лоренца).

Будь РАФ не антифашистской, а гитлеровской, власти убили бы не 229 партизан и случайных людей, а единицы, или никого, в тюрьмах находилось бы намного меньше людей, и не по 5-29 лет, а по 2-10, и в обычных условиях, не «мёртвых коридорах», и их не убивали бы в тюрьмах. РАФ даже могла бы прийти к власти – становились же ультраправые террористы премьер-министрами Израиля.

Пишут, что РАФ «залила Германию кровью», «держала страну в ужасе», устроила «террористический кошмар», хотя в её акциях погибло 33 или 34 человека за 27 лет: *одна миллионная* совершеннолетних, *одна двухмиллионная* населения, притом, за вычетом 2-3 случайностей – военные преступники, действительно «залившие кровью» и «державшие в ужасе» Восточную Европу сороковых и послевоенную Юго-Восточную Азию, и полицейские, их охранявшие. Между тем полиция в борьбе с партизанами убила 229 человек, всемеро больше (не считая убитых в тюрьме и умерших в отсутствие медпомощи и при голодовке в борьбе за соблюдение судебных процедур), на 91 % – случайных людей (208 человек из 229).

Вспомним великого австрийского композитора Антона Веберна. В 1945-м его убил 3 выстрелами в упор пьяный повар армии США, принявший огонёк

сигары Веберна за нечто опасное. После чего вдову Веберна Вингельмину допрашивали американские спецслужбы, и ей пришлось убеждать их, что её супруг не думал покушаться на доблестных янки. Страшно подумать, какой вой до сих пор стоял бы в западных и постсоветских СМИ, если бы Веберна застрелил советский солдат или рафовец... Разумеется, на эту тему сняли бы фильм, точнее, фильмы (сняли бы и в РФ). Особенно выразительны были бы сцены допросов Вингельмины злым сотрудником НКВД (не факт, что допрашивали бы, но эту сцену всё равно бы сняли). (Ницше писал, что охотно бы отдал «целый воз» жизней немецких юношей, дабы подарить Гёте ещё годы жизни. Я бы этого не сделал – веймарский придворный и без того прожил 82 года. Но отдал бы жизни 10 000 мещан, дабы спасти Веберна, прожившего на 20 лет меньше Гёте.) Но о причине гибели Веберна вспоминают не чаще, чем о раненом рафовцами библиотекаре Линке, поправившемся после 3 недель больницы.

Обвиняют РАФ в сотрудничестве с палестинцами, умалчивая, что палестинцы боролись не за ислам, а с империализмом США-Израиля, убивавшим мирных жителей. После иракских войн многие поняли, что солдаты США не лучше Саддама Хусейна, каждый второй – похуже. А наблюдательные люди приметили, что США убили именно самых левых исламских политиков (левых на фоне остальных мусульман) – Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи, а с махрово-исламской Саудовской Аравией Пентагон очень даже ладит (как и ФРГ поладило с иранским шахом). А Израиль – ближайший союзник США, и – через Штаты – Саудовской Аравии тоже.

Ислам – это наибольший патриархат, наибольшая дискриминация младших по возрасту и наихудшее отношение к атеизму, нудизму и внебрачному сексу, а РАФ – это молодёжь, атеисты, нудисты, наполовину состояла из женщин (командование тоже), с главным теоретиком женщиной, и

не узаконивала свою половую жизнь. Протестантская конфессия, Ватикан и РПЦ куда ближе к исламу, чем РАФ. От сегодняшнего ИГИЛа дальше всего отстоят именно РАФ, хуррамиты и большевики 1917-1927 гг., а вооружили и обучили игиловцев США – враги РАФ.

Оказалось живучим и обвинение советских СМИ – партизаны шли на поводу у провокаторов спецслужб, и сами, вольно или невольно, были провокаторами. Этот миф подпитывался Бомми Бауманом, писавшим весь остаток жизни об использовании левого подполья спецслужбами НАТО и о провокаторах в левом движении 1960-1970-х. Во-первых, многие признают, что Бауман несколько помешался на «теории заговора», перенося реалии «стратегии напряжённости» Италии семидесятых на современную ФРГ (известные политолог Вольфганг Краусхаар, историк Герд Коенен). Кроме того, на взглядах Баумана отразилась его личная жизнь: он испытал потрясение, сблизившись с провокатором Урбаном и не заподозрив, что его так долго водят за нос, и ему было приятно думать и утверждать, что все левые подпольщики – марионетки спецслужб. Наконец, Бауман был зависим от героина (включён в метадоновую программу), что, разумеется, отразилось на его психике. Из его «доклада о политическом опыте» 2008-го известно, что он принимал наркотики в 1967-1993 гг. Да и позже – выступая свидетелем по делу Верены Беккер в июне 2011-го, Бауман признался, что возобновил употребление наркотиков в 2008-м, на вопрос прокурора о причине этого ответив: «Поскольку жить мне осталось недолго, то я бы сказал, что это теперь не имеет значения. В конце концов, у каждого своё хобби». Хобби, оно, конечно, хорошо, но такого рода хобби не прибавляют цены рассуждениям автора.

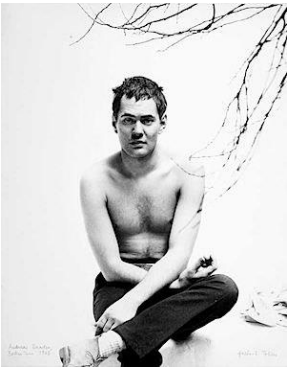
Распространённое заблуждение, используемое клеветниками – о физическом характере герильи, ведомой хулиганами, коим неохота работать головой, отчего они пошли палить. Герилья главным образом занятие

умственное. А городская герилья – занятие почти чисто умственное. Бегать, стрелять, устраивать автогонки и драться приходится краткие секунды и минуты. Остальное время нужно *думать* – планировать акции, распределять роли участников, анализировать ошибки, предугадывать действия противника, собирать информацию, писать программные документы, дискутировать о смене тактики. Ворочать мозгами приходится именно боевикам, а не демонстрантам и митингующим. Чем глупее человек, тем меньше он учитывает интеллектуальную составляющую любой деятельности и тем больше переоценивает физическую. В глазах дурака журналист, наплодивший десятки клеветнических статей о революционерах, занят куда более интеллектуальной деятельностью, чем Бригитта Монхаупт и Вольфганг Грамс – меж тем как всё наоборот. За 5 лет командования железная Бригитта проделала куда больший объём умственной работы, чем, скажем, Никитка Михалков за весь период своей, с позволения сказать, творческой деятельности.

Ещё один чёрный миф (особо излюбленный российскими СМИ) – левые партизаны убивают из любви к убийствам. Но получающий удовольствие от процесса убийства убивает кого угодно, только не высокопоставленных чиновников и крупных буржуа. Поскольку их убивать труднее всего. А для кого убийство – самоцель, тот заинтересован в большем количестве жертв. Во-вторых, смерть представителя власти, в том числе полицейского, куда более озлобляет власть имущих, чем гибель бомжа или проститутки, убийцу ищут с особым энтузиазмом. И уж тем более садист не будет действовать под революционными лозунгами, ибо в этом случае правительство будет разыскивать его уже с не удвоенным, а даже утроенным рвением. «Судьи не любят, чтобы убивали буржуа...» (Бальзак, «Блеск и нищета куртизанок»). Вспомним серийных убийц, «маньяков». Им часто удаётся в одиночку убить многие десятки людей за считанные годы, обычно без огнестрельного оружия, а

десятки рафовцев, вооружённых пистолетами, автоматами, снайперскими винтовками, бомбами и гранатомётом, за 27 лет казнили только 33 человека. Ибо садисты убивают не высокопоставленных охраняемых фашистов, а бомжей, проституток, гастарбайтеров, беспризорных детей, гомосексуалистов из дешёвых баров, в крайнем случае просто обычных обывателей – подобные жертвы наиболее уязвимы, а правительство гораздо менее интересуется поимкой виновного. Наконец, в борьбе с РАФ именно полиция обнаружила пристрастие к убийству ради самого убийства, застрелив массу прохожих по самым надуманным поводам.

На каждого командира РАФ припасён ложный образ. Андреас Баадер подменён хулиганистым ловеласом с прозвищами «Красавчик» и «западноберлинский Марлон Брандо», ушедшим в герилью из желания покрасоваться перед женщинами. Но пустой вертопрах не будет рисковать свободой и жизнью, дабы покрасоваться лишний раз (тем более если и без того пользуется успехом), и голодать для облегчения жизни других узников. А прозвище «Красавчик» – отсылка к роману Роже Вайяна, где главный герой с тем же прозвищем погибает на демонстрации от полицейских дубинок.



Андреас Баадер в ранней юности

Гудрун Энслин буржуазная пресса изображает бесноватой истеричкой, крушащей мебель и швыряющейся стаканами, плюс наркоманкой или полунаркоманкой. Факты не приводятся. Что ж, «Всегда трудно доказывать, что чего-то не было» (Ирмгард Мёллер, интервью О. Тольмайну). «… нет ничего более ужасного, особенно в Париже, чем подозрения без основания: их невозможно опровергнуть» (Бальзак, «Госпожа Фирмиани»). Не только в Париже.

Однако скажу так. Пробыв 9 лет студентом и столько же – преподавателем ВУЗа, отмечу – среди студентов, восхищающих профессоров и знаниями, и поведением, скандалисты и наркоманы не водятся. Такого не бывает. Также последние не занимаются ни благотворительным трудом, ни изданием книг против ядерного оружия, ни антифашистской борьбой. Желающие могут понаблюдать и проверить это.

Ещё насчёт наркотиков. Герилья, как занятие умственное, не терпит наркотиков и алкоголя. Подпольщик не может расслабляться, должен постоянно держать в голове пароли, адреса, номера, определять, нет ли за ними «хвоста», быть готовым в любой момент вступить в перестрелку, параллельно планируя новые акции. Несогласные могут попрактиковаться, при этом обкуриваясь и напиваясь. После чего прошу сообщить мне, сколько продержалась их организация и сколько удачных акций им удалось провести. Обещаюсь опубликовать о них статью. С юмором.

Для меня Ульрике Майнхоф является идеалом
женщины, поэтому RAF как тема
воспринимается очень остро.

Мор (киноктрик (женщина)), рецензия на фильм Шлёндорфа «Легенды Риты», 2007 г.

С Майнхоф особый случай. Леворадикалы образца Ленина, Блока, Че Гевары и Майнхоф настолько умны, одарённы, обаятельны, что врагам ужасно хочется… перевести их на свою сторону, выставить дело так, что они не за революцию, не с коммунистами, они как-то случайно, они не хотели, они раскаялись… (Если взять всё левое движение, та же ситуация с Лермонтовым.) Правые никак не выработают единую тактику относительно вышеупомянутых – то чернят, то журят, сочувственно вздыхая: что делать, они ошиблись…

Плакат турецких леворадикалов с Ульрикой Майнхоф

Майнхоф порой изображают абстрактным гуманистом, по наивности попавшим в банду, ужаснувшимся содеянному и повесившимся. Впрочем, чаще всё же озлобленно чернят. Среди запевал этого хора: одна из дочерей Майнхоф, Беттина Рёль, ошмёток святого человека, из ненависти к матери поставившая целью жизни ругать всех левых. Воспитана Ренатой Римек, нацисткой, переквалифицировавшейся в пацифисты. Её интервью и статьи примечательны тем, что содержат кривду буквально в каждом предложении. Каждое утверждение противоречит фактам – Майнхоф была единственной интеллектуалкой во Фракции, единственная успешно делала карьеру, хотела вернуться к обычной жизни, но не знала как и повесилась. На чём и как она повесилась, почему власти путают потолок с форточкой и дату смерти, почему это не сразу заметили при постоянном контроле и откуда следы надругательства, дочь не уточняет. Обвиняет рафовцев, что они «ворвались с бомбами в жизнь людей». Какого чёрта жертвы РАФ сами ворвались с бомбами в жизнь советских граждан сороковых и вьетнамцев, она не уточняет, а может, считает это правильным. Выдула книгу о «весёлой герилье», «революции не всерьёз». Надо думать, Беттина полагает, что перестреливаться с полицией, рисковать свободой и жизнью, подвергаться сенсорной депривации и проводить голодовки в «мёртвом тракте» как-то весело. Хорошо бы она этим занялась, постоянно делая селфи, дабы проверить, насколько весёлое выражение лица у неё при этом будет.

Об уровне интеллекта и знаний сей дамы, пишущей о левом движении, говорит, например, следующее её рассуждение: «Капитализм всегда существовал за счёт того, что люди делятся на богатых и бедных, и поэтому капитализму всегда требуется социальная коррекция. Коммунизм же, напротив, всегда был и будет обречён на смерть, потому что он предполагает, что все

люди всегда будут бедными, и таким образом делает невозможным экономический рост. То же самое можно сказать и об окрашенном в зелёный цвет социализме» («Wirtschafts Woche Heute», 16 апреля 2013 г.). Вот так знаток левых теорий... Там же она сетует, что Германия много тратится на Восточную Европу. (То-то Болгария так хорошо жить стала с 2010-х...) Странно слышать после этого, что Беттина считает Майнхоф единственным интеллектуалом РАФ. В сравнении с Беттиной РАФ состояла из одних мыслителей. На детях *героев* природа часто отдыхает.

«Проблема же в том, что Беттина Рёль настолько ненавидит свою мать, Ульрику Майнхоф, что видит свою личную миссию в том, чтобы опорочить своих родителей – и в наказание за все тяготы, перенесённые ею в жизни, и ради своих сомнительных теорий о “безумии” выбравших в 1960-х и 1970-х путь насильственного сопротивления империализму. Этот взгляд на собственную мать и на причины того, почему она выбрала путь, по которому пошла, весьма ограничен и сводится в основном к бесконечным причитаниям на тему личных переживаний предательства и несправедливости» (из отзыва на документальный фильм «Дети революции», на сайте Love film.com, 26 апреля 2013 г.).

Что интересно: сын Энслин взял себе её фамилию, и отзывается о матери неплохо, а Беттина – фамилию отца, и всячески чернит мать. Но именно Беттина – пустое место без РАФ, и особенно Ульрики Майнхоф. Феликс состоялся как режиссёр, драматург, преподаватель и общественный деятель, его обсуждают и не касаясь Гудрун Энслин и Гегеля (прапрапрадеда Феликса). Но деятельность Беттины интересна лишь как холодная война с РАФ, и особенно матерью. Феликс взял фамилию матери не для самопиара, а из привязанности к ней, состоялся то он самостоятельно. Беттина не носит фамилию матери. Но сосёт из неё соки. Соси, Беттина. Это всё, что ты можешь.

Юмористическая главка с грустной начинкой

Такое впечатление, что никто не в теме.
пользовательница Рунета, из обсуждения статьи о Гудрун Энслин

Всё это было бы смешно,/ когда бы не было так грустно.
Лермонтов

В начале книги говорилось, что почти все тексты о РАФ написаны жульём и невеждами. Дабы эти слова не показались грубым преувеличением, дадим маленькую подборку – только из тех нелепостей, что я запомнил и могу цитировать наизусть. Иначе эту главку можно увеличить раз в сто, буквально. (О неумеющих отличить мужчину от женщины и принимающих двух человек за одного уже говорилось в предисловии.)

«Майнхоф и Энслин вместе с мужьями переводили со шведского порнографию».

Неудивительно, что все они знали шведский язык. Шведский – язык международный. (Правда, странно, как в ФРГ была востребована шведская порнография. У немцев плохо получалось, наверно.)

«Рафовцы были детьми нацистских генералов».

Странные у Гитлера генералы были – искусствовед, дантист, адвокат, пастор... Теперь ясно, отчего он войну проиграл – ни одного профессионального генерала.

«На рафовцев повлияли идеи китайцев» (это на форуме «Новой литературы» брякнули).

Действительно, все из Поднебесной – Маркс, Ленин, Че Гевара, Маркузе, Сартр, Режи Дебре, Маригелла... Странно, как среди них затесался Мао. Наверно, за китайца приняли.

«В Иордании Майнхоф стала опытным террористом. Она могла выпрыгнуть из автомобиля, мчащегося на полной скорости, и не пораниться».

Главное, 2 месяцев обучения хватило. Ещё пара месяцев тренировок, и научилась бы выпрыгивать из самолёта без парашюта, опускаясь на головы противников.

«Майнхоф ворвалась в библиотеку и похитила Баадера, тяжело ранив библиотекаря».

(Неудивительно, что она в одиночку расправилась с 4 полицейскими. После вышеописанного обучения...)

«Когда Ингеборга Барц решила уйти из РАФ, Майнхоф вывезла её в каменоломни и собственноручно застрелила».

Понятно, что автор прочёл где-то глупость про Барц. Но тела обеих девушек нашли в лесу. Каменоломни то откуда взялись?!

Кстати – бедные Беата Шторм, Бомми Бауман, Сюзанна Альбрехт, Инга Ветт etc, заявившие о своём выходе из РАФ... Всех застрелили. В каменоломнях. Майнхоф заложила традицию – в каменоломнях расстреливать.

«РАФ основала Энслин в 1967 г.» (или 1968-м. Это как-раз из той статьи, из обсуждения которой взят первый эпиграф).

СССР основал Дзержинский. В 1914-м, разумеется.

«РАФ действовала в 1960-1970-х».

Ельцин правил в 1980-х.

«В Штаммхайме Баадер и Энслин обучали Монхаупт как будущего командира РАФ».

Учитывая, что камеры Штаммхайма были одиночными, для собеседований революционеров выделили отдельную камеру. На двери табличка: «Класс для обучения вооружённому сопротивлению государству. Просьба к полиции – без стука не входить».

«РАФ протестовала против Вьетнамской войны, к которой ФРГ не имела никакого отношения».

А ещё странно, что СССР во время Великой Отечественной с Муссолини рассорился. Причём тут бедный дуче? Мы же с Гитлером воевали.

«Фотография мёртвого Майнса жуткая, конечно. Но зачем её носили как напоминание о капитализме? Капитализм то тут при чём?»

Фотографии узников Освенцима ужасные, конечно. Но нацизм то тут при чём?

«Интересная статья (про РАФ – Л.). Только я не понял, почему так много фотографий жён революционерок? Это всё равно что в статье о декабристах выкладывать портреты их жён.-)».

А я читал интересную статью о декабристах. Странно только, почему там так много мужских портретов. Мужья декабристок, наверно. Но зачем их так пиарить?

«Странно, конечно, что Мёллер удалось нанести себе в грудь такие удары ножом... Но, с другой стороны, если Баадер и Распе умудрялись в тюрьме переносить из камеры в камеру взрывчатку и боеприпасы, и тайники в стенах проделывать... От таких людей всего можно ожидать».

Да, это уже не смешно... Ибо, как говорил Данте, «должно отвечать не зверские глупости не словом, а ударом ножа».

Причины особой ненависти к РАФ

Так вот и получается, что при жизни тело кита всерьёз устрашает врагов, а после смерти дух его порождает в мире необычайный страх и панику.
«Моби Дик, или Белый кит», LXIX, «Похороны»

Александр Тарасов отмечает: именно РАФ «почему-то особенно боялись и ненавидели её враги», именно её постоянно называют «бандой», «бандой Баадера-Майнхоф», хотя РАФ не самое многочисленное, удачливое и не «самое

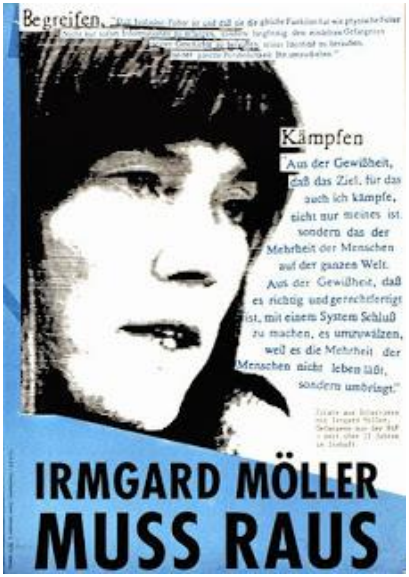
толковое» левое подполье послевоенного Запада. Значит, «было в этих людях что-то», побуждающее слагать о них легенды («Вьетнам близко…»). Попробуем вычислить это «что-то», рождающее легенды, и – особую ненависть.

Вспоминать РАФ правым неприятнее, чем Красные Армии СССР, Китая и Кубы, память о РАФ опаснее антикоммунистам, и тому есть минимум 9 причин.

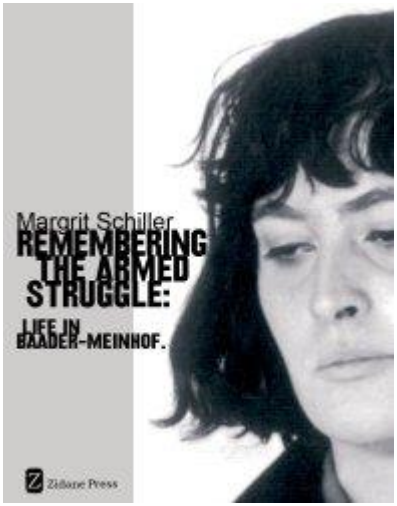
1. Правые по возможности стараются не столько чернить революционеров, сколько замалчивать, для них идеальный вариант – когда никто не помнит, что произошло. Только это даёт стопроцентную гарантию, что человек не последует примеру революционеров. Но среди леворадикальных организаций Запада и Латинской Америки РАФ труднее всего замалчивать. Она стала известной уже с момента возникновения, даже раннее, ещё как Бригада, будучи основана очень известным человеком, чей уход в подполье уже наделал шуму; с историей РАФ связана масса известных людей со всей Европы: Сартр, Генрих Бёлль, Гюнтер Грасс, Мартин Вальзер, Зигфрид Ленц, Петер Вайс, Альфред Андерш, Макс фон дер Грюн, Петер Шютте, Рольф Хоххут, Вольф-Дитрих Шнурре, Ганс-Магнус Энценсбергер, Гюнтер Вальраф, Фридрих Дюренматт, Альберто Моравиа, Клод Мориак, Ролан Барт, Макс Галло, Андре Глюксман, Жан-Мари Доменак, Жак Жюльяр, Ив Монтан, Макс Фриш, Райнер-Вернер Фасбиндер, Маргарета фон Тротта etc. О РАФ с самого начала очень много писали и говорили, снимали фильмы, эти книги и фильмы разошлись миллионами экземпляров на десятках языков и удостоились громких наград. Рафовцы часто упоминаются и в разговоре об их знаменитых предках и родственниках.

Кроме того, если большинство членов «Аксьон директ» остались неизвестны полиции и потому молчат о прошлом, дабы избежать тюрьмы, то многие известные рафовцы отбыли тюремные сроки и могут открыто говорить и писать о РАФ, и многие из них это делают, притом немало и неплохо – Ральф

Рандерс, Ирмгард Мёллер, Инга Ветт, Маргрит Шиллер, Моника Берберих (вообще рафовцы – народ весьма литературный).



Обложка книги Ирмгард Мёллер



Обложка книги Маргрит Шиллер

Замолчать всё это уж очень проблематично. И правым остаётся только как можно больше поносить РАФ.

2. Согласно неолибералам, китайцы, латиноамериканцы и советские народы, кроме прибалтов – недочеловеки, и очернить их очень легко. Либеральная публика (постсоветская тоже) изначально склонна считать их тупыми и жестокими. Но немцы для неолиберала – «белые люди». Даже больше французов: для неолиберала лучшие люди – евреи и жители протестантского, германоязычного региона, остальные в той или иной степени – «цветные», а французы балансируют посерёдке. (Не считая евреев, всё точно по Гитлеру.) Между тем даже 2 рафовца полунемца тоже этнически целиком из этого региона: отец Ирен Гёргенс – гринго, Ральфа Райндерса – голландец. Вагнер, Шуберт, Шиллер, Малер, Лютер, фон Дюк, фон Раух… носить такие фамилии – мечта либерастов всех народов. Мало того, почти всё руководство РАФ ещё и потомки классиков и «полуклассиков» – Гегеля, Гёльдерлина, Малера, Баадера, Распе; у них даже двоюродные деды и свёкры тоже знаменитости. А правым это важно, они придают большое значение происхождению. (Кстати, и левый биограф Майнхоф, Юта Дитфурт – наследница двух старейших дворянских родов.) Большинство неолибералов отдаст правую руку, чтобы родиться в такой стране, с такой национальностью, такими фамилиями, такими предками, такой роднёй, закончить такие университеты.

Для мусульманского антикоммуниста протестантский регион также предпочтительнее романского и тем более славянского. Ему также было бы приятнее, окажись немецкие партизаны французами, ещё лучше – русскими.

3. Более того, речь идёт о *состоятельных* немцах (неолиберал уважает «успешных»), живших лучше половины соотечественников и 95 % человечества. Среди 100 наиболее активных партизан не более 20 % рабочих (19

% от числа всех леворадикалов ФРГ), а крестьян нет вовсе. Зато полно представителей мелкой и средней буржуазии, иногда – и крупной.

70 % из 40 наиболее известных партизан были весьма обеспечены, а Майнхоф, Сюзанна Альбрехт и Ульрих Вессель жили лучше 99 % немцев и 99,9 % человечества. Это люди, которых неолиберал *не* настроен презирать. Напротив, уважать настроен.

«В своей основе левотеррористическое движение сфомировалось из представителей привилегированных и материально обеспеченных слоёв общества. Их отличал высокий образовательный уровень, склонность к философскому осмыслению недостатков существующей социальной модели. Разумеется, имели место исключения, но молодые представители низших слоёв общества, равно как и малообразованные, в левотеррористических группировках встречались редко. [...] Даже в числе наиболее активных террористов боевиков много состоятельных людей. У. Майнхоф, Я. К. Распе, С. Альбрехт добились определённых успехов и известности в своей профессиональной работе». (Морозов И. Л., «Политический экстремизм – леворадикальные течения», изд. ВФ МЭИ, 2002 г.). Всё правильно, кроме слова «террористы» (этак и покушавшиеся на Гитлера террористы), да и про Майнхоф очень мягко сказано, что она добилась «определённых успехов в работе» – успехи были редкостны, перспективы блестящи.

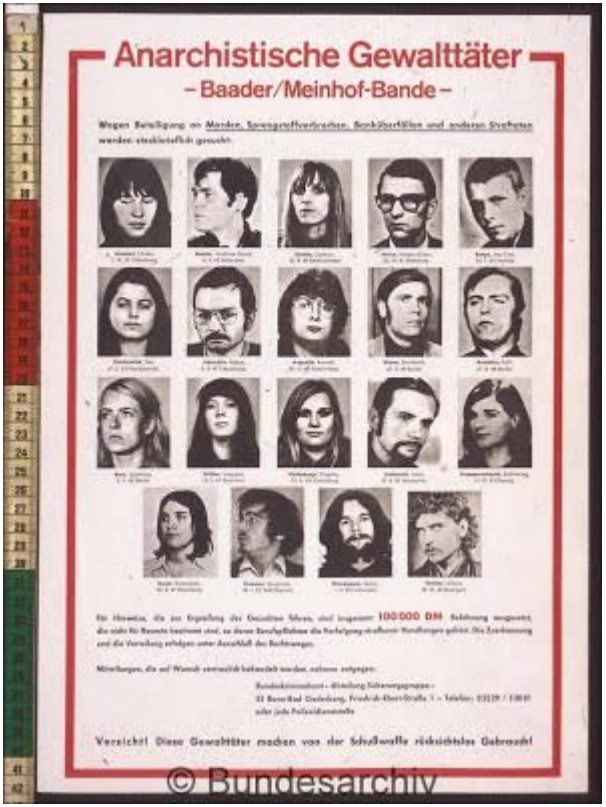
«За 70 лет официозного классового сочуствия русские лишились души. Поэтому для современной России чрезвычайно диковинны герои данной истории. Потому что они – подлинные альтруисты. Они хотят поменять мир из чистого гуманизма. Это не озлобленные «деклассированные элементы», которым нечего терять. Это образованные представители среднего класса, из хороших семей, которые могли бы жировать уже только потому, что родились в «жирных условиях»... но они слишком чуткие, чтобы воспользоваться этим и

смириться с тем, что живут за счёт стран третьего мира. Они – представители пост-индустриального времени, чётко сознающие: единственное, что изменилось с начала 19 века, так это то, что индустрия съехала за границы Европы и Америки. «Щупальца мирового империализма» выросли до чужих континентов и крепко обхватили их – спасибо технологическому прогрессу. Но даже если можно назвать социал-национальным империализмом то, что государство заботится о своих гражданах, пичкает их силосом и прочим сиднокарбом, – это не избавляет его от ответственности перед остальным миром. Поэтому RAFовцы, например, взрывают базы НАТО, находящиеся в ФРГ, как только США начинает равнять с землёй деревни Вьетнама... Они готовы жертвовать собой ради абстрактного счастья абстрактного мира...» (кинокритик Владимир Гордеев, 2009 г.).

Согласно постсоветскому неолибералу, это самый ужасный, самый опасный пример для подражания, который вообще возможен.

4. «Но это не всё, и даже не половина» («Моби Дик», XXIV, «В защиту»). На современном Западе силён воинственный феминизм. В фильмах штампуются сцены, где командует молодая женщина, объясняя мужчинам, что и как делать, попутно останавливая коней на скаку и врываясь в горящие избы. Если в истории было нечто похожее, это муссируется в литературе и кино. Вспомним РАФ. Минимум половина её членов – женщины, что уже необычно для вооружённого подполья. Примерно так же обстоит дело в левой герилье Франции (45,6 % женщин) и Италии (44,9 %), но в ФРГ – 47,6 %, (И. Л. Морозов, там же), а именно в РАФ не меньше половины. Более того – в РАФ женщины отметились больше мужчин. Известнейший рафовец, вошедший в историю и практиком, и теоретиком – Майнхоф. Лучшие ораторы – Майнхоф и Энслин. Наиболее кинематографически «эффектный» командир – Монхаупт. Самый дерзкий побег из тюрьмы совершают женщины (из РАФ и «Движения 2

июня», позже влившегося в РАФ). В декабре 1976-го 15 из 28 разыскиваемых красноармейцев были женщинами. Среди 16 партизан, наиболее активно разыскиваемых «Немецкой осенью», 9 женщин. На розыскном плакате с максимальной суммой вознаграждения за донос, 800 000 марок, среди 16 разыскиваемых 10 женщин. В составленном полицией списке 14 самых опасных для властей партизан 10 женщин – более 71 %. Противостоят этим женщинам одни мужчины, будь то политики, сотрудники спецслужб, психиатры или журналисты «Шпрингера», будь то немцы, янки или израильтяне. Или взять период до начала герильи: 25-летняя Майнхоф – единственная женщина среди 7 редакторов «Конкрета» (и моложе всех), и именно ей удаётся вытянуть журнал и даже сделать его знаменитым: современный Голливуд просто обожает такие сюжеты. Есть и основания выставить мужчин похотливыми животными, в духе современного феминизированного кинематографа – домогательства начальника Петры Шельм (харрасмент), обращение с Ирэн Гёргенс в тюрьме, изнасилование несовершеннолетней Ингы Ветт и надругательство над Майнхоф (тут и некрофилия фактам противоречить не будет). Плюс основания показать женщин более храбрыми и честными – Рёль выглядит беспринципным и приспособленцем по сравнению с Майнхоф; Веспер не решается следовать за Энслин в подполье; Торвальд Проль, зазвавший сестру, Астрид, в ряды подпольщиков, позднее отходит в сторону, а она идёт до конца; Малер сдаётся в тюрьме, и его подруга Моника Берберих, тоже заключённая, заявляет, что он смешон; Ангелика Шпайтель уходит с супругом в подполье, но он быстро отступает, она же идёт до конца.



Розыскной плакат, касаемо рафовцев

Просто идеальная история для «кассового» фильма феминистского Запада, если бы не одно «но» – это коммунистки. И не понарошку, как КПСС-КПРФ, это даже не ВКП (б), это Че Космодемьянские. ЧК. Чекистки. И потому для феминистической буржуазии это история вдвойне ужасная.

5. Но и это не всё, «и даже не половина». Современный капитализм, наследуя нацизму, поднимает на щит молодёжь. При Гитлере был культ

вооружённого мальчика, расстреливающего политически неблагонадёжных старших. С распадом СССР началась идеализация молодёжи в постсоветии. Слово «молодые» стало комплиментом, старики стали «старперами», с ними СМИ ассоциировали коммунистов. Но почти все немецкие красноармейцы были младше 30 лет, а большинство их противников – 30-80 лет. История РАФ – война молодых революционеров с фашиствующими «христианско-демократическими» «старперами». Постсоветским СМИ, как и западным, было бы легче поносить РАФ, поменяйся она возрастом со своими противниками.

6. В постсоветии принято поносить коммунистов с позиций гуманитарной интеллигенции, выставляя гуманитариев буржуазно-монархически-религиозным коллективом (советское поколение воспитано в духе литературоцентризма, поэтому его настраивают против коммунистов таким способом). К тому же постсоветские гуманитарии выродились в мещан, и сами эту пропаганду и ведут. Но вот закавыка: когда группа немецких учёных конца семидесятых – политологов, социологов, криминалистов, психологов и психиатров – по правительственному заданию изучала, откуда на Западе взялись красноармейцы, выяснилось, что 2/3 из 40 самых известных партизан имеют высшее образование, преимущественно гуманитарное. Для постсоветского антикоммуниста это вдвойне неприятное обстоятельство.

И. Л. Морозов признаёт в том же «Политическом экстремизме...», что представители гуманитарной интеллигенции «в силу полученной подготовки обладали более широким политическим кругозором, чем техническая интеллигенция или представители рабочих профессий. Поэтому и их повышенная социальная активность, поиск альтернативных путей развития общества». (Морозов, как часто у него бывает, выражается неуклюже, вторую фразу надо начать не с «Поэтому...», а с «Отсюда...»).

7. Сочинения Майнхоф особенно злободневны для РФ. «Нужно только поменять Вьетнам на Ирак, а ФРГ на Россию» (Мор, «Это не RAF»), «Поменяйте ФРГ на Россию, а Вьетнам на Ирак и Ливию, и вот вам современность», «Это же всё о России, о нас», такие фразы вырываются у очень многих в Рунете. (А США и Израиль и менять ни на что не надо). «В каждой статье можно найти параллели между Германией 60-х и Россией сегодня. Только человеку, живущему где-нибудь во Французской Гвиане, статьи, посвящённые изменению конституции и закону о чрезвычайном положении, могут показаться неактуальными для 2004 года. Статья о гастарбайтерах «Кули или коллеги?» показывает, что претензии к иностранным рабочим у бундесбюргера 60-х и сегодняшнего московского обывателя одни и те же. Как и жизнь югославского рабочего в Гамбурге 60-х не отличается от жизни таджикского строителя на постройке элитного жилья для слетевшихся в Москву толстосумов» (Борис Куприянов, «Протест или сопротивление? Идеи Ульрики Майнхоф сорок лет спустя», 2004 г.). К концу 2010-х это относится ещё больше – в 2004-м ещё не было нацгвардии и «пакета Яровой».

Вот ещё причина замалчивания РАФ именно в постсоветской России – не считая ФРГ, главный теоретик РАФ наиболее точно описала именно РФ. Более того – для России Майнхоф не просто остаётся актуальной, как для большинства капиталистических стран, но и актуализируется с каждым пятилетием.

«Заканчивается фаза манипулирования демократией, начинается фаза легального христианско-демократического военно-промышленного гауляйтерства» (Майнхоф, «Чрезвычайное положение? ЧП!», 1960 г.). Первая фаза – ельцинский режим, вторая – двухтысячные.

8. Но ведь и это не всё. С каких ещё позиций чернят коммунистов? С позиций феминизма, западной культуры, зажиточного, «успешного» человека,

молодёжи, интеллигенции (особенно гуманитарной, особенно в постсоветии), и, наконец: с христианско-пацифистских. Ну так Майнхоф и Энслин росли христианками и убеждёнными пацифистками (Энслин и вовсе выросла в глубоко религиозной семье пастора). Так же и Вилли-Петер Штоль; Вильфреда Бёзе за мирный характер друзья дразнили «пацифистом»; Бригитта Кульман посвящала свободное время уходу за больными; Ральф Райндерс с детства имел репутацию человека, ненавидевшего все формы насилия; Фриц Тойфель юношей состоял в Христианской ассоциации молодых людей (порвал с церковью, узнав, что священники благословляют оружие); Хольгер Майнс также из Христианской ассоциации скаутов; Клаус Юншке и Элизабет фон Дюк в юности ходили на благотворительные работы в церковь; Зиглинда Хофман – выпускница католической школы и была социальным работником в Совете по делам наркомании в архиепископстве Фрейбурга; Руди Дучке оставался приверженцем христианского социализма, даже став атеистом, именуясь «социалистом, стоящим на позициях христианской традиции»; пацифистом и теологом-студентом был застреленный на антишахской демонстрации Онезорге. Единственный известный рафовец, всегда бывший атеистом и равнодушным к любой религии – Андреас Баадер. Большинство рафовцев вышли из христианства и пацифизма – но переросли их. И отвергли – не из агрессивности, а по совести, силой ума и перед лицом фактов. «Но для монастыря она (Майнхоф – Л.) оказалась слишком честной. Слишком последовательной» (http://colonelcassad.livejournal.com/1248300.html). (Почему Алёша Карамазов восклицает в сердцах: «Расстрелять!»? Потому что не лицемер, а действительно добр. Как не хотелось наврать Достоевскому-человеку, а Достоевский-художник правду брякнул. По той же причине в продолжении «Братьев Карамазовых» планировался уход Алёши в революционеры.)

История РАФ – лучшее опровержение официозного христианства и пацифизма.

Розыскной плакат, касаемо рафовцев

9. Наконец, ещё одно обстоятельство, делающее память о РАФ особенно невыгодной фашистам и полуфашистам. Левых, боровшихся с фашизмом в сороковых, телепередачи и фильмы изображают неолибералами, борющимися за Пентагон, ЕЭС, ТНК и МВФ. Разрыв с нацизмом «низведён до уровня детской игры в песочнице» (Майнхоф, «Гитлер в вас»). Партизан разрывают на 2 группы – времён Второй мировой (выставляя их неолибералами) и воюющих с послевоенной буржуазией (клеймя «террористами», «экстремистами» и

сумасшедшими). И мало кто понимает, что эти группы – единомышленники. Не было и нет среди них ни бандитов и сумасшедших, ни единороссов с натовцами.

Но с РАФ этот приём не действует – она сражалась со *всеми* фашистами. Есть фашисты в узком смысле слова – военных времён, про них все знают, что это фашисты, и в широком – послевоенные, формально отрёкшиеся от Гитлера-Муссолини, и мало кто понимает, кто они есть. СМИ разрывают фашистов на две группы, изображая послевоенную «демократами» и «либералами». РАФ боролась с обеими группами – она действовала в стране, где было больше всего фашистов времён войны, и продержалась достаточно долго, чтобы насолить и фашистам следующего поколения.

В этом ещё одно достижение РАФ – в проведении «чёткой грани» (Мао) между собой и врагом, дабы не оказаться с ним «в одном болоте». Антифашисты сороковых тоже провели эту грань. Но «неолибералы» затушевали её: они не чернят тех антифашистов, даже выставляют себя их сторонниками, проводят парады Победы, топя всех в «мещанском болоте коричневого цвета» (Тарасов). РАФ оголила эту грань. Грань вновь стала «чёткой». Это и есть главная победа РАФ. Вот зачем прыгнула Майнхоф в окно библиотеки, через Рубикон подоконника – не только проводя грань между *собой* и фашизмом, а обнажая грань между всеми *послевоенными* фашистами и антифашистами. И сейчас сразу заметно, кто есть кто, кто *слева* от этой грани, кто *справа*. Достаточно просто заговорить о РАФ.

Потому-то РАФ заняла особое место в ряду красноармейцев – хуррамитов, ленинцев, Рурской Красной армии, Красных армий Китая и Кубы, итальянских «Красных бригад», что не лучше и не хуже, а просто другие. И не знает неолиберал, как подступиться к РАФ, как лучше высмеять, очернить – всё правильно у этих партизан, правильно по логике самого неолиберала, всё даже

прекрасно: гражданство, нация, язык, дипломы, карьера, фамилии, пол, возраст, даже предки…

Рафовцы будто задались целью каждой деталью своих биографий опровергать *все виды* правой пропаганды – но они не выбирали себе предков, родителей, место рождения, пол и манеру их воспитания. Но всё равно нельзя придумать ничего лучшего…

Это – самое поразительное обстоятельство в истории РАФ.

РАФ, и особенно Ульрика Майнхоф, сделала – и делает – в холодной войне в разы больше, чем в физической. История РАФ – более эффективное оружие холодной войны, чем история всего остального послевоенного западного левого подполья. Только после самороспуска РАФ, с годами, проясняется, насколько неодоценил возможности РАФ Андреас Баадер, говоря: «Нас нельзя остановить, нас можно только убить». Остановить их оказалось нельзя *вообще*.

Вот откуда эта особая ненависть СМИ к Фракции Красной Армии (постсоветских – особенно). «Террористам», «банде», «чудовищам», «упырям»...

«Если враг борется с нами, то это хорошо, а не плохо: Я считаю, что когда мы – будь то отдельный человек, партия, армия или школа – не подвергаемся нападкам врага, это плохо, ибо безусловно означает, что мы оказались с ним в одном болоте. Когда же враг выступает против нас, это хорошо, ибо показывает, что мы проводим чёткую грань между ним и собой. Если враг яростно нападает и изображает нас в самом мрачном свете как людей, лишённых всяких достоинств, это ещё лучше, ибо доказывает, что мы не только проводим чёткую грань между ним и собой, но и имеем большие успехи в работе» – эти слова Мао Майнхоф поставила эпиграфом к «Концепции городской герильи».

Учитывая ярость нападок на РАФ, она имела не только «большие», но и блестящие успехи в работе.

Уроки и достижения РАФ

Наш опыт важен для исхода будущих битв.
Биргит Хогефельд

Конечно, нам хотелось бы большего, но мы и так накопили массу очень полезного опыта.
Карл-Хайнц Дельво, «Они хотят нас сломить»

Право критики нашего опыта принадлежит тем революционерам, кто готовятся его преодолеть и радикально переосмыслить в борьбе.
Жан-Марк Руйян, Жорж Ибрагим Абдалла (данный эпиграф составляет название статьи)

Ульрика Майнхоф. Рисунок Томаса Килппера

Обвинять РАФ в ошибках несправедливо – её деятельность была экспериментом, дабы выяснить, насколько успешна взятая тактика. «Лучше допустить ошибку в действии, чем не делать ничего из опасения допустить ошибку» (Маригелла, «Краткий учебник городского партизана», глава «Личные качества городского партизана»). «Верно ли в настоящий момент организовывать сопротивление, зависит от того, возможно ли это; а это можно выяснить только на практике» (Майнхоф, «Концепция городской герильи», глава 4).

Ошибки РАФ стали её уроками, её *достижениями*. «Отрицательный результат, как известно – тоже результат» (Александр Тарасов, «Вьетнам близко…»). Остаётся их усвоить. «Властители всё ещё пытаются вычеркнуть из памяти людей нас и нашу историю» (Кнут Фолькертс, «Они хотят нас сломить»). «Власти всеми силами стремятся не допустить подобного анализа – ни сейчас, ни вообще» (Хогефельд).

1. РАФ восстала в метрополии, империалистической стране (живущей за счёт стран периферийного капитализма), воззвав к альтруизму и интернационализму сограждан. Этого оказалось мало. «В минуты величайшего возбуждения люди презрительно отметают всякие низменные интересы; но такие минуты быстролётны» («Моби Дик», XLVI, «Догадки»). Павел Ткачёв справедливо пишет о «слишком оптимистических взглядах на перспективы вооружённой борьбы в метрополии и переоценке сил европейских боевых групп. Несомненна также недооценка масштаба изменений классовой структуры в странах метрополии…» («Actioh directe («Аксьон директ»): замалчиваемый опыт полномасштабной городской герильи»).

«В массовом сознании жителей ФРГ укоренилось мнение, что любое улучшение жизненного уровня на Земле в целом ухудшит их собственный жизненный уровень. Этот взгляд правилен, и в этом и заложена причина, почему люди стараются избегать любых разговоров о нищете в мире, ведь иначе придётся поддерживать освободительные движения. Так что обыватель начинает думать: долой международную солидарность! […] …надежды на то, что левые смогут убедить широкие германские массы, что их потребности связаны с освободительным движением в “третьем мире”, полностью утопичны» (Герман Гремлица, нынешний редактор журнала «Конкрет», «Они хотят нас сломить»).

Да, РАФ хотела ослабить метрополии, и Мао был неправ, говоря, что РАФ перепутала ФРГ 1972-го с Китаем 1927-го: РАФ не путала их. Но ослаблять метрополии герильей имеет смысл при более массовом революционном движении в бедных странах, как в ленинский период. Тогда мировая революция не удалась, но *могла* произойти, в следующий раз это может получиться (раз на раз не приходится). Изменим оценку Мао: РАФ не учла, что международная обстановка (тем более – евразийская) не та, что в 1910-1920-х гг.

Восстание в метрополии может также победить при массовом восстании в соседней крупной стране, став «пятой колонной» и развалив метрополию совместными усилиями. Но РАФ имела только хилую поддержку ГДР, помогавшей лишь бросавшим борьбу. «Пятая колонна» в тысячах километров от очагов революции, в окружении сытых мещан метрополии, мало что может сделать.

«Некоторые считали, что нам следовало скоординировать усилия и вмешаться в события в Никарагуа (стране угрожала военная интервенция), чтобы оказать политическое давление на планы интервентов: так они понимали

конкретный интернационализм. Сегодня мне ясно, что подобные действия были бы разумными и гораздо более эффективными» (Биргит Хогефельд).

Кстати, так и поступили француженка-еврейка Мишель Фирк (1937-1968), швейцарка Барбара Кистлер (1955-1993), немки Тамара (Таня) Бунке (1937-1967) и Андреа Вольф (1965-1998), голландка Таня Неймейер (1978 г. р). («Баварского ангела мщения за Че Гевару» Монику Эртль не называю, ибо она переехала в Латинскую Америку в детстве).

Ещё вариант: экспроприированные деньги пересылать революционерам периферии. К тому же там низкие цены – эти деньги «вздорожают».

2. РАФ изобличала власть в глазах граждан, доказывая, что власть – фашистская. «Атаки небольших вооружённых групп должны заставить аппарат обратиться к сверхжёстким мерам и, таким образом, обнажить свой фашистский оскал», «… надо своевременно заставить государство показать своё истинное лицо: пусть все увидят, что скрывается под маской демократии» (из документов РАФ, процитированных Хогефельд).

Но вышло неожиданное.

«И действительно, благодаря нашей борьбе многое выплыло на поверхность: и убийства заключённых, и чрезвычайные законы, и “расстрельные облавы”, и призывы ведущих политиков в 1977 году – в ответ на похищение Шлейера – публично казнить заключённых. Однако всё это ни в коей мере не способствовало достижению нашей политической цели – развитию широкого сопротивления. Напротив, объявление чрезвычайного положения и открытое провозглашение полицейского государства скорее вызвало у части левого движения чувство беспомощности, чем пробудило волю к сопротивлению. […] Вся проблема уже тогда свелась к противостоянию между РАФ и государством, а всё общество, да и подавляющая часть левых выступали

в роли зрителей. […] *…все взваливали ответственность за постоянные проверки, наблюдения и т. д. не на государство, а на РАФ* (курсив мой – Л.).

Таким образом, даже если заставить власти показать, что скрывается за фасадом правового государства, это вовсе не приводит автоматически к возникновению сопротивления. Так, даже левые, которым после убийства заключённых в Штаммхайме следовало бы изменить отношение к этому государству, предпочитали сомневаться в версии об убийстве, лишь бы не делать соответствующих выводов. Впрочем, то же было и при нацизме» (Хогефельд).

«Стало проявляться нежелание знать, что произошло, поскольку если это («ночь смерти» в Штаммхайме – Л.) было убийство, то нужно было делать выводы, и уже нельзя было продолжать жить, как прежде» (Ирмгард Мёллер, интервью О. Тольмайну).

В «Прелюдии к хронике» говорилось о фотографии 1945-го, где немка, проходя мимо тел 57 погибших красноармейцев, закрывает глаза сыну. Так же немцы – в том числе большинство «мирных» левых – стыдливо прошли мимо убитых в Штаммхайме.

Государство и вправду «обнажает фашистский оскал», но большинство населения не восстаёт, а только трепещет перед этим оскалом, более того – винит в ужесточении режима не фашистскую власть, а антифашистов, начавших борьбу. И таковы не только правые и мещане, но и умеренно левые (а это большинство западных левых). Как говорили сами рафовцы, «Это всё равно что вину за гитлеровские репрессии возлагать на боровшихся с фашизмом. Дескать, если бы не боролись, не было бы и концлагерей». (Кстати, именно так рассуждают постсоветские фашисты, критикуя советских партизан.)

«Концепция городской герильи «Фракции Красной Армии» не основывается на оптимистической оценке ситуации в Федеративной республике

и Западном Берлине» («Концепция…», глава 2). К сожалению, оценка была всё же излишне оптимистичной.

Возразят: Гитлера поддерживало почти 100 % населения, а в семидесятых каждый пятый симпатизировал красноармейцам. Но прогресс сомнительный. Ниже 80 % количество фашизоидных мещан в империалистических странах не опускается – такова сама Система. А 80 или 100 % – зависит от обстоятельств. Гитлер начала сороковых был куда более удачливым империалистом, нежели нынешние правительства Европы, и с грандиозными планами, казавшимися реальными, что подбавляло ему популярности.

Кстати, немецкие коммунисты 1920-х невольно сделали то же, что РАФ. «Выманили фашизм наружу». И народ принял фашизм. Довоенные коммунисты были куда многочисленнее РАФ, вот и добились большего «успеха» – Германия стала нацистской. Таким же образом воцарились Муссолини и Франко. А одолей Ленина белогвардейцы, Россия стала бы первой в мире фашистской страной, с начала двадцатых.

(Правда, фашизм ФРГ стал более завуалированным – об этом ниже.)

3. За марксизм-ленинизм РАФ принимала маоизм (как и все тогдашние западные левые, например, французские Марксистско-ленинский союз и «Пролетарская левая»). Не случайно в «Концепции…» изречений Мао намного больше, чем Маркса и Ленина. Ссылаясь на последних, Майнхоф, как правило, тут же приводит цитату из Мао в его специфическом духе. «Городская герилья должна ориентироваться на марксисткую критику и самокритику, и ни на что другое. “Кто не боится четвертования, может стащить императора с лошади”, говорит Мао» (глава 5). «Вооружённая борьба как “высшая форма марксизма-ленинизма” (Мао) может и должна начаться сейчас, без неё невозможна антиимпериалистическая борьба в метрополиях» (глава 1).

(Вспоминается комичный эпизод – Клаус Юншке впервые задержали из-за фотографии в паспорте: вместо своей он вклеил портрет Мао, заявляя, что это его «истинное Я».)

Троцкисты, сталинисты и маоисты постоянно говорят от лица Маркса и Ленина (искренно или намеренно, дабы опереться на авторитетов), что путало и путает большинство левых XX-XXI вв. Идеология РАФ – сплав маоизма и геваризма (теории Че Гевары) с идеями «Манифесто» (группы итальянских леворадикалов 1970-1980-х), Маригеллы, Маркузе и марксизма-ленинизма. (Хотя маоизм – главным образом извод сталинизма, РАФ, с сильным иммунитетом к сталинизму, заимствовала именно «несталинские» идеи Мао.)

4. РАФ не привлекала к своей деятельности нацменьшинства, «гастарбайтеров», имевших *экономические предпосылки* для борьбы. «Миллионы иностранных рабочих проживают в настоящий момент в ФРГ. 390 тысяч итальянцев, 194 тысячи греков, 178 тысяч испанцев, 160 тысяч турок, 60 тысяч югославов, 21 тысяча португальцев и т. д. В июне 1961 года их было 500 тысяч, сегодня – уже 1,3 миллиона. Свыше трети из них заняты в металлопромышленности (то есть каждый десятый рабочий-металлист – иностранец), свыше 300 тысяч заняты в обрабатывающей промышленности, свыше 200 тысяч – в строительстве. […] 4,5 % всех наёмных работников ФРГ являются иностранцами» (Майнхоф, «Кули или коллеги?», 1966 г.).

Вербовка, организационная работа среди них не проводились, красноармейцы вращались исключительно среди немцев. Отстаивая интересы «третьего мира», партизаны ограничились пропагандой среди жителей метрополии.

«*Оппозиция* в центре корпоративного капитализма характеризуется тем, что она сосредоточена на двух противоположных полюсах общества: в гетто (население которых само по себе неоднородно) и среди интеллигенции –

выходцев из среднего класса, особенно студентов» (Маркузе, «Пересмотр концепции революции», 1968 г.). Представляя один из этих полюсов, РАФ не задействовала другой.

5. Следующую ошибку РАФ (и всех тогдашних немецких леворадикалов) разъяснил Александр Тарасов: «То, что масскульт лучше противостоит революционной идеологии и революционной пропаганде, чем любая открыто реакционная идеология и прямая, пусть даже массированная, *серьезная* реакционная пропаганда, показал, например, опыт ФРГ 60–70-х годов: леворадикалы, несмотря на свою малочисленность и ограниченные технические и финансовые возможности, уверенно победили реакционеров в борьбе за умы молодежи — на *серьезном* поле, но полностью проиграли схватку масскульту (поскольку масскульт *навязывает свои правила игры*). Я об этом рассказывал в тексте “Капитализм ведет к фашизму — долой капитализм!”. А догадаться, что нужно просто перестать играть в эту игру и перевести противостояние из области информационной и «культурной» (пишу в кавычках потому, что масскульт — не культура вообще, подобно тому, как поглощенный раковой опухолью орган перестает по сути быть органом) в область *военную* (то есть физически разрушать структуры масскульта и уничтожать его создателей) немецкие леворадикалы, увы, не смогли» (интервью автору данного текста в «Новой литературе», опубликовано также в электронном журнале «Сен-Жюст»).

6. Палестинцы, пытаясь спасти заключённых рафовцев, похищали большие группы людей, будь то команда спортсменов или пассажиры самолёта. Это уже другая тактика – не казнь отдельных подлецов (практикуемая рафовцами), а взятие в заложники случайных людей, могущих погибнуть в ходе событий. Обе тактики обычно называют «терроризмом», запутывая обывателя – ибо это разные занятия. В частности, на них по-разному реагируют массы. Во втором

случае радикалы теряют связь с ними, ибо опасны уже для всех окружающих. Это отмечал Че Гевара, предостерегая соратников от второго варианта. Повторим наблюдение Хоффмана: «…террористы левого толка всегда ограниченно применяли насилие. Их крестовый поход за социальной справедливостью был направлен против правительственных и коммерческих институтов либо отдельных лиц, по их мнению, олицетворявших капиталистическую эксплуатацию и социальные репрессии. Поэтому такие террористы всегда действовали осторожно, чтобы не отвратить потенциальных сторонников или возможную аудиторию. Соответственно, насилие, творимое группами левого толка, всегда высокодифференцированно, избирательно и ограниченно». Но палестинские союзники РАФ действовали жёстче.

Вина за это в глазах многих легла и на РАФ, ибо иногда это делалось ради неё. Значит, нужно сотрудничать лишь с организациями, избегающими второго варианта. Или договориться, чтобы они не использовали этот вариант для помощи союзникам.

7. РАФ не сразу учла степень подлости буржуазии. (Недооценка степени подлости и глупости – самая распространённая ошибка всех коммунистов.) «Мы ошибались, думая, что Шпрингер всё-таки не такая свинья, какой он является…» Партизаны не сразу стали стрелять на поражение, и только бандитское поведение властей, начиная с убийства Петры Шельм, побудило их к ответному отстрелу противника. (Хотя красноармейцы до конца превосходили врагов – себе во вред – гуманизмом, например, не решившись расстреливать заложников в стокгольмском посольстве.) «Делающий революцию наполовину роет себе могилу» (Сен-Жюст). Эту ошибку повторяют революционеры всех времён, стараясь действовать помягче, пока поведение контрреволюционеров не убеждает их в самоубийственности этой мягкости. Так ошибался и Ленин, отпуская в первые месяцы Советской власти контрреволюционеров под честное

слово. Позже Крупская признавала, что немедленный расстрел нескольких тысяч буржуев и дворян уменьшил бы количество жертв Гражданской войны на сотни тысяч.

«Soyons cruels!» («Будем жестокими!», фран.) – лозунг бунтующих студентов Парижа мая 1968-го. Но говорилось это полушутя, не реализуясь. И это дорого обошлось революционерам, в конечном счёте – всем антифашистам.

Нельзя рассчитывать на ответный гуманизм антикоммунистов, нельзя рассчитывать вообще на что-либо хорошее с их стороны. Революционер должен не отстреливаться, а *отстреливать*.

8. РАФ не фиксировала – или делала это недостаточно – внимание общественности на том, что казнимые ею – нацисты времён Гитлера и их пособники. Между тем это беспроигрышный аргумент для левых – большинство правых всячески открещиваются от Гитлера и не рискуют публично признавать свою с ним родственность. РАФ больше упирала внимание на преступления современного ей империализма, делая свою пропаганду менее понятной большинству, более спорной в глазах многих.

«Очень существенной ошибкой было то, что вообще не раскрывался политический смысл действий отрядов РАФ, что они сами не работали над этим. Особенно отчётливо это было видно при похищении Шлейера. Тогда РАФ похитила президента Союза работодателей и Федерального союза германской промышленности, человека, состоявшего в НСДАП и имевшего золотой знак “старого бойца”, бывшего офицером СС и с 1941 года, в качестве руководителя Главной канцелярии в центральном объединении промышленности Богемии и Моравии, бывшего ответственным за разграбление чешской промышленности. Шлейер как никто другой олицетворял собой неразрывную связь нацистской Германии и ФРГ и был человеком, особенно активно проводившим враждебную кампанию против профсоюзного участия в управлении предприятиями. Но над

этим РАФ не работала. («Старый боец» – звание старейших членов гитлеровской партии, НСДАП, вступивших в неё до выборов в рейхстаг в сентябре 1930-го. 100 000 первых членов партии имели золотой партийный знак НСДАП – Л). [...] РАФ должна была более чётко объяснить, почему она похитила именно Шлейера, что она это сделала не только из-за занимаемых им должностей, но и из-за его прошлого и его современной политики. [...] Политическую силу, полученную РАФ благодаря выбору Шлейера и благодаря историческому моменту, “Коммандо имени Зигфрида Хауснера» не использовала” (Ирмгард Мёллер, интервью О. Тольмайну).

Ирмгард Мёллер после освобождения

Нужно чаще использовать антифашистскую аргументацию, указывая на идентичность третьего рейха и современных капстран. «Антиимпериализм» – это люди понимают хуже, чем «антифашизм», хотя это примерно то же.

Мы уже отмечали: РАФ одинаково походила на РККА 2 периодов – 1918-1921-го и 1941-1945 гг. Красноармейцев сороковых легче «отстаивать» в глазах общественности. (До сих пор почти никто не понимает, что белогвардейцы были попросту фашистами, ещё до появления термина «фашизм».) РАФ переоценивала интеллект и моральные качества большинства людей и больше упирала на свою идентичность красноармейцам ленинского периода.

9. Как уже говорилось, германский фашизм стал более завуалированным. Режим смягчился. Это – ещё одно достижение РАФ, как не допущенная ошибка, на коей можно учиться, а практическая победа. Партизаны, пятая колонна третьего мира, меньше всего думали об улучшении жизни немцев – но вышло так, что именно Германии они и помогли.

«…западногерманское государство сделало из «городской герильи» выводы и вынуждено было измениться: если сначало оно просто не разговаривало с оппозицией, а затем – разговаривало дубинками, то теперь оно *терпит* оппозицию, вступает с ней в диалог (пусть зачастую и формальный), полемизирует. Как это выглядит, я видел пару лет назад (примерно в 2002 г. – Л.) в Берлине: на конференции по ксенофобии важные профессора с кислыми лицами *вынуждены* были слушать молодых панковского вида антифашистов, задававших неприятные вопросы о том, почему не пропагандируется “низовой” опыт сопротивления нацистам, и о том, почему замалчиваются традиции антифашистской пропаганды в ГДР. Профессора кривились, переглядывались со значением (особенно при слове “ГДР”), но терпели.

Истеблишмент выучил: лучше немного потерпеть их, чем доводить до герильи и превращаться в мишень» (Александр Тарасов, «Капитализм ведёт к фашизму…»).

«Больше не получится просто отмахнуться» (Экбаль Ахмад, «Их терроризм и наш»).

Призрак Майнхоф бродит по Европе – и отмахнуться от него уже нельзя.

«Так вот и получается, что при жизни тело кита всерьёз устрашает врагов, а после смерти дух его порождает в мире необычайный страх и панику» («Моби Дик…», LXIX, «Похороны»).

Казалось бы, эти слова противоречат тому, что РАФ могла спровоцировать властей на открытый фашизм. Но противоречия нет.

Буржуазия может тряхнуть стариной, «тряхнуть Гитлером», чувствуя угрозу потерять власть. Но в конечном счёте, убедившись, что есть леворадикалы, готовые убивать и погибать, есть ещё порох в пороховницах ультралевых, идёт на уступки, дабы не «превращаться в мишень». Власть имущие распоясываются, когда уверены, что вооружённое подполье не возникнет, что они «обезоружили марксизм-ленинизм и деморализовали интернационализм» (Майнхоф). «И действительно, если никакого протеста не видно даже на горизонте, то почему бы не побравировать?» (Сюзанна Арундати Рой, интервью Панини Ананду, «Проблема – не “терроризм”, а вопиющая социальная несправедливость», 2012 г.). Если возникает вооружённое сопротивление, буржуазия поначалу звереет пуще прежнего, но по окончанию борьбы делает выводы – и становится терпимее.

Кстати, тут вспоминается довод против РАФ, приводимый очень разными людьми – среди них и «пацифистка» Римек, нацистка с 1941-го, и вполне левые Руди Дучке и Дитрих Киттнер (чья книга «Когда-то был человеком...» выше часто цитировалась) – мол, РАФ спровоцировала власти на «закручивание

гаек», фашизацию. Но фашистское закручивание, «ренацификация», началась с 1950-х (см. главку «Прелюдия к хронике»). В разгар борьбы с РАФ власти действительно ожесточились более прежнего, но в дальнейшем сами предложили компромисс и вынужденно смягчились куда более прежнего.

Значит, партизаны нужны и в метрополиях, и в отсутствие революционной ситуации. Не для того, чтобы спровоцировать мировую революцию (как надеялась РАФ) или совершить революцию в империалистической стране (на это РАФ и не надеялась). Но партизаны могут проводить косметический (не капитальный) «ремонт» капитализма. Косметический ремонт – лучше никакого.

«Террором революции не сделаешь, но от розог отучить можно», говорили сотрудники ленинской «Искры». Без экономических предпосылок революции не сделать, но отучить полицию бить за «неправильную» причёску и убивать демонстрантов, от «водомётов, и против женщин тоже» – можно.

Не достигнув желаемого, РАФ добилась того, чего и не планировала. В истории левого движения это частый случай. Хуррамиты не смогли уничтожить ислам или хотя бы прервать исламизацию Азербайджана и Ирана. Но невольно спасли от разгрома Византию, дав возможность восточным славянам через два века принять христианство, а не ислам (что наверняка бы случилось без Византии). А ислам – более правая сила, чем христианство. Огромные массы людей оказались более склонными к левому движению, чем могло быть. Большевикам не удались мировая революция и построение социализма в России. Но удалось спасти восточных славян от колонизации Западом и Японией и принудить Запад провести у себя «косметический ремонт».

Любое левое движение приносит благие плоды, хотя часто не те, что планировались. Главное – плоды всегда бывают.

В статье «Король двух гетто» я писал, что власти СССР и Китая, притворяясь коммунистами, строили общество наподобие православно-

исламско-конфуцианской лечебницы, чьи граждане: послушные пациенты под присмотром строгого медперсонала, при надобности прибегающего к санитарам-мордоворотам. Запад предлагает больше личной свободы, но в «каменных джунглях», где человек человеку – волк. Так вот: власти ФРГ шестидесятых, вводя чрезвычайное законодательство, строили спецбольницу, только хуже советской – ибо жили бы пациенты с врачами за счёт третьего мира. Эти планы и сорвала РАФ.

Членов советской НКПСС – Александра Тарасова, Игоря Духанова, Николая Никитина – поместили в спецпсихбольницы, «леча» от коммунизма. Ряд рафовцев узрели эти заведения ещё до герильи, отстаивая права пациентов как Социалистический коллектив пациентов, и ушли в партизаны. И тогда их самих стали сводить с ума в «системе мёртвых коридоров». Оба подполья, НКПСС и РАФ, боролись против одного – обращения страны в больницу строгого режима.

В «Короле двух гетто» отмечалась схожесть биографий Тарасова и героя повести-фильма «Полёт над гнездом кукушки» – пытанные электрошоком, оба прикидываются сломленными, но в конечном счёте смеются над главврачами: «думали, я сдался?!». В данном тексте уже отмечалось: после увольнения психиатра Губера его пациенты попали в зловещий мир «Полёта…». Ещё совпадение, буквальное: герой повести-фильма в состоянии аффекта пытается задушить врача-палача. Так же Клаус Юншке прорывается к судье-палачу Принцингу, дабы задушить его. Обоих в наказание пытаются обратить в дурачков, лишённых дара речи. Разница одна: в реальности Юншке вновь обрёл способность говорить.

РАФ, будучи многочисленнее НКПСС, сорвала планы строителей спецбольниц. Значит, это возможно. Эта актуально для ряда постсоветских стран, где реставрируют православно-исламские колонии-лечебницы.

10. «Замахивайся на большее, по малому только кулак отшибёшь» – так или примерно так говорит Меньшиков Петру I в романе А. Н. Толстого. Не важно, говорил ли это казнокрад тирану, важно, что это надо затвердить современным левым, отшибающим себе кулаки.

«Западногерманское государство стало хитрее. В конце 70-х – начале 80-х оно принялось поощрять мелкие неонацистские группы – и расплодило их в огромном количестве. Расчет был верным: эти группы оттянули на себя внимание левой оппозиции. Теперь ультралевые борются с опереточными (и не очень) ультраправыми и *забыли об основном враге – капитализме, буржуазном государстве*. Антифашисты образца РАФ замахивались на место противника *мирового империализма*, на то, чтобы создать “два, три, много Вьетнамов” (призыв Че Гевары – Л.). Сегодняшняя “антифа” мечтает о том, чтобы добиться от местных властей запрета деятельности микроскопической группки полупьяных фашиствующих придурков» (Александр Тарасов, «Капитализм ведёт к фашизму…»).

Эту тактику успешно опробовали и постсоветские правительства.

Устранять нужно причины социальных болезней, не следствия. Современные левые напоминают врача, удаляющего гной с поверхности язвы, мало примечая саму рану. Капитализм – язва, фашизм – источаемый ею гной.

Практика показывает – революционер добивается меньшего, чем планировал, вследствие непредвиденных трудностей. Но чем масштабнее поставленная задача, и чем решительнее натиск, тем большего добиваешься – и наоборот. Скромные задачи ослабляют борца, даже психологически, на бессознательном уровне. Оттого и более чем скромны успехи нынешних антифашистов. Мыслить нужно в *мировом масштабе*, как *гражданин мира* – подобно хуррамитам, большевикам, Че Геваре и РАФ. Ленинская гвардия

перевернула 1/6 мира в немалой степени потому, что собиралась перевернуть весь мир.

11. Подвиги, уходя всё дальше в прошлое, приобретают черты мифа, всё меньше вдохновляя последователей героев. Но, чем ближе к нам какое-либо событие, тем живее воспринимается, сильнее воздействует. Для революционного движения это особо важно – оно держится на храбрости и альтруизме, в отличие от контрреволюционного движения, взывающего к животным инстинктам и жадности, с его «постоянным призывом к сидящей внутри человека свинье» (речь от 23 февраля 1932 г. будущего лидера СДПГ Курта Шумахера о нацистской агитации (и фактически об антикоммунизме вообще)). Согласно христианской мифологии, на правом плече человека сидит ангел, на левом – бес, внушающие ему соответственно благие и низкие побуждения. Роли правого ангела играет левая пропаганда, левого – правая. Потому важно продолжать эстафету, вдохновляя последователей. И РАФ достойно продолжила традицию, дав образцы решимости и стойкости. Горстка смельчаков бросает вызов гигантской военно-полицейской машине, имеющей опыт работы при Гитлере. Ульрика Майнхоф уходит в подполье, презрев прекрасно обеспеченную жизнь, о коей мечтает большинство. Она может прервать голодовку и облегчить своё положение в тюрьме, но отказывается от этого, пока не облегчат положение всех политзаключённых. Ирэн Гёргенс и Ингрид Шуберт входят в зал суда, поднимая руки в рот-фронтовском приветствии. Петру Шельм отговаривают идти в герилью, ибо ей 18 и она совсем неопытна, но Шельм говорит, что ей обрыдло тусоваться на митингах, и ты, Манфред, без меня не обойдёшься. Андреас Баадер заявляет: «Нас нельзя остановить, нас можно только убить», сжигая за собой пути к отступлению. Участвуя в голодовке и видя, что власти не отступят, он вновь отрекается от этих путей и бесстрастно заявляет: «Это значит, что один из нас умрёт».

Маргрит Шиллер видит, что её настигают полицейские, но не зовёт на выручку Мюллера и Ирмгард Мёллер, а наоборот, бежит в сторону, дабы увести от них полицию. Те в свою очередь бегут за полицией и открывают огонь, подставляя под удар себя, дабы спасти Шиллер. Астрид Проль теряет в тюрьме 40 % веса, 60 % зрения, 80 % слуха и способность передвигаться, но, едва придя в себя на воле, возвращается в подполье. Бригитта Кульман не виновата, что Родевальд предал Майнхоф, но терзается невольной виной и искупает её ценой жизни. Гюнтер Зонненберг в тотальной изоляции самостоятельно учится ходить и разговаривать, параллельно участвуя в коллективных голодовках. Кнут Фолькертс может предать товарищей за спокойную жизнь в США с миллионом марок в кармане, но идёт в тюрьму. Бригитте Монхаупт остаётся всего ничего до освобождения, но, доставленная в суд, она заявляет, что отвечать не будет, ибо находится в состоянии войны с государством. Та же Монхаупт «отсидела» уже 18 лет второго срока и может освободиться при отказе от политики, но железная Бригитта остаётся железной. Ей же, уже 23 года томящейся в тюрьме особо строгого режима, предлагают свободу ценой раскаяния за убийства фашистов, но вновь безуспешно. Кристиан Клар, заключённый уже 24 года, подавая прошение о помиловании, добавляет, что продолжает ненавидеть и презирать капитализм.

Всё это – живительный эффект, прямая польза будущим поколениям.

Бригитта Монхаупт

«Так вот и получается, что при жизни тело кита всерьёз устрашает врагов, а после смерти дух его порождает в мире необычайный страх и панику». («Моби Дик», LXIX, «Похороны»). Это среди неофашистов. Антифашистов же – сей дух вдохновляет.

От текстов Ульрике на голове вспыхивают волосы.
Мор, «Это не RAF»

Всё таки она (Майнхоф – Л.) была самым важным и в то же время лучшим писателем Германии послевоенного периода. Её статьи – до сих пор лучшее из того, что вы можете прочитать о тех годах, по ясности и остроте. Её тексты настолько интенсивны, что настаивают на их распространении. Они убеждают читающих, что

борьба с несправедливостью необходима, и что стоит сражаться, как минимум морально, если не физически. Именно это сделало её опасной для противников.

Хельма Сандерс-Брамс, режиссёр ФРГ

Ульрика Майнхоф

12. Говоря об уроках РАФ, нужно упомянуть Ульрику Марию Майнхоф как политического мыслителя – её тексты писаны основоположником Фракции. К тому же «Одни статьи делают её б*о*льшим приверженцем критической теории, чем некоторых участников Франкфуртской школы их килограммовые бумажные кирпичи» (Станислав Наранович, «Философия прямого действия…»). И ещё – как теоретика – нужно упомянуть Гудрун Энслин.

Подробно теоретические достижения Майнхоф рассмотрены Александром Тарасовым («Капитализм ведёт к фашизму…», глава «Политический мыслитель»). Рассмотрено также, как воруют у Майнхоф современные западные авторы, не ссылаясь на неё – как можно, ведь она «страшный террорист», стрелявший фашистов. Сказано Тарасовым и о стиле Майнхоф, его богатстве и сложности для перевода («Партизан-антифашистов…»). О том, как Майнхоф актуализируется в постсоветии (особенно в РФ) с каждым пятилетием, уже говорилось. Добавим ещё одно наблюдение.

«Они обрели избирательное право тогда, когда избирательный бюллетень перестал быть инструментом общественных изменений. Они были допущены к учёбе в университетах тогда, когда на место рационализма и анализа в качестве “метода исследования” пришли “переживание”, “чувствование” (Дильтей) и “любовное понимание” (Больнов), когда было запрещено критическое мышление, когда целью образования стало насаждение иррационального мировоззрения. Дьёрдь Лукач описывает эту “определённую философскую атмосферу” в конце века как “разложение рационального «доверием» и «пониманием», уничтожение прогресса верой, некритическое отношение к иррационализму, мифам и мистике”» (Майнхоф, «Ложное сознание», 1968 г.).

«Они» – женщины, статья о женщинах. Но сказанное относится ко всем людям при капитализме. Наблюдение Майнхоф куда масштабнее, чем думала она сама. «Они обрели избирательное право тогда, когда избирательный бюллетень перестал быть инструментом общественных изменений…» – именно, буржуазия разрешает голосовать, только будучи уверенной, что от этого ничего не зависит. Разовьём эту мысль: если разрешено что-либо – выборы, демонстрации, митинги, оппозиционные партии, транслирование парламентских прений, любые одежда и причёски, нудизм, нетрадиционный секс, эротика в культуре, однополые браки, смена пола, авангардизм, рок-

музыка, сектантство, эвтаназия etc – значит, от этого уже ничего не меняется. А если власть предержащие заподозрят обратное, то сразу аннулируют всё это. При капитализме появляются новые права не потому, что капитализм улучшается, а потому, что они «перестали быть инструментом общественных изменений». Новые права: победа не только левых, но и буржуазии – она сделала эти права безвредными для себя.

«Новый проект – не только результат успешной борьбы левых, но одновременно и плод их политического поражения» (Майнхоф, «Третий проект»). Сказано по конкретному случаю, но заменим «новый проект» на «новые права» – и это будет относиться ко всему капитализму.

«…современное “чрезвычайное положение” прошло необходимую обработку. Оно вышло изощрённее, расчётливее”, говорит Арундати Рой об Индии 2010-х («Проблема – не “терроризм”…»), что относится ко всей буржуазной Системе. Знаменательно, что индийская писательница говорит именно о «чрезвычайном положении», с которым боролась Майнхоф.

То же насчёт образования, о котором говорит дальше Майнхоф в «Ложном сознании». Капитализм сделал образование всеобщим не для умножения интеллигентов, а для аннулирования интеллигенции и пестования «интеллектуалов» – узких специалистов, за пределами своей профессии обращающихся в мещан.

Теперь концовка статьи: «Протест назрел. Он не состоится. Причина не только в том, что власть хорошо овладела методами и средствами подавления. Главная причина – в продукте общественного воспитания, клеветнической пропаганды и отупляющего труда: в наличии миллионов глупых, отупевших, аполитичных, обожающих Фарах Диба и Сорайю (жён иранского шаха – Л.), *возящихся*, хорошо думающих и неправильно действующих, бьющих своих детей женщин. И таких всё ещё большинство».

Заменим «женщин» на «людей» – и выйдет точная характеристика всего человечества, особенно постсоветии двухтысячных. К началу двухтысячных протест назрел. Но не состоялся. Отчего – писала Майнхоф в 1968-м.

Подобное происходит у крупных прозаиков – автор говорит больше, чем думал сказать, сочинения писателя перерастают его. Ещё чаще подобное происходит в поэзии. Такова специфика художественной литературы. В философской литературе это удаётся реже, в публицистике – почти никогда. Майнхоф – удавалось.

Касаемо Энслин (соавтора Майнхоф в ряде программных документов РАФ) – вспомним её 28-летней, в 1968-м. Когда судимым за поджог универмага предоставляется последнее слово, Энслин заявляет: «Нет. Я не хочу дать вам возможность создать впечатление, что вы меня слушаете». Тонкое наблюдение, заключённое в отточенную форму. Власти дают оппозиции возможность высказаться не для того, чтобы выслушать, а *создавая впечатление, что выслушали*. Тактика послевоенного капитализма – дать людям выговориться, стать выступившим в парламенте Человеком, который смеётся, из романа Гюго. И, выговариваясь, люди «выпускают пар», *расслабляются*. Ложное ощущение. Отрицательное последствие. Говорить надо только со своими.

Гудрун Энслин

Гудрун Энслин была потенциальным теоретиком. Ей просто не хватило времени.

Эпилог

Это поколение Освенцима, договориться с ним невозможно.

Гудрун Энслин

…мы должны внести разрыв с Системой в повседневную жизнь. К этому мы и должны стремиться.

Карл-Хайнц Дельво, «Они хотят нас сломить»

Кто, если не мы?

название фильма о Гудрун Энслин

«Если не мы (я, ты, вы), то кто?» – эту фразу модно использовать в современной России, чаще шуточно. Наступит время, когда в постсоветии его начнут задавать, не о личных делах говоря, но об общественных.

Для антикоммунистов красноармейцы Великой Отечественной – «террористы», «чудовища на свободе». Вслух это не говорится: будет скандал (учитывая Нюрнбергский процесс), многие задумаются. Своё истинное лицо политики и журналисты показывают, проклиная *послевоенных* красноармейцев. «Все работники постсоветских СМИ и две трети писателей, историков и политологов – фашисты, геббельсы» (Яна Кандова, «Танец Гитлера»).

Идеология неолибералов «*точная копия* системы мышления *фашистов*» (Александр Тарасов, интервью автору данного текста). Крупный российский чиновник сделает уважительное лицо, если прилюдно заговорить о Космодемьянской. Но решивший продолжить её традиции взамен уважительного лица увидит перед собою гестапо.

Задача антифашиста – освоить опыт послевоенных левых партизан. «Для определения целей будущей борьбы мы нуждаемся не только в детальном анализе нынешней ситуации и нынешнего этапа общественного развития – нам не обойтись без опыта и знаний, накопленных за прошедшие четверть века» (Биргит Хогефельд, разумеются 1970-1995 гг.).

«Интеллигенция 90-х по отношению к культурным гетто оказалась в положении германского населения при Гитлере по отношению к концлагерям и еврейским гетто. Это тот счёт, который дети (внуки) этой «интеллигенции» – будущие РАФовцы предъявят в XXI веке своим предкам» (Александр Тарасов, «Десятилетие позора»).

Этот счёт предъявят *всей* постсоветии – и предъявят его не только интеллигенты.

И. Л. Морозов пишет во «Введении» к «Политическому экстремизму..»: «Несмотря на постепенное продвижение России по пути построения демократического общества, сохраняется серьёзная социально-политическая база для развития политических экстремистских движений самого разного толка – религиозных фанатиков, националистов, леворадикалов. [...] ...к настоящему моменту в России трудности социального, политического и экономического развития породили потенциальную угрозу развёртывания широкомасштабного левоэкстремистского движения в недалёком будущем. [...] С учётом исторических, национальных и социально-политических особенностей нашей страны, можно прогнозировать гораздо больший размах и более глубинные последствия по разрушению государственной системы и гражданского общества, которые проявит левый экстремизм (особенно его левотеррористическая форма) в нашей стране, по сравнению с аналогичными движениями на Западе».

Касаемо «постепенного продвижения России по пути построения демократического общества» – это писано в 2002-м, и насколько власти РФ продвинулись в этом направлении, объяснять нет нужды. Но в остальном-то автор разумен...

«Ульрика Майнхоф первая бы высмеяла тезис, что в XXI веке борьба на городских улицах потеряла смысл. Нет никаких оснований утверждать, что история герильи заключена в 60-80-х, после чего движение пережило стремительный закат, и феномен ситуационистского интернационала, РАФ, “Красных бригад” и “Прямого действия” – атрибут безвозвратно ушедшего прошлого. Вполне возможно, наоборот, это были первые лучи, лишь рассвет борьбы ангажированных интеллектуалов с властью и публичными институтами – и скоро мы будем свидетелями её продолжения» (Станислав Наранович, «Философия прямого действия…»).

«Перемены в России – это всегда надолго. За это время успеет вырасти ещё одно поколение “бульдозеров”. Прогрессивное или регрессивное – не знаю. Но знаю точно: сегодняшних молодых конформистов оно раздавит в лепёшку. Как каток» (Александр Тарасов, «Молодёжь как социальный бульдозер»).

До этого надо успеть провести подготовительную работу. Чтобы новые «бульдозеры», ультра, были левыми, не правыми. «До этого времени у нас ещё должно хватить дыхания. За это время нам должно что-нибудь прийти на ум» (Майнхоф, «Чрезвычайное положение», 1964 г.). Изучить опыт партизан-антифашистов, популяризировать их и их тексты, опровергать клевету, указывать на их идентичность героям Второй мировой, разъяснять их ошибки, развивать их теории, усовершенствовать их тактику. Дать фундамент подрастающим Кастро и Майнхоф. Они отрекутся от постсоветских мещан, «и плюнут им в морды» (Наталья Магнат), «внесут разрыв с Системой в повседневную жизнь».

«…дорогая Ульрика (а я всё равно идиотски верю в твоё появление), когда тебе вконец надоест смотреть на колышущиеся занавески, сообщи, пожалуйста, мне – а то тут у всех столько универмагов в головах, годами жечь можно» (Александр Павлов, омский журналист и кинокритик, «Комплекс неполноценности Баадера-Майнхоф», 2012 г.).

А касаемо «чудовища на свободе» (как называли Монхаупт российские СМИ) вспоминается Маркс. Пиша, что коммунистам придётся прибегнуть к насилию, он добавлял с юмором: кое-кто «будут за это называть нас чудовищами, но нам на это решительно наплевать».

Постскриптум

Просматривая кадры, запечатлевшие рафовцев, в частности Гудрун Энслин, поразился следующему обстоятельству. Я её узнал. Что Яна Кандова (1978-2009) также была невысокой, стройной, блондинкой, филологом, леворадикалом, я знал. Но, наблюдая за Энслин, поразился полной идентичности их мимики, взглядов и жестикуляции. Дважды – когда Гудрун входит в зал суда и жестом предостерегает полицейского от приближения, и когда, улыбаясь кому-то, вдруг резко меняется, сверкнув глазами на стоящего рядом (за кадром) – я испытал потрясение, ибо просто видел Яну. (О подражании речи нет – из РАФ Яна знала только о Майнхоф.) Тогда уже осознал остальное – Яна в том же возрасте стала жить в браке, также выросла в семье со строгими правилами в духе христианства (но по-советски, без идеи бога) и также порвала с ним, перейдя к чистому атеизму, также одобрила нудизм (правда, сама нудистом не стала), также забросила диссертацию, презрев академический мир, так же ненавидела любые компромиссы в вопросах морали, так же ставила во главу угла неприятие нацизма и всего с ним схожего, в том же возрасте сделала вывод о фашизоидности любой буржуазной власти («Танец Гитлера»), и только ушла из жизни в том возрасте, когда Гудрун пошла в партизаны (собирая материал для романа о партизанах, именно антинацистских).

Буржуазные авторы пишут о вспышках ярости у Энслин, подводя к тому, что партизанкой её сделала агрессивность. Я уже возразил им как человек, 9 лет бывший студентом и столько же – преподавателем. Добавлю ещё на правах прожившего 8,5 лет с реинкарнацией Энслин – физиологической, психологической и идеологической. Вспыльчивость, нервозность Энслин вызывалась обострённым чувством справедливости. В ней жили два человека – маленькая улыбчивая девочка из советского мультфильма («Энслин наивна»,

оценка писателя-анонима) и фурия, валькирия, призывающая к казням и бескомпромиссности. «Если такой человек, как Гудрун, в которой нет ничего плохого, мог совершить столь антисистемный акт, значит, плоха ваша система» (Бернвард Веспер). Подтверждаю как очевидец.

Ничего плохого. Система – подлежит уничтожению.